

Павел Митюшёв

М-ОСТРОВ

**Главы 12-14.
Активация**

ББК 84 (2=411.2) 6
УДК 821.161.1
М67

М67   **Митюшёв П.В.**
М-остров. Главы 12-14 (Активация). – М.: Мибук, 2020. – 305 с.: ил.

Книга «М-остров» представляет собой попытку исследования трудно-уловимых сущностей, скрепляющих ткань бытия. В главах 12, 13 и 14 показан современный этап эволюции «особых точек», характеризующийся приближением параметров системы к критическим значениям. Повествование доведено до настоящего времени. Для любителей острых интеллектуальных ощущений.

ББК 84 (2=411.2) 6
УДК 821.161.1

ОБЩЕЕ ОГЛАВЛЕНИЕ:

М-остров

(ЗЕМЛЯ)

1. Точка входа
2. Краткий обзор истории открытия и исследования Новой Земли
3. Москва

(КЛАСТЕР)

4. Топонимический кластер
5. Шар
6. Лоция Мерша
7. Динамическая модель шара

(ТРАЕКТОРИЯ)

8. Простая линия в нелинейном пространстве

(ПРИБЛИЖЕНИЕ)

9. Земля после синдрома
10. Пылинка
11. Молодые ль вы

(АКТИВАЦИЯ)

- ▶ 12. Бабочка
- ▶ 13. Как метеоролог пытался страну спасти
- ▶ 14. Активация

(ПОЛЕ)

15. Теория понятийного поля
16. Лирика

(ОКЕАН)

17. Подводная часть айсберга
18. Исходная точка

СОДЕРЖАНИЕ ГЛАВ 12-14:

12. Бабочка	6
Странный аттрактор	6
Точка зрения	7
Капустный лист	15
Легчайших крыл взаимное касание	26
Остров Вселенной	30
Импульс	43
Планка	59
Ветер	59
Подъём	60
Встреча	62
Праздник	63
Груша	64
Плод	65
Иней	67
Дыра	69
Река	72
Планка	80
Что это было?	86
Об отражённом свете	99
Жизнь	113
Хольтедаль	113
Ранний этап развития жизни	116
Снежный ком	117
Оазисы	119
По горячим следам	120
Инtruзив	121
Остров жизни	133
Ключевые слова	134
 13. Как метеоролог пытался страну спасти	 137
Альпинист	137
Розы Дуаба	141
Предчувствие Гармо	143
Инициатор	149
Тень Шамбалы	152
Гармо	154
Спецоперация	160
Входы и выходы из имени	164
Царь горы	169
Дополнительная предосторожность	173
Метеоролог: первая попытка	183
Метеоролог: вторая попытка	185
Десятилетний капитан	189

14. Активация	205
Кирпич мироздания	205
Незаметное приближение	205
Как кусок Солнца таракана придавил	205
Внук «Cholly»	207
След Камня	217
Обратная сторона Луны	222
Пространство Времени	231
Весь мир	235
Вспышка	241
Год начала времён	241
Ветошка	246
Брахмастра	247
Поправка Ганского	251
Mighty One	255
Пчела	257
Ответ	259
Следы	263
Несколько простых слов	273
Он	274
Высвобождение	276
Белая Книга	276
В поисках Кремля	283
Чисто теория	286
Бесов Нос	288
Место и Время	302
Активация кластера	303
Будущее	305

12. Бабочка

Странный аттрактор – Точка зрения – Капустный лист – Легчайших крыл взаимное касанье – Остров Вселенной – Импульс – Планка – Что это было? – Об отражённом свете – Жизнь

Странный аттрактор

(23 июля 1921 – весна 1923)

23 июля 1921 норвежская научная экспедиция Улофа Хольтедаля, ориентируясь по карте, полученной непосредственно от Людвига Брейтфуса (Rep. 1:4), обнаружила на М-острове Новой Земли неизвестную науке бабочку.

Её нитевидные усики, длиной превышающие половину крыла, и восхитительные губные щупики, направленные строго вперёд, и расширяющаяся к голове спинка серого переливчатого атласа с изящной перетяжкой в точке золотого сечения – всё это два года спустя будет досконально описано Хансом Ребелем, который после этого яркой искрой вспыхнет в одном из рассказов Владимира Набокова, как его истинный венец.

В той знаменитой работе 1923 года Ребель назовёт открытую бабочку *Plutella Mariae*, отсылая тем к грядущему вселенскому посланию понтифика «Rosarium Virginis Mariae», «Розарий Девы Марии», призывающему к спокойному, но деятельному приятию мира таким, каков он есть.

Die einzige Art, welche möglicherweise endemischen Charakter tragen könnte, wäre *Plutella Mariae*, da gerade innerhalb der Gattung *Plutella* in den arktischen Gebieten eine weitgehende Differenzierung

[Илл. 12-01-01-1. «*Plutella Mariae*». Hans Rebel, «*Lepidoptera von Novaja Semlja*», с. 13. «*Report of the scientific results of the Norwegian expedition to Novaya Zemlya, 1921*», № 7, 1923.]

Впрочем, в этом поименовании новооткрытого вида не будет большого смысла. Ибо во всём нежно цветущем розарии нашей Вселенной такой бабочки никто больше никогда не увидит.

И я не могу сказать, потому что не знаю, запечатлелся ли в мозгу студента-медика Рейдара Тветена, ассистента зоолога экспедиции, последний взмах её невесомых, чуть расширяющихся крыльев, покрытых периодически повторяющимся рисунком тёмных островков, подсвеченных золотыми лучами низкого арктического солнца.

Точка зрения

(23 сентября 1924)

В январе 1924 Ортега-и-Гассет (ударения на оба «е») опубликовал в мадридском журнале «Revista de Occidente» статью «О точке зрения в искусстве».

Это было уже второе обращение философа к данной теме. Годом раньше у него вышла книга «Тема нашего времени», где последняя глава так прямо и называлась «Учение о точке зрения» («La doctrina del punto de vista»).

Общий смысл этих работ состоит в том, что точек зрения много и никакая не лучше другой. Не скажу, что мне этот подход кажется особенно продуктивным, но с некоторыми утверждениями испанского философа трудно не согласиться. Например, что «Бог – это тоже некая точка зрения» («Dios es también un punto de vista»). Или, что «Каждая жизнь есть некая точка зрения на Вселенную» («Cada vida es un punto de vista sobre el Universo»). О чём бы это ни было, это воистину так.

Однако в реальной жизни все хорошо понимают различие в ценности разных точек зрения. Например, «брюшной тиф – результат действия проклятия Божьего», и «брюшной тиф – результат действия палочки Эберта-Граффки». Декларировать можно и то и другое, но поступать я бы настоятельно рекомендовал согласно лишь одной из этих «точек зрения». Выберите сами.

Да, точек зрения много – и все они имеют при этом совершенно разную ценность.

До сих пор мы говорили о «точке зрения» скорее в переносном смысле, как о «личном понимании» какого-то вопроса. Но даже если «точку зрения» воспринимать буквально – как конкретный ракурс взгляда (в оптическом смысле), определяющий изображение на сетчатке глаза – то от удачного (не-удачного) выбора этого ракурса иногда в ещё большей степени зависит понимание (не-понимание) происходящего. Пятиконечная звезда в профиль – просто полоска, летящая стрела анфас – невидимая точка.

Учитывая всю важность выбора точки зрения, просто удивительно, до чего редки в человеческой истории примеры того, когда первый случай наблюдения какого-то географического объекта с хрестоматийного впоследствии ракурса был бы зафиксирован документально. Мы не знаем, кто первым увидел Москву с Воробьёвых гор (точно не Герцен с Огарёвым), или Монблан с перевала Пти-Сен-Бернар (не Джамбо).

А потому факт точного документирования ниже описанного случая нужно расценивать, как редчайшую удачу.

23 сентября 1924 двухместный «Юнкерс-20» с Николаем Пинегиным на борту поднялся в воздух у западного входа в пролив М-Шар, и геолог Рудольф Самойлович с биологом Григорием Горбуновым помахали ему с воды из своего бота, идущего к Моржовому мысу. Аэроплан взял курс на север и вскоре пересёк южную береговую линию Губы Серебрянка. Видимость полёта была «невероятно велика». Дальнейшее можно выразить кратко: «И он увидел её» («For there she was»).

Дадим слово Пинегину. Есть два варианта его свидетельства, привожу оба:

***

Берега острова Митюшёва оказались сильно изрезанными. <...> Очертания острова напоминали <...> бабочку с раскинутыми крыльями.

(«Записки полярника», 1936, с. 213)

***

Велико же было моё удивление, когда <...> у острова Митюшёва я обратил внимание на его форму. Этот остров ничем не напоминал изображения на карте! <...> В действительности остров походит на бабочку с раскинутыми крыльями.

(«Летопись Севера», т. 2, 1957, с. 67-68)

Вот оно: «Бабочка с раскинутыми крыльями». Именно так, как оказалось, выглядит М-остров с «небесной точки зрения».

И это был гарантированно первый в истории пролёт над островом. До того на Новой Земле аэроплан побывал лишь единожды, в августе 1914. Тогда Ян Нагурский (вместе с судном «Андромеда» Епимаха Могучего и другими) разыскивал того же Пинегина, пропавшего в составе экспедиции Седова годом ранее. Нагурский совершил тогда пять полётов на гидроплане «Фарман» по хорошо документированным маршрутам – все севернее губы Крестовой, то есть в другом регионе. Так что до 23 сентября 1924 никто никогда не пролетал ещё над Митюшёвым островом – ни ангел, ни джин, ни «шенандоа».

И именно с этого дня, как некий знак, начались ежедневные полярные сияния.

С 23-го почти каждую ночь играло северное сияние. [...] Казалось, по небу растекалась прозрачная в несколько русел светлозелёная река.

(Там же, с. 70)

Смотря на всё это с современной «точки зрения», хорошо видно, что в тот день что-то явно носилось в воздухе. Лучшим индикатором здесь может служить поведение Николая Рериха, находившегося в тот момент за семью горами от нашего места. Его феноменальное практическое чутьё на изменение ситуаций делает его идеальным барометром в подобных измерениях, а может даже и сейсмографом.

Так вот, ровно накануне, 22 сентября, Рерих вдруг резко снимается с насиженного места в Калькутте и сломя голову несётся в Европу и Америку – срочно выбивать деньги на экспедицию по поиску Шамбалы. В которой (это спойлер) он Шамбалы не найдёт, но в ближайшей от неё точке благополучно обретёт свою «бабочку».

Или вот. Ровно 23 сентября 1924 мой дед, Павел Васильевич Митюшёв, примет решение покинуть благополучный Ленинград и отправиться далеко на Север, в Усть-Цильму (до которой он доберётся только к лету 1925).

Или вот ещё. Именно в эти дни Вирджиния Вульф мучительно и безуспешно пытается закончить свой первый большой роман (который станет её самым знаменитым из всех) – «Миссис Дэллоуэй». Оставалось написать одну-единственную,

последнюю фразу. Но эта фраза ей никак не давалась – день за днём, неделя за неделей. Это известно из её дневников.

И вот вскоре после нашей даты, 8 октября 1924, эта фраза ей вдруг является сама. И всё сразу становится на свои места, роман закончен.

Теперь стало можно его печатать – включая те страницы, где появляются возможно лучшие бабочки всей великой английской литературы.

Количественно, бабочек здесь не так много, две-три. Но – какие.

Вот миссис Дэллоуэй в переводе Елены Суриц ранним утром в середине июня посещает цветочный магазин на Бонд-стрит, в Вест-Энде:

Тут были: шпорник, душистый горошек, сирень и гвоздики, бездна гвоздик. Были розы; были ирисы. Ох – и она вдыхала земляной, сладкий запах сада, разговаривая с мисс Пим, <...> когда она кивала ирисам, розам, сирени и, прикрыв глаза, впитывала после грохота улицы особенно сказочный запах, изумительную прохладу. И как свежо, когда она снова открыла глаза, глянули на нее розы, будто кружевное бельё принесли из прачечной на плетеных поддонах; а как строги и темны гвоздики и как прямо держат головки, а душистый горошек тронут лиловостью, снежностью, бледностью, будто уже вечер, и девочки в кисее вышли срывать душистый горошек, и розы на исходе пышного летнего дня с густосиним, почти чернеющим небом, с гвоздикой, шпорником, аромом; и будто уже седьмой час, и каждый цветок – сирень, гвоздика, ирисы, розы – сверкает белым, лиловым, оранжевым, огненным и горит отдельным огнем, нежным, четким, на отуманенных клумбах; и какие милые бабочки («the grey-white moths») кружили над вишневым пирогом и сонным уже первоцветом!

Сразу за этими строками в тексте впервые появляется новый персонаж, некто Септимус. Он проходит незамеченным по Бонд-стрит около того же цветочного магазина «Малбери» – недалеко от которого, на Хенриэтта-стрит, и месяца не прошло, как Сидней Рейли вступил во второй (незаконный) брак. Мы пока ещё не знаем, кто Септимус такой. А спустя несколько сот страниц мы уже знаем кто он такой, и знаем, что у него были большие проблемы. «Были», потому что он только что покончил с собой, практически на глазах у своей молодой жены Лукреции. Доктор, чтобы успокоить Лукрецию, даёт ей морфий и она начинает понемногу отключаться и грезить. Как сказано, «воспоминания у неё почти все были счастливые»:

Вот она надела шляпку и бежит полями, – только где это? – она бежит к какой-то горе, где-то у моря, потому что тут корабли, чайки, бабочки.

<...>

– Он умер, – сказала она и улыбнулась бедной старушке, которая её стерегла.

«Гора», «море», «чайки», «бабочки». Классический набор параметров. Сложившись, они дают нам «остров».

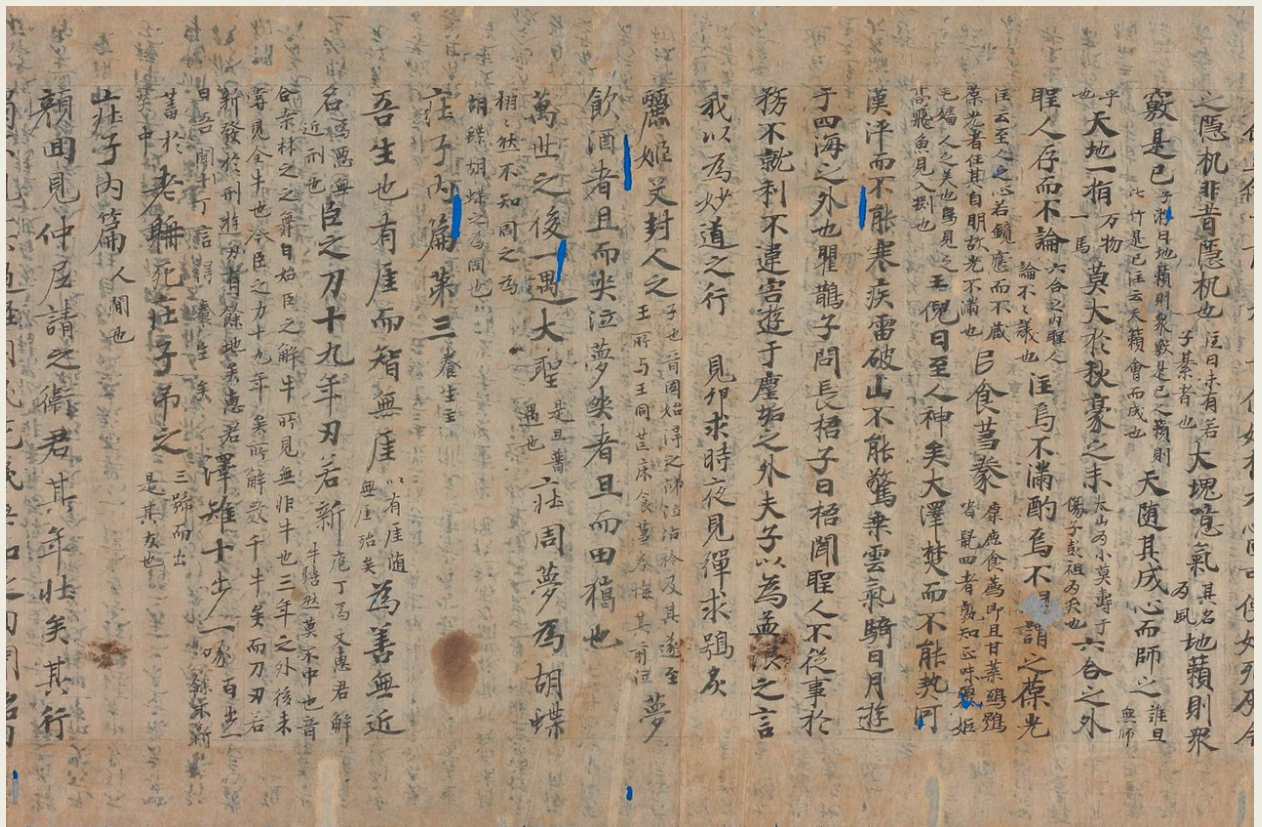

Но вернёмся к полёту Пинегина. Взглянув на землю с небесной точки зрения, он 23 сентября 1924 увидел «остров-бабочку».

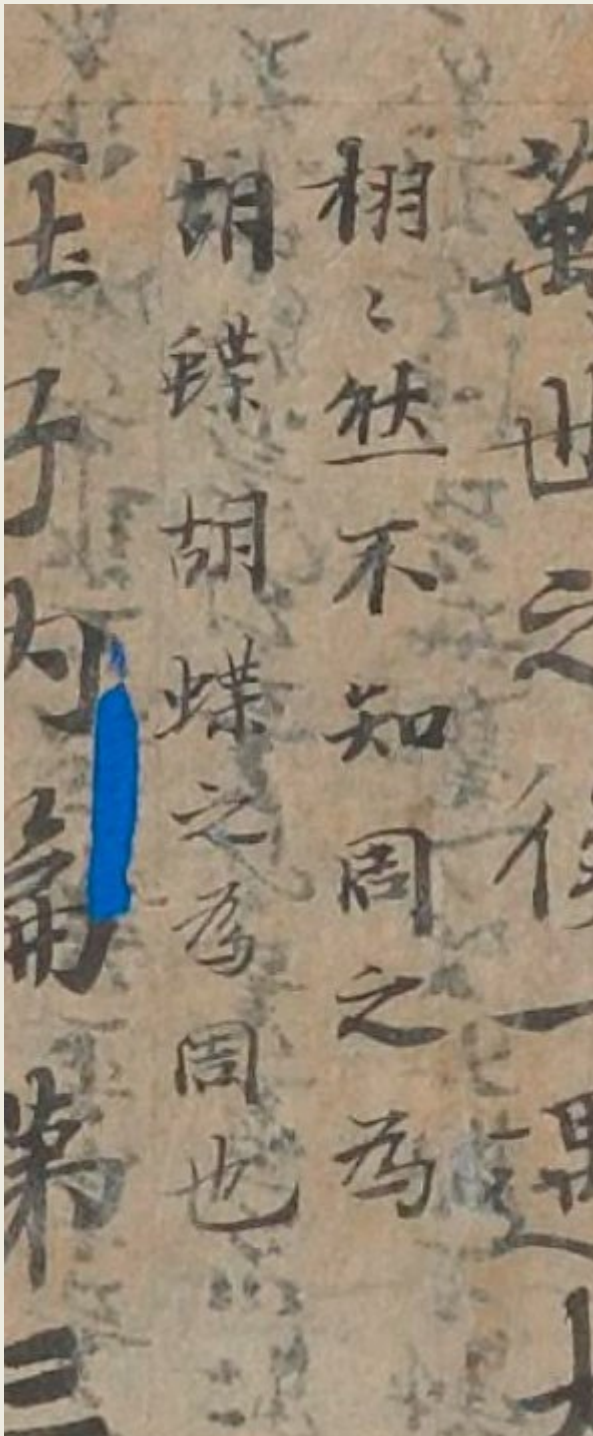
Таким образом осуществилось предсказание, которое сделал за 2200 лет до этого Чжуанцзы в своей книге под названием «Чжуанцзы».

Даже те, кто никогда не слышали об этой книге, знают один её фрагмент. Это сон автора, в ходе которого: «Было непонятно – то ли Чжуанцзы снится, что он стал бабочкой, то ли бабочке снится, что она – Чжуанцзы».

Чжуанцзы – персонаж вполне исторический, его книга достаточно надёжно датирована (начало третьего века до н.э.) и неплохо прослеживается в рукописях на значительном отрезке истории. Авторство приведённого фрагмента (в отличие от некоторых других) у специалистов не вызывает сомнений. Он располагается в самом конце второй главы («внутренняя часть» книги). Вот как выглядит этот фрагмент в одной из авторитетных дуньхуанских рукописей (BNF, № 2495-4, не позднее 7 века н.э.). Читаем сверху вниз, справа налево:

[Илл. 12-02-01-1. «Чжуанцзы», конец второй главы. Дуньхуанская рукопись, BNF, коллекция «Pelliot chinois», № 2495-4, не позднее 7 века н.э.]

[Илл. 12-02-01-2. Там же, фрагмент. «Чжоу» снится, что он – бабочка.]

Итак (следим по оригиналу) – «Чжуанцзы» (правый столбец из двух средних, пятый знак сверху) видит сон, что он «бабочка» (胡蝶).

Но, вообще-то, как легко можно видеть, здесь написано не «Чжуанцзы», а 周, что читается, как «чжоу». Да, «Чжоу» – это одно из имён Чжуанцзы, но данный иероглиф означает также и кое-что ещё.

Тут надо вспомнить, что китайский язык в непривычной для нас степени построен на ассоциациях, без учёта которых большинство написанных фраз просто невоз-

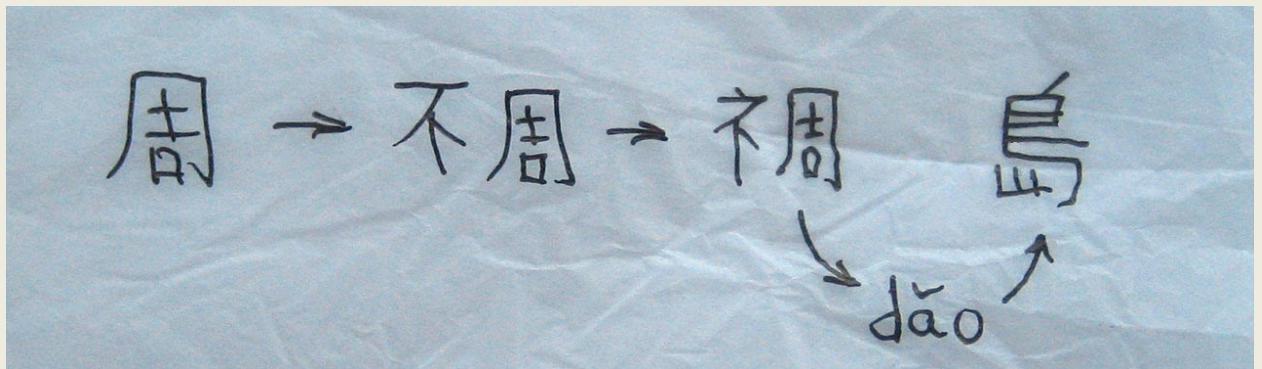
можно было бы понять. Именно в этом, кстати, (а не в многочисленности иероглифов), заключается главная сложность (и прелесть) в изучении китайского языка.

Так вот, «чжоу» (周) плотно ассоциируется здесь (вспомним время написания) с «Бу-чжоу» (不周) – мифической полярной горой. При этом название этой горы пишется малоотличимо от другого иероглифа – 裊. В данном случае не так важно, что он означает (заклинание особого ритуала, юникод U+7982), важно, как он произносится – «dǎo» («а» – в третьем тоне). То есть точно также (с точным соблюдением тона), как звучит слово «остров» – «dǎo» (которое пишется уже совсем по другому, представляя собой сумму «горы» и «длиннохвостой птицы» – 島).

Итак, мы столкнулись здесь с системой трёх последовательных ассоциативных «рифм», связывающих иероглиф «周» с «островом»:

1. «Чжоу» (周) => «Бучжоу» (不周), (рифмы: звуковая и графическая одновременно);
2. 不周 => 裊 (рифма графическая), звучит «dǎo»;
3. «dǎo» (裊) => «dǎo» (島, рифма звуковая) – означает «остров».

В моём ученическом исполнении эта цепочка выглядит так:

[Илл. 12-02-02-1. Трансформация слова «чжоу» в «остров»: «Чжоу» => «Бучжоу» => «дао» => «дао» (остров).]

А всё вместе это складывается в следующую фразу:

«То ли острову снится, что он бабочка, то ли бабочке снится, что она – остров.»

Конечно, это прочтение не является главным у знаменитой притчи, но как смысловой обертон оно проступает вполне отчётливо. Итак, «остров-бабочка» от Чжуанцзы.

Здесь есть ещё одна хорошо работающая ассоциация по линии «дао» («dǎo», первый тон, пишется 氤), но сейчас я не буду её развивать. Сама разовьётся.

Напоследок два слова о самой горе Бучжоу, обеспечившей своим существованием появление у Чжуанцзы «острова-бабочки». Бучжоу – мифическая полярная гора, один из «Мировых столпов», на которых держится всё мироздание.

Находится Бучжоу на дальнем (от Поднебесной) северо-западном краю земли, около столь же мифического Западного (одновременно Полярного) моря – или за ним. У её подножья расположен вход в подземное царство, «Ворота Тёмной Столицы». В своё время, в результате некой катастрофы, гора Бучжоу была частично повреждена, в результате чего порвались «земные шнуры» (地維, dīwéi), обеспечивавшие цельность и согласованность бытия.

Бучжоу фигурирует во множестве древних трактатов: «Каталоге гор и морей» (цз. 16, абз. 1), «Лецзы» (гл. 5, 5-й «вопрос Тана»), «Хуайнаньцзы» (цз. 3, абз. 2; цз. 4, абз. 10), и других. Нам здесь будет особо интересно упоминание Бучжоу в великой (без преувеличения) поэме Цюй Юаня «Лисао» (с. 179).

«Лисао» для Китая – это что-то вроде «Слова о полку Игореве» и «Евгения Онегина» вместе взятых. Если бы нужно было выбрать что-то одно в качестве символа «древней» поэзии, и одновременно символа китайской поэзии вообще – это была бы «Лисао». Посвящена она двум вещам – неуёмной жажде странствий (по земле и выше) и горечи непризнания гения, опередившего время.

В нерифмованном переводе Анны Ахматовой (по выверенному научному подстрочнику китаиста Николая Федоренко), отрывок о Бучжочу в «Лисао» звучит так:

Трудна и далека моя дорога,
я свите ожидать меня велел.
Наш путь лежал налево от Бучжоу,
и Западное море – наша цель.

Что в «Лисао» уж совсем необычно для древней поэмы – так это феерическое изобилие всевозможных тонко дифференцированных растений. Их разнообразие в «Лисао» поначалу даже смущает. Оно ничуть не меньше, чем даже в «Миссис Дэллоуэй» Вирджинии Вульф. Ирисы, пионы, астры, белые лилии, кассии, азалии, магнолии, орхидеи, донник, аир, хризантемы, лотосы, глицинии, акация, дудник, клевер – это так, навскидку. А травы я даже не берусь перечислять. Мир в «Лисао» подробен и конкретен. Кстати, написана поэма была практически одновременно с «Чжуанцзы».

А в то самое время, когда Чжуанцзы писал свою притчу о «бабочке», одна малозаметная звезда на небе начала малозаметно изменять свой вид. Перемены были столь ничтожны, что ни Чжуанцзы, ни Цюй Юань, и никто другой на Земле, не имели никакой физической возможности их заметить.

Но изменения, тем не менее, имели место. Это был самый первый момент взрыва «красного гиганта» в созвездии «Скорпиона» – и последовавшего за этим распространения продуктов этого взрыва во Вселенной. Через 2200 лет, ко времени Пинегина, всё это разовьётся в редкую биполярную планетарную туманность и получит название NGC 6302, «туманность Бабочки» («Hubble-type outflows of the high-excitation poly-polar planetary nebula NGC 6302», J. Meaburn, и др. 2008). Вот как

выглядит снимок этой туманности, сделанный в 2009 году орбитальным телескопом «Хаббл».

[Илл. 12-02-03-1. Биполярная планетарная туманность Бабочки (NGC 6302). Снято орбитальным телескопом «Хаббл», 2009.]

Но скоро, скоро уже эта Белая Бабочка сойдёт с поезда Дхармы на туманном полуостанке Пробуждения. И узнаем мы об этом оттуда, откуда меньше всего будем этого ожидать. Так что смотрите сейчас, пока можно.

И последнее. Я так и не сказал, какая именно фраза позволила Вирджинии Вульф завершить 8 октября 1924 роман «Миссис Дэллоуэй». Вот эта фраза:

For there she was.

«И он увидел её.»

(В английском языке практикуется поэтическое одухотворение неодушевлённых объектов путём использования местоимения «she» вместо «it». Корабль «she», Бабочка «she», Остров – тоже «she».)

Капустный лист

(Июнь 1922 – февраль 1924)

Река Луара осенью мелка.
На лопухе блестят следы улитки,
как линии портновского мелка
на рукаве, примётанном в пол нитки.

Река Луара осенью тиха.
Здесь учатся пожарные расчёты
азам александрийского стиха,
простого и надёжного, как счёты.

Река Луара осенью чиста.
Здесь ходят рыбы и гуляют цапли.
И люди все читаются с листа,
и лист капусты скапливает капли.

Мы были на Луаре в сентябре. <...>

Практически синхронно с открывшимся с «небесной» точки зрения пинегинским видением «острова-бабочки» – раскрыла свои крылья ещё одна «бабочка Чжуанцзы», конкретно – «бабочка-капустница». Своим инструментом эта бабочка выбрала молодого петербургского профессора математики Александра Фридмана.

В голливудских биографиях нередко можно прочесть нечто вроде: «N перепробовал множество профессий, прежде чем случайно снялся в фильме X, после которого проснулся мировой звездой». В математике так не бывает.

Однажды в деревне Облезьево я стал свидетелем задушевной беседы аспиранта-биофизика с сельским трактористом. Тракторист искренне недоумевал «почему это учёным платят таки-и-ие деньжищи» (цифру я не расслышал). Однако, когда он узнал, что для того, чтобы стать только «*начинающим* учёным», нужно предварительно «двадцать пять лет учиться», то сразу успокоился и сник: тогда да, всё справедливо.

Фридман учился на математика чуть не с пелёнок. Вместо марок и жуков, он собирает леммы и аксиомы. С фонариком под одеялом зачитывается Пуанкаре и Коши. Заполняет ученическую тетрадь выкладками об особенностях чисел Бернулли и отправляет в международный математический журнал (берлинский «*Mathematische Annalen*», напечатали). Его школьным другом становится Яков Тамаркин, в будущем выдающийся американский математик, с которым Фридман пройдёт плечом к плечу те самые «двадцать пять лет» (гимназия, университет, аспирантура, начальная работа на кафедре). Правда, были две паузы: война и революция.

Мировая война застала Фридмана научным сотрудником Главной Геофизической Обсерватории, под началом князя (и наставника Фридмана по жизни) Бориса Голицына. Всех удивив, Фридман отказался от брони и ушёл в армию, как в небо – в авиационную роту. Он будет летать, будет совершать ночные разведки, в 1915 будет бомбить Перемышль по собственной схеме – одновременно переписываясь с академиками Голицыным и Стекловым и делаясь с ними своими соображениями

по стратегии развития наступления южного фронта и своими свежими математическими выкладками по конформным преобразованиям.

Революционный период Фридман провёл в колчаковской Перми, «профессором за всё» местного университета, а в самом начале 20-х вернулся в Петербург, снова к Стеклову. Где, несколько неожиданно, погрузился в теоретическую метеорологию, написав ряд фундаментальных работ по движению сжимаемой жидкости. Особенно его увлекли «вихревые нити», которые «пронизывают атмосферу во всех направлениях» («Об атмосферных вихрях...», 1924).

А где же великие открытия, которые «изменили мир»?

Подождите, будут и открытия. Которые изменят не то что какой-то там «мир» – Вселенную.

В июле 1922 немецкий журнал «Zeitschrift für Physik» опубликовал небольшую статью Фридмана, совершенно для него непрофильную. Статья называлась скромно «Über die Krümmung des Raumes», то есть «О кривизне пространства». В ней автор, ни много ни мало, приводил собственное решение уравнений Общей Теории Относительности, применённых ко всей Вселенной в целом. И из этого решения следовало, что наша Вселенная может оказаться нестационарной.

В зависимости от величины некоторого параметра, Вселенная либо расширяется, либо сжимается, либо пульсирует. Более того, из обратимости полученных решений по времени, следовало существование «момента возникновения Вселенной». Оценка Фридманом даты «начала мира» оказалась поразительно близкой нынешним представлениям («порядка 10 миллиардов лет»).

Полученные Фридманом результаты – нестационарность Вселенной и существование даты «начала мира» – представлялись тогдашней науке абсурдными по самой даже постановке вопроса. Да что говорить, если сам Эйнштейн здесь придерживался того, что «этого не может быть, потому что не может быть никогда».

Судьба данной статьи оказалась непростой. Удивительно уже то, что её напечатали. Хотя тут по крайней мере есть объяснение, о чём позже. Ещё более удивительно то, что эту статью заметил Эйнштейн. Это было хорошо. А вот то, что Эйнштейн посчитал её выводы ошибочными, это было плохо. И ещё хуже, что свой негативный отзыв Эйнштейн тут же опубликовал в том же журнале. Его замечка состояла всего из нескольких строк – но вполне определённых:

Результаты... содержащиеся в упомянутой работе, представляются мне подозрительными («verdächtig»).

(Z. Ph. 11, 1922, с. 326).

Фридман написал письмо Эйнштейну с объяснениями, но реакции не последовало. Тогда (уже весной 1923) он попытался организовать себе командировку в Германию, чтобы встретиться там с Эйнштейном, но решение вопроса затягивалось. Правда, в Германию прорвался его коллега, Юрий Крутков, который таки встретился с Эйнштейном (в доме Пауля Эренфеста) и смог убедить его в правоте Фридмана.

Эйнштейн честно признал своё заблуждение и в июне-июле 1923 опубликовал «опровержение опровержения» – тоже вполне недвусмысленное, и тоже буквально парой строк:

В предыдущей заметке я подверг критике названную выше работу. Однако моя критика... основывалась на ошибке в вычислениях. Я считаю результаты г. Фридмана правильными и поучительными («richtig und aufklärend»). Имею честь быть Вашей милости покорным слугой и проч.

(Z. Ph. 16, 1923, с. 228. Получено редакцией 31 мая 1923)

Но сообщение это было явно запоздалым. С момента выхода статьи Фридмана прошёл уже год, в течение которого на ней стояло клеймо: «не верно». Наука, нёсшаяся тогда с космическими скоростями, улетела вперёд за этот год не на «семь вёрст», а на «семь тысяч вёрст». Кто уже помнил о какой-то очередной гипотетической гипотезе или смоделированной модели? Проехали уже.

Так что работа Фридмана оказалась хоть и реабилитированной, но в целом незамеченной.

Незамеченной настолько, что когда семь лет спустя расширение Вселенной будет обнаружено экспериментально Эдвином Хабблом – решения Фридмана (к тому моменту уже умершего) придётся независимо получать заново другим учёным. И на этот раз эти (те же самые) результаты будут встречены триумфально, как откровение.

Но это случится ещё через семь лет. А тогда Фридман по данной теме опубликовал, кроме указанной статьи, ещё только одну работу, в феврале 1924 года («О возможности мира с постоянной отрицательной кривизной пространства», в том же «Zeitschrift für Physik»). Которая оказалась замеченной ещё меньше первой. После чего Фридман вернулся к своей старой доброй теоретической метеорологии.

Итого: две непрофильные короткие статьи – «О кривизне пространства» (июль 1922) и «О возможности мира с постоянной отрицательной кривизной пространства» (февраль 1924) – с которыми, как выяснится потом, он войдёт в историю.

И именно в этих двух статьях Фридмана «бабочка Чжуанцзы» распахнула свои мощные тензорные крылья.

Чтобы лучше увидеть эту бабочку, нужно вспомнить, что существует ещё одно прочтение притчи про «сон Чжуанцзы».

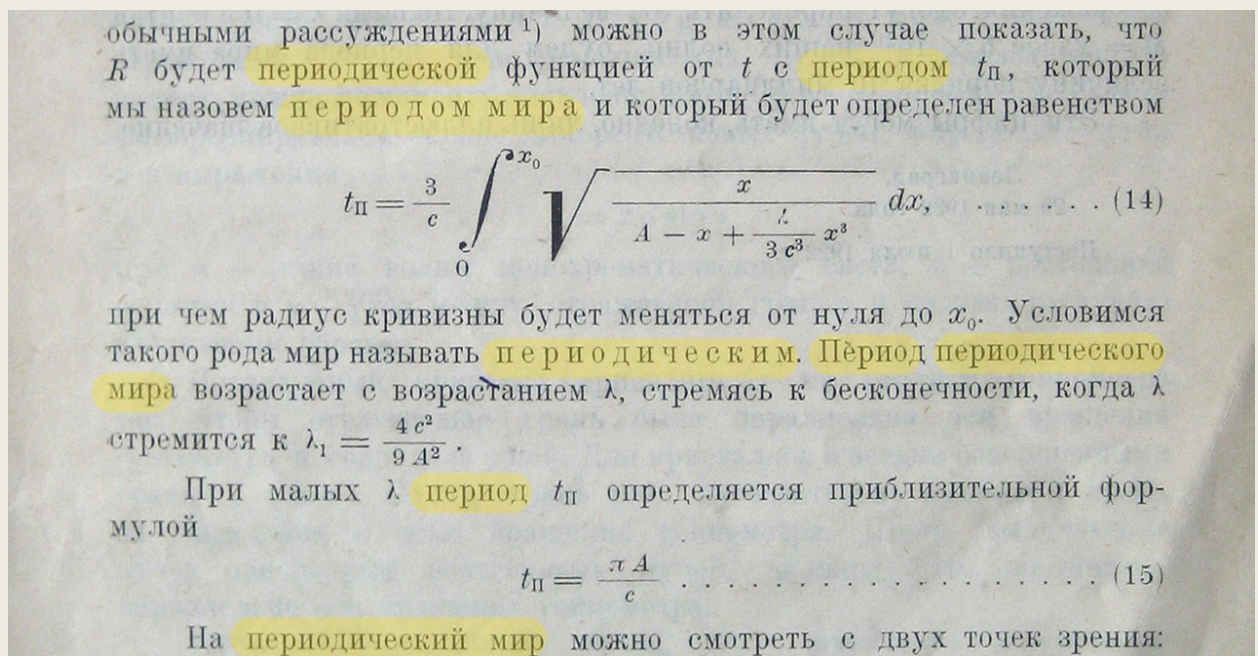
Дело в том, что стоящий там иероглиф «чжоу» (周), который, как мы видели, отсылает читателя к «острову» – так вот, данный иероглиф имеет также прямое значение: «периодичность». Буквально: 周 = «периодичность», по словарю. Так что «сон Чжуанцзы» при задействовании этого значения звучит так: «То ли бабочке снится, что она *периодична* – то ли *периодичности* снится, что она бабочка».

И где же, спросите вы, у Фридмана эта самая «периодичность»?

Да практически везде. Первая статья Фридмана (1922) наполнена периодичностью до краёв. Не говоря о том, что фридмановские решения уже по своему смыслу предполагают существование периодической Вселенной, само это слово в тексте статьи просто бьёт по глазам, даже графическим выделением:

- «R» будет периодической функцией от «t» с периодом <...>, который мы назовем *периодом мира*...
- Условимся такого рода мир называть *периодическим*...
- Период периодического мира возрастает...
- Период <...> определяется приближительной формулой...
- На периодический мир можно смотреть...

(Фридман, 1922)

[Илл. 12-03-01-1. Упоминания «периодичности» в статье Фридмана «О кривизне пространства», 1922. Журнал Русского физико-химического общества, часть физическая, том 55, вып. 1, 1924, с. 67]

Если говорить совсем строго, в период 1922-1924 у Фридмана была ещё одна публикация на предмет нестационарности Вселенной – небольшая научно-популярная книжка «Мир, как пространство и время» (завершена к сентябрю 1922, когда автор ещё не знал об отрицательном отзыве Эйнштейна; вышла в начале 1923). В ней Фридман попытался сформулировать своё личное понимание базовых принципов Общей Теории Относительности (с учётом собственного в неё вклада). В этой книге автор, свободный от академического воротничка, высказывается по нашей теме ещё более определённо.

Возможны далее случаи, когда радиус кривизны [пространства] меняется периодически: Вселенная сжимается в точку (в ничто), затем, снова

из точки, доводит радиус свой до некоторого значения, далее опять, уменьшая радиус своей кривизны, обращается в точку и т.д. Невольно вспоминается сказание индусской мифологии о периодах жизни; является возможность также говорить о «сотворении мира из ничего».

(«Мир, как пространство и время», 2-е издание, 1965, с. 100)

Так что с «Периодичностью» у Фридмана всё в полном порядке. «Бабочка» же появляется во второй его статье (1924).

Все свои выводы об устройстве Вселенной Фридман получил исключительно из решения космологического уравнения Эйнштейна в некоторых интуитивно понятных допущениях (типа того, что «время ортогонально пространству», что бы это ни значило).

Однако, к самому этому тензорному уравнению у него в ходе работы над второй статьёй начали появляться некоторые претензии, по крайней мере в смысле его полноты.

Одних только космологических уравнений Эйнштейна <...> еще недостаточно для того, чтобы сделать вывод о конечности нашего мира.

(Фридман, 1924)

Может быть этим и объясняется некоторая прохладность Эйнштейна к полученным Фридманом результатам. Они для него «поучительные», и только. И то правда – как говорится, «не нравится – не ешь»:

Бабочка-красавица,
Кушайте варенье,
Или вам не нравится
Наше уравнение?

Такие слова (или почти такие) Чуковский написал 29 июля 1923, когда Фридмана, находившегося в командировке в Гёттенгене, уже начало затягивать в «пространство отрицательной кривизны».

К слову сказать, это стихотворение, напечатанное издательством «Радуга» в начале 1924, в первых двух публикациях называлось «Мухина свадьба», а никакая не «Муха-цокотуха», каковой оно станет лишь значительно позже, и то – исключительно под давлением цензуры (это не шутка).

[Илл. 12-03-02-1. Чуковский, «Мухина свадьба», обложка, 1924 (первое издание).]

Так что существует соблазн связать «Мухину свадьбу» с бракосочетанием Веры Мухиной, которая совершенно неожиданно для самой себя уже скоро станет главным скульптором эпохи, а на тот момент работает модным женским кутюрье, изобретая для элегантных нэпманских дам шикарные вечерние наряды.

Понятно, что в этой сфере обойти стороной тему бабочек, тычинок и бутонов было невозможно. Так что встречайте хит сезона «осень-1923», знаменитое платье от Веры Мухиной «Бутон»:

Рис. 21. В. Мухиной. 1923 г.

[Илл. 12-03-03-1. Платье-бутон, модельер Вера Мухина. «Эстрадное платье. Драпированное из жёсткого шёлк-тафты или др.; комбинация голубого с чёрным. Верхняя часть обтянута по фигуре в виде жилета. Эта же модель может быть сделана из более тёмных тонов для вечернего платья». Журнал «Ателье мод», 1923, №1 (он же и последний). Вышел осенью.]

Но перед вышеозначенным соблазном я, пожалуй, устою. Поскольку свадьба Мухиной к тому времени была уже семь лет как, и светской новостью отнюдь не являлась. Хотя, при этом, её тогдашний жених, доктор Алексей Замков, со своим в

будущем знаменитым среди партийной элиты «золотым шприцем», на роль «комарика» (в хорошем смысле) вполне подходит. И, тем не менее, нет.

Скорее уж в качестве прототипа можно предположить здесь свадьбу Натальи Малининой, состоявшуюся в Петербурге именно в 1923. Чуковский хорошо её знал и даже после полувекового перерыва отношений помнил связанные с ней мельчайшие подробности (письма В. А. Катаняну от 28 мая 1967 и 11 июля 1968).

Малинина работала в 1915 гувернанткой (домашней учительницей) у детей Чуковского, Коли и Лиды, и проживала вместе с ними на даче в знаменитой Куокколе. В воспоминаниях подросткового Коли (к тому времени променявшего барбекю на окорок), она фигурирует как «Евгения Брониславовна», хотя так-то она Наталья Евгеньевна. Маяковский, который в тот летний сезон жил там же, на даче Чуковского, практически на глазах у Малининой писал своё «Облако в штанах» и звал её «Шпулькой».

Надо сказать, что всё, связанное с тем дачным сезоном-1915 в Куокколе (пока Фридман бомбил свой Перемышль), впоследствии имело для Чуковского большую сентиментальную ценность. Даже десять лет спустя, в 1925, он специально ездил в Куокколу в уже чужой и наполовину разворованный дом – просто постоять под «теми деревьями», повдыхать «ту атмосферу» и повспоминать «те чаепития» за самоваром.

И вот в 1923 Малинина выходит замуж. И не просто, а за человека, имеющего прозвище «Паучок». Не знаю, был ли Чуковский туда приглашён, и приглашался ли Маяковский – поднести невесте «души своей незабудки» – но «Мухина свадьба» вышла из под пера Чуковского залпом, на каком-то особом «вдохновении», в один присест. Интересно было бы знать, кто в Куокколе заправлял в 1915 самоваром и «крендельками».

Забыл сказать. Жениха Натальи Малининой звали Александр Фридман.

«Паучком» же его прозвала Таня Эренфест, дочка знаменитого физика Пауля Эренфеста. Того самого человека, который в июне 1922 «пробил» публикацию статьи Фридмана «О кривизне пространства» в авторитетном международном журнале.

В своё время австриец Эренфест женился на русской девушке – Татьяне Алексеевне (тоже математике). И чтобы у их детей (Танечки и других) русский язык стал вторым родным (после тензорного), супруги решили какое-то время пожить в Петербурге. Где Эренфест с 1907 преподавал в университете и вёл семинар по всяким модным течениям. В частности – теории относительности Эйнштейна, пока ещё только «специальной». Студенты звали его «Павел Сигизмундович» и ходили к нему домой на чаепития. Где Фридман, с лёгкой руки маленькой Тани, и стал «Паучком». В 1912 Эренфесты уехали в Лейден, Нидерланды.

Эренфест был другом Эйнштейна, реальным другом. Эйнштейн многократно и подолгу жил в доме Эренфеста и ценил его работы пожалуй выше, чем сам их автор. Вообще, Эренфест был подвержен комплексу «само-недооценки». Собственные работы казались ему какими-то мелкими и случайными.

Это при том, что в 1917 он теоретически обосновал трёхмерность нашего физического мира – по крайней мере на его «средних» масштабах («In what way does it become manifest in the fundamental laws of physics that space has three dimensions?», «Proceedings of Amsterdam Academy», т. 20).

Конечно, молодой Кант, 22, нам раньше это уже объяснил, и объяснил совершенно правильно («Мысли об истинной оценке живых сил», гл. 1, п. 10, 1746). Но Кант объяснил нам это «на пальцах», а Эренфест – всей силой и мощью неотвратимых математических законов.

И вот именно Эренфесту, «Павлу Сигизмундовичу», Фридман 3 июня 1922 послал свою статью «О кривизне пространства», в спешке не переведённую даже на немецкий язык. С сопроводительным письмом (тоже по-русски), в котором прямым текстом просит:

Если Вы найдёте вопрос в ней разбираемый интересным, то не откажите поместить в каком либо журнале.

Передайте мой поклон Татьяне Алексеевне. Не откажите, в виду неисправности почты, подтвердить получение настоящего письма.

(Письмо Фридмана Эренфесту от 3 июня 1923, автограф. Лейденский университет, Архив Института Лоренца, «Friedmann papers»)

Уже через месяц статья Фридмана выходит в ближайшем номере «Zeitschrift für Physik».

Из одного этого видно, каким влиянием пользовался Эренфест в научном мире. Но в его жизни не всё было так безоблачно. Одиннадцать лет спустя он придёт в лечебницу, где содержался его больной сын, достанет ствол и снесёт голову сначала сыну, а потом себе.

Дочка Таня станет, как и мать, математиком и получит мультипликативную формулу для определения количества эйлеровых циклов в ориентированном графе, которая ляжет в основу науки об «иррегулярных распределениях».

Но вернёмся к статье Фридмана «О возможности мира с постоянной отрицательной кривизной пространства» (1924).

Надо сказать, Фридман сам был весьма обескуражен возможностью ограниченности Вселенной во времени, вытекающей из его же собственного решения (в первой статье). А потому, во второй своей статье он предпринял меры, чтобы преодолеть эту задачу.

Для этого он превратил Вселенную в своеобразный «кочан капусты» (а именно – многолистную четырёхмерную сферу пространства-времени, ключевое слово – «многолистную»), где Время, совершив полный оборот, не заканчивается совсем, а лишь переходит на следующий слой бесконечного накручивающегося листа:

Если мы будем рассматривать шар как поверхность трехмерного евклидова пространства, то точки, лежащие на одной параллели с разностью долгот в 360° , мы сочтем совпадающими; напротив, если бы мы рас-

смаатривали эти точки как различные, то получили бы многолистную сферическую поверхность в евклидовом пространстве.

Расстояние между двумя произвольными точками на сфере <...> можно сделать как угодно большим (сопоставляя соответствующим образом точки разным листам).

Отсюда ясно, что, прежде чем приступать к рассуждениям о конечности мира, необходимо... и т.д.

(Фридман, 1924)

Это представление о Вселенной, тогда также благополучно не замеченное, будет впоследствии жадно подхвачено и развито Андреем Сахаровым в целом цикле его космологических работ (напр. «Многолистная модель Вселенной», 1970 и др.), в которых он будет цитировать Фридмана в захлѐб. И даже в вопросах далѐких от космологии мы видим у Сахарова отзвуки фридмановской «Вселенной-капусты» – как, например, в такой топологической «капустной задаче».

При рубке капусты сечкой получают многоугольники с разным числом вершин и разного размера и формы. Определить среднее число вершин и отношение квадрата среднего периметра к средней площади.

Задача возникла как результат того, что я рубил капусту, помогая жене делать пироги.

(Академик А.Д. Сахаров. Научные труды. Москва, 1995, с. 502)

Показательно, что бабочка *Plutella Mariae*, обнаруженная на М-острове экспедицией Хольтедаля за год до первой статьи Фридмана, и описанная Ребелем за пол года до второй его статьи – эта бабочка относится к семейству *Plutellidae*, ассоциирующемуся именно с капустой.

Итак, Вселенная – это четырёхмерный «кочан капусты». И все в мире «явления» соответствуют тем или иным линиям, идущим по её листьям. При этом Время растворяется в остальных координатах – и мы перестаѐм быть его рабами.

«Явление» физического мира становится интерпретацией точки четырёхмерного геометрического пространства. Вместе с этой новой точкой зрения на физический мир <...> время перестаѐт мешать нашим исследованиям.

(«Мир, как пространство и время», с. 62)

Это звучит так, как будто Маяковский передал Фридману своё послание («Нам ли вымаливать милостей времени») через сияющий взор Шпульки, в котором это послание отпечаталось навечно во время авторского чтения «Облака в штанах» за самоваром в Куокколе. С молоком и крендельком.

Ещё раз. Все без исключения «явления» в нашей «Вселенной-капусте» – в том числе и мы с вами – есть ничто иное, как гусеницы бабочки-капустницы, ползущие

вдоль «мировых линий» по её листьям. А может быть – прогрызающие эти листья насквозь: для Фридмана этот вопрос был ещё открытым. Сравните с набоковским:

Мы – гусеницы ангелов; и сладко
Вгрызаться с краю в нежный лист.

Написано 5 июня 1923, через два дня после отправки Фридманом рукописи своей первой статьи Эренфесту.

Как и в случае с «бабочкой-капустницей» (чьи гусеницы выедают исключительно нежную часть листа, но оставляют нетронутыми его грубые прожилки), так и мы с вами не можем повредить сами «мировые линии».

«Мировые линии», они же – «дивеи» по терминологии Хуайнаныцзы (цзюань 3, аб. 2), они же – «земные шнуры» («вихревые нити» Фридмана?), порванные во время небесного катаклизма у полярной горы Бучжоу.

Мы не можем ни повредить эти «шнуры», ни свернуть в сторону – и нам остаётся лишь смиренно ползти вдоль них, плотно наматывая за листом лист на хрусткий кочан своей кармы.

А жуки рогатые,
Мужики богатые,
Шапочками машут,
С бабочками пляшут.

Легчайших крыл взаимное касанье

(Весна 1923 – весна 1924)

Как мы видели, в двух разных точках пространства практически одновременно раскрыли свои крылья две бабочки из «сна Чжуанцзы», предсказанные более чем за две тысячи лет до этого – «бабочка-остров» (Пинегин, 1924) и «бабочка-периодичность» (Фридман, 1922 и 1924). Посмотрим, не были ли эти две «бабочки» как-то связаны между собой?

На первый взгляд – что может быть общего между петербургским профессором математики и полярным островом? Но не будем спешить с выводами.

Причинно-следственные нейроны начали тянуть свои нити от Новой Земли в направлении к Фридману (*du côté de chez Friedman*) где-то с весны 1923. Организационно, полёт Пинегина 23 сентября 1924 состоялся в рамках проекта строительства радиостанции в проливе М-Шар (согласно завету Русанова). Налаживать первую радиомачту здесь начали ещё за год до этого, летом 1923. Тогда же, рядом с мачтой, заодно устроили и «магнитную обсерваторию» для наблюдения за магнитным полем Земли. Физически (в смысле – своими руками) устраивал эту обсерваторию в М-Шаре магнитолог Николай Розе. Который при этом являлся – а) коллегой Фридмана по Главной Геофизической Обсерватории, б) будущим соавтором по фундаментальному труду «Теоретическая гидромеханика» двух ближайших учеников Фридмана (Кочина и Кибеля), и в) прямым научным руководителем нынешней и горячо любимой жены Фридмана – Натальи Малининой, многократно ездившей вместе с Розе в разные геомагнитные экспедиции. Кстати и оборудование для Розе предоставила ГГО – организация, которую Фридман скоро возглавит.

Приборы для оборудования обсерватории были любезно предоставлены Главной Физической Обсерваторией.

(Розе, «Установка магнитной обсерватории на Новой Земле», «Записки по гидрографии», т. 47, 1923, с. 326)

Так что Новая Земля с весны 1923 уже начала плотно ходить вокруг да около Фридмана. А затем «Кривизна пространства» придвинула его к М-острову ещё ближе.

Как мы помним, первая реакция Эйнштейна на статью Фридмана «О кривизне пространства» была резко отрицательной. А постольку на письма Эйнштейн не отвечал, Фридман решил действовать напрямую. Весной 1923 он приложил все мыслимые и немыслимые усилия, чтобы организовать себе командировку в Германию и там попытаться встретиться с Эйнштейном для объяснений. Означенную командировку, однако, удалось выбить только к концу июля 1923, когда острота вопроса уже сильно спала (благодаря состоявшейся к тому времени встрече Круткова с Эйнштейном и публикации последним своего «Опровержения опровержения»).

Но Фридман в Германию всё равно едет, раз уж оформлено. С Эйнштейном, правда, встретиться ему так и не удаётся, зато он встречается там с разными другими замечательными людьми – с Генрихом Фиккером, например, или с Хуго Хер-

гесселем. Последний поил Фридмана «сначала вином, потом коньяком, потом шартрезом, и всё это в несметном количестве» (письмо из Берлина от 18 августа). Но, главное, Фридман встречался с Куртом Вегенером и (отдельно) с его старшим братом Альфредом.

Встречи с Вегенерами произвели на Фридмана, судя по письмам, сильнейшее впечатление. И не мудрено. Ведь Курт Вегенер – это человек, участвовавший во втором за всю историю (и единственном за предыдущие десять лет) полёте в Арктике на аэроплане. Из которого он вернулся буквально за пару недель до встречи с Фридманом. Легко себе представить до какой степени Курт был переполнен соответствующими впечатлениями.

Вчера был на аэродроме в Штакене и говорил с Kurt Wegener'-ом — очень интересный человек, рассказал мне много любопытного, однако, чтобы иметь ясное представление о состоянии немецкой аэронавигации, надо прожить в Германии по крайней мере месяц; в литературе достижения в аэронавигации почти не отражены <...>

Дальнейший мой маршрут таков: <...> съезжу в Штакен на аэродром и еще раз в Потсдам, <...> поеду в Тюрингию, в Fulda, где имеется аэродром для планеров. Планеры, по-видимому, будут в ближайшее время играть большую роль в исследовании атмосферы, и хорошо было бы установить организацию соответствующих работ.

(Письмо Фридмана к Н.Е. Малининой от 6 августа 1923, Берлин)

А его брат – Альфред Вегенер – так он был просто знаменитый полярный исследователь. К тому времени он уже совершил два больших путешествия по Гренландии, и в недалёком будущем (1929) совершит ещё одно, из которого уже не вернётся. Блистательный фильм Арнольда Фанка «S.O.S. Айсберг» (1933) с неподражаемой Лени Рифеншталь в главной роли снят как раз по мотивам этого последнего путешествия Вегенера, причём консультантами фильма выступили выжившие члены его экспедиции. Съёмки проходили прямо в Гренландии (никаких павильонов), где артисты реально плавали брассом в ледяной шуге арктической природы, среди настоящих торосов. Фильм делался сразу в двух версиях (для европейского и для американского зрителя), причём с разными артистами в главной мужской роли, что необычно.

Кстати, о кино. Когда Фридман встречался с Альфредом Вегенером, у того под ногами всё время крутилась его трёхлетняя дочка Шарлотта. Которая быстро подрастёт и выйдет замуж за Генриха Харрера – альпиниста, оказавшегося волею случая надолго запертым в самом сердце Тибета. И запечатлевшего этот свой уникальный опыт в книге «Семь лет в Тибете», известной всем и каждому по одноимённому фильму с Бредом Питтом, получившим за него высшую для артиста оценку – пожизненный запрет на въезд в Китайскую Народную Республику.

Вернёмся к Фридману. Итак, он встречается с Вегенерами – Куртом (лётчиком) и Альфредом (полярником).

На эти две судьбоносные встречи наложилось ещё одно событие – видимо случайное, но сильно подогревшее в сознании Фридмана тему аэропланов. Всего за три дня до отбытия в командировку в Германию, 26 июля 1923, он, после много-

летнего перерыва, сам совершил полёт на аэроплане над Москвой. От которого у него, как у старого лётчика, просто «бабочки в глазах запорхали».

В понедельник вечером я летал на аэроплане (Хевлянд ДН9, скорость 180 км/ч). Ощущение было, как всегда, волнующим. Москва сверху очень красива (был на 1200 м высоты).

(Письмо к Н.Е. Малининой от 26 июля 1923)

И вот всего десять дней спустя после подъёма в московское небо он слушает рассказы Курта о только что закончившемся беспрецедентном его полёте в Арктике. И – рассказы Альфреда об Арктике как таковой.

Не забудем также, что Альфред был метеоролог, исследовавший именно арктические воздушные явления. И Фиккер (раз уж я его помянул) был метеоролог и описывал арктические воздушные явления, причём в Российской части Арктики. И Хергессель со всем его «Шартрёзом» был мало того что метеоролог, так ещё и легендарный организатор первых погодных станций на Шпицбергене, куда он ещё до войны ездил вместе с самим графом Цеппелином на предмет устройства арктической воздушной навигации – а прямо сейчас был задействован в очень амбициозном и перспективном арктическом воздухоплавательном проекте (об этом я ещё возможно скажу).

Ну так вот и Фридман – он тоже был метеоролог, который стремился описать всё те же арктические воздушные явления.

Насколько Фридман оказался в результате заражён идеей арктических полётов видно из одного уже факта изменения им своего рабочего расписания – ради дополнительного посещения аэродрома в Штакене.

После всего этого, в сентябре 1923, переполненный соответствующими настроениями, Фридман возвращается в Петроград. И начинает здесь вести курс в Военно-Морской Академии, где с этого семестра он числится «старшим руководителем цикловых занятий». И где его студентом (по военному – «слушателем»), начиная с этого же семестра, становится некто Борис Чухновский.

1. Фамилия, имя и отчество <u>Ч У Х Н О В С К И Й Борис Григорьевич</u>				
<u>Х-1923</u>	<u>1-1927</u>	<u>Слушатель</u>	<u>Военно-Морск.Академ.</u>	<u>Ленинград</u>
Справка составлена на основании <u>личного дела Отд.Кадров ГУСМП</u>				
НАЧАЛЬНИК ВОЕННОГО ОТДЕЛА ГЛАВСЕВМОРПУТИ КАПИТАН 1-го РЯНГА. <u>А.М.Минин</u> (АННИН)				
"12" сентября 1944				

[Илл. 12-04-01-1. «Наградой лист» на Бориса Чухновского от 13 сентября 1944, с приложением Аттестации и Выписки из личного дела. Согласно последней, Чухновский приступил к учёбе в ленинградской Военно-Морской Академии в октябре 1923. ЦВМА, ф. 3, оп. 1, д. 819.]

Так вот, Борис Чухновский – это тот самый лётчик, который 23 сентября 1924 управлял аэропланом «Юнкерс» в том самом полёте, в котором Пинегин впервые увидел бабочку М-острова.

При этом вклад Чухновского в то, что произошло 23 сентября, этим отнюдь не ограничивается. Уверенно можно сказать, что без Чухновского никаких полётов над Новой Землёй ни в том году, ни в обозримом будущем не было бы и в помине.

Руководство Северной гидрографической экспедиции связываться с аэропланами отнюдь не рвалось. И только необычная (и малообъяснимая) активность Чухновского привела к тому, что начальство скрепя сердце согласилось взять в экспедицию на Новую Землю самолёт. По завершении экспедиции все, конечно, были довольны (никто не разбился, матценность не утопили), и задним числом приписывали инициативу пробного полёта себе. Но факт есть факт – полёты на Новой Земле Чухновский пробивал сам, на свой страх и риск. Пробивал, понятно, через людей имеющих «вес». Судя по всему – через кандидата в члены Полярной комиссии Николая Евгенова и влиятельного представителя Госплана Петра Пальчинского, если кому это интересно.

И пробил-таки! Да, со временем Чухновский станет корифеем арктической авиации, её отцом-основателем и всё такое. Но исходно, смотря на его предыдущий послужной список, эта вдруг вспыхнувшая у него страсть к Арктике выглядит достаточно неожиданной.

Чухновский – коренной петербуржец, окончил там лётную школу в начале 1917 года (одновременно, кстати, с лётчиком Сергеем Макаровым – мужем родной сестры моей бабушки, «тёти Нюры»). После чего практически вся лётная биография Чухновского протекала на Каспии и в низовьях Волги. Это – чистый, густой, матёрый Юг. После чего осенью 1923 года Чухновский поступает в Академию – и у него мгновенно почему-то вспыхивает страсть к «арктическим полётам». Откуда он вообще мог о них узнать, если на тот момент такого явления, как «арктическая авиация» просто не существовало?

Как это откуда – от Фридмана, своего преподавателя. Который месяца не прошло, как с замиранием сердца сам жадно ловил волшебные слова Курта Вегенера, ещё не остывшего от только что совершённых им уникальных полётов над Шпицбергом.

Как результат – в первое же лето Чухновский отправляется на Новую Землю. Где 23 сентября 1924 и становится со-открывателем «небесной точки зрения».

В отчёте Чухновского М-остров также фигурирует. Правда военный лётчик постеснялся особо распространяться о всяких там «бабочках».

Вот и обнаружился канал обмена сигналами между «Кривизной пространства» и «М-островом». Так «бабочка-периодичность» коснулась своим чешуйчатым крылышком «бабочки-острова». И небо озарилось сиянием космических лучей.

Остров Вселенной

(Октябрь 1923 – ноябрь 1924)

А теперь перенесёмся в совершенно иной мир. Америка. Манхэттен, Централ-парк, Эмпайр-стейт... Ах, Нью-Йорк! Жемчужина у моря.

Впрочем, начнём мы всё-таки с Пасадены, пригорода Лос-Анджелеса. Ибо именно здесь произошло событие, перевернувшее все тогдашние представления о мире, и при этом странным образом перекликавшееся с двумя только что выпорхнувшими бабочками – «бабочкой-островом» Пинегина и «бабочкой-периодичностью» Фридмана. Произошло это два месяца спустя после пролёта аэроплана Пинегина над М-островом. Если коротко, 22 ноября 1924, в 17:18 по Восточному времени, мир узнал о том, что существует Вселенная.

Открыл её Эдвин Хаббл, на тот момент – практически никто, рядовой сотрудник обсерватории Маунт-Вилсон. Который после этого делается самым известным астрономом XX века. Сам же процесс открытия имел несколько стадий и растянулся примерно на год.

До этого понятие Вселенной тоже существовало. Но оно соответствовало тому, что после Хаббла мы стали называть «нашей Галактикой». Млечный Путь – это на тот момент и была вся Вселенная, а кроме этого ничего больше в мире и не было. Вселенная была теоретически бесконечной – при этом близко расположенные к нам звёзды мы видели, а более далёкие – рассчитывали увидеть, когда увеличится мощность наших телескопов. Размеры видимой части Вселенной оценивались в несколько десятков тысяч световых лет.

Показательный пример. Когда Александр Фридман в сентябре 1922 для своего «мысленного эксперимента» по измерению «кривизны пространства» выбирает «предельно большое» космическое расстояние, он говорит именно о десятках тысяч световых лет:

Пока наш вектор путешествовал [со скоростью света] до Андромеды и обратно, прошло много десятков тысяч лет.

(Фридман, «Мир, как пространство и время», с. 47)

Но вообще-то с размерами была большая проблема, поскольку не существовало никаких способов измерить расстояние до той или иной звезды. Только для очень специфического и редкого вида звёзд – так называемых «цефеид» – можно было хитрым образом оценить их удалённость. И поскольку до самой дальней известной «цефеиды» оказалось несколько десятков тысяч световых лет, то эту цифру, за неимением лучшего, и принимали за «размер видимой части Вселенной».

«Вселенная-Млечный Путь» состояла из объектов самых разных – Луны, Солнца, планет, астероидов, звёзд, тех же «цефеид», комет, так называемых «туманных звёзд» и так далее.

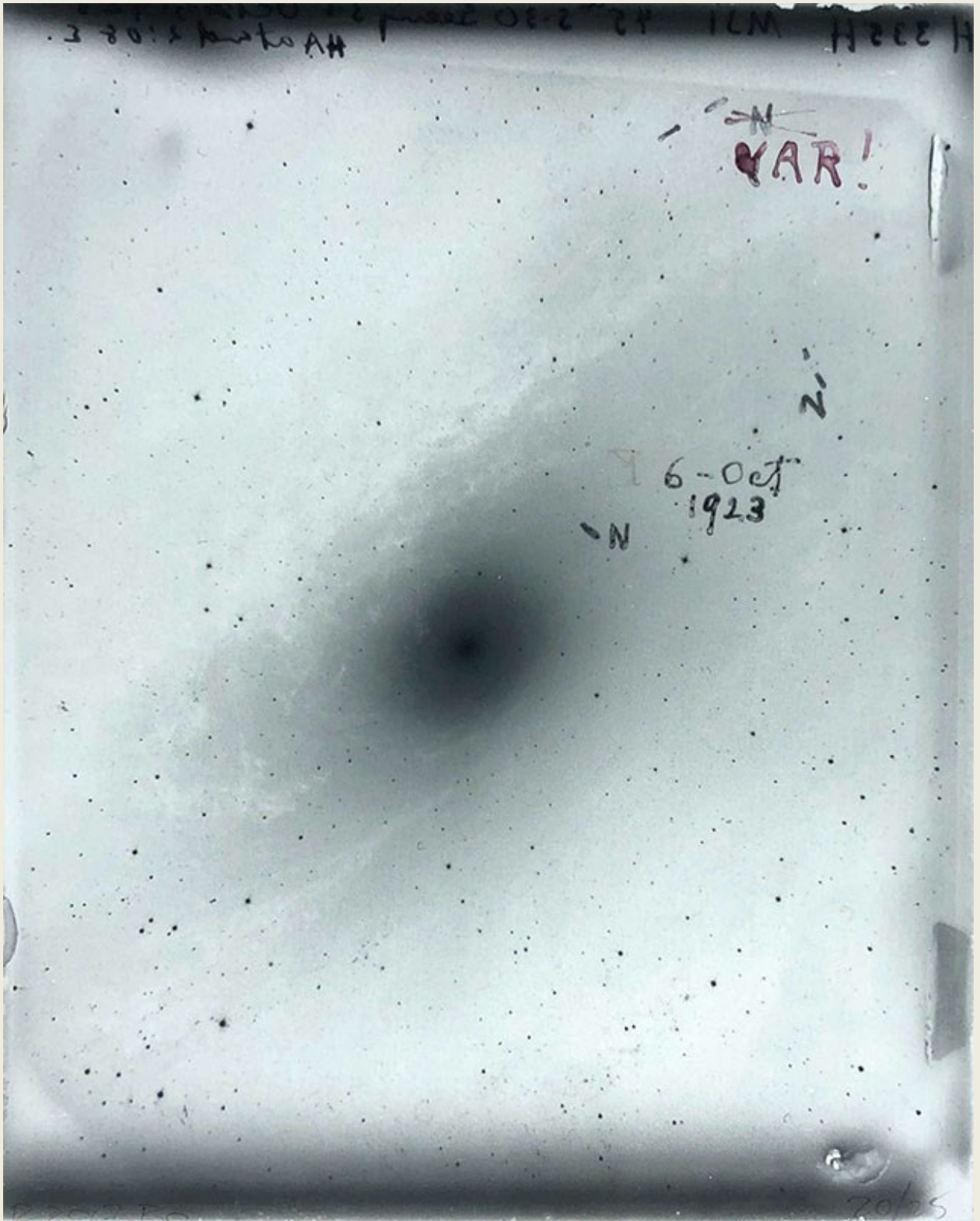
Эти последние («туманные звёзды») были вещь, к слову, весьма странной. Их было много, они были как правило эллиптической формы и имели самые разные

размеры, в том числе и очень большие. При этом светились они (относительно своего размера) всегда очень слабо. Что-то с ними было явно не так.

Самая большая «туманная звезда» имела собственное название, известное всем советским людям по роману Ивана Ефремова «Туманность Андромеды» (1957). Её-то и изучал Эдвин Хаббл – сначала как стажёр, потом как аспирант, потом как молодой сотрудник обсерватории.

Подчеркну ещё раз – о природе «туманных звёзд» на тот момент ничего известно не было. И вот Хаббл занимался по службе тем, что наблюдал «туманную звезду» Андромеды в самый мощный на тот момент телескоп в мире. В ходе этих наблюдений постепенно стало понятно, что эта «туманная звезда» никакая не «звезда», а скопление множества чрезвычайно мелких звёзд. На кое-какие мысли это уже наводило, но ничего ещё не доказывало. Нужно было определить расстояние до этого «скопления».

На тот момент существовал единственный способ это сделать. Нужно было попытаться найти среди этого скопления звёзд какую-нибудь «цефеиду». Хабблу в конце концов удалось и это. Не без приключений и ложных версий, первая «цефеида» в «туманном скоплении» Андромеды была обнаружена им 6 октября 1923.

[Илл. 12-05-01-1. Знаменитая «плата H335H», на которой была обнаружена первая «цефеида» в «туманном скоплении» Андромеды. Именно с этого снимка ведётся отсчёт эпохи «многогалактической Вселенной». Снято Хабблом 6 октября 1923 (сутки астрономические, а не гражданские). Интерес представляет не большое пятно в центре, а практически невидимая точка между двух рисок – там, где перечеркнуто «N» («сверхновая») и заменено на «VAR!» («переменная», то есть – цефеида – с восклицательным знаком).]

За следующие четыре месяца ему удалось получить по этой «цефеиде» достаточно данных, чтобы иметь возможность вычислить до неё расстояние. И когда это расстояние он вычислил – то ахнул. Расстояние оказалось равным одному миллиону световых лет.

Об этом Хаббл впервые сообщил 19 февраля 1924 в письме к своему старшему коллеге, астроному Шэйпли. А через неделю Хаббл женился и укатил в свадебное путешествие в Европу – пить в Лондоне чай с Артуром Эддингтоном и созерцать во Флоренции ангелов на куполах Баптистерия и собора Дуомо, равно как и на картине «Рождение Афродиты» работы Сандро Боттичелли. Благо от маленькой гостиницы «Palazzo Vecchio» до всего до этого было рукой подать.

Но игра со Вселенной ещё отнюдь не была сделана. Ведь что пока было на руках? Расстояние до некой «цефеиды», расположенной на одном участке неба с «туманным скоплением» Андромеды, определилось в миллион световых лет. Но это ещё ничего не говорило о расстоянии до самой туманности. К примеру, туманность могла располагаться близко, а далёкая «цефеида» просто сквозь неё «просвечивала». Нужны были дополнительные аргументы.

Логика доказательства была выбрана следующая. Если на участке неба, занимаемом Туманностью Андромеды, удалось бы обнаружить много «цефеид», и если бы расстояние до них до всех оказалось бы равным миллиону световых лет, а расстояние до всех «цефеид» на соседних участках неба оказалось бы всего лишь в десятки тысяч – то это доказывало бы, что далёкие «цефеиды» находятся именно в составе Туманности Андромеды.

Итак, предстояло искать (далее сформулирую аккуратно) «на участке неба, занимаемом Туманностью Андромеды», новые «далёкие цефеиды» – и чем больше, тем лучше. На эту работу у Хаббла ушло ещё несколько месяцев. И только 22 ноября 1924, когда количество обнаруженных им «далёких цефеид» превысило 30 штук – последние сомнения отпали. Туманность Андромеды представляла собой отдельную Галактику – такую же, как весь наш Млечный Путь. Значит – мы не одни во Вселенной. И нас в ней даже не двое – тысячи и тысячи «туманных звёзд» мгновенно превратились из «не-пойми-чего» в полноценные «иные миры». Вселенная буквально распахнулась.

Масштаб данного открытия достоин того, чтобы сказать пару слов об обстоятельствах появления первого о нём сообщения. При том, что сделано оно было отнюдь не в специальном научном издании, как можно было бы ожидать. Принято считать, что впервые об этом открытии сообщила газета «New York Times» 23 ноября 1924. Соответственно, текст этой заметки рассматривается, как исторический.

Но данное представление является не совсем точным. В этот же самый день множество других американских газет (я легко нашёл более десяти и остановился) дало на своих страницах сходную информацию. Текст заметок от газеты к газете немного разнился, но при этом было хорошо видно, что все они имеют единое происхождение – причём отнюдь не публикацию в «New York Times». Немного подумав, а потом порывшись в архивах, я обнаружил собственно первоисточник – машинописный оригинал новостной ленты агентства «Associated Press» от 22 ноября 1924. Данная новость была запущена им в информационный оборот в 17 часов 18 минут по Восточному времени.

WASHINGTON NOV 22--Confirmation of the view that the spiral nebulae which appear in the heavens as whirling clouds are in reality distant stellar systems, or "island universes," has been obtained by Dr Edwin Hubble, of the Carnegie Institution's Mount Wilson observatory, through investigations carried out with the observatory's powerful telescopes.

[Илл. 12-05-02-1. Первое сообщение об открытии иных Галактик, кроме нашей. Новостная лента агентства Associated Press за 22 ноября 1924, 17:18. Библиотека Конгресса, Associated Press, Bureau News Dispatches.]

В вечерние выпуски газет эта новость попасть уже не успела, а вот утром 23 ноября волна публикаций покатила по Америке вместе с солнцем – с востока на запад. При этом «самой-самой первой публикацией» формально следует считать утреннюю публикацию в наиболее «восточной» (по местоположению) газете. Судя по всему, ею стал бруклинский таблоид «Brooklyn Daily Eagle». Так что – вот как выглядело самое первое печатное сообщение об открытии новых Галактик.

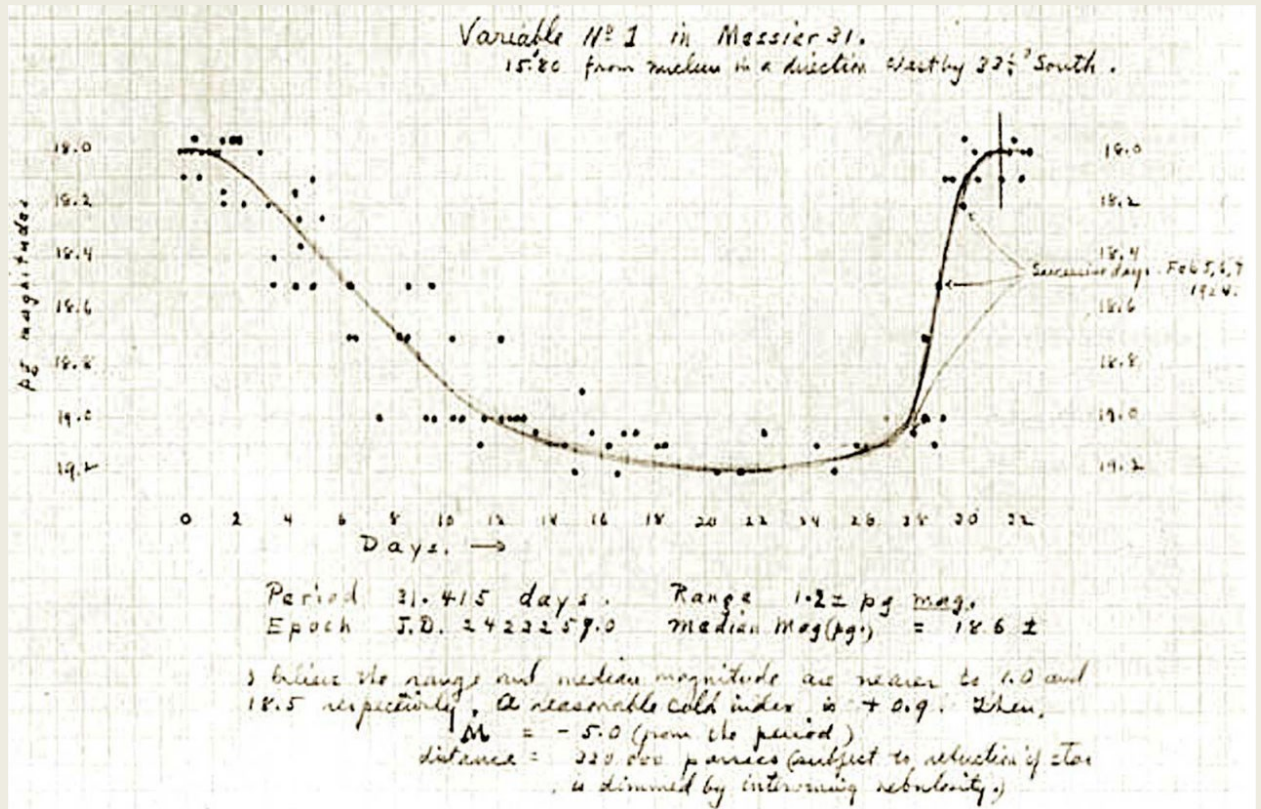
18 A WHIRLING CLOUDS NOW FOUND DISTANT ISLAND UNIVERSES Mt. Wilson Observers Confirm the Theory That Spiral Nebulae Are Stellar Systems. Washington, Nov. 22—Confirmation of the view that the spiral nebulae which appears in the heavens as whirling clouds are in reality distant stellar systems, or "island universes," has been obtained by Dr. Edwin Hubble of the Carnegie Institution's Mount Wilson Observatory through investigations carried out	with the observatory's powerful telescopes. The number of spiral nebulae, the observatory officials have reported to the institution, is very great, amounting to hundreds of thousands, and their apparent sizes range from small objects, almost starlike in character, to the great nebulae in Andromeda, which extends across an angle some three degrees in the heavens, about six times the diameter of the full moon. The investigations of Dr. Hubble were made photographically with the 60-inch and 100-inch reflectors of the Mount Wilson Observatory," the report said, "the extreme faintness of the stars under examination making necessary the use of these great telescopes. The revolving power of these instruments breaks up the outer portions of the nebulae into swarms of stars, which may be	studied individually and compared with those in our own system. "The results are striking in their confirmation of the view that these spiral nebulae are distant stellar systems. They are found to be about 10 times as far away as the small Magellanic cloud or at a distance of the order of 1,000,000 light years. This mean that light traveling at the rate of 186,000 miles a second has required 1,000,000 years to reach us from these nebulae and that we are observing them by light which left them in the Pliocene Age upon the earth." JEWISH COMMUNITY CONCERT. A well-filled auditorium greeted the concert given last night at the Jewish Community House of Bensonhurst, 20th and Cropsey aves. Miss Anna Yankowitz, pianist, was assisted by the New Utrecht High School orchestra of 50 pieces, under the direction of Philip Ehrlich.

[Илл. 12-05-03-1. Предположительно первое газетное сообщение об открытии Хабблом иных Галактик. Газета «The Brooklyn Daily Eagle» от 23 ноября 1924, с. 18.]

При всём разнообразии стилей разных газетных заметок о раскрытии тайны Туманности Андромеды, два ключевых понятия проходили через них через все красной нитью. И это были – «Остров» и «Периодичность».

Я уже говорил, что совершить открытие удалось единственно благодаря обнаруженным в Туманности Андромеды «цефеидам». А кто такие «цефеиды»? Это – переменные звёзды (Variables), чья видимая яркость периодически меняется, причём для каждой «цефеиды» – со своим постоянным периодом, жёстко связанным с её истинной яркостью. И если измерить величину этого периода, то можно вы-

числить истинную яркость «цефеиды» на пике свечения – а потом сравнить её с видимой яркостью, ослабленной в соответствующее количество раз сообразно расстоянию. Так, в результате некоторых манипуляций, вычисляется расстояние до «цефеиды». Первое измерение периода первой «цефеиды» в Туманности Андромеды в оригинальной записи выглядело так:

[Илл. 12-05-04-1. График светимости «цефеиды №1» в «Туманности Андромеды». По горизонтали отложены дни. Величина периода даёт расстояние до туманности – один миллион световых лет.]

А потому, мы говорим «Цефеида» – подразумеваем «Периодичность». А ведь в сообщении «Associated Press» говорится о целых тридцати шести «цефеидах» и об их «периодах».

"From an investigation of the photographs, 36 variable stars of type referred to, known as Cepheid variables, were discovered in the

[Илл. 12-05-05-1. «36 variable stars... were discovered». AP, 22 ноября 1924.]

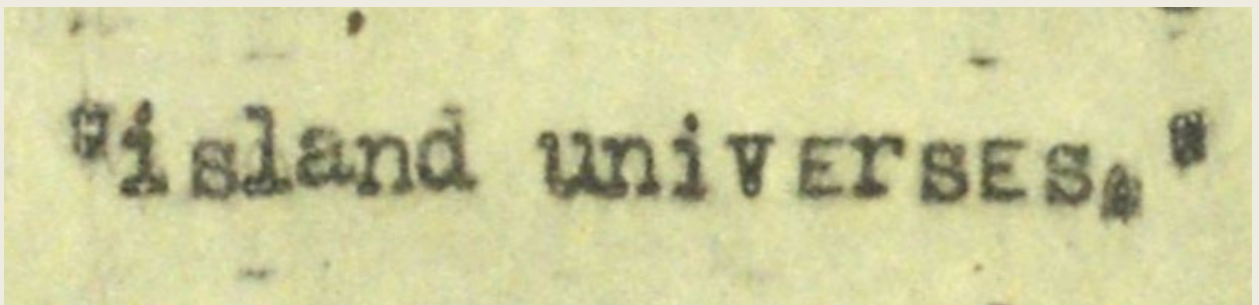
Теперь что касается «Острова». В большинстве газетных статей о совершённом открытии это слово вынесено прямо в заголовок. В виде словосочетания «Island Universes», которое используется в них для обозначения новообретённой звёздной системы – бывшей «Туманности», а ныне – Галактики Андромеды.

[Илл. 12-05-06-1. «Island Universes» в заголовках газет от 23 ноября 1924 – «The Cincinnati Enquirer», «St. Louis Post-Dispatch», «The Courier-Journal» Louisville, «The Montgomery Advertiser», «The Baltimore Sun», «Clarion-Ledger» Jackson, «The Brooklyn Daily Eagle», «Democrat and Chronicle» Rochester.]

В исходной ленте новостей «Associated Press» этот «Остров Вселенной» мы видим в первой же фразе.

[Илл. 12-05-02-2. «Island Universes» в первом же абзаце сообщения «AP» от 22 ноября 1924 об открытии новых Галактик.]

Немного странная с грамматической точки зрения конструкция «Island Universes» (более ожидаемо было бы увидеть что-то вроде «Islands of Universe») наводит на мысль, что за этим стоит некая история. Так оно и есть.

Напомню, что до открытия Хаббла о природе «туманных звёзд» ничего известно не было. Но гипотезы имелись, и даже в ассортименте. Например, что это просто потёртости чёрной ткани небосвода, через которые просвечивает внешнее божественное сияние (William Derham, Philosophical Transactions, 1733, 38:428, p. 73).

Но были и другие мнения, не менее самобытные. Английский садовник и астроном Томас Райт опубликовал в 1750 книгу с изложением собственных взглядов на устройство Вселенной. Терминология тогда ещё не сложилась, так что Райт называет данные объекты то «Nebulae», то «Cloudy Stars», то «Cloudy Spots», то «Luminous Spaces», а то и вовсе – «Zone of Light». Но от этого разноречивая суть его посыла не меняется: «туманные звёзды» – это именно скопления звёзд (правда, «мелких»).

На небе имеется <...> множество светящихся областей («luminous Spaces»), <...> которые образованы звёздами; в частности, «туман-

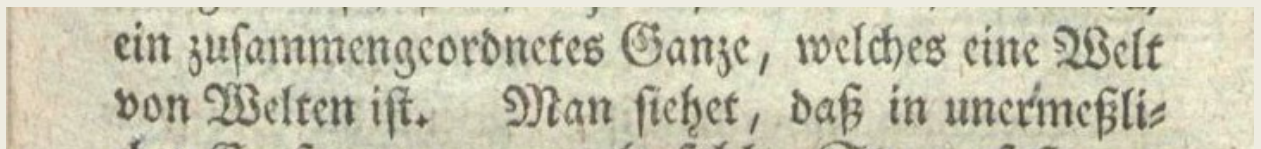
ность», или «облачная звезда» в созвездии Ориона («Nebulae, or cloudy Star in Orion»). <...> Эти «области свечения» («Zone of Light») происходят от бесчисленного числа маленьких звёзд («small Stars»). <...> Мы рассматриваем их, как пылающие Солнца, порождающие огромное число населённых Миров («peopled Worlds»). <...>

Подобно тому, как видимая часть Мироздания <...> наполнена звёздными системами и планетами, так и бесконечная Бездна представляет собой совокупность бесчисленного множества Миров («Creations»). <...> Это в известной степени подтверждается множеством «туманностей» («cloudy Spots»), едва различимых нами. Хотя они нам и видны, как светящиеся области, но ни одна звезда там не различима; это, по всей вероятности, Внешние Миры («external Creation»), граничащие с нашим миром – слишком далёкие даже для наших телескопов.

(Thomas Wright, «An original theory or new Hypothesis of the Universe...», 1750, с. 41-42, 83-84)

Своё вербализованное видение Райт дополнительно визуализировал в яркой картинке (Tab. XXXI), на которой он изобразил Вселенную в виде уходящих в бесконечность шаров, составленных целиком из звёзд и разделённых пустым пространством. Такой вот далеко идущий взгляд на «туманности».

Лучшая же формулировка данной гипотезы, отлитая в звонкий термин, принадлежала, разумеется, Канту, 31. В своей работе «О природе Неба» (1755) он без обиняков заявил, что «туманные звёзды» суть ничто иное, как дальние скопления звёзд, «миры миров» («Welt von Welten»).

[Илл. 12-05-07-1. «Welt von Welten», «миры миров», 1755. Кант «Allgemeine Naturgeschichte und Theorie des Himmels», 1755, с. 15.]

Кант, как потом выяснилось, попал, как всегда, в самую точку, походя дав совершенно верную трактовку как эллиптической форме, так и слабой яркости «туманных звёзд». Но доказательств у него никаких не было, всё это имело статус всего лишь личного его мнения (подкреплённого мнением Райта).

Сто лет спустя это «личное мнение» Канта (и Райта) подхватил и развил Александр фон Гумбольдт (избороздивший вдоль и поперёк Венесуэльские льяносы, бассейн Ориноко и Анды на двести лет раньше меня). Сделал он это в своём грандиозном труде «Космос». До изложения идеи Канта дело здесь дошло только к 3-му тому, но уже начиная с 1-го тома (1845) для обозначения звёздных скоплений Гумбольдт вводит термин «Weltinseln», «Острова Мироздания».

Bahn beschreiben, oder auf Gruppen von Gestirnen (Weltinseln) angewendet wurde, ja daß Philolaus sogar ein-

[Илл. 12-05-08-1. «Weilinseln», «Острова Мироздания», 1845. Гумбольдт «Kosmos», том 1, 1845, с. 62.]

Этот неологизм Гумбольдта был вскоре использован (правда, в единственном числе) астрономом Иоганном Медлером из Дерптской обсерватории – в статье «Die Centralsonne» («Центральное Солнце», 1846).

Unsere Weltinsel (wie wir im Gegensatz zu den fernen Nebelflecken den ganzen innerhalb der Milchstrasse stehenden Fixsterncomplex, diese selbst mit einbegriffen, bezeichnen wollen) führt nun schon durch ihren Totalüberblick darauf, eine Constituirung

[Илл. 12-05-09-1. «Weltinsel», «Остров Мироздания», 1846. Медлер «Die Centralsonne», Dorpat, 1846, с. 7.]

И, наконец, астроном-энтузиаст и редактор американского астрономического журнала «Sidereal Messenger» Ормсби Митчелл в том же году (октябрь 1846) перепечатывает означенную статью Медлера в собственном переводе – вводя, наконец, в англо-саксонский обиход термин «island-universe».

Our island-universe, (since, with reference to the distant nebulae, the entire combination of fixed stars within the

[Илл. 12-05-10-1. «Island-universe», «Остров Вселенной», 1846. Перевод Митчелла статьи Медлера в «The Sidereal Messenger», Цинциннати, 1846, №5 (октябрь), том 1, с. 1.]

Остаётся сказать, что русские люди получили это понятие в качестве бонуса при отмене крепостного права, к которому был приурочен выпуск 1-го тома «Космоса» Гумбольдта на русском языке в переводе Николая Фролова (1862). «Weltinseln» при этом были посчитаны эквивалентными «Мировымъ Островамъ».

кругообразный путь около фокуса вселенной или къ группамъ созвѣздій (міровымъ островамъ), и какъ даже самъ Филолай различаетъ

[Илл. 12-05-11-1. «Мировые острова», 1862. Перевод Фролова книги Гумбольдта «Космос», том 1, с. 53.]

Спустя 75 лет после Гумбольдта, в начале 1920-х, в астрономическом сообществе разгорелась жаркая дискуссия о предполагаемой природе «туманных звёзд». И тогда термин «Island Universes» был поднят на щит и начал склоняться направо и налево. Означал он всё то же – «Остров Вселенной».

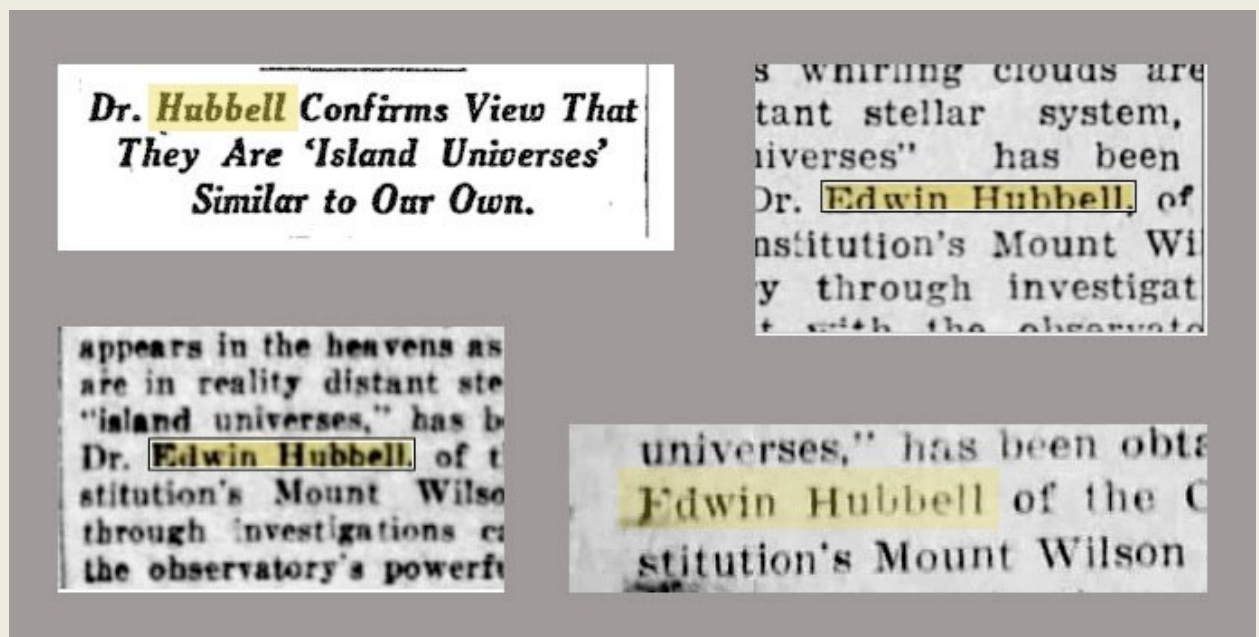
13 октября 1924 на Манхэттене, в кинотеатре «Капитолий», состоялась премьера фильма «Навигатор» с Бастером Китон в главной роли. Могу искренне порадоваться за жителей Нью-Йорка, поскольку это действительно невероятно смешной фильм. После которого Бастер Китон уверенно вошёл в узкий пантеон моих любимых комедийных актёров. И даже не только комедийных, а вообще. При том, что критики ставят его же фильм «Паровоз «Генерал» («The General», 1926) даже выше «Навигатора». Я с этим не спешил бы соглашаться, но ладно. В любом случае «Генерал» – фильм отличный. Его сюжет построен целиком на железнодорожных трюках. В ходе Гражданской войны диверсанты-северяне угоняют паровоз южан, а машинист-южанин (Бастер Китон) на другом паровозе пускается за ними в погоню.

Фильм был основан на реальной истории, имевшей место в апреле 1862 и известной под названием «Великой паровозной гонки». Данная операция (угон паровоза в тылу противника с последующей погоней и сжиганием за собой мостов) была тогда проведена по инициативе генерал-майора северян Ормсби Митчелла. Который за шестнадцать лет до того, как астроном и издатель научного журнала, подарил миру слово «Island Universes».

В фильме используются вымышленные имена, так что Митчелл фигурирует там под именем «генерала Тэтчера» и выступает в качестве супостата Бастера Китона. Который (вернёмся к «Навигатору»), дрейфуя 13 октября 1924 без руля и ветрил по бескрайнему экрану «Капитолия», открыл в результате неведомый Остров – себе, впрочем, на голову. Чуть опередив в этом деянии Эдвина Хаббла, открывшего следом собственный «Island Universes», «Остров Вселенной».

Итак, «Остров» и «Периодичность» мы увидели. А теперь – самый трепетный момент. «Бабочка» в истории открытия Вселенной.

В утренних газетных публикациях 23 ноября 1924 об «открытии Вселенной» присутствует странная закономерность. В первых по времени выхода газетах (то есть – наиболее «восточных») фамилия автора открытия дана с ошибкой. Эдвин Хаббл фигурирует в них, как «Hubbell» (вместо правильного «Hubble»). И это не одна-две описки, это – система.

[Илл. 12-05-12-1. Неправильное написание фамилии Хаббла («Hubbell» вместо «Hubble») в сообщениях газет восточного побережья от 23 ноября 1924 – «The New York Times», «Sunday News» Lancaster, «Democrat and Cronicle» Rochester, «The Brooklyn Daily Eagle».]

Вроде бы мелочь. Но мелочь говорящая. В 1924 имя астронома из Пасадены ничего не говорило ни публике, ни журналистам. Зато у всего Восточного побережья, а особенно в Нью-Йорке, на слуху был Raymond Hubbell, композитор и аранжировщик, музыкальный руководитель Нью-Йоркского «Ипподрома».

В фильме Джина Келли «On the Town» («В городе», «Увольнение в город», 1949), молодой застенчивый матрос (Фрэнк Синатра) отбивается в такси от напористой женщины-водителя, положившей на него глаз. Она хочет отвезти его к себе домой, а он хочет посмотреть достопримечательности Нью-Йорка – согласно рекомендациям сильно устаревшего путеводителя, доставшегося ему ещё от деда. И там, среди объектов, которые «must see», значится «Ипподром». Происходит такой примечательный диалог (оба поют):

- If you should ever hit New York, // be sure to see the Hippodrome.
- The Hippodrome?
- Yeah, the Hippodrome. [...]
- Did I hear right? // Did you say the Hippodrome?
- Yes, you heard right. [...]
- It ain't there anymore. // They tore it down, you know, // a dozen years ago.
- I wanted to see the Hippodrome, – упорствует Синатра.

Что называется, «почувствуйте рифму». Кстати, в одном из вариантов русской озвучки (лучшей на мой вкус) предпоследняя строка с обезоруживающей непосредственностью давалась, как: «Ипподром давно снесли // и лошадок увели».

Так вот, «New York Hippodrome» – так назывался не стадион для лошадиных бегов, а крупнейший театр города, расположенный в самом центре, недалеко от Таймс-сквер и 42-й. И его музыкальным руководителем как раз и являлся Raymond Hubbell.

А самая знаменитая песня его самого знаменитого шоу («The Big Show») знаете как называлась? Она называлась – «Poor Butterfly». Чью мелодию денно и ночью мурлыкал тогда себе под нос и вест-сайдский судья, и ист-сайдский гангстер.

[Илл. 12-05-13-1. Афиша представления «The Big Show» Раймонда Хаббела с главной там песней «Бедная Бабочка».]

Вот, выходит, что крутилось в мозгу у журналистов, когда они писали свои заметки о том, что некий никому не известный астроном с подозрительно знакомой фамилией открыл в созвездии Андромеды далёкий и непостижимый «Остров Вселенной».

В мозгу у них крутилась знаменитая песня Раймонда Хаббелла. «Бабочка».

Так, к «Острову» и «Периодичности» в нашей истории добавилась «Бабочка». Треугольник замкнулся.

Импульс

(июль-ноябрь 1924)

Большой популярностью в народе неизменно пользуется теория «шести рукопожатий». Согласно ей, два любых жителя Земли связаны между собой посредством максимум шести промежуточных знакомых.

Этот тезис очень лукавый. Наличие «связи» подобного рода ровно ничего не означает в плане возможностей воздействия, или хотя бы просто передачи сигнала. Чтобы не ходить далеко за примером – в настоящий момент я нахожусь в двух «рукопожатиях» от Папы Римского и Далай-ламы, и в трёх – от Вуди Аллена. И каковы мои возможности влияния на них?

А всё потому, что имеет значение не «длина» канала связи, а его «ширина». Которая в первом приближении может быть приравнена к уровню *взаимной* заинтересованности обеих сторон каждого из «рукопожатий» в цепочке.

В этой главе будет рассмотрен случай передачи импульса от одного события к другому, формально от него далёкому. Но хотя «канал» связи был между ними и длинный, он, как будет показано, обладал высокой «пропускной способностью» на всех его участках. Итак.

При внимательном взгляде на процесс открытия Эдвином Хабблом «Острова Вселенной» (Галактики Андромеды), трудно избавиться от ощущения некоторой странности его протекания. С одной стороны, в течении почти года, предшествовавшего открытию, Хаббл уже обладает достаточными экспериментальными данными. С другой – до самого последнего момента его парализует какая-то внутренняя неуверенность. Он всё проверяет и перепроверяет. И всё равно не уверен. Всё это тянется, и тянется, и тянется. А потом – раз! и он вдруг, ни с того ни с сего, срочно делает публичное заявление в прессе, даже не дождавшись начала съезда Американского астрономического общества, где его докладу было бы самое место. Всё выглядит так, как если бы решение было принято под давлением каких-то внешних обстоятельств непреодолимой силы.

Чтобы лучше прочувствовать масштаб «внешних обстоятельств», о которых пойдёт речь, сделаем небольшой экскурс в индустрию воздухоплавания по состоянию на осень 1924.

Полновластным и безраздельным хозяином воздуха в то время является дирижабль. «Воздушное судно», «воздушный корабль», «воздушный лайнер» – это всё исключительно про дирижабли, самолёт же (точнее, «аэроплан») – это всего лишь «летательный аппарат», в лучшем случае «летательная машина». Дирижабли делают серьёзные дела, аэроплан же – спортивное баловство, приспособление для трюков и увеселения публики.

Рассматривался также и вопрос о применении летательных машин (аэропланов) <...> Однако... последнему пока должны принадлежать спортивные подвиги. <...> Для исполнения же более значительной программы пригодны лишь воздушные корабли.

(Л. Брейтфус, «Проект капитана Брунса», Природа, № 7-12, 1924, ст. 86)

Даже по сегодняшним меркам, дирижабли начала 1920-х являли собой сооружения циклопические. Они не то что «размером с футбольное поле», они – с два футбольных поля, приставленных одно к другому в длину. Это уже давно не «мягкая воздушная колбаса» (типа бледнопламенного «limp blimp»). Дирижабли графа Цеппелина имеют жёсткий дюралевый каркас, пять моторов «Майбах» по пятьсот лошадиных сил каждый, запас хода более десяти тысяч километров без дозаправки, значительную устойчивость к ветру и полную автономность полёта на много дней. Не забудем и о комфорте: на борту мы видим крахмальные скатерти, саксонский фарфор, шёлковую обивку. Радио играет танго. Курить, правда, нельзя – но это, пожалуй, единственное неудобство. Тёплый душ принять можно. Хотя использованная вода на землю сразу не сбрасывается – балласт следует экономить.

Но, главное, дирижабль может летать где хочет и когда хочет, никого не спрашиваясь. Для тогдашних аэропланов он мало уязвим. У них вполне соизмеримые скорости (120 и 180 км/ч соответственно) – при этом «воздушные корабли» способны подниматься на высоту, совершенно недоступную для «летательных машин» того времени. Можно прятаться над облаками, можно зависать на одном месте хоть на сутки. А уж возможности дирижабля и аэроплана по установке тяжёлого вооружения смешно даже сравнивать. Одно слово, дирижабль – «царь неба».

Есть, конечно, своя специфика в эксплуатации – но где её нет? Например, ангары обретают совершенно неправдоподобные размеры, а при посадке требуется, по-хорошему, сотни три специально обученных «парковщиков», удерживающих дирижабль за сброшенные верёвки, как лилипуты – пленённого Гулливера на иллюстрациях Гюстава Доре. Ну, и заполняться лучше гелием, которого на всех пока не хватает. Так что большинство продолжает летать на водороде, что в общем-то не хорошо. Но в целом – дело очень перспективное.

О месте, которое занимали дирижабли в общественном сознании того времени, можно судить по синематографу. Уже в 1909 в коротком игровом фильме «Истребитель дирижаблей» («The airship destroyer») была показана научно-техническая антиутопия, связанная с воздухоплаванием, где целая армада дирижаблей необозначенного врага (судя по ухваткам – всё-таки пруссаков) вторгается в воздушное пространство Англии и бомбит мирные луга и нивы. Это, конечно, была фантазия (баллоны объёмом с молочную цистерну поднимают там экипаж из трёх человек, плюс двигатель, плюс запас бомб), но фантазия вещая. Всего через несколько лет немецкие дирижабли будут реально бомбить Лондон, живое воспоминание о чём сохранится и десять лет спустя после этого (например, лента Говарда Хьюза «Ангелы ада», 1930 – где командир, израсходовав балласт, приказывает экипажу, для облегчения судна, прыгать за борт без парашютов).

Итак, дирижабли рулят. К описываемому моменту их было произведено в мире уже более ста штук (что, учитывая масштабы изделий, много), и при этом практически все – в Германии. Однако Мировая война (никто ещё не знал, что она была «первая») закончилась поражением Кайзера. И согласно Версальскому договору завод по производству дирижаблей во Фридрихсхафене должен был быть ликвидирован.

И тут стали возникать идеи. Например, что завод можно не уничтожать, а делать на нём дирижабли для той или иной страны-победителя (вот хотя бы для Америки), стоимость которых, к обоюдной выгоде, пойдёт в зачёт выплаты Германией репараций. Всем хорошо – и рабочие места, и сохранение производства, и экономия живых денег (это для Германии), и взыскание безнадёжного долга, и получение высокотехнологичного продукта (это для Америки). В результате было сделано исключение и подписан договор с заводом Хуго Эккенера на производство небывалого по размерам и техническому совершенству дирижабля – LZ-126 по германской спецификации (он же ZR-3 по американской).

Для Германии это был проект национального масштаба. Да даже и для Америки, пожалуй. На тот момент во всех Соединённых Штатах нечто подобное хоть в каком-то приближении имелось в количестве 1 (прописью: одного) экземпляра (дирижабль «Шенандоа»).

Строительство LZ-126, за которым пристально следили народы обеих стран, шло два года. Пресса оповещала весь мир о мельчайших успехах и затруднениях производства. Глава предприятия и сам ярый воздухоплаватель Хуго Эккенера был в этот период, возможно, самой медийной фигурой Германии.

И вот 27 августа 1924 строительство LZ-126 (ZR-3) было в целом завершено, и после ряда испытательных полётов и доработок (об этом позже), этот самый могучий дирижабль в мире 12 октября 1924 под командованием лично доктора Эккенера отчалил из германского Фридрихшафена и взял курс на Нью-Йорк.

Уже месяца два как все американские газеты день за днём прогревали тему грядущего перелёта. Теперь же под его хронику отводились целые полосы. Когда три дня спустя ZR-3 (всё, немецкое обозначение ушло в прошлое) пять раз подряд проплыл на бис над Бродвеем и 5-й авеню, нация зашла в непередаваемом восторге. Никто на Манхэттене в тот день не работал, торги на Уолл-стрите встали, Доу-Джонс на время истаял в воздухе как бес из Фауста, Федеральный резерв два часа не охранялся никем. Но и грабить его было некому – все жители Нью-Йорка высыпали на улицы и стояли, задрав головы и открыв рты. «Thousands gaze as ZR-3 swiftly clides over city», «Crowds greet big airship», «Thousands watch flight of ZR-3 down coast», «Coolidge (президент) congradulates ZR-3 commander», «Thousands cheer ZR-3 circling city» – это ещё самые спокойные заголовки из вышедших на следующее утро.

Вот каким был день 15 октября 1924 для Восточного побережья, и день 16 октября (когда вышли газеты) для Западного. Нас же будет интересовать лишь то, каким этот день был для одного конкретного человека – Эдвина Хаббла из Пасадены (Лос-Анджелес).

Значит, 16 октября. В тот день, в 12 часов 23 минуты, в Пасадене вдруг потемнело, город накрыла огромная тень. Над головой у Хаббла и его соседей явилось натуральное чудо: пол неба закрыл некий летающий объект чудовищных размеров. Это был гигантский дирижабль, каких никто никогда в Лос Анджелесе не видел. И хотя газеты в то утро заливались соловьями об огромном ZR-3, но это не мог быть он – ZR-3 находился на другом конце страны, на базе Лейкхёрст под Нью-Йорком.

А это был «Шенандоа» (помните, единственный большой дирижабль Америки до ZR-3), который совершал первый за всё время своего существования полёт на Западное побережье. Причина была очевидной – требовалось освободить ангар в Лейкхёрсте для новоприбывшего ZR-3. И вот 16 октября «Шенандоа» проплыл над Лос-Анджелесом и Пасаденой («San Pedro Daily Pilot», вечерний выпуск, с. 3) и уплыл дальше на север, к Сиэттлу. «Crowds greet dirigible here», «Shenandoah Passes Over L.A. on Trip», – писала «Los Angeles Evening Express» тем же вечером.

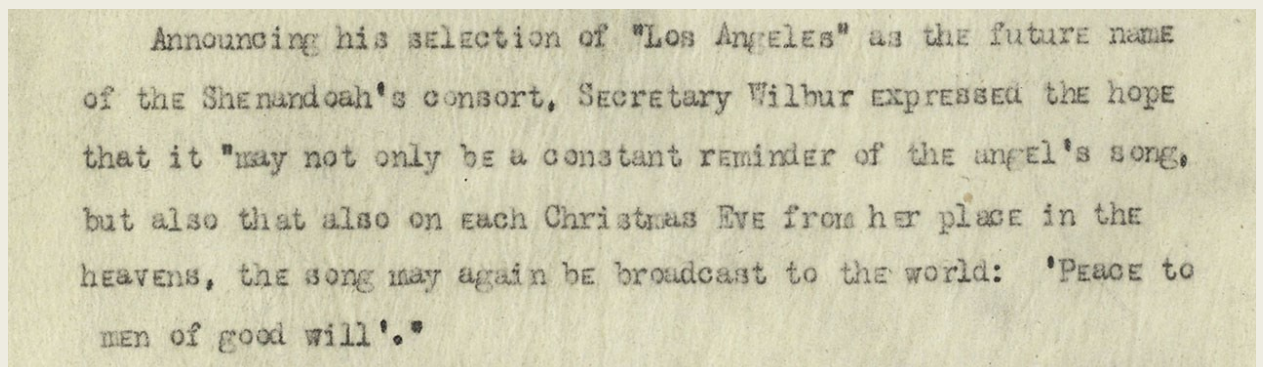
Всё понятно. Но выглядело это так, словно ZR-3 мистическим образом телепортировался через материк и материализовался над Хабблом, оповещая его о своём прибытии в Землю Обетованную, во всей своей Славе и Силе.

Для Хаббла это был определённо знак. Огромное «небесное тело» вдруг вывалилось на него буквально из ниоткуда, прямо из глубин космоса. Вот только знак – чего?

Ждать разъяснения долго не пришлось. В тот же день агентство «Associated Press» сообщило, что дирижабль ZR-3 вскоре (после необходимой подготовки) будет переименован, и его новое имя будет тесно связано с Рождеством Христовым. Слоганом будет фраза: «Peace to men of good will». Называться же дирижабль будет «Los Angeles».

Announcing his selection of «Los Angeles» [...] Secretary Wilbur [военный министр] expressed the hope that it «may not only be a constant reminder of the angel's song, but also that also on each Christmas Eve from her place in the heavens, the song may again be broadcast to the world: 'Peace to men of good will'».

(AP, 16 октября 1924, 18:12)

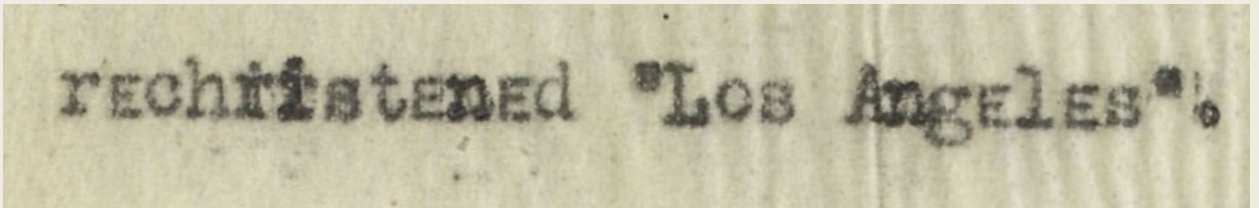
[Илл. 12-06-01-1. Сообщение «Associated Press» о предстоящем переименовании дирижабля ZR-3. «Los Angeles», «Christmas Eve», «Peace to men of good will». Новостная лента AP от 16 октября 1924, 18:12 по Восточному времени.]

Сетчатка человеческого глаза (конечно, мозг) сохраняет изображение около тридцати миллисекунд, на чём основан принцип передачи непрерывного движения с помощью последовательности отдельных кадров. Но это относится к обычному изображению. Изображение ангелов на сетчатке держится дольше, около полугода. А ещё и пяти месяцев не прошло, как глаза Хаббла были заполнены до краёв

рыжеволосыми ангелами Флоренции, с золотой лессировкой на крыльях и в облаках розовых лепестков.

[Илл. 12-06-01-2. Небесные сущности Флоренции. Уффици, инв. № 878.]

[Илл. 12-06-02-1. Самое первое сообщение о выбранном имени для ZR-3. Лента AP от 16 октября 1924, 14:49.]

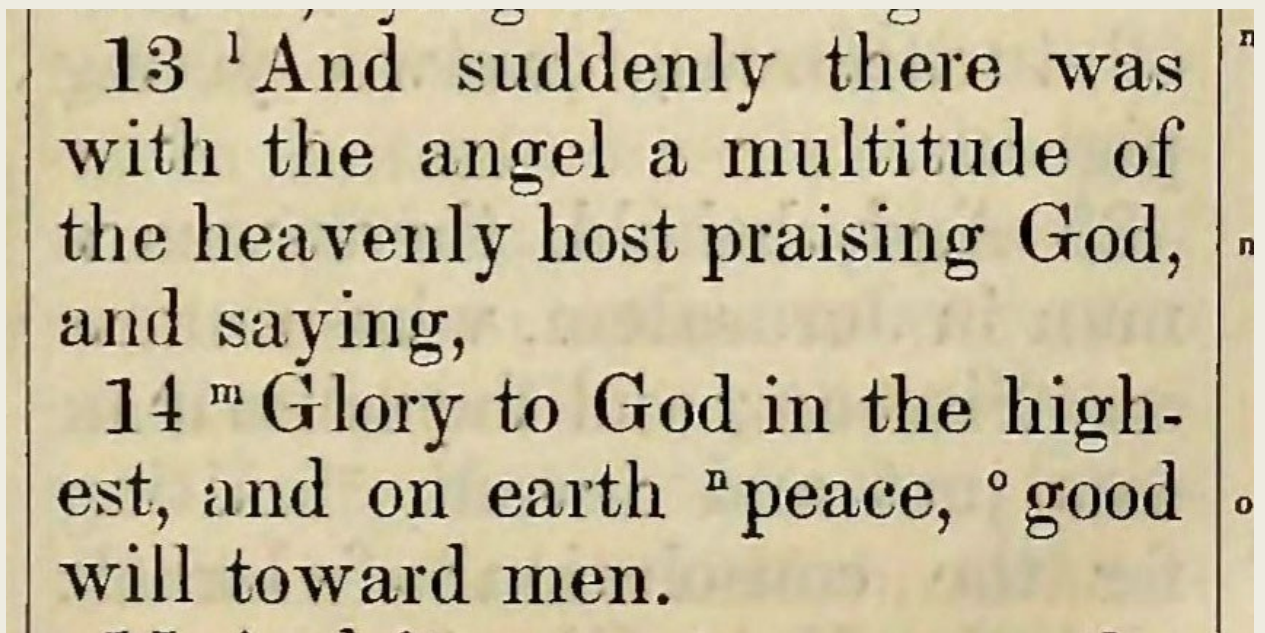
Итак, «Los Angeles». Хабблу явились Ангелы. И сказали.

Фраза, выбранная для слогана церемонии переименования отсылала к 13-му и 14-му стихам второй главы Евангелия от Луки (что было прямо указано в пресс-релизе).

Напомню, что у Луки в эпизоде рождения Иисуса нет ни «волхвов» с востока, ни «путеводной звезды» (которая во времена Гийома Постеля плотно связывалась со сверхновой Тихо Браге, SN1572). Вместо «волхвов» у Луки фигурируют местные «пастухи» (то есть «простые люди»), а вместо «путеводной звезды» их взорам предстаёт Ангел, демонстрирующий им (далее цитирую в том виде, в каком это было известно Хабблу со школы):

...with <...> a multitude of the heavenly host

(Лук. 2:13)

[Илл. 12-06-03-1. Евангелие от Луки, глава 2, стихи 13 и 14. «Multitude of the heavenly host» и «Peace, good will toward men».]

Церковно-каноническое понимание этого места известно. Но для астронома оно выглядит несколько иначе. «Multitude» – это «множество»; «heavenly» – «небесные», в прямом астрономическом значении («heavenly bodies» – «небесные тела»); «host» – опять «множество». Всё вместе – «множество небесных множеств», «Welt von Welten», «миры миров». Вот что открыл у Луки его Ангел испуганным взорам пастухов – «миры миров», они же «Острова Вселенной». В его, Хаббла, конкретном, случае – новые Галактики, типа «Галактики Андромеды».

Посыл был предельно понятен. Он, Хаббл, как Ангел Луки, должен, наконец, показать «простым людям» свои «Острова Вселенной». И произойти это должно не где-нибудь, а именно в Лос-Анджелесе. Так сказали Ангелы («Los Angeles»), явившиеся Хабблу в виде миража гигантского дирижабля в полдень 16 октября 1924 в пригороде Лос-Анджелеса.

Точнее – так сказали *будущие* Ангелы. Ведь переименования ещё не произошло. И имя этих будущих Ангелов пока всё ещё было «ZR-3».

Хорошо – значит, объявить о своём открытии Хаббл должен в день переименования дирижабля. Скоро стало известно, что переименование, выстроенное всё на рождественской символике, будет приурочено ко Дню Благодарения, с которого в американской традиции открывается прямой путь к рождественским праздникам (и распродажам).

Церемония, чтобы не накладывать её на сам праздник, была назначена в канун кануна Дня Благодарения, то есть на 25 ноября, вторник.

Дальнейшие расчёты Хаббла предельно прозрачны. Тут уже нет места никакой мистике, одна чистая прагматика. Хабблу нужно немного «отстроиться» от торжественной церемонии (в информационном смысле), то есть опередить её хотя бы на день. Но понедельник в газетном деле – день провальный. Значит, нужно ориентироваться на воскресенье, когда в дополнение к прочему выходит масса еже-

недельных таблоидов. А чтобы новость попала в утренние воскресные выпуски, её нужно отправить в информационное агентство вечером накануне. То есть – 22 ноября, в субботу, после обеда.

Как мы знаем, в результате именно так всё и было сделано.

И оно – сработало. С этого момента Хаббл сделался самым известным астрономом своего времени. А когда 75 лет спустя закончилось столетие – самым известным астрономом столетия.

Спустя два дня после сообщения Хаббла о своём открытии стало понятно, что его решение несколько опередить события было верным. Инаугурация дирижабля прошла с большим скрипом. Небеса, похоже, передумали и уже не рвались делиться с «пастухами» своими «мирами миров».

Надо сказать, что дата 25 ноября в качестве дня инаугурации дирижабля была выбрана достаточно авантюрно. С момента прибытия ZR-3 в Америку до неё оставалось всего сорок дней, и была большая вероятность не успеть провести все необходимые подготовительные работы (замену водорода на гелий, модернизацию водяных помп, тренинг команды и др.). В результате вроде бы и успели, но всё на пределе.

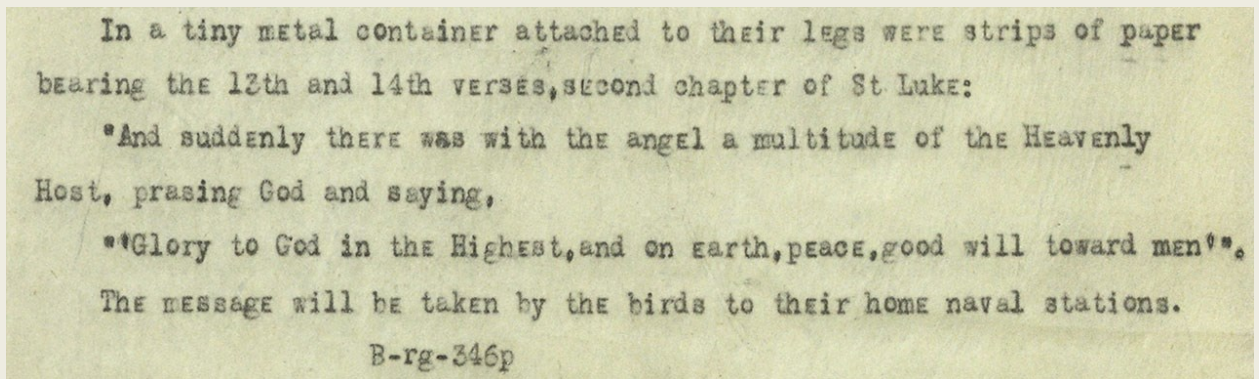
Церемония сразу как-то не заладилась. Инаугурация проходила в Вашингтоне. Когда дирижабль туда подошёл, оказалось что президент с супругой опаздывают, и пришлось в их ожидании болтаться на подлёте около двух часов. Наконец церемония началась.

Журналисты потом дружно отмечали, что в воздухе витало что-то «мистическое» («mistycal»). Сам вид дирижабля вызывал у прессы неоднозначные ассоциации («monster of the air»). Только ленивый не отметил, что имел место явный «знак небес»: при стабильно серой и обложной в тот день погоде, в какой-то момент облака вдруг прорезал чёткий и сильный луч солнца и ярко высветил ZR-3 – до того, как он преобразился в «Ангелов». А к моменту собственно переименования дирижабль снова был серым и унылым. Типа того, что «Переименовывать не надо».

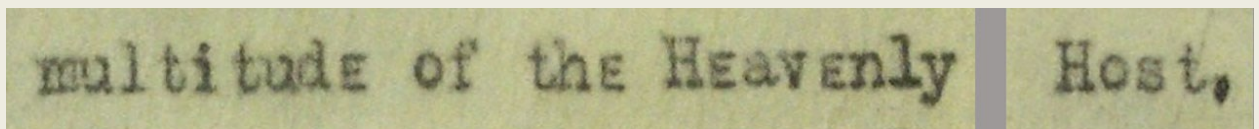
В первую попытку приземлиться промахнулись мимо поля, во вторую тоже. Пошли на третий круг – и чуть не напоролась на верхушки деревьев на соседнем холме. Когда промахнулись в четвёртый раз, никто этому уже не удивился. Стояла золотая осень, но было довольно холодно, шикарно-скромный костюм первой леди оказался явно не по-погоде. Сильно портя картинку, охрана принесла пальто.

Само переименование вышло в результате скомканным. Когда с неизвестно какого раза дирижабль притянули-таки к земле, замёрзшие скауты быстро выпустили заготовленных голубей с прикреплёнными бумажками, на которых была написана соответствующая цитата из Луки о «мирах миров» (2:13-14), первая леди провозгласила переименование состоявшимся, после чего по-быстрому осмотрела с супругом внутренности воздушного судна – и уже через несколько минут новоиспечённые небесные «Ангелы» пустились в обратное плавание на родную базу Лейкхёрст.

[Илл. 12-06-04-1. Репортаж об инаугурации дирижабля «Los Angeles». AP от 25 ноября 1924, 15:46.]

[Илл. 12-06-04-2. Использование соответствующих стихов из Евангелия от Луки при инаугурации «Los Angeles». Там же.]

Но это всё были теперь мелочи. К тому моменту самое главное уже два дня как свершилось. Вылетевший 12 октября 1924 из Фридрихшафена дирижабль (strange – like your angel, invisible – like a monster) толкнул Эдвина Хаббла (le sens de la bête) объявить 22 ноября 1924 об открытии новых миров. Лёгкое дуновение зефирхлорида, рождающее ауру флоры.

А сейчас перейдём ко второй части этой истории. Точнее, вот эта была вторая, а сейчас будет первая.

Давайте посмотрим, как Хуго Эккнер вылетал из Фридрихшафена.

А вылетал он долго и упорно, месяца полтора. С такими темпами странно, что вообще вылетел.

В Америке ZR-3 ждали с нетерпением. И газеты, которые, может, и бежали немного впереди паровоза, но, по-всякому, держали руку на пульсе – так вот эти газеты раз за разом оповещали об окончательной готовности и назначении даты вылета. И раз за разом эта дата срывалась. Конкретно: сентябрь – 2, 5, 15, 20, 30; октябрь – 5, 6, 8... Все эти даты объявлялись окончательными, и все пролетали мимо.

Эккнер тестировал своё изделие очень тщательно. Может быть даже слишком. Процесс затягивался.

Так бы оно всё и тянулось, если бы 7 октября 1924 в мире воздухоплавания не произошло некое знаковое событие. После которого подготовка ZR-3 мгновенно ускорилась – так, что уже через 5 дней дирижабль Эккнера спешно отбыл в Нью-Йорк. Что же случилось 7 октября?

В тот день в далёком (от Фридрихшафена) Берлине было учреждено международное общество «Аэроарктика». Целью которого было декларировано создание

мировой системы пассажирского воздушного дирижаблевого сообщения, а также открытие при помощи дирижабля гипотетического полярного материка. Отсюда и название.

У Общества были идеи, были наработки – но не было дирижаблей и не было денег. Всё это предполагалось найти на стороне.

Инициатором и движущей силой здесь был некто Вальтер Брунс, в недавнем прошлом командир дирижабля. С Хуго Эккеном его связывала длинная история отношений. Не раз воздухоплаватель Брунс обращался к фабриканту Эккенеру со своими проектами, но неизменно получал отказ. Эккенер сам знал, как ему распоряжаться собственными ресурсами.

И вот (что стало для Эккенера полной неожиданностью) Брунс мало-помалу смог втянуть в свой проект чуть ли не всех крупнейших учёных Германии, так или иначе связанных с воздухоплаванием – в том числе знакомых нам Курта Вегенера, Генриха Фиккера, Людвига Брейтфуса и других. Президентом Общества согласился стать сам Нансен, звезда действительно мировой величины. Но мало того, под проектом Брунса подписались и прямые конкуренты Эккенера – директор второй по величине компании по производству дирижаблей «Schütte Lanz» доктор Блейштейн, и даже сам конструктор Иоганн Шютте. Команда получилась абсолютно звёздная.

Конечно, сами цели «Аэроарктики» для Эккенера от этого ближе не стали. Но в качестве неожиданного и сильного конкурента, по крайней мере на медийном поле, новообразованное Общество опасность представляло, и немалую.

Эккенер привык действовать решительно. А потому стремительное завершение всех испытаний ZR-3 и назначение ближайшего (из возможных) дня отправления в Америку следует расценивать, как его прямой ответ на возникшую угрозу. Так неожиданно определилась окончательная дата вылета – 12 октября 1924.

Теперь кое-что об «Аэроарктике». Она родилась тоже достаточно спонтанно, под давлением неких внешних обстоятельств.

Главной проблемой будущего Общества было полное отсутствие денег. Поначалу предполагалось найти спонсоров среди каких-нибудь богатых фабрикантов. Когда таковых не обнаружилось, взоры обратились к государственным бюджетам разных стран. И первым делом тут подумали, как ни странно, о России. Впрочем, не так уж это и странно. В качестве пилотного проекта рассматривалось открытие прямой воздушной линии «Амстердам – Токио», проходящей над (или около) русскими полярными областями. Кому же как ни Советам заинтересоваться этим проектом?

Так что первый рабочий документ («Проект Брунса»), ставший базовым для учреждения «Аэроарктики», был заточен именно под Россию. Учитывая эту специфику, готовил его не столько сам Брунс, сколько эксперт по полярной России и активнейший участник «Аэроарктики», доктор Людвиг Брейтфус.

Кто такой Брейтфус? Бывают люди вроде как неприметные, а куда ни кинь – везде они оказываются чуть ли не основоположниками. Их убрать – и мир рухнет, по

крайней мере сразу посыплется. Вот это и есть Брейтфус – во всём, что касается полярных дел. Человек феноменальный, заслуживающий отдельной книги.

Иногда он «Людвиг», иногда «Леонид Леонидович». Дело в том, что он родился и прожил до двадцати пяти лет в Петербурге. После чего отсидел там (при Александре Александровиче) пол-года в «Крестах» и, выйдя, уехал ко всем чертям в Берлин. Где, как и все, окончил университет и защитил докторскую диссертацию. И вот, десять лет спустя после отъезда, Брейтфус получает из России предложение, от которого невозможно отказаться – ехать работать по специальности к чёрту на куличики – на север Кольского полуострова, в заполярный Мурман.

В 1898 Брейтфус приезжает на Север – и Север остаётся в его сердце навсегда. За десять следующих лет он становится возможно главным в мире специалистом по Баренцеву морю. Он делает промеры, тралит донную фауну, ловит ветер, организует сеть спасательных Депо для потерпевших крушения, налаживает метеослужбу, составляет точнейшие карты. Разумеется, плавает на Новую Землю.

В 1908 Мурманскую экспедицию расформировывают и Брейтфус вскоре получает должность руководителя гидрометеорологической службы Главного гидрографического управления. Это – военно-морское учреждение, и весьма серьёзное. Как только была образована российская Полярная комиссия, Брейтфус сразу становится её членом. Уже «Их Высочорodie», не пуд инжира.

Когда в один год пропадают сразу три русские полярные экспедиции (Седова, Брусилова и Русанова), Брейтфус принимает активнейшее участие в организации спасательных работ (лето 1914). Он арендует в Норвегии корабли и занимается доставкой на Новую Землю французского гидроплана для «полётчика» (1912) Нагурского. Существует мнение, что именно Брейтфус явился инициатором этого первого в истории человечества полёта в Арктике. Документов на эту тему мне обнаружить, правда, не удалось – однако ряд вполне серьёзных учёных разделяют данную точку зрения (хотя источников не смогли мне назвать и они). В любом случае то, что Брейтфус имеет прямое отношение к истокам арктической авиации – это вне всякого сомнения.

Едем дальше. Зимой 1920 года русское ледокольное судно «Соловей Будимирович» оказалось драматически затёрто во льдах Карского моря. И опять Брейтфус на переднем рубеже (и опять вне газетных передовиц). Он из Норвегии координирует отправку из Англии спасательного судна и подбор для него норвежского экипажа. И сам выходит в море, возглавив спасательную операцию. В результате «Соловей Будимирович» изо льдов вызволен, ни один человек не погиб, а Брейтфус, уж заодно, в последний раз побывал с оказией на Новой Земле.

Спасатели, сделав своё дело, пришли обратно в Трёмсе, откуда Брейтфус, 57, в Россию уже не вернулся. 1921, всё понятно.

Он переезжает в Берлин, и дальше начинается как раз «Аэроарктика». Но после 1933 (тоже понятно) это международное Общество лишается в Германии всяких надежд на будущее, а в 1937 ликвидируется.

Брейтфус, уже на восьмом десятке, сконцентрировался тогда на своих исследованиях истории арктических исследований. И он стал человеком, который знал о полярных экспедициях всех времён и всех народов больше, чем, пожалуй, кто-

либо из когда-либо живших на земле, и до него и после. Его труд, совершенно космических масштабов, описывающий три тысячи (!) экспедиций и использующий более тридцати тысяч (!) источников, несколько лет спустя благополучно обращается в пепел в пылающем Берлине.

История гигантского полярного архива Брейтфуса темна и загадочна. После смерти Брейтфуса, что-то оказалось в Англии, что-то лежит до сих пор в секретных и забытых шахтах Швабских Альп. Но в отличие от «библиотеки Ивана Грозного», в один прекрасный момент это всё может ещё всплыть. С нетерпением ждём.

Удивительно, но несмотря на свою эмиграцию в 1921, даже к 1924 Брейтфус не стал в России «персоной нон-грата». Он даже сохранил своё членство в русской Полярной комиссии. Это какой-то нонсенс, но это так (потом, правда, исключили). И в любом случае, у него сохранились обширные и абсолютно рабочие связи со всеми русскими (теперь уже – советскими) игроками полярной отрасли.

И вот этот человек, Людвиг Брейтфус, летом 1924 разрабатывает проект по организации трансконтинентального дирижаблевого сообщения, ориентированный на Советское правительство.

В этом проекте (называется «Проект Брунса», хотя готовит его именно Брейтфус) обращает на себя внимание повышенный интерес автора к арктическим фото- и кино- аэросъёмкам (на тот момент, за исключением Вегенера, ещё чисто гипотетическим). Во всех многочисленных версиях Проекта этот мотив неизменно присутствует:

***

Много пользы может принести здесь [в арктическом полёте] фотографическая съёмка и кинематография.

(«Проект капитана Брунса», Природа, № 7-12, 1924, ст. 85)

***

Комиссия <...> выработала ряд <...> задач<...> для решения экспедиции на Цеппелине: <...> наблюдения по морфологии и гляциологии с применением фото- и кинематографии.

(«Германский проект трансарктического воздушного сообщения из Европы в восточную Азию и зап. Америку», Метеорологический Вестник, № 6, ноябрь-декабрь 1924, с. 6)

А теперь сложим всё вместе и посмотрим хронологию событий.

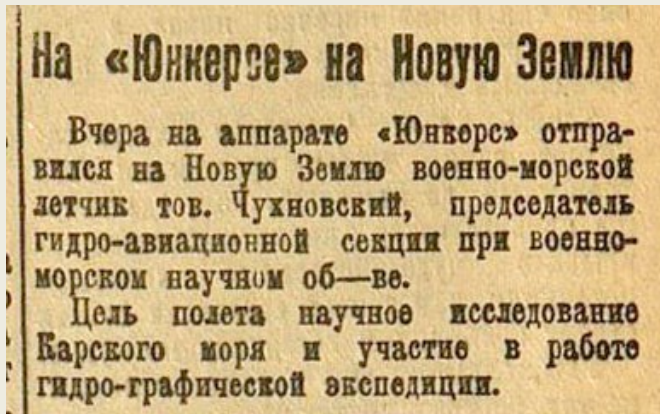
7 октября 1924 учреждается общество «Аэроарктика», но происходит это как-то очень уж спешно. Изначально планировалось рутинное собрание некой вяло функционирующей комиссии («Германская комиссия по исследованию полярных стран с помощью воздушного корабля»), но оно по ходу переросло в учредительный съезд нового Международного общества, уже полноценного юридического лица – с далеко идущими следствиями. Что-то подтолкнуло, и неожиданно.

Вернёмся на три месяца назад. 19 июля 1924 ленинградская «Красная газета» сообщает о двух вещах: проф. Фридман принял участие в международном конгрессе по прикладной механике в Голландии, и (на той же полосе):

Вчера на аппарате «Юнкерс» отправился на Новую Землю военно-морской лётчик тов. Чухновский.

(«Красная газета», 19 июля 1924, с. 3)

[Илл. 12-06-05-1. Сообщение об отправлении Чухновского на аэроплане на Новую Землю. «Красная газета» от 19 июля 1924, с. 3.]

Здесь было бы уместно вспомнить интерес Брейтфуса к арктическим полётам как таковым. Но мы не будем этого делать. А сконцентрируемся на прагматических аргументах, на которые делалась ставка в «Проекте Брунса». Брейтфусу необходимо предложить России нечто такое, что ей нужно, но чего у неё ещё нет. Конкретно – воздушное освоение Арктики. И вот приходит первый сигнал, что и там начинаются некие самостоятельные телодвижения в этом направлении. Значит, со своим Проектом тянуть больше нельзя. Пора действовать.

И уже через две недели, 1 августа 1924, Брейтфус заканчивает составление «Проекта Брунса» и переправляет его (на русском языке) в русскую Полярную комиссию. Оригинал этого машинописного документа сохранился (СПФ АРАН ф. 75, оп. 1, док. 95).

Но Полярная комиссия – это ещё не Правительство. А действовать нужно на всех уровнях. Очень похоже, что именно Брейтфус явился тогда инициатором знаменитого письма Нансена к Чичерину (копия Каменеву) от 20 сентября, содержавшего то же самое предложение, что и «Проект Брунса», но в кратком виде. Чичерин – это уже Правительство.

На следующий день, 21 сентября, «Красная газета», словно в ответ, опубликовала сообщение – мало что кому говорящее, а вот для Брейтфуса – просто «бомба»:

Аэро-снимки Новой Земли

Главным гидрографическим управлением СССР получено сообщение от северной гидрографической экспедиции на Новой Земле о том, что на гидроаэроплане, прикомандированном к экспедиции, были произведены

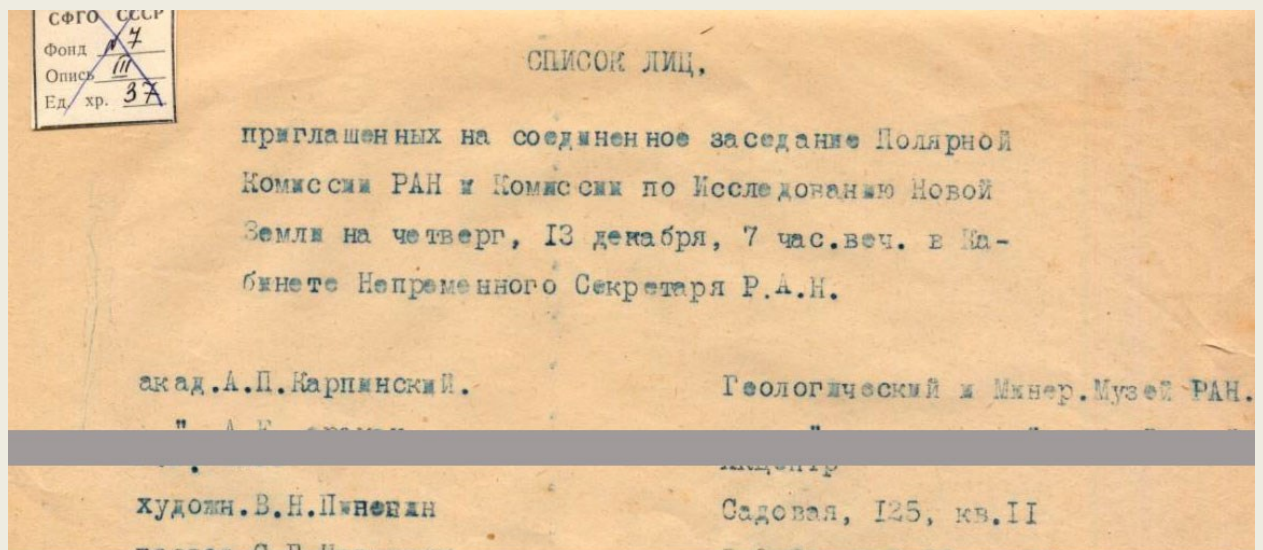
полёты над Новой Землёй и впервые была произведена воздушная съёмка видов Новой Земли и побережья острова.

(«Красная газета», 21 сентября 1924, п. 4)

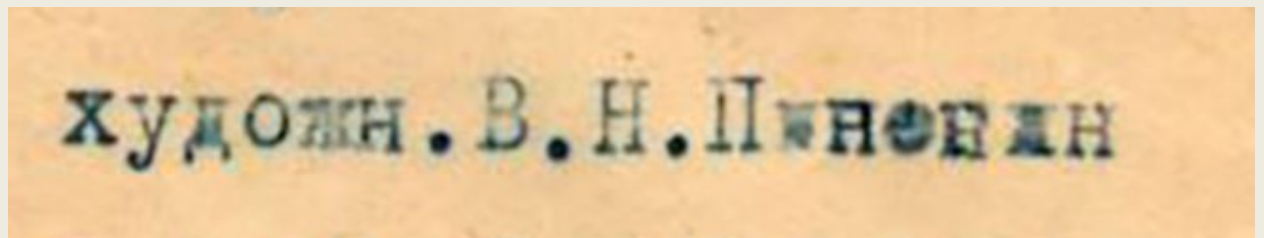
Всё! Русская аэрофотосъёмка в Арктике пошла.

Тут всё было как на ладони. Главное гидрографическое управление (в котором Брейтфус ещё недавно возглавлял одно из подразделений) не могло скрыть от его глаз ни малейших нюансов. Это Чухновский с Пинегиным пролетели над Новой Землёй.

Пинегин в заметке прямо не назван, но Брейтфусу это и не требуется. В экспедицию на Новую Землю Пинегина утверждала Полярная комиссия (13 декабря 1923), а Брейтфус сам член этой Комиссии.

[Илл. 12-06-06-1. Список лиц, приглашённых на заседание Полярной комиссии 13 декабря 1923, где будут решаться вопросы по экспедиции на Новую Землю следующим летом. Архив Кольского научного центра РАН, Научно-вспомогательный фонд, д. 765, л. 1.]

[Илл. 12-06-06-2. Там же, фрагмент. «Художн. В. Н. Пинегин». Видно, как Судьба противилась включению Пинегина в состав новоземельской экспедиции 1924. Из всей страницы только в его фамилии были сделаны опечатки, причём в четырёх буквах из семи. В дополнение к этому, его инициалы были перепутаны местами.]

Пинегина он знает хорошо ещё со времён экспедиции Седова. В частности на его, Пинегина, спасение были в 1914 отряжены стараниями Брейтфуса шхуна «Ан-

дромеда» и гидроплан «Фарман» Нагурского. Пинегин с товарищами смог тогда вернуться самостоятельно, но это дела не меняет. Брейтфус его знает и о нём помнит. Возможно, дополнительную роль тут сыграли специфические обязанности Пинегина в той экспедиции – штатного фотографа и кинооператора. Даже четыре года спустя, описывая те события, Брейтфус считает нужным особо это отметить:

Нельзя в заключение обойти молчанием и трудов художника Н. В. Пинегина, занимавшегося в экспедиции зарисованием ландшафтов этюдов, обычным фотографированием и кинематографированием. Многие из читателей, вероятно, уже знакомы с этими работами по выставке в Академии Художеств, а также по кинематографическим сеансам, сопровождавших доклады Седовского Комитета об этой экспедиции, бывших три года тому назад. Весьма ценными являются также многочисленные этюды полярных сияний, писавшиеся г. Пинегиным.

(Предисловие Брейтфуса к статье П. Г. Кушакова «Два года во льдах на пути к северному полюсу с экспедицией старшего лейтенанта Седова», Записки по гидрографии, т. 42, 1918, с. 94)

Итак, Россия начала раскручивать собственную аэро-арктическую программу. Понятно, почему Чичерин как воды в рот набрал.

Но две недели спустя, 4 октября 1924, Нансен получает ответ Чичерина – срочно, телеграммой (АВП ф. 4, оп. 50, пор. 54672, пап. 311, л. 71). В том смысле, что – всё это очень интересно, будем рассматривать. Делайте конкретное предложение.

Железо воздухоплавания надо ковать пока горячо. Но нельзя кому-то помочь, если «кого-то» попросту нет. Объект переговоров появился. Нужен субъект.

И ровно через три дня, 7 октября 1924, в Берлине на плановом собрании «Комиссии по исследованию полярных стран» рождается «Аэроарктика».

Так полёт Пинегина над Новой Землёй подтолкнул образование «Аэроарктики», а она в свою очередь – срочный вылет дирижабля Эккенера в Нью-Йорк – следствием которого стало объявление Хаббла об открытии «Острова Вселенной».

А это (продолжая линию), через пять лет приведёт к открытию «закона Хаббла», экспериментально доказавшего правильность «решения Фридмана», предсказавшего расширение Вселенной.

Вопрос: неужели без неожиданно возникшей угрозы конкуренции со стороны «Аэроарктики» Эккенера никогда бы не вылетел в Америку? Конечно, вылетел бы. Это вообще не вопрос. Но вылетел бы в другие сроки. А сроки здесь имели решающее значение.

Как мы помним, при вылете дирижабля 12 октября его и то еле-еле успели подготовить ко Дню Благодарения. При этом старались изо всех сил, поскольку выбор конкретного названия – «Los Angeles» – был сделан исключительно в расчёте на этот праздник. Днём Благодарения открывался предрождественский период, и образы и атрибутика Рождества («ангелы», «пастухи», «небесное множество мно-

жеств») обретали на это время в политическом промоушене особую действенность.

А так-то, вне этой даты, данное название не было ни единственно возможным, ни даже основным. Рассматривались, например, такие варианты, как «Nokomis» («Дочь Луны» на одном из индейских диалектов, «Brooklin Daily Eagle», 16 октября) и другие.

Но выбор пал, тем не менее, на «Los Angeles» – поскольку ко Дню Благодарения всё-таки рассчитывали успеть. И успели-таки! Момент был действительно удачным, в нём многое сходилось. Тем более, что именно к этому празднику у действующего президента Кулиджа имелась особая предрасположенность. Его личная яхта называлась «Mayflower» («Майский цветок») – чувствуете, откуда ветер дует? Точно также назывался и корабль отцов-пилигримов, чьё прибытие в Новую Англию в 1620 и отмечается, как День Благодарения.

Небольшая деталь. Когда ZR-3 летел из Германии в Нью-Йорк, он по ходу движения изменил утверждённый ранее прямой маршрут и отклонился к северу – чтобы, сделав крюк, пролететь как раз над местом высадки отцов-пилигримов в Новой Англии (то есть, над Плимутом).

А теперь представим что было бы, если бы ZR-3 заведомо не успевал ко Дню Благодарения?

Тогда выбранное название сразу становилось не таким интересным. Какая теперь была ближайшая дата, пригодная для инаугурации? Давайте посмотрим. Само Рождество для этого категорически не походит. А дальше мы видим только 22 февраля, День рождения Джорджа Вашингтона. День вполне подходящий, но название для дирижабля тогда нужно другое – «Джордж Вашингтон», и ребёнку понятно. Рождественский поезд уже ушёл.

И получается, что отложи Эккнер свой вылет из Фридрихшафена ещё на недельку-другую – и никакого бы дирижабля «Los Angeles» история бы не знала. Не знал бы его и Хаббл. И «Ангелы» не обратились бы к нему словами Евангелиста Луки о «мирах миров». И объявление им об открытии «Островов Вселенной» отложилось бы в результате на неопределённый срок.

С этим вроде бы всё. Единственно, можно внести небольшое уточнение в модель «рукопожатий», с которой начался данный эпизод. Дело в том, что ширина «каналов передачи импульса» не обязательно является постоянной величиной, а может меняться во времени. То есть в отдельные моменты эти каналы могут расширяться – а потом сужаться снова. И здесь опять становится уместна наша старая добрая модель «биллиардных шаров». Только несколько модифицированная – теперь все шары исходно находятся в движении.

Представьте, что у нас пять шаров и все они движутся. И вот первый шар попадает в движущийся второй, тот (изменив направление) попадает в движущийся ему наперерез третий шар – и так далее. В результате пятый шар влетает в лузу. Всё точно рассчитано. Но если один из шаров вдруг где-то на секунду задержится – вся чёткая схема мгновенно развалится. Важен точно выбранный момент.

Процес такого типа мы и видели в данном эпизоде. Пинегин пролетел над Новой Землёй – и Брейтфус всё понял и срочно инициировал «Аэроарктику» – и Эккнер сразу всё понял и тут же отчалил в Америку – и Кулидж тогда понял, что успевает ко Дню Благодарения, и нарёк дирижабль с рождественской коннотацией «Los Angeles» – и тогда Хаббл понял, что это знак свыше и объявил об открытии им «Островов Вселенной». И шар «Галактики Андромеды» залетел в воронку Пространства-Времени, искривлённого гравитацией М-Камня. Партия сыграна.

Когда-то, в 1572, в созвездии Кассиопея зажглась «новая звезда волхвов» (SN1572), осветив Антонию Мершу путь к М-кластеру Новой Земли.

И вот теперь М-кластер, увиденный Пинегиним с небесной точки зрения, привёл Хаббла к его Галактике Андромеды.

А как могло быть иначе? Ведь Андромеда – дочь Кассиопеи.

Планка

(июль-сентябрь 1925)

(Ветер – Подъём – Встреча – Праздник – Груша – Плод – Иней – Дыра – Река – Планка)

Ветер

Интерес чистого математика Фридмана к релятивистской физике и уравнениям Эйнштейна выглядит со стороны достаточно случайным. Это действительно так. И я рискну сделать предположение о том, посредством какого именно события реализовался этот самый счастливый «случай».

В Мировую войну Александр Фридман был авиатором и воевал в Галиции. А Николай Гумилёв был уланом и воевал в Польше. В его «Записках кавалериста» есть такой эпизод.

Во время разъезда в зоне соприкосновения с неприятелем, Гумилёв наткнулся на брошенный помещичий дом. Дом не был ещё разграблен – дорогая мебель, натёртый паркет, начищенная бронза. И – никого. Гумилёв, звеня шпорами, прошёлся по залам, и даже сделал тур вальса в паре с венским стулом.

И тут на стене он увидел картину работы старых мастеров, что-то вроде «Сусанны и старцев». Первым движением было взять картину с собой, вынув из подрамника. Второй мыслью стало то, что это выглядит как-то не совсем подобающе. Может, хозяева сюда ещё вернуться? Так он и уехал, поживившись в поместье лишь сорванным в саду яблоком. И тем же вечером увидел пламя, поднимающееся до небес. Это его сослуживцы подожгли то поместье со всем содержимым, поскольку кому-то из начальства показалось, что дом мешает обзору.

Поэтому Фридман, примерно в это же время вошедший с русскими войсками во Львов, без лишних интеллигентских рассусоливаний берёт в покорённом городе свою законную добычу. А именно – реквизирует в личное пользование немецкую книгу «Das Relativitätsprinzip» («B.G. Teubner», Leipzig, 1913). Об этом известно от ученика Фридмана и близкого друга Гамова, профессора Дмитрия Иваненко.

«Das Relativitätsprinzip» представляла собой сборник работ классиков «релятивизма» – Лоренца, Эйнштейна и Минковского. В частности, туда вошли статьи Эйнштейна «К электродинамике движущихся тел» и «Зависит ли масса тела от содержащейся в нём энергии?», лежащие в основе всей «Специальной теории относительности». Книгу эту Фридман пронесёт с собой через всю войну и сохранит.

А семь лет спустя Фридман, решив уравнения Общей теории относительности, получит в 1922 разлетающуюся Вселенную. «Ветер перемен» дул явно из Львова.

Ещё через полтора года, в начале 1924, Фридман получит свою «бабочку-капустницу», ползущую по поверхности многолистной «Вселенной-капусты».

И на этом – всё. Ворота времени с лязгом захлопнулись. Куда дальше двигаться, он, похоже, не знает.

Так что осень 1924 Фридман встречает в не лучшем расположении духа. А тут происходит ещё одно событие, повергшее его в дальнейшую депрессию. Его соавтор, коллега и ближайший друг детства, с которым он был тесно связан большую часть своей жизни, с которым он пишет статьи и ходит слушать оперу, следя за ариями по партитуре, с которым дурачится на домашних вечеринках – короче, Яков Тамаркин (между прочим, именно он подсказал Фридману рассмотреть случай «отрицательной кривизны пространства»), – так вот, поздней осенью 1924 Яков Тамаркин бежит из России. Именно «бежит», ночью перейдя по льду границу и попросив убежища в Риге. Для Фридмана это как лишиться брата-близнеца.

Правда, есть и хорошая новость. Студентом Фридмана с этого семестра становится некто Георгий Гамов, что в будущем обеспечит Фридману дальнейшую историческую перспективу – хотя на тот момент он об этом даже не догадывается. Так что эта новость хороша скорее для нас (и сейчас), а не для него (и тогда).

А ещё 31 октября с М-Шара в Ленинград возвращается из первого своего полёта новоиспечённый полярный лётчик Борис Чухновский. Тот самый, что стал «полярным лётчиком» и отправился на Новую Землю с подачи Фридмана, и который вместе с Пинегиным только что открыл «остров-бабочку», воспользовавшись «небесной точкой зрения».

Итак, Фридман неким образом повлиял на открытие «острова-бабочки». А теперь посмотрим, как «остров-бабочка» ответно повлиял на него.

Подъём

Контакты с Чухновским осенью 1924 имели для Фридмана, судя по его дальнейшему поведению, чрезвычайно важное значение. Ибо он твёрдо решил, по образцу Пинегина и Чухновского, попытаться обрести собственную «небесную точку зрения». Если проще – попробовать увидеть с неба подсказку, куда ему двигаться дальше.

Только так я понимаю его со всех остальных точек зрения странное решение подняться в небо на аэростате. Напомню, что к тому моменту он уже был директором Главной Геофизической Обсерватории.

Полёт состоялся 18 июля 1925. Есть несколько (близких между собой) вариантов отчёта об этом событии; наиболее подробный опубликован в журнале «Хочу всё знать» № 10, 1925. По умолчанию ссылка будет идти на него.

Дирижабль для намеченных целей подошёл бы больше, но его не было (с. 18). Так что полетели на аэростате (он же – воздушный шар). Всего полёт длился 10 часов.

К шару на верёвках крепилась корзина, в которой имелось тридцать штук пудовых мешков с песком (что оказалось мало), тяжёлый якорь (им Фридман повредит руку) и специальный чальный конец («гайдроп») – всё как на картинках. Шар был наполнен водородом («не особенно свежим»). Специфика конструкции заключалась в том, что снизу шар не был герметично закрыт, а свободно сообщался с окружающей средой через открытый широкий рукав, свисающий от шара почти до

корзины. В случае расширения, водород мог через этот «аппендикс» выходить наружу.

Взлетели в 7:10 утра близ Ленинграда. День выдался непогожим. Уже через десять минут «шар скрылся в облаках».

Если коротко, то в течение всего полёта землю полностью скрывали непроницаемые тучи. Так что ни о каких «видах земли» не было даже и речи. Такая вот получилась «небесная точка зрения».

На высоте 230 метров мы уже вошли в облака, которые на высоте 450 метров совершенно закрыли от нас землю. С того времени мы за всё время полёта земли уже не видели. (с. 19)

Лишь единожды в облаках образовался маленький просвет, когда пролетали над большим озером (с. 20) – и всё. Через десять часов после старта шар приземлился в трёхстах километрах от Ленинграда, к юго-востоку от озера Ильмень.

Всю дорогу летели выше сплошных облаков, с максимальным подъёмом более семи километров, что на тот момент было местным рекордом. По неосторожности большую часть взятого с собой кислорода упустили, так что на высоте испытывали отчётливое кислородное голодание.

Что ещё? Когда шли сквозь густые облака, то не видно было даже своего шара. Стояла «мёртвая тишина» («Климат и погода», № 2-3, 1925). Потом, когда вышли наверх, над головой образовалось синее небо, солнце ярко освещало расстилающиеся внизу облака. Шар отбрасывал на них тень, в воздухе сверкала ледяная изморось, некоторые облака удивляли своей формой.

Фридман, летавший до этого не выше полутора километров, от подобных видов был в понятном восторге: «Общее впечатление от полёта прямо-таки волшебное» («Правда», 22 июля). Эстетическая сторона дела подвигла его буквально на поэзию в прозе:

Теперь, когда пережитое с быстротой нашей жизни отодвигается в мрак прошлого, я думаю: «полечу ли ещё?» и отвечаю себе определённо: «конечно, полечу». (с. 20)

Одним словом, вверху было красиво. Картина, вполне привычная для альпиниста, но диковинная для жителя равнин (в до-авиапассажирскую эпоху). Когда садились – до смерти перепугали местных крестьян:

Женщины приняли его [шар] за небесное видение и две женщины от страха даже заболели нервным расстройством.

(Фридман, «Красная газета», вечерний выпуск, 22 июля 1925)

Шар приземлился в такой тьмутаракани, что оттуда до Ленинграда добирались трое суток. В принципе, это всё.

Встреча

Не успел Фридман вернуться домой, как прямо с порога понёсся в Москву по делу государственной важности, связанному с его полётом.

Проф. А. А. Фридман вызван срочной телеграммой в Москву для доклада о полёте в высших учреждениях. Проф. Фридман вчера уехал в Москву.

(Там же, 23 июля)

«Высшими учреждениями» в данном случае оказалось «Расширенное заседание Комиссии по трансполярному воздухоплаванию», состоявшееся 22 июля 1925 (Архив АВП, ф. 04, оп. 59, пор. 57704, пап. 437, л. 52-53).

Под таким скучным названием скрывалось событие совершенно знаковое: прибывший в Москву капитан Вальтер Брунс представлял ответственным лицам свой «проект Брунса» по организации пассажирского дирижаблевого сообщения между Европой, Америкой и Японией – через полярный регион.

Информационно, этот проект уже циркулировал в советских инстанциях и в прессе с конца 1924 (в версии Людвиг Брейтфуса). Теперь же Брунс делал предложение об участии в своём проекте официально и лично.

В русскую культуру капитан Вальтер Брунс, сменив имя, профессию и подданство, вошёл навечно в образе Владимира Этуша с его «Мусиком-гусиком» на батумской даче из 37-й главы «Двенадцати стульев», написанных два года спустя после означенного заседания Комитета.

Фридман участвовал в том Заседании как учёный эксперт по воздухоплаванию, с наисвежайшим («третьего дня») опытом высотного полёта. Здесь он тесно пересёкся с Николаем Горбуновым – очень важной правительственной «шишкой», курирующей большие «воздушные» и «высотные» дела. И по совместительству – родным братом биолога Григория Горбунова, который меньше года назад, 23 сентября 1924, махал рукой из лодки в М-Шаре аэроплану с Пинегиным и Чухновским, летевшими в тот момент навстречу своей «небесной точке зрения».

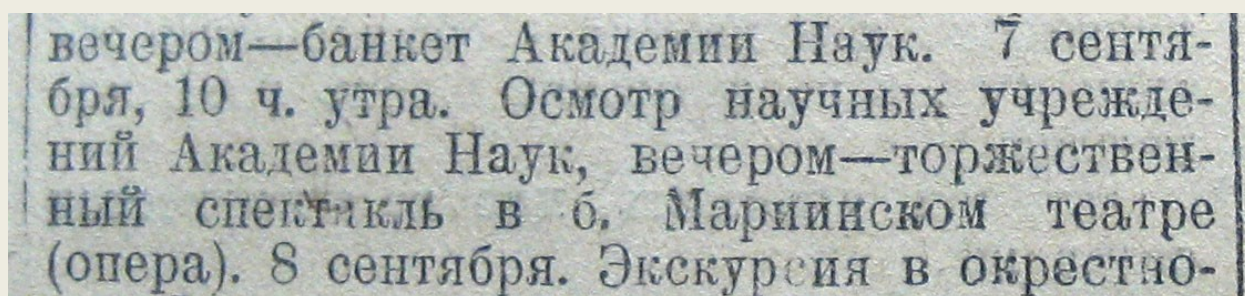
Что именно Фридман (инициировавший тот полёт Пинегина и искавший такую же «небесную точку зрения» для себя) и Горбунов (знавший о полёте Пинегина от брата и тоже, как мы увидим, кое-что искавший) – что они рассказали тогда Брунсу о полярном «острове-бабочке» такого, что через шесть лет повернёт «мировую линию» Брунса ровно под прямым углом? Точно не знаю, но что-то определённо рассказали. Передав таким образом свой «импульс» следующему «биллиардному шару» этой игры.

Праздник

После московского Заседания, подведшего своеобразную черту под его полётом на шаре, у Фридмана на повестке дня стояло участие в грандиозном государственном мероприятии, намеченном на сентябрь – праздновании 200-летия Российской Академии Наук. Даром, что собственно «России» больше не существовало, и что двести лет отмечаемому событию уже исполнилось год назад. Праздновать было предписано сейчас и с размахом, на экспорт.

Фридман, как и все научные должностные лица, был в этом всё плотно задействован. Конкретно ему предстояло курировать его знакомого, немецкого метеоролога Генриха Фиккера.

Ещё в день полёта Фридмана на аэростате, 18 июля, газеты объявили о программе предстоящих праздничных мероприятий, в частности о спектакле для гостей, намеченном на 7 сентября. На котором (этого в газетах уже не было), согласно тщательно проработанной рассадке, Фридман должен был оказаться рядом с Фиккером (Френкель, УФН, 155, вып. 3, с. 510, с ссылкой на архив АН). Настолько всё было точно распланировано.

[Илл. 12-07-01-1. «Программа юбилейных торжеств Академии Наук» по поводу предстоящего её 200-летия. На 7 сентября 1925, на вечер, запланирован «тожественный спектакль». «Красная газета», вечерний выпуск от 18 июля 1925.]

Забегая вперёд скажу, что действительно именитых иностранных учёных на торжествах Академии практически не было. Самым известным гостем (и, пожалуй, единственным такого уровня) был Макс Планк (с женой), которому на тот момент шёл уже 68-й год. Именно на него пала вся тяжесть «свадебно-генеральских» радостей.

Фиккеру в этом смысле тоже достанется, поскольку он (являвшийся, напомним, одним из главных научных гарантов «проекта Брунса») на общем фоне был определён «звездой».

Ещё скажу, что под эти торжества Горбунов удачно подверстал дальнейшую раскрутку «проекта Брунса», который от стадии чистой идеи начал переходить в практическую плоскость.

К юбилею Академии Наук. Управляющий делами Совнаркома СССР тов. Н. П. Горбунов <...> сказал:

«Сегодня <...> под моим председательством в Радиевом Институте состоится особое заседание, находящееся в связи с рассматривавшимся недавно в Совнаркоме вопросом об участии СССР в разработке проекта известного германского воздухоплавателя, капитана В. Брунса, об организации через северную территорию Республики постоянного трансарктического [дирижаблевого] пути из Европы к берегам Берингова пролива.»

(«Красная газета», вечерний выпуск, 24 августа 1925)

Короче, дел у Фридмана было сверх границ. Однако та встреча с Брунсом 22 июля в Москве стала последним важным его делом.

Груша

Сразу после заседания Комиссии Фридман поехал в короткий отпуск в Феодосию к жене, Наталье Малининой, 17 августа уже вернулся в Ленинград и вышел на работу, 23 августа остался дома из-за недомогания, 8 сентября газеты объявили о его госпитализации с тяжёлой формой брюшного тифа, и утром 16 сентября 1925, в больнице им. Первухина, что на Большом проспекте, Александр Фридман, 37, умер.

Все десять дней острой фазы его болезни точно совпали с буйными, и даже какими-то фантасмагорическими, торжествами 200-летия Академии Наук (5-15 сентября). В номере «Красной газеты», в котором сообщалось о госпитализации Фридмана (8 сентября, вечерний выпуск), и даже на той же самой полосе (№3), шло восторженное описание вчерашнего парадного спектакля в Мариинском театре для гостей Академии, на который Фридману ещё два месяца назад был заготовлен билет на соседнее с Фиккером кресло.

Генрих Фиккер, только накануне смерти Фридмана вернувшийся из Москвы в Ленинград, испытал нечто большее, чем просто сочувствие к коллеге. Это было похоже на настоящую горечь утраты. И это при том, что виделись они всего трижды, и то два года назад. Некролог Фиккера (исходя из уровня их знакомства совершенно необязательный), помещённый в «Красной газете», начинался так:

Я с большим прискорбием узнал сегодня о смерти проф. А. А. Фридмана. Это печальное известие сообщил мне по телефону президент Академии Наук акад. А. П. Карпинский.

Один из выдающихся представителей мировой теоретической метеорологии, талантливый ученик акад. В. А. Стеклова – покойный проф. А. А. Фридман известен за границей всюду. Его отдел по теоретической метеорологии, так образцово поставленный в Главной Геофизической Обсерватории, не имеет себе равного в мире по смелости и интересу научной постановки вопросов метеорологии.

(«Красная газета» от 17 сентября 1925, вечерний выпуск)

На момент своей смерти, Фридман занимал должность директора Главной Геофизической Обсерватории. Удивительное совпадение, но освободившаяся долж-

ность была предложена не кому-нибудь, а именно Фиккеру, немцу. Который, сердечно и развёрнуто поблагодарив, выразив всяческое сожаление, и ещё раз поблагодарив, отказался.

По собственным прикидкам Фридмана, заразился он при возврате из Крыма, съев на полустанке, не помыв, спелую грушу.

Плод

Смерть Фридмана последовала вскоре после его подъёма в небо. Возникает вопрос: был ли этот подъём её причиной, или это просто два соседние по времени события из сложной комбинации его судьбы?

Определённые предчувствия у Фридмана были. Какая-то внутренняя линия твёрдой рукой гнала его в высоту, но чисто по-человечески лететь ему очень не хотелось. Накануне подъёма он прямо пишет об этом своей жене:

Я очень устал; ловчусь всё подняться на аэростате, но не знаю, возможно ли это будет сделать.

(Письмо Н. Малининой от 17 июля 1925)

И вообще, в полёт он отправился с соответствующими настроениями. Даже написал специальное распоряжение на случай, если назад не вернётся:

Отбывая 16-го июля в служебную командировку в полёт на аэростате с научной целью, временное исполнение обязанностей директора ГГО передаю <...>

(Приказ Фридмана по ГГО № 685 от 16 июля)

Предчувствия Фридмана частично оправдались уже во время полёта. Имел место ряд весьма неприятных моментов. Фридман серьёзно повредил руку (которая потом «недели две болела»), но это мелочи. Что хуже, от кислородного голодания у него были временные психические нарушения и обмороки.

Чувствуется удушье, идут красные круги перед глазами, колотится сердце <...>. Затем <...> впадаешь в длительное забытье. (с. 19)

Хотя и нет оснований подвергать сомнению официальный диагноз (брюшной тиф), тем не менее показательно, что у многих людей, тесно контактировавших с Фридманом в те дни, ситуация отпечаталась по-другому. Смерть Фридмана в их сознании почему-то прямо связалась в его полётом:

Может быть этот именно полёт сыграл роковую роль, т.е., без сомнения, он вредно повлиял на сердце покойного, по крайней мере при встрече со мной вскоре после полёта А. А. [Фридман] жаловался на утомлённость и болезнь сердца.

(Некролог зав. кафедрой геофизики Ленинградского университета, проф. С. А. Советова. «Красная газета» от 17 сентября 1925, вечерний выпуск)

Или вот как это отложилось у ученика Фридмана и будущего великого физика Георгия Гамова:

Во время одного из полётов на свободном метеорологическом аэростате Фридман серьезно простудился, что привело к пневмонии и смерти.

(Гамов, «Моя мировая линия», 1970)

И у самого Фридмана, сквозь восторг от красот полёта, в отчёте явно просвечивает неосознанная тревога и ощущение близости чего-то неотвратимого. Вот несколько мельком проскользнувших отблесков этих настроений:

...эта картина в первый момент произвела на меня жуткое впечатление <...>

...наступает мёртвая тишина <...>

...мне стало не по себе <...>

...мрак прошлого (это он о полёте в целом, с. 19-20)

И, наконец, сакраментальный вопрос, которым завершается отчёт Фридмана – весьма, надо сказать, странный в контексте формально победного релиза: «Полечу ли ещё?»

Кстати, общая напряжённость атмосферы полёта проявилась ещё и таком ненаучном феномене, как «резонансе ситуационного поля». Обертоны Фридмановских вибраций хорошо коррелируют с одним сторонним и формально независимым событием.

В самый день подъёма Фридмана на аэростате, 18 июля, в вечернем выпуске «Красной газеты» вместе с информацией о начале полёта (его окончание находилось ещё «за горизонтом событий»), появилась следующая короткая заметка (орфографию и пунктуацию я сохранил):

17 июля у быстро мчавшегося по Воскресенскому шоссе автомобиля № 3519 в котором сидел наркомвоен тов. Фрунзе испортилось рулевое управление. Автомобиль на полном ходу выехал на трамвайную линию. Навстречу ему нёсся вагон трамвая. Вагоновожатый и шоффер сумевшие во время остановить друг против друга трамвай и автомобиль, предупредили катастрофу.

(«Красная газета», 18 июля 1925, вечерний выпуск)

Эта скупая информация появилась в ленинградской, то есть «зиновьевской» газете. Центральная же «Правда» о «неудачном» происшествии с военным министром страны скромно умолчала. Однако для внимательного читателя там было дано весьма прозрачное разъяснение – в виде заметки с ничего не значащим со-

держанием и много говорящим названием – «Что нужно устранить.» Именно так, без вопросительного знака. И то правда – какие уж тут могут быть вопросы?

Интересно, что главный «интересант» не понял тогда намёка. Так что без лишних волнений пережил это небольшое «происшествие» – ровно на 106 дней.

Так, значит, «груша».

Как известно, в Ветхом Завете конкретно «яблока познания» нет. Там говорится лишь о «пери», означающем «плод вообще» (Быт. 3:3). Так что может быть именно невымытая «груша» и явилась в данном случае тем «плодом познания», который, не рассчитав своих сил, лишь слегка надкусил Александр Фридман?

Иней

Но вернёмся к тому, с чего начали. 18 июля Фридман поднимался в небо, чтобы узреть оттуда некое для себя «откровение», априорно ему не известное.

Однако кое-какие предварительные намётки и ожидания у него, как у любого учёного, имелись. В его рассуждениях о целях полёта непропорционально много места он отводит «вихрям». По всему видно, что именно в области физики «небесных шнуров» он ожидал увидеть ответ на вопрос о выборе своего дальнейшего пути. Может быть – намёк на способ восстановить эти «шнуры», порванные во время вселенской катастрофы над горой Бучжоу. Или что-то в этом роде.

В одной только короткой преамбуле к его статье «вихри» у Фридмана фигурируют одиннадцать раз:

Зная свойства вихрей <...> мы гораздо глубже проникнем в тайну законов <...> На большой высоте вихри становятся видимыми <...>. У земной поверхности жизнь вихрей осложняется <...>. Поэтому лучше всего поведение вихрей познаётся <...> на соответствующей высоте, где вихри являются как бы «очищенными» <...> Наилучший метод изучения вихрей, – это исследование их <...> с дирижабля или аэростата. <...> Быть может лучшим способом исследования вихрей является дирижабль... и т.д. и т.п.

(Журнал «Хочу всё знать», №10, 1925, с. 18)

Однако по факту никаких подсказок относительно вихрей «небесная точка зрения» ему не дала. Да и вообще не дала ничего – из-за совершенно глухой облачности. С неба поверхность земли попросту не была видна.

Но с неба было видно небо. И тут кое-что интересное имелось. И даже много чего.

Прежде чем перейти к анализу потенциально открывавшихся «видений», ещё раз напомним, что значительную часть полёта Фридман находился в крайне замутнённом состоянии сознания. И лишь редкие и экономные глотки кислорода (из обычной медицинской подушки) ненадолго приводили его в чувство. И то – из одной крайности порой кидая в другую, из обморока в эйфорию:

Вдохнёшь, чувствуешь мгновенное опьянение, а после как-будто пелена какая сползает с глаз. (с. 19)

Об этом не надо забывать, когда мы будем говорить о том, что он увидел – и что мог увидеть. Итак.

«Видение №1». Об этом Фридман пишет во всех своих четырёх отчётах – разными словами, но всё в них совершенно сходится. Результирующий вывод: «эта картина не забудется ему никогда».

***

Воздух был сплошь заполнен ледяными кристалликами, переливающимися на солнце всеми цветами радуги; казалось, что эти кристаллики исходят из одного блестящего, яркого центра. (с. 20)

***

[Вокруг] носилась масса блестящих от солнца ледяных иголочек, причем впечатление было такое, что все эти иголочки будто выпущены из одного блестящего центра.

(«Правда», 22 июля)

***

Между холмами [облаков] переливается алмазная ледяная пыль. Мириады игл казались исходящими из одного центра. Эта картина не забудется.

(«Красная газета», 22 июля, вечерний выпуск)

Что бы это всё могло означать?

Тут даже и гадать не надо. Фридману был визуализирован образ Большого Взрыва, рождающего Вселенную из сингулярности (вещество, радиально разлетается из ослепительно сияющего центра).

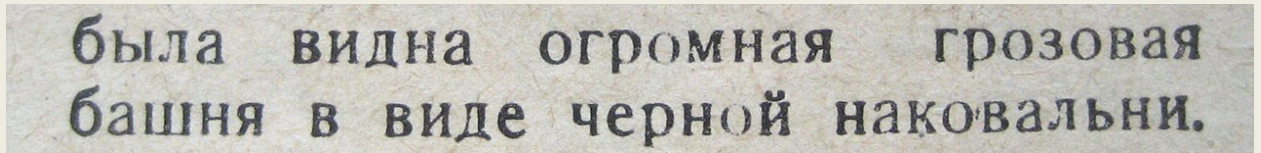
Так «алмазная ледяная пыль» указала Фридману научную перспективу. На тот момент эта перспектива была несколько слишком перспективной – но уже ученик Фридмана, Георгий Гамов, используя данную подсказку, сможет создать полноценную теорию Большого Взрыва в модели «горячей Вселенной». Именно, «теорию» – то есть не просто декларацию «рождения из точки», а детальные расчёты всех протекающих при этом процессов, одного за другим, по секундомеру. Сделает он это уже будучи профессором Вашингтонского университета.

И ещё об «алмазной пыли». Два месяца спустя после явления в небе её сияющей россыпи, 13 сентября 1925, когда Фридман на последней стадии болезни и за три дня до смерти будет уже видеть «небо в алмазах», Фиккер и Планк, находясь в Москве, посетят в рамках культурной программы Алмазный фонд. Где их пронзит до самых глубин сияющий «глаз Вишну» из Шрирангама (а ныне – алмаз «Орлов»), переливающийся всеми цветами радуги и огранённый в виде высокой индийской розы. Тут «невольно вспоминается сказание индусской мифологии о периодах жизни». Фридман, «Мир, как пространство и время», 1923.

Дыра

Были и другие «видения» – не знаю насколько Фридманом осознанные, но в любом случае зафиксированные. Например:

Огромная грозовая башня в виде чёрной наковальни. (с. 20)

[Илл. 12-07-02-1. «Чёрная наковальня». Отчёт Фридмана о полёте на аэростате. Журнал «Хочу всё знать», 1925, №10, октябрь, с. 20.]

Именно от неё Фридману тогда «стало не по себе» (см. выше).

Облака, понятно, бывают самых разных конфигураций. Так что интересна здесь не собственно форма, а возникшая в связи с ней ассоциация. Почему эта расплывшаяся сверху облачная колонна не вызвала, например, образ «буквы Т», или «гриба», или «швабры»? Откуда в сознание кабинетного профессора вдруг всплыла «наковальня» из тумана?

В данном случае, впрочем, хорошо понятно «откуда» и, соответственно – «какая именно». Как раз в это время в оборот были пущены новые монеты с реальным обеспечением, так называемые «твёрдые деньги». Это, пожалуй, было главным экономическим событием тех дней. Данные монеты не были подвержены инфляции и их даже стали принимать к обмену за границей. Поэтому, к слову, они тут же ушли в накопление «под матрасы» и были напрочь вымыты из оборота (вспомните хотя бы «отца Фёдора»). Но в 1925 эти новые монеты были в самом зените своей славы. И вот как выглядели «50 копеек» образца 1924:

[Илл. 12-07-03-1. Монета в 50 копеек образца 1924.]

А потому мы имеем основания предположить даже конкретную форму виденного Фридманом облака – несимметрично расплюснутый сверху облачный столб, с острым длинным ответвлением влево и тупым коротким ответвлением вправо. Тогда, действительно, лучше чем «наковальня» не скажешь.

В образе «50-копеечной наковальни» есть один важный для нас аспект. Это не просто «наковальня», это – «наковальня в действии». Идёт ковка. На «лице» наковальни (верхней плоской поверхности) лежит кусок металла, по которому сейчас будет нанесён мощный удар молотом, а от предыдущего удара из этого куска уже разлетаются снопы искр. И скорее даже не «искры», а что-то вроде «эманации энергии».

А коли так, то в образе «чёрной наковальни» Фридману тогда явственно представала «теория гравитационного коллапса», основы которой пятнадцать лет спустя сформирует известная статья Оппенгеймера и Волкова. Там будет описан конеч-

ный этап эволюции тяжёлых звёзд, со сбросом внешней оболочки («снопы энергии») и с ничем не ограниченным сжатием центрального ядра (под «молотом гравитации»).

Возникающий в результате объект позже назовут «чёрной дырой». К слову, в отчёте Фридмана «дыра» тоже присутствует, всего несколькими абзацами выше – и в весьма специфическом контексте.

Итого: «чёрная наковальня» + «дыра» = «чёрная дыра». И ждать её прихода в нашу жизнь с момента «видения» Фридмана оставалось уже не долго.

О «дыре» из фридмановского отчёта следует сказать ещё кое-что. Этот эпизод произошёл в первые минуты полёта, на небольшой пока высоте, когда сознание Фридмана было ещё вполне ясным и чистым. И именно поэтому его чёткая фиксация «странности» увиденного вдвойне заслуживает внимания.

Технически, ничего особенного тогда не произошло. Явление было чисто зрительным. Шар вошёл в облака. Был такой густой туман, что не стало видно сначала «гайдропа», а потом и шара. Но, как мы помним, от его нижней части и почти до корзины свешивалась широкая матерчатая труба, так называемый «аппендикс», предназначенный для выхода избыточного водорода.

Так вот: и сам шар, и тянущиеся к нему верёвки – всё полностью исчезло в тумане, но сквозь широкое отверстие «аппендикса» видимость сохранялась хорошая. Однако собственно «видно» не было также ничего, поскольку отверстие «аппендикса» вело внутрь шара, где взгляд терялся. И получалось, что Фридман мог видеть сквозь «дыру» у себя над головой, но видел он при этом «Ничто». И – мало того – именно на этой «дыре» он, как казалось, и летел. Это необычное ощущение в отчёте сформулировано так:

Казалось, что мы висим в пространстве, как бы на дыре. (с. 19)

Ещё раз: «Висим в пространстве на дыре». Или – что то же самое – «на пустоте». Из слов Фридмана видно, что он интуитивно чувствовал физическую противоестественность этого образа – и одновременно его продуктивность.

В то время, да даже и позже, «вакуум» понимался в физике, как «полное отсутствие всего». Вакуум – это абсолютная пустота, во всех смыслах.

Однако, со временем жизнь вынудила внести в это представление коррективы. Для начала была сделана уступка квантовой электродинамике. «Вакуум» стал здесь некой «суспензией», в которой непрерывно рождаются и тут же аннигилируют пары частиц и античастиц. Без этого оказалось никак.

Но где электричество сказалось «А», там ждите что рано или поздно скажет «Б» гравитация. И через сорок лет после полёта Фридмана, Андрей Сахаров предложил подход, при котором сама гравитация предстала в виде «упругости квантового вакуума», и эта «упругость» рассматривалась, как фундаментальное свойство самого Пространства («Вакуумные квантовые флуктуации в искривлённом пространстве и теория гравитации», 1967).

Мир, если грубо, устроен так. На малых масштабах его делает целокупным электричество, а на больших масштабах – гравитация. Так что мы все «висим в пространстве» исключительно «на гравитации». Но это если грубо. А тут Фридману была явлена подсказка в виде глубокого уточнения: мы все «висим в пространстве» на «квантовом гравитационном вакууме». А это дорогого стоит.

Река

А сейчас мы переходим к самому интересному и перспективному эпизоду полёта Фридмана. Но здесь есть одна проблема, до некоторой степени терминологическая. Честно говоря, не хотелось бы в этом увязать, но чуть-чуть всё-таки придётся. Речь идёт о понятии «существования».

Позиция физики по этому вопросу чёткая: если что-то принципиально нельзя измерить, то «это» не существует (пока). Квантовая теория вносит сюда определённую неопределённость: любое измерение изменяет измеряемый объект. Получается, пока не измерили, то и нельзя сказать существует ли, а как измерили – то уже и изменили. А что было то?

В «теории понятийного поля» эти надуманные проблемы снимаются с помощью «принципа действия». Не важно, каким именно образом то или иное «понятие» влетело в сознание человека. Важно, что в соответствии с ним он теперь будет действовать. Надеюсь, это поможет правильно понять следующий эпизод.

Как я уже говорил, с погодой Фридману феерически не повезло. Густые облака полностью скрывали землю во время всех десяти часов полёта. За исключением одного-единственного короткого просвета. Вот как это описано в отчёте:

В 17 часов на высоте в 3.800 метров мы увидели сквозь поредевшие облака землю; первое, что нам бросилось в глаза – берега и обширное водное пространство. <...> Потом всё разъяснилось, – водное пространство оказалось Ильмень-озером. (с. 20)

Так что хоть всего и один, но тем не менее был у Фридмана момент «небесной точки зрения» на землю. А именно – на берег озера Ильмень.

Маршрут полёта пролегал над этим озером с северо-запада на юго-восток. Поскольку на северо-западе озера находится крупный город Новгород, а никакого города Фридман не видел, то, значит, прояснилось в момент пересечения шаром береговой линии юго-восточной части озера. Это позволяет понять – «что именно» мог увидеть Фридман в момент прояснения погоды.

Посмотрим на карту. В данном месте в озеро Ильмень впадает река Ловать. Места здесь болотистые, и дельта Ловати представляет собой разветвлённую систему запутанных протоков и озёр – с витиеватыми меандрами, тупиками и прочими подобными прелестями. Что совершенно типично для низинных устьев равнинных рек.

Но есть здесь одно место совершенно удивительное. Даже более того – данную геометрическую конфигурацию можно назвать уникальной. Случай «бифуркации» рек (разветвление без последующего соединения) уже сам по себе чрезвычайно

редок. Но это бы ещё ладно. Я, пожалуй, не смогу назвать другого случая, когда две реки сливались бы в некой точке, и в этой же самой точке снова расходились навсегда. Своеобразная «двойная бифуркация». А именно это мы и видим у юго-восточного берега озера Ильмень, где находится точка «двойной бифуркации» рек Ловать и Верготь. Не заметить её с воздуха нельзя.

[Илл. 12-07-04-1. Точка «двойной бифуркации» рек Ловать и Верготь недалеко от впадения в озеро Ильмень. Карта 1936.]

Интересно, что совсем рядом с этой «точкой X» находится Старая Русса – место, где Достоевский жил с семьёй в период подготовки и публикации им в журнале «Гражданин» материала о мистическом новоземельском «видении над М-Камнем».

Вывод: Фридман должен был увидеть с воздуха «точку X». А что, собственно, в ней он должен был «увидеть»?

Да ту же самую «бабочку», что ранее и Пинегин. Посмотрите ещё раз.

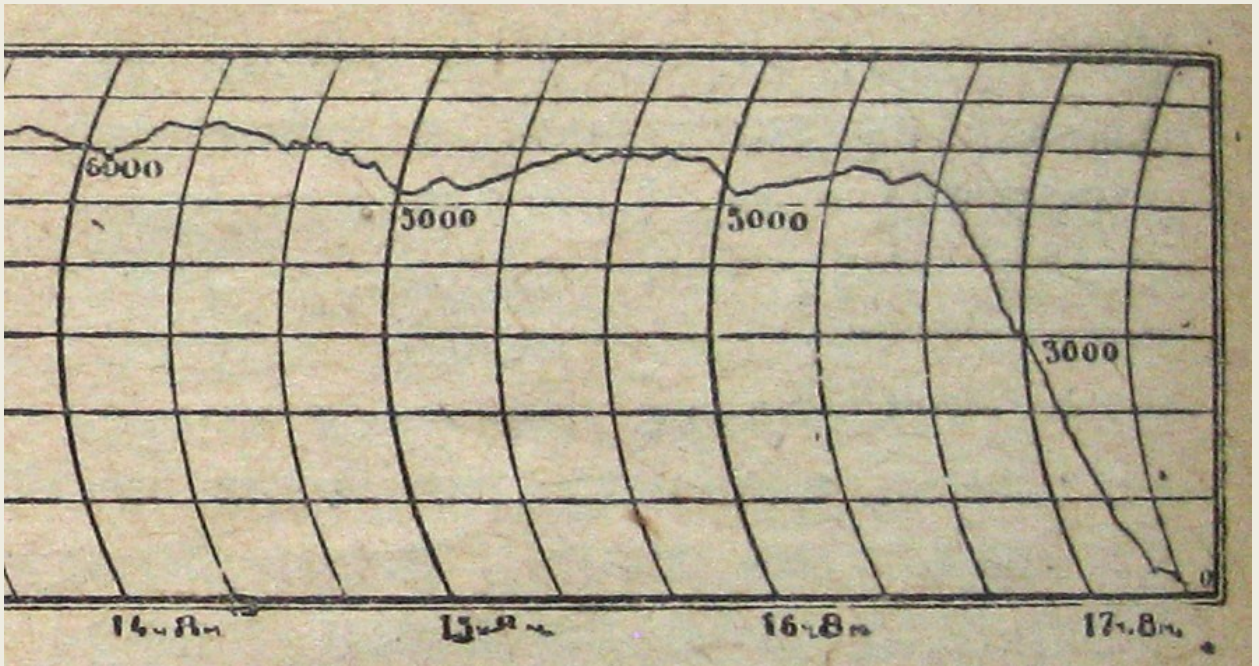
[Илл. 12-07-05-1. «Двойная бифуркация» рек Ловать и Верготь, напоминающая «бабочку».]

Итак, слово сказано: «бабочка». И вот тут-то и возникает та самая проблема, с которой я начал. Дело в том, что Фридман южного берега озера Ильмень видеть не мог. Он только полагал, что его видел.

Несмотря на всю определённость утверждения об озере Ильмень в отчёте, цифры из того же отчёта говорят об ином. Точка приземления идентифицирована предельно точно: «на Мшинском поле в одном километре к юго-востоку от деревни Огороки, Можеевской волости, Демьяновского уезда, Новгородской губернии». На самом деле волость была, конечно, «Моисеевская», но это просто ошибка наборщика.

Теперь следим за цифрами. «В 17 ч. 31 м. мы опустились на руки крестьян», пишет Фридман. А некое «озеро» открылось ему сверху, с его же слов, «в 17 часов». То есть всего за пол часа до приземления.

Этому расчёту есть и другое, аппаратно независимое, подтверждение. На борту шара во время всего полёта работал автоматический самописец, регистрирующий изменение высоты со временем. Как указано в отчёте, своё озеро Фридман увидел с высоты «3.800 метров». Так вот, согласно показанию самописца, шар проходил эту высоту всего два раза: в начале подъёма при наборе высоты – и при завершающем спуске, за 30 минут до окончания полёта.

[Илл. 12-07-06-1. Высотограмма полёта Фридмана на аэростате, последний участок перед приземлением. По вертикали отложена высота (в метрах), по горизонтали – время (одно деление – 20 минут).]

Всё сходится – Фридман видел некое «озеро» всего за пол часа до приземления. При том, что озеро Ильмень находится в 110 километрах от этой точки. За пол часа данное расстояние шар пролететь никак не мог (для сравнения: за 10 часов полёта он в сумме преодолел 300 км). Так что в реальности Фридман видел, скорее всего, озеро «Дехино», окружённое необъятными Дубровскими болотами, и находящееся в 20 километрах от места его финиша.

Но чем хорош «принцип действия». Для реальных последствий не имело ровно никакого значения, что именно Фридман в реальности видел. Важным было лишь то, что оказалось по факту зафиксированным в его сознании и отчёте. А из отчёта определённо следует, что Фридман должен был видеть «бабочку» слияния рек Ловать и Верготь.

Тем более, что даже и без пресловутого «просвета в облаках» над виртуальным «озером Ильмень», образ «бабочки» и так уже циркулировал в сознании Фридмана. Это была та «бабочка», что открылась Пинегину с «небесной точки зрения», и весть о которой месяц спустя принёс Фридману лётчик Чухновский, инициировав тем самым весь этот теперешний подъём в небеса. Так что «бабочка» уже была.

И бабочка эта ждала своего часа уже давно.

У художника Чжана Цзэдуаня есть картина «Вдоль по реке в канун праздника Цинмин» (Qīngmíng shànghé tú). Картина эта знаменитая. Быть может, это самая знаменитая китайская картина вообще. Она такая ценная, что выставляется на публичное обозрение раз в несколько лет на один день.

Сам же праздник «Цинмин» – это чуть ли не единственный китайский традиционный праздник, привязанный к солнечному календарю. Происходит он каждый год 5 апреля и лучший сбор чая «лунцзин» («Колодец дракона») с западных холмов

словарное значение, как «переменная» в строгом математическом значении термина (типа: «переменные x, y, z »).

А теперь сложим всё вместе. Я могу предложить несколько вариантов – близких по смыслу, но отличающихся степенью «литературности». Остановимся, думаю, на следующем:

«Если Время рассыпается в пыль – смени *переменную!*»

(Цюй Юань, «Лисао», указанная строка)

Надо сказать, нечто подобное Фридман чувствовал и до этой подсказки.

В высказываниях Фридмана, когда он работал с уравнениями ОТО, время от времени проскальзывает ощущение, что с «временем» не всё в порядке. С этой основной физической переменной у него почему-то связывается исключительно «падение». То он предлагает считать «равномерным движением» свободное «падение» тела в гравитационном поле (по общим представлениям, «ускоренное»), то порывается понизить «время» в статусе («сбросить с пьедестала»).

***

Выбор звёздного времени за время универсальное <...> совершенно произвольный. <...> Рассмотрим теперь другое время, которое мы, для краткости, назовём «гравитационным временем». <...> Положим, что материальная точка падает в постоянном поле тяготения, и выберем это движение, как основное.

(Фридман, «Мир, как пространство и время», 2-е издание, с. 52)

***

Таким образом, время свергается со своего пьедестала.

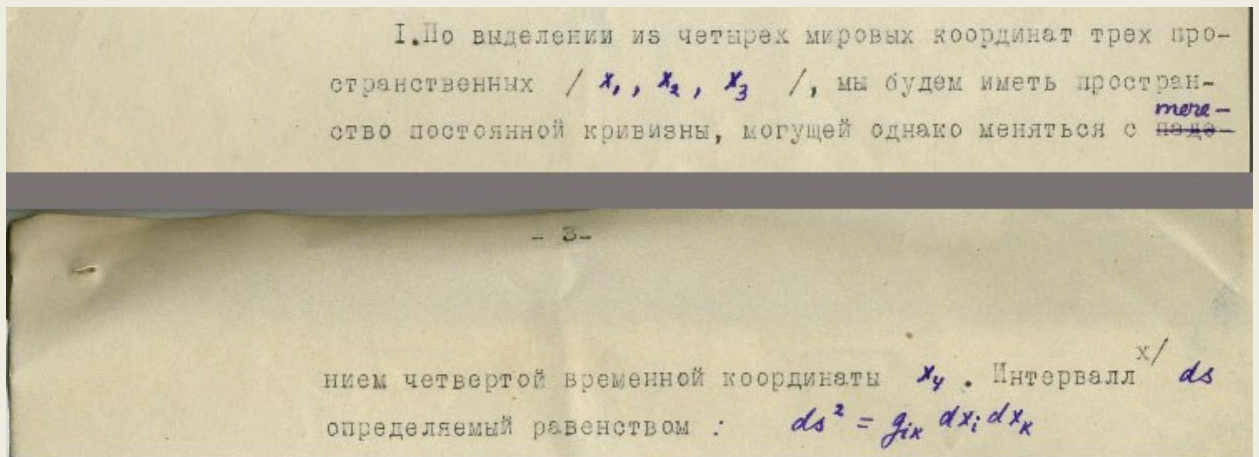
(Там же, с. 62)

Ещё более показателен случай одной неосознанной проговорки. В представлении Фридмана время само по себе никуда «течь» не может (как не «течёт» самопроизвольно, скажем, «пространственная координата x »). Поэтому когда ему приходится употреблять соответствующий оборот речи, сознание подкидывает ему вместо «течения» всё то же «падение»:

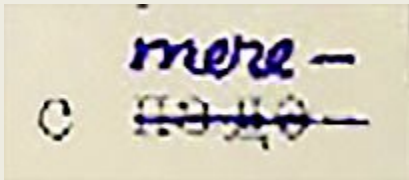
Пространство постоянной кривизны, могущей, однако, меняться **с падением** четвертой, временнОй координаты [исправлено на: «с течением четвёртой и т.д.»].

(Фридман, «О кривизне пространства», 1922, автограф. Лейденский университет, Архив Института Лоренца, «Friedmann papers»)

[Илл. 12-07-07-1. Автограф статьи Фридмана «О кривизне пространства», отосланной им Эренфесту в Лейден, с. 2-3. Слова «с падением» (времени) исправлены на «с течением». Лейденский университет, Архив Института Лоренца, «Friedmann papers».]

[Илл. 12-07-07-2. Там же. Фрагмент.]

Короче, Фридману в уравнениях ОТО подсознательно что-то не нравилось. Тут впору повторить сакраментальный вопрос из «Мухи-цокотухи» (простите, «Мухиной свадьбы»):

Или вам не нравится
Наше уравнение?

А кому, положа руку на сердце, оно понравится? Рабочий человек имеет право после трудового дня рассчитывать, что уравнение будет связывать между собой определённым соотношением (пусть даже сложным) те или иные понятные величины. Например, гравитационное уравнение Ньютона связывает между собой массы, силы, координаты и время. Зная одно, всегда можно (теоретически) узнать другое.

А уравнение ОТО что с чем связывает? Некий мутный «тензор энергии-импульса» с ещё более мутным «тензором Риччи», который вообще непонятно что. А ведь там ещё есть пресловутый «Лямбда-член», который и не произнесёшь, не перекрестившись. Хорошо хоть «время» в уравнении Эйнштейна присутствует в явном виде.

И вот теперь оказывается, что это-то как раз и нехорошо.

И вот почему. Есть области «пространства-времени» — небольшие, но самые важные — где всё это не работает. И чтобы концы сошлись с концами, нужна «теория квантовой гравитации».

А с этим уже капец как тяжело. Скажу только, что данной теории фактически не удалось построить до сих пор. И не все уверены, что её вообще можно построить.

Ну, хорошо. Раз теория «квантовая», то нужно хотябы предъявить уважаемой публике её «квант», то есть «частицу гравитации», то есть – «гравитон». Которого никто в глаза не видел. Даже не очень понятно, от кого пошло само это слово. Хотя здесь и называют Дмитрия Блохинцева (1934), но в его авторстве существуют большие сомнения.

Единственное, что можно уверенно утверждать – так это то, что антигравитационный элемент – «гравидан» – был открыт в 1929 Алексеем Замковым, мужем Веры Мухиной. Он представлял из себя волшебную золотую субстанцию, от введения которой внутримышечно люди мгновенно просто «улетали». Состав «гравидана» был строго засекречен, однако большой тайны тут ни для кого не было. Судя по всему, «гравидан» состоял из чистой мочи беременных женщин с дозированной добавкой кокаина. Препарат, позиционировавшийся как «обратитель времени вспять» (в первую очередь в плане определённых мужских способностей), пользовался бешеным успехом в высших партийных кругах, что позволило Замкову с Мухиной, даже после их поимки в 1930 при попытке бегства за границу, выйти относительно сухими из воды. И даже впоследствии получить особый государственный заказ чрезвычайной важности.

То, что «теория квантовой гравитации» до сих пор не достроена, вовсе не означает, что у неё нет фундамента. И фундамент этот заложил молодой, 29, физик-теоретик Матвей Бронштейн.

Который входил в самый близкий круг друзей («мушкетёров») Георгия Гамова (ученика Фридмана), и который был мужем Лидии Чуковской – воспитанницы и ученицы Натальи Малининой (жены Фридмана). Так что каналы передачи импульса от Фридмана к Бронштейну в данном случае очевидны.

И вот в 1935 Бронштейн пишет две статьи, которые создают основу «теории квантовой гравитации». Выкладки там сложные, а главный вывод простой. И звучит он так:

[По всей видимости, следует] отказаться от обычных представлений о пространстве и времени и заменить их <...> более глубокими и лишенными наглядности понятиями.

(Бронштейн, «Квантование гравитационных волн», 1936)

пиально наблюдаемыми величинами — а может быть и отказа от обычных представлений о пространстве и времени и замены их какими-то гораздо более глубокими и лишенными наглядности понятиями. Wer's nicht glaubt, bezahlt

[Илл. 12-07-07-3. Бронштейн, «Квантование гравитационных волн», ЖЭТФ, т. 6, вып. 3, с. 218, 1936. Поступила в редакцию 14 декабря 1935.]

ЛИШЕННЫМИ НАГЛЯДНОСТИ

[Илл. 12-07-07-4. Там же. Фрагмент.]

Ещё раз: чтобы сдвинуться с мёртвой точки, «время» нужно заменить на что-то другое.

Так ведь именно это и пыталась сказать та бабочка, что летела «вдоль по реке в канун праздника Цинмин».

«Если Время рассыпается в пыль – смени *переменную!*»

Если кто-то, в силу тех или иных жизненных обстоятельств, прежде никогда не рассматривал внимательно картину Цзэдуаня «Вдоль по реке...», и теперь её посматривает – одно это с лихвой оправдывает всю эту мою книгу.

Планка

«Постоянная Планка» играет в данном рассказе лишь опосредованную роль. Речь же идёт о «высоте Планка» (она же «ширина» и «длина») – фундаментальном линейном размере из так называемых «планковских масштабов».

На рубеже 19 и 20 веков Макс Планк поставил перед собой задачу (и тут же блестяще её решил) разработать «человеко-независимые» единицы измерения для основных физических величин. Действительно, почему используемый нами «метр» именно такой? Потому что он хорошо соотносится с «саженью», которая есть ничто иное, как длина человеческой руки. Но это смотря какой человек. Одиссей, например, сталкивался с такими субъектами, для чьих рук никакой «сажени» не хватит. То есть всё тут очень условно и случайно.

А Планк задался целью выработать такие единицы, чтобы они были одинаково естественными и понятными для любых инопланетян по всей Вселенной. И это у него получилось.

Мы получаем возможность установить единицы длины, массы, времени и температуры, которые не зависели бы от выбора каких-либо тел и веществ и обязательно сохраняли бы свое значение для всех времен и для всех культур, в том числе и внеземных, и нечеловеческих («*ausserrirdische und aussermenschliche Culturen*»).

(Планк, «*Annalen der Physik*», 1900, т. 1, с. 121)

После публикации Планком предложенных единиц, никто не смог их оспорить по существу, но от них попросту отмахнулись – других проблем хватало. Тут в Пекине повстанцы осаждают посольство с русской графиней Авой Гарднер, а императрица Цы Си не то что не чешется, а даже как бы и подзуживает. Не до глупостей.

Лишь много позже пришло осознание, что важнее «планковских единиц» в мире нет вообще ничего. Они оказались не просто «универсальными» и «естественными», они определили границы «нашего мира» – то есть мира, подпадающего под ныне действующие законы физики.

Не буду здесь ничего изобретать, приведу мнения специалистов.

***

«Планковская высота» является квантовым пределом действия Общей Теории Относительности.

(Дж. Уиллер, «Geons», «Phys. Rev», 1955, т. 97)

***

[«Планковская высота»] определяет область применимости существующих понятий пространства и причинности.

(А. Д. Сахаров, «Вакуумные квантовые флуктуации в искривленном пространстве и теория гравитации», 1967)

***

Ныне планковские величины обычно рассматриваются как фундаментальный масштаб, при котором перестаёт быть применимо понятие непрерывного пространства-времени.

(К. А. Томилин, «Планковские величины», 2002)

Возможно, первым, кто нащупал связь «высоты Планка» с ограниченностью Общей Теории Относительности и, следовательно, необходимостью создания «квантовой теории гравитации», был Матвей Бронштейн (1935).

Сам Планк об этом всё так и не узнал. Ни в 1900, ни в 1925 он и не догадывался, какого джина выпустил из бутылки. Тем не менее на празднование 200-летия Академии Наук в Ленинграде он в сентябре 1925 честно явился. Явно чего-то тут ожидая.

Планк будет безропотно избираться в президиум Пленума Ленинградского губисполкома, вместе с Зиновьевым петь «Интернационал», выслушивать глубокие рассуждения о путях развития науки от Вышинского и сидеть в президиуме Пленума Моссовета вместе с Каменевым, Калинин, Рыковым, Сталиным и Горбуновым (в указанном порядке, «Правда» от 10, 13 и 15 сентября 1925).

Но он всё это стоически переносит и продолжает чего-то ждать. Уж не встречи ли с Фридманом, недавно вернувшимся из полёта и обретшим там «небесное видение»? Очень может быть. Планк ещё не знает, что Фридман, поднявшись в небо и заглянув за границу своей предельной высоты, встретиться уже ни с кем никогда не сможет.

Странно, что до сих пор ни у кого не возник вопрос – а зачем вообще Фридману было подниматься на такую большую высоту? Минусы этого совершенно очевидны (опасность нанесения непоправимого вреда здоровью – что, собственно, и произошло) – а в чём тут плюсы? Для исследования «вихрей» (что формально декларировалось, как основная цель) это было не обязательно. Тем более, что никакие «исследования» в принципе не были возможны выше пяти километров, учи-

тывая физическое состояние попадающих туда «исследователей». Реальная же цель Фридмана – попытка увидеть нечто с «небесной точки зрения» – также в большой высоте не нуждалась. Достаточно было подняться выше уровня облаков (в тот день – тех же пяти километров). Если же говорить о чисто военно-спортивном мотиве (поставить рекорд) – то на такие рекорды в любом случае от- ражается кто-нибудь помоложе, и, скажем уж прямо, кто-нибудь «попроще».

И при всём при этом Фридман поднимается ввысь, подрывает там своё здоровье и вскоре его организм не справляется со случайно подцепленной заразой.

Перед тем, как перейти к рассмотрению возможного истинного мотива подъёма Фридмана на конкретно ту высоту, нелишне будет вспомнить, что со слов знавших его людей, Фридман, одновременно со сверх-трезвым математическим мышлением, имел сильную склонность к мистицизму (См. Тропп, Френкель, Чернин, «А. А. Фридман», 2006, с. 48). Просто отметим это.

А теперь посмотрим на магию цифр. Как мы знаем, исходным мотивом Фридмана была попытка обрести свою «небесную точку зрения» – то есть (в символическом смысле) повторить «полёт Пинегина» над «островом-бабочкой». Понятно, что реальная Арктика была сейчас Фридману уже совершенно недоступна (при его занятости, он и на три-то дня с трудом мог отлучиться), поэтому он поднимается в воздух прямо здесь, под Ленинградом. Но при этом как бы стремится достичь координат манящего его «полярного острова» – расположенного на 73,47 градусов северной широты.

И Фридман устремляется к этой магической цифре – 7347. Только не «вдоль», а «вверх».

Не будем забывать и то, что согласно устойчивой фразеологии того времени, степень близости точки к Северному Полюсу рассматривалась, как её «высота» (сравни с выражением «высокие широты»).

И вот в отчёте Фридмана появляется цифра: достигнута высота 7400. И цифра эта удивительно близка к широте «острова-бабочки». Превысив её всего на 53 метра.

Два слова о цифрах в физическом мире вообще. Результат любого эксперимента не принимается в физике в расчёт, если не указана точность измерения. Попробуем оценить её в данном случае.

В отчёте указано, что для определения высоты использовалось три прибора – автоматический самописец, aneroid и ртутный манометр.

Точность самописца мы уже видели по высотограмме. Она составляет не более 200 метров.

Анероиды имели тогда погрешность от 2 до 5% от измеряемой высоты (БСЭ, 1926), и в любом случае были рассчитаны на работу ниже 5400 метров. Как записано в отчёте, в момент фиксации рекордной высоты «анероид давно уже был на нуле, и высота определялась по ртутному манометру».

Ртутный же манометр показывает давление с точностью до одного миллиметра ртутного столба, что на интересующей нас высоте соответствует погрешности в 30 метров. Конкретно в момент «рекорда» он показывал 301 мм. рт. ст.

Это была только «аппаратная» погрешность. Но надо понимать, что «высотомеры» меряют не «высоту», а давление воздуха – а из него уже вычисляется предполагаемая высота. А вычисляется она исходя из предположения «идеального распределения давления по высоте», «идеального распределения температуры по высоте», а также ряда других предположений. Все эти допущения достаточно грубые и в реальных условиях выполняются плохо. Так что «аппаратную» ошибку следует самое малое удвоить.

Далее, вспомним в каком физическом состоянии Фридман снимал показания «ртутного манометра» (у которого шаг шкалы всего один миллиметр):

Чувствуется удушье, идут красные круги перед глазами, колотится сердце, пульс до 110.

Если не дышать кислородом, впадаешь в длительное забытье [а Фридман, из вынужденной экономии, практически им не дышал].

Всё это время мы частью были в сознании, частью погружались в глубокие обмороки. Эти обмороки могли быть чрезвычайно опасными. (с. 19-20)

И последнее: в природе не бывает круглых чисел. Так что от «7400» слегка отдаёт «вменённым рекордом». Предыдущим достижением была высота 6400, так что понятно желание прибавить к этому «царскому» рекорду (1910) круглое количество метров. При этом реальные «плюс-минус пятьдесят метров» вряд ли принимались в расчёт, поскольку портили понятное и хорошо запоминающееся достижение.

Итак, «плюс-минус пятьдесят метров». Причём скорее именно «минус». Ибо если есть возможность рекорд «подтянуть», то его всегда «подтягивают» в большую сторону.

Так что цифра «7347» в качестве истинной высоты подъёма Фридмана более чем правдоподобна, во всяком случае – как исходно намечавшийся им рубеж.

Как бы там ни было, Фридман достиг тогда «высоты» желанного «острова-бабочки». Откуда ему и открылась его «чёрная наковальня».

Если вдуматься, то до чего же плотно ходил тогда вокруг Фридмана новоземельский М-кластер. «Грозовая наковальня» возникла в его сознании по ассоциации с изображением на только что выпущенной «твёрдой» монете достоинством в «50 копеек». А стала та монета «твёрдой», потому что была изготовлена из чистого серебра. Ровно девять полновесных грамм – как раз для отливки серебряной пули, летящей прямо в сердце Павлу Артемьевичу Верещагину в исполнении Павла Богдасаровича Луспекаева.

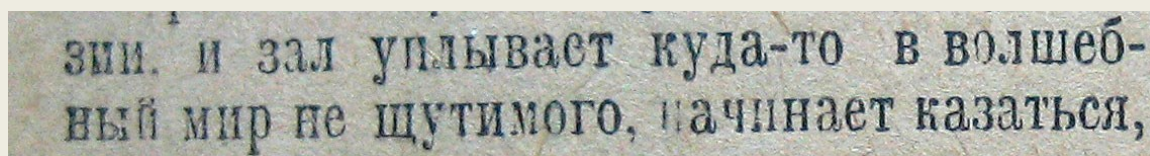

[Илл. 12-07-08-1. Монета «50 копеек» 1924 выпуска, гурт. «Чистого серебра 9 грамм».]

Так, на «высоте» М-острова Фридману открылась «наковальня из серебра», что в свою очередь отсылало к «губе Серебрянке», в акватории которой, напомним, как раз и расположен М-остров, и на берегу которой высится чёрная громада М-Камня.

И этот «М-Камень» будет сопровождать Фридмана с самого дня полёта и до последней секунды жизни. Помните объявление в «Красной газете» от 18 июля 1925 о будущем праздничном спектакле для гостей Академии Наук, назначенном на 7 сентября? Этим спектаклем окажется опера «Руслан и Людмила». Четвёртое действие которой разворачивается, как теперь известно, вокруг горы М-Камень, где расположен замок Черномора (см. «Топонимический кластер. Пушкин»).

В день спектакля Фридман будет уже тяжело болен (о чём наавтра объявит «Красная газета» – вместе с рецензией на оперу), и на представлении, где ему было заранее зарезервировано место рядом с профессором Фиккером, присутствовать не будет. А все остальные будут. Лишь один Луначарский, обладавший большим в таких вопросах чутьём, под благовидным предлогом сбежит сразу после первого акта (пока М-Камень ещё не появился) – дабы зря не подвергать себя непредсказуемому воздействию «волшебного мира неощутимого».

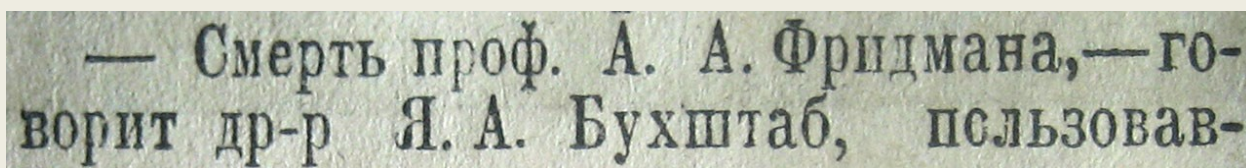

[Илл. 12-07-09-1. «Волшебный мир не(о)щутимого». Отзыв об исполнении «Руслана и Людмилы» 7 сентября 1925 в «б[ывшем] Мариинском театре». Статья «На спектакле», автор Герман, «Красная газета», вечерний выпуск от 8 сентября 1925.]

И что уж совсем невероятно, но буквально за несколько часов до смерти Фридмана, в Москве в Большом театре снова пройдёт «Руслан и Людмила» с уже московской версией М-Камня – от чего, впрочем, Фиккеру с Планком удастся заблаговременно и благовидно уклониться.

Сохранились последние слова, произнесённые Фридманом. Их сообщил Я. А. Бухштаб, находившийся тогда рядом. Согласно ему, Фридман «вспоминал о полёте и старался делать какие-то вычисления». Так что его «подъём» продолжался до последней минуты.

Бухштаб являлся лечащим врачом Фридмана. Но в данном эпизоде он выступает, как «др-р», то есть «дриттер».

[Илл. 12-07-10-1. «др-р Я. А. Бухштаб». «Красная газета», вечерний выпуск от 17 сентября 1925.]

Словом «Dritter» в немецком юридическом языке при составлении договоров обозначается «третье лицо», «посредник».

Так Бухштаб, волей наборщика, обрёл статус эпического «Посредника» между Фридманом и недостижимой в этой жизни «высотой Планка», которую Фридман пересёк и скрылся за ней в совершенно «другом мире», который «нашему не чета».

Фридман стремился, как он написал некогда в своём отчёте, «проникнуть ближе за завесу, покрывающую тайны природы» (с. 20). А вместо этого (как на следующий день после его полёта написала газета «Правда») – «скрылся в пространстве».

Он пытался подняться выше своей планки. И это у него получилось.

Что это было?

(29 июля 1931, 9:05)

Здесь нас снова ненадолго накроет тень гигантского дирижабля.

После того, как LZ-126 («Los Angeles») был в октябре 1924 передан американским Военно-морским силам, Хуго Эккнер отнюдь не унялся. И через четыре года на его фабрике в Фридрихшафене родилось новое чудо, пуще прежнего – дирижабль, каких ещё не видывал свет – LZ-127.

Тогда все жёсткие дирижабли неофициально назывались «цеппелинами», но этот стал «цеппелином» даже официально, получив имя «Graf Zeppelin».

«Graf Zeppelin» станет вершиной человеческой дирижаблевой мысли вообще, её апофеозом. Он совершит полный кругосветный перелёт, проплывёт над «Эмпайр-стейтс» в Нью-Йорке, над «Сахарной головой» в Рио-де-Жанейро, над «Боровицкой башней» в Москве. Несчётное количество раз (заведомо больше ста) пересечёт Атлантический океан, бесп проблемно налетает почти два миллиона километров, в ходе чего поставит множество транспортных рекордов. И мирно закончит свою выдающуюся карьеру по банальному истечению планового срока эксплуатации, будучи рачительно разобранный на запасные части.

Одним из бесчисленных свершений «Графа Цеппелина» станет его полёт над Арктикой в июле 1931. Где его маршрут пройдёт точно над Новой Землёй.

У этого события имеется своя предыстория, о которой нужно не забывать, погружаясь в детали собственно полёта. Генеалогически, это был проект международного общества «Аэроарктика» со штаб-квартирой в Берлине – то есть тот самый «проект Брунса», который с осени 1924 пробивали в Москве (и везде, где можно) Вальтер Брунс и Людвиг Брейтфус.

Но, как читатели смогли уже понять, тогда ничего реализовать не удалось. А к 1930 изменилось много что. Россия вплотную подошла к мысли обзавестись собственным парком военных дирижаблей. Для этого, скрепя сердце, согласились закупить у Хуго Эккнера (у кого же ещё) необходимые технологии и оборудование для специально учреждённого «Дирижаблестроя» (так и называлось). Соответствующий контракт был не то чтобы подписан, но обещан.

В самой же «Аэроарктике» дела шли не очень. Все страны были не прочь от арктического полёта что-то получить, но никто не спешил что-либо давать. Если говорить о России, то здесь рассчитывали с помощью чужого дирижабля открыть гипотетический полярный материк и объявить его своей территорией – но так, чтобы это произошло «бесплатно», единственно за право пролёта над своими угодьями.

Так что «Аэроарктика» топталась на месте. А тут ещё произошло печальное событие – в 1930 умер её бессменный президент Фритъёф Нансен.

По всем понятиям это должно было означать конец организации. На практике же всё получилось ровно наоборот. На освободившееся место президента быстро

избрали главного скептика арктических полётов и конкурента «Аэроарктики» – да-да, доктора Эккенера. Причём я даже и не уверен, просил ли он их об этом.

И тут всё мгновенно закрутилось. У Эккенера есть дирижабль, и он хочет подписать контракт с Россией на продажу ей технологической линии. Поэтому как-то сразу находятся американские спонсоры на операционные расходы, Эккенера приглашается взять на борт сколько-то представителей России (конкретно, четырёх) – и 24 июля 1931 «Граф Цеппелин» уже вылетает из Фридрихшафена навстречу своей арктической судьбе.

У всех участников полёта имелись свои собственные цели, но корабль по воздуху тем не менее плывёт, делая две показательные остановки в Берлине и Ленинграде. А затем уходит на север.

Учёные (немецкие, американские, русские, шведские) что-то снимают и что-то измеряют, журналисты строчат передовицы и отсылают их прямо с борта в свои редакции, команда сбрасывает полярникам разные гостинцы, командир дирижабля демонстрирует чудеса маневренности. Например, сажает свой воздушный корабль прямо на воду во время символического «контакта» с катающим интуристов ледоколом «Малыгин».

Вот как описывает данный эпизод журналист Р. Омский (в миру – Михаил Ромм, однофамилец и тезка известного в будущем деятеля культуры), наблюдавший за этой акцией с борта «Малыгина». Правописание оригинала сохранено:

[27 июля 1931] в 20 час. 30 мин. цеппелин появился на горизонте юга, через час огромный, воздушный корабль плавно опустился в воду, спешно затребовал лодку, произвел обмен почтой и немедленно поднялся.

(«Известия» 29 июля 1931, с. 2)

Под «почтой» здесь подразумеваются открытки, заранее посланные коллекционерами на специальный адрес – ради штампа, поставленного на борту.

[Илл. 12-08-01-1. Контакт «Графа Цеппелина» (LZ-127) с ледоколом «Малыгин» у берегов Земли Франца-Иосифа 27 июля 1931. Лодка с ледокола везёт на дирижабль «почту».]

Здесь уместно будет вспомнить, что ледокол «Малыгин» раньше назывался «Соловей Будимирович». То есть это был тот самый ледокол, который некогда был спасён из ледового плена Людвигом Брейтфусом и после этого переименован в честь лейтенанта Её Императорского Величества флота Малыгина, под чьим чутким началом геодезист Василий Селифонтов в 1736 составил свою уникальную карту Новой Земли с первым сохранившимся русским упоминанием «М-острова». Но вернёмся к дирижаблю.

Описанным выше манером «Граф Цеппелин» потихоньку облетает покрытые льдом острова, в районе Земли Николая II (будущей Северной Земли) делает плавный разворот, и, пройдя в сумме более тринадцати тысяч километров, через четверо суток после вылета (считая от Ленинграда) беспосадочно возвращается в Берлин.

Полёт этот хорошо документирован. Что вполне ожидаемо: на борту было много независимых участников, и каждый второй опубликовал потом свои впечатления. Но один загадочный эпизод здесь, тем не менее, остался. Для определённости, назову его «Петля». Эпизод этот имел место 29 июля 1931, между 8:30 и 10:30 по Универсальному времени (UT).

В целом, маршрут «Графа Цеппелина» был вполне логичный. Он охватывал основные острова и земли региона: Землю Франца-Иосифа – Землю Николая II – полуостров Таймыр – северную оконечность Новой Земли. Гипотетический полярный материк, кстати, так и не нашёлся (потому что его и не было).

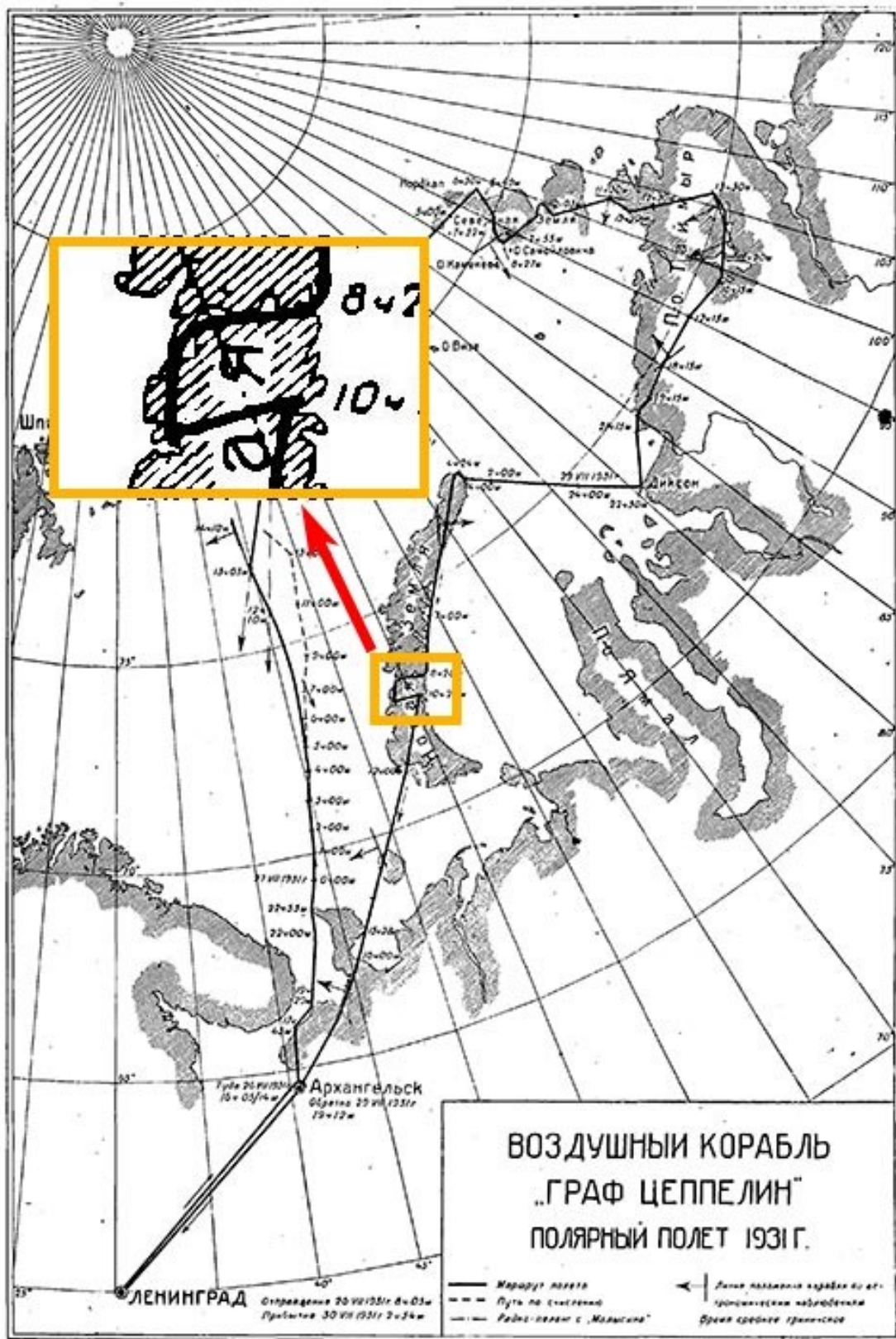
Конкретно на Новой Земле была проведена детальная съёмка (в том числе и фотограмметрическая) восточного берега её Северного острова, как самой плохо изученной части береговой линии. Специальное оборудование автоматически делало снимки каждые четыре километра пути. Интересующихся отсылаю к работам крупнейшего специалиста в этой области, доктора Барбары Шеннерляйн (Barbara Schennerlein, Дрезден). Заодно, пользуясь случаем (и служебным положением), выражаю глубокую благодарность доктору Шеннерляйн за многочисленные и заинтересованные обсуждения (и критику) результатов моих скромных исследований, изложенных в данной главе.

Итак, с полётом дирижабля над Северным островом Новой Земли всё более-менее понятно.

А вот дальше происходит странное. В 8:28 а.м. (прямо с такой точностью) «Граф Цеппелин» поворачивает ровно на 90 градусов и совершает двухчасовую «петлю», откровенно выбивающуюся из основной линии движения. После чего снова ложится на прежний курс – и уже без всяких остановок чешет прямо в Берлин. На карте это выглядит так:

Ц. Молчанов. Первый научно-исследовательский полет дирижабля „Граф Цеппелин“ в Арктику.

Природа, 1932, № 3.

[Илл. 12-08-02-1. Схема полёта «Графа Цеппелина» над Арктикой в 1931. «Петля» над Новой Землёй. Журнал «Природа», 1932, №3.]

Что мы тут видим. Первая часть этой «петли» проходит вдоль пролива М-Шар, от восточного его устья к западному. Остальная часть «петли» – это просто возврат на прежний маршрут.

Гипотеза о том, что желание «картографировать пролив» являлось основным мотивом закладывания «петли», не очень убедительна. По двум причинам. Во-первых, этот пролив являлся на тот момент наверно самым хорошо изученным, описанным и картографированным местом всей Новой Земли. Всё тут уже было снято вдоль и поперёк. А, во-вторых, на этом участке «фотограмметрия» (на основании которой можно было бы делать карту), велась как раз весьма вяло (сравните с предыдущим участком пути). Большая часть сделанных здесь фотографий – это снимки с красотами берегов.

Но если не картографирование пролива, то в чём ещё могла состоять цель этой «петли»?

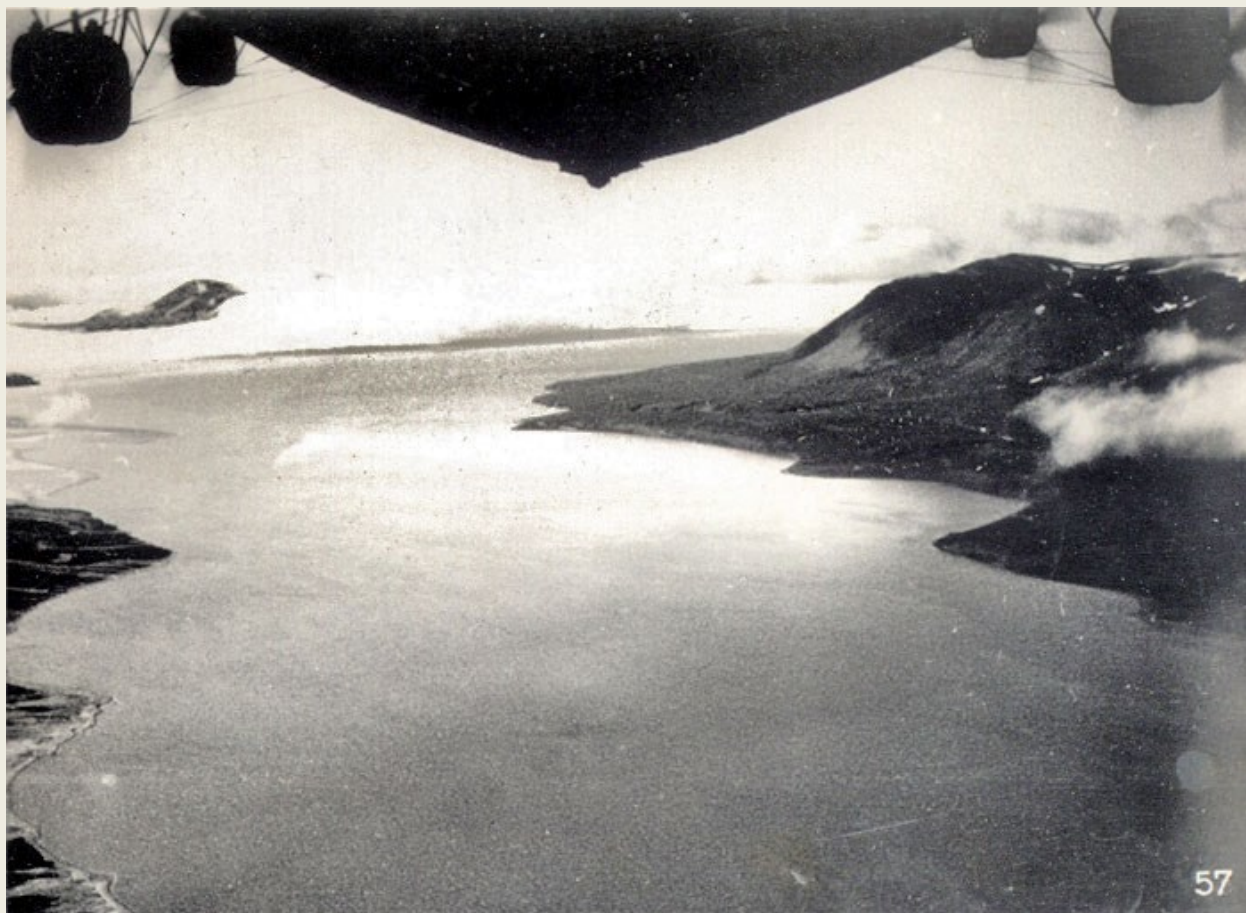
С геометрической точки зрения этот манёвр выглядит так, как будто дирижабль сначала направлялся к некой цели, а достигнув её, развернулся и пошёл назад. Логично посмотреть, не располагалось ли что-нибудь специфическое вблизи места этого разворота. Смотрим и видим: действительно, кое-что располагалось. Например, объекты М-кластера.

Один из сделанных с дирижабля снимков показывает, что в 9:00-9:05 УТ воздухоплавателям справа по ходу открылась гора М-Камень. А несколькими минутами позже в распадок между горами Литке и Ложкина (то есть по долине Розмыслова) стало возможным увидеть и М-остров, «остров-бабочку». И практически сразу после этого дирижабль резко меняет курс.

[Илл. 12-08-03-1. Снимок с дирижабля «Граф Цеппелин» 29 июля 1931, около 9:00 UT. С этой точки открывался вид на гору «М-Камень». На снимке видна нижняя часть её юго-западного ребра (сама гора экстраполирована красным). Smlg. phot. W. Basse, № E 360. Leibniz-Institut für Länderkunde, Archiv für Geographie (Leipzig), NP-003-021.]

[Илл. 12-08-04-1. Снимок с дирижабля «Граф Цеппелин» около западного устья пролива «М-шар» (№57). С этой точки вправо открывался вид на «М-остров» (в кадр не вошёл). Снимок сделан вперёд по ходу из хвостовой моторной кабины.]

[Илл. 12-08-05-1. Западная часть пролива «М-шар» Новой Земли. Точки съёмки кадров №360 и №57 (см. выше) и направления открывавшегося с них прямого вида на «М-Камень» и «М-остров».]

Так что не исключено, что «Граф Цеппелин» заложил 300-километровую «петлю» в том числе и для того, чтобы кто-то на его борту смог увидеть М-Камень и М-остров. Но кому это могло быть нужно? И зачем?

Второй вопрос при данном уровне знаний я оставляю открытым. А вот по поводу первого проведём вместе небольшое расследование.

Обычно оно бывает как? В родовой замок на торжество собираются родственники и знакомые хозяев. А утром обнаруживается труп. Гости – вот они все, никто не входил, никто не выходил. Понятно, что убийца – один из них. При первичном опросе оказывается, что все имеют алиби. Но в ходе настоящего расследования (основная часть книги) постепенно выясняется, что у каждого имеются свои «скелеты в шкафу». У всех были мотивы, и все имели возможность. Автору романа остаётся лишь выбрать и назначить виновного. И на последней странице, под аплодисменты, представить его читателям.

Давайте и мы посмотрим, кто на борту «Графа Цеппелина» какое имел «алиби» и какие прятал «скелеты». Подозреваемых четверо. Вызывать будем в алфавитном порядке.

1. Людвиг Брейтфус.

«Алиби». На борту дирижабля вообще отсутствовал. В Арктику на «Графе Цеппелине» Брейтфус не полетел – возможно решив не искушать судьбу. Поскольку так или иначе пересекалась граница с Советской Россией, а также планировались две посадки в Ленинграде (на практике состоялась одна).

«Скелеты». Брейтфус был хорошо осведомлён о деталях полёта Пинегина и Чухновского в сентябре 1924 над М-островом. Более того, вспомним как бурно и деятельно он тогда отреагировал на тот полёт. Несмотря на отсутствие его на борту «Графа Цеппелина», Брейтфус имел возможность влиять на выбор маршрута. Ещё с 1924 он прорабатывал научную программу и определял конкретные цели будущего полёта. Из всех членов «Аэроарктики» новоземельские нюансы знал лучше всех.

2. Вальтер Брунс.

«Алиби». Имел репутацию «прагматика» и человека «чуждого науке». Считалось, что его интересует единственно коммерческая составляющая проекта.

«Скелеты». Именно Брунс 22 июля 1925 имел в Москве встречу с Александром Фридманом, который в те дни был буквально одержим М-островом – настолько, что за несколько дней до того пытался символически достичь его «высоты». Эта встреча с Брунсом стала последним важным делом в жизни Фридмана – словно проведя её, он этим полностью выполнил свою жизненную миссию, передав некий «импульс» следующему действующему лицу. Тогда же с Фридманом и Брунсом встречался и Николай Горбунов, ставший горячим апологетом «проекта Брунса» и начавший готовить свой собственный подъём на «фридмановскую высоту» (о чём я ещё скажу).

3. Рудольф Самойлович.

«Алиби». Особого алиби нет. Единственно, за таковое можно с натяжкой засчитать тот факт, что Самойлович несколько раз проходил на лодке около М-острова, но при этом не делал попыток (насколько известно) его исследовать.

«Скелеты». Один из четырёх русских участников полёта. Был единственным из них, кто в своё время вернулся живым из последнего плавания Русанова (1912). Фактически присутствовал при первом пролёте Пинегина над «островом-бабочкой», состоявшимся 23 сентября 1924 (видел, как его самолёт поднимается в воздух; в течение следующих семи дней имел возможность многократно контактировать с Пинегиним и Чухновским в западном устье М-Шара). Обладал всеми возможностями организовать «петлю» дирижабля к М-кластеру, поскольку формально считался «руководителем научной части экспедиции» и Эккенер как правило позволял ему выбирать текущий маршрут.

4. Хуго Эккенер.

«Алиби». Показное «равнодушие» Эккенера к полярной теме как таковой.

«Скелеты». При всём своём хвалёном «прагматизме», был, похоже, в большой степени подвержен эзотерическим веяниям. В то время, как он многократно отка-

зывал Брунсу с его проектом трансарктических перелётов (где светили всего лишь несметные прибыли), Эккнер крайне заинтересовался предложением Свена Гедина об организации полёта в Тибет (где никаких денег, но зато – Шамбала, понимаешь). Полёт этот, правда, также не состоялся – но тем не менее. Не забудем и то, что Эккнер в октябре 1924 являлся по факту основным звеном в передаче импульса от «острова-бабочки» Пинегина к «острову-Вселенной» Хаббла (см. «Импульс»). В своём рассказе я ранее исходил из того, что Эккнер не осознавал тогда своей истинной в этом роли. Но как это можно знать наверняка? А в смысле «возможностей» по влиянию на траекторию полёта «Графа Цеппелина» Эккнеру просто не было равных. Он являлся одновременно и владельцем цеппелина, и действующим командиром на нём во время полёта. Команда подчинялась ему, и только ему. Когда нужно, он сам становился за штурвал.

К «мотивам» и «возможностям» Эккнера можно добавить и некоторые «субъективные предпосылки».

Эккнер был немец. А Германию в самом скором времени ожидали катастрофические перемены. Фактически, перемены уже начались, но никто ещё не понял, что они необратимы.

Впрочем, последний шанс у страны на тот момент всё ещё оставался. Это были плановые выборы президента, назначенные на март 1932. Нацисты и коммунисты стремительно прибирали страну к рукам с двух концов, но до конца ещё не прибрали – так что пока ещё оставалась некоторая надежда на возобладание здоровой и деятельной политической «середины».

На тех выборах эта «середина» кое-как, действительно, победила. Но её представителя никак нельзя было назвать «деятельным». 84-летний Гинденбург на посту президента не смог противостоять сверх-активному лидеру национал-социалистов, сдал все позиции одну за другой, а через два года попросту умер – тем самым фактически передав всю власть в руки канцлера-диктатора (которого, формально, мог отправить в отставку одним росчерком пера). После этого о выборах можно было забыть.

Но у Гинденбурга, как единого кандидата от «середины», имелась яркая альтернатива. Окажись этот человек в марте 1932 на высшем посту германского государства, возможно он и сумел бы переломить ситуацию. Но он, решив, что нельзя дробить и без того слабые силы, снял свою кандидатуру в пользу Гинденбурга (выдвинутого умеренным блоком в последний момент и через силу) – и дальше всё случилось, как случилось

Человек этот был – Хуго Эккнер. Многие в Германии связывали именно с ним политические надежды.

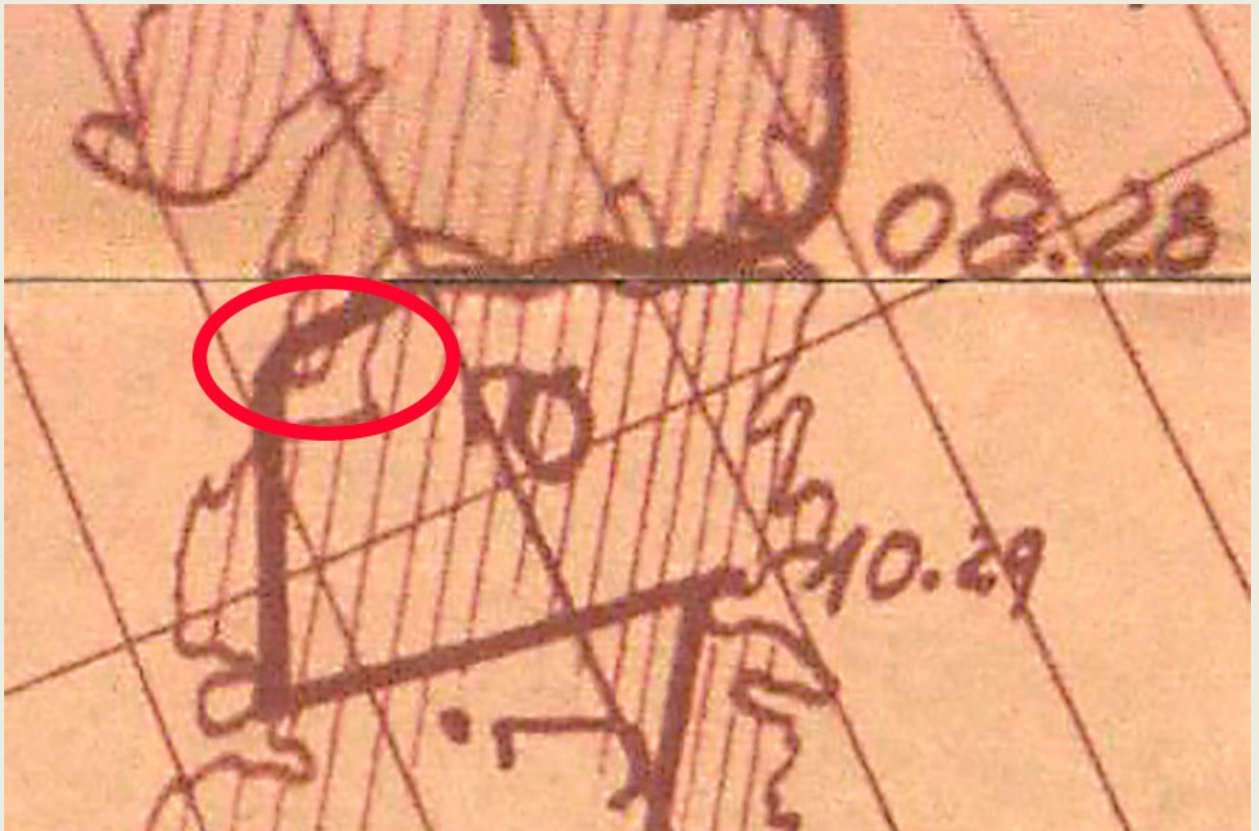
Принять внутреннее решение о своём участии в будущих выборах Эккнер должен был самое позднее за пол года до самих выборов, то есть летом 1931. Решение это было для него очень трудным. И здесь крайне важно было ощутить поддержку хоть каких «высших сил». Например, прикоснувшись к Шамбале, как к мировой «силовой точке». Или (что ближе) – к горе М-Камень, о «сакральной силе» которой Эккнер мог много от кого узнать.

Подобный символический «контакт» способен был укрепить Эккенера в решимости включиться в борьбу за пост президента Германии. Что, в случае успеха, могло изменить ход истории.

Но история пошла другим ходом. Может быть, Эккенеру следовало тогда коснуться вершины М-Камня тенью своего дирижабля? Может быть. Дополнительный крюк составлял всего несколько километров.

Чрезвычайно показательным, что на схеме, составленной Эккеном после полёта, маршрут дирижабля нарисован так, как если бы он действительно подходил вплотную к М-острову и М-Камню. Тщательно скрываемое намерение проявилось здесь со всей отчётливостью. Однако поезд к тому времени уже ушёл.

[Илл. 12-08-06-1. Схема движения дирижабля «Граф Цеппелин» в районе пролива «М-шар» Новой Земли. Согласно ей, при выходе из пролива дирижабль пересёк участок Северного острова по долине Розмыслова (между горами Литке и Ложкина) и вышел прямым курсом в губу Серебрянку к «М-острову». В реальности этого отклонения, судя по всему, не было – но данная «неточность» схемы – говорящая. Схема любезно предоставлена доктором Барбарой Шеннерляйн, оригинал находится в архиве Института Лейбница, Лейпциг.]

И, наконец, одно дополнительное обстоятельство.

5. Вероятный соучастник.

Вспомним тот странный 15-минутный «контакт» между дирижаблем «Граф Цеппелин» и ледоколом «Малыгин», что состоялся вечером 27 июля у берегов Земли

Франца-Иосифа. Технически – для всех неудобный, логистически – никому не нужный, символически – ничего не означавший.

И тем не менее, «контакт» был осуществлён – вопреки всему и вся. Неужели только для того, чтобы порадовать коллекционеров, собирающих открытки с редкими штемпелями? Или вместе с «почтой» на борт дирижабля было передано что-то ещё?

Изучение списка членов экипажа и пассажиров «Малыгина» (куда вошли, кроме уже известного нам Михаила Ромма, ещё 85 человек) наводит на некоторые мысли.

На борту «Малыгина» в не очень понятном статусе («помощник научного руководителя экспедиции») находился никто иной, как «Н. В. Пинегин». Тот самый Пинегин – человек, первым увидевший «остров-бабочку» с «небесной точки зрения».

Передал ли Пинегин в ходе «контакта» с «Графом Цеппелином» что-либо Эккене-ру (Брейтфусу / Брунсу / Самойловичу) – это в данном случае не имеет значения. Само его присутствие в точке «контакта» уже означало передачу всем заинтересованным сторонам соответствующей эстафеты.

Об отражённом свете

(1923 – 1961)

Я открыл дверь, за моим столом сидел человек. Не Маккелви. Я не знал его. Люди любили садиться за мой стол. И кроме сидящего человека был ещё один, стоящий. Вид у обоих недобрый, спокойный, но недобрый.

– Меня зовут Данте, – сказал тот, что сидел.

– А меня зовут Фанте, – сказал тот, что стоял.

Я ничего не сказал. Я блуждал в потёмках. По спине у меня пробежал холодок и вылетел в потолок.

– Нас послал Тони, – сказал сидячий.

– Не знаю Тони. Вы, джентльмены, не ошиблись адресом?

– Ну прямо, – сказал стоячий.

А Данте сказал:

– Белая Бабочка сошла.

(Чарльз Буковски, «Макулатура», гл. 8. Пер. Виктора Голышева)

Данный материал несколько выбивается из хронологических границ текущего рассказа, но при этом хорошо вписывается в него тематически. Так что пусть это будет вставной эпизод, очередное лирическое отступление. Анахронизмом больше, анахронизмом меньше. Итак.

Ясным воскресным утром 24 марта 1957, ровно за две недели до дня Благовещенья, Владимир Набоков послал своему редактору Джейсону Эпштейну благую весть: им задумана новая книга, где важную роль будет играть некая «Nova Zembla».

С этого момента события начали стремительно развиваться, причём в обоих направлениях временной оси.

Впрочем, стремительность эта была достаточно относительной, ибо хорошо известно, что Владимир Владимирович в своей работе быстро ехал, но долго запрягал.

Так что лучше будет отступить для начала на треть века назад, в 1923.

6 июля 1923 было опубликовано сообщение Ганса Ребеля об открытии неизвестной науке бабочки *Plutella Mariae*, обнаруженной на М-острове Новой Земли («Report of the scientific results of the Norwegian expedition to Novaya Zemlya», № 7).

Появление этого сообщения точно совпадает по времени с написанием Набоковым двух текстов – небольшой пьесы «Полюс» (6-8 июля) и стихотворения «Мы – гусеницы бабочек» (5 июня 1923). Внешне эти два текста кажутся достаточно далекими друг от друга, но в «силовом поле» статьи Ребеля их темы («полярная» и «лепидоптерическая») неожиданно вступили в реакцию и дали старт некому новому далеко идущему процессу.

Так бывает. Молодой автор пишет много всякого-разного, сам не до конца осознавая что он делает и зачем. Но в один прекрасный момент происходит некое внешнее событие, которое собирает вместе его разнонаправленные интенции и порывы. Всё ранее несовместимое вдруг складывается в одно – и в этой внешне инициированной реакции синтеза и рождается писатель.

В июле 1923 с Набоковым произошло нечто подобное. Две его темы под действием ребелевской статьи вступили в реакцию и начали медленно, но неотвратимо развиваться во глубине творческих руд, вырываясь по временам на поверхность неожиданными вскипающими фонтанами.

То вдруг в его рассказе сверкнёт наш добрый знакомый, профессор Ребель («Пильграм», 1930). То выступит из тумана «Новая Зембла» – именно как крайний предел ареала распространения бабочек, причём в подозрительном соседстве с тем же самым Ребелем («Второе добавление к Дару», 1939).

А то и вовсе, «Nova Zembla» (Набоков пишет уже по-английски), опять-таки в плотном окружении перепончатокрылых, поднимется до статуса навязчивой идеи автора (стихотворение «The Refrigerator Awakes», «Холодильник просыпается», конец ноября 1941). Об этом, пожалуй, стоит сказать чуть подробнее.

Стихотворение это в общем-то проходное, на случай. В День Благодарения (перенесённый в том году на неделю раньше) автор остался ночевать у своего приятеля, Эдмунда Уилсона, где его положили в комнату со стоящим там холодильником. Компрессор ночью шумел и беспокоил гостя. В отместку он (Набоков) сочинил о нём (холодильнике) обличительное стихотворение.

Дело обычное, но в этом стихотворении из глубин строго охраняемой творческой лаборатории произошла случайная утечка не предназначенных для разглашения слов:

Nova Zembla, poor thing, with that B in her bonnet

«Новая Земля, дело гиблое, с её тараканами в голове»

А дальше, как ни в чём не бывало, продолжилось изощрённое шельмование двухкомпрессорного супостата.

Вторая часть приведённой строки дословно переводится «с пчелой под шляпой», «with bee in a bonnet». Но даже и эта заковыристая идиома была написана, как мы видим, с дополнительной подковыркой – вместо «bee», с её гудением крыльев перегородчатой эмали, стоит просто заглавная буква «B», в произнесении звучащая так же, но при этом дополнительно акцентирующая внимание на архаичности обозначения помянутого объекта («zemBla»).

В целом – ничего страшного здесь не произошло. Но мы видим, что некие секретные работы с «Новой Землёй» у автора продолжают вестись, причём в этих работах, похоже, имеется определённый прогресс, хотя и «with bee in a bonnet».

С этим пока всё. Скажу только, что это игривое «В» автору ещё аукнется.

И вот теперь мы подошли к текущей временной точке, 24 марта 1957. В этот день Набоков впервые сообщил о планируемой книге, где нам будет явлена «Nova Zembla».

Сообщил – и забыл. Два следующих года об этом проекте опять ничего не было слышно. «Новая Земля», как гигантская подводная лодка, ушла в тёмные пучины сознания (хорошо если не подсознания) и над её могучей стегозавровой спиной с шумом сомкнулись чёрно-зелёные воды Карского и Баренцева морей.

Возможно, об этой мифической книге мы бы долго ещё не услышали (или вообще никогда). Но два года спустя произошло событие, ставшее мощнейшим катализатором данного процесса, и при этом совершенно невероятное по своей нарочитости в контексте нашей темы.

15 марта 1959 двоюродный брат Набокова сообщил ему, что их общий прадед, оказывается, был ни больше ни меньше, как исследователем Новой Земли, на карте которой с тех пор значится «река Набокова».

К тому моменту Набоков, без преувеличения сказать – всемирно известный писатель. Журналисты к нему в очередь пишутся, культовые издания бьются за право поместить на обложке его портрет, он как минимум на дружеской ноге и с Хичкоком и с Кубриком, европейская литературная элита с заискиванием добивается его рекомендаций, факт не-присуждения ему нобелевской премии воспринимается, как скандал мирового масштаба и приводит к кризису нобелевского комитета. Так что, казалось бы – что ему какая-то, никому не ведомая, река?

Оказалось, что очень даже «что».

Об этом своём прадеде, и об этой реке (сведения о которых – и то, и то – впоследствии на проверку окажутся ошибочными) Набоков будет помянуть при каждом удобном случае (неизменно связывая это с бабочками) в течении всех оставшихся ему восемнадцати лет жизни. Смотрите:

***

Когда я думаю о том, что <...> я открыл и назвал несколько видов бабочек <...>, набоковская река на Новой Земле приобретает почти мистическое значение.

(Письмо С.С. Набокову, 15 марта 1959)

***

Мой прадед <...> участвовал в <...> экспедиции на Новую Землю (немного-немало), где именем этого моего предка была названа «река Набокова».

(«Память, говори», гл. 3, ч. 1. 1966)

***

Пяденица Набокова <...> умещается в тематическую спираль, начавшуюся <...> быть может, на той речке в Новой Земле.

(Там же, гл. 6, ч. 3)

***

...идеальной представляется мне связь между пяденицей Набокова <...> и рекой Набокова в Nova Zembla. <...> Обо всем этом я узнал довольно поздно.

(Интервью Курту Хоффману, октябрь 1971)

Так что «Новая Земля» (с 1923 идущая в его сознании рука об руку с бабочками) самым прямолинейным и действенным способом не дала Набокову себя забыть, в нужный момент явив его очарованному взору яркий фантом никогда не существовавшей реки.

Произошло это весной 1959. И практически сразу же (по набоковским меркам) он начинает бурную работу над книгой под названием «Pale Fire» – не имеющей практически ничего общего с её первоначальным планом 1957 года. Ничего, кроме одной вещи – «Новой Земли».

А ведь что такое вообще «Набоков»? Это «Лолита», понятно – а ещё? Девять из десяти прохожих скажут тут одно из двух – это либо «Ада», либо – «Pale Fire», книга культовая до мозга костей.

Я имею ввиду вот что. Существует множество людей, которые назовут «Войну и мир» книгой «гениальной», но сделают это с какой-то прохладцей. С трудом представляю себе человека, который без профессиональной корысти бросился бы за неё в бой. «Ценить», «любить», «одобрять», «разделять» – это одной, а быть «ярким приверженцем и беззаветным паладином» – это совсем другое.

Так вот, «Pale Fire» смогла породить яркую, отчаянную и бескомпромиссную популярность своих фанатов. Людей, свято верящих, что никаких больше книг, кроме «Pale Fire», в мире не может существовать в принципе. И только её и читающих, и перечитывающих, и снова читающих.

Но вообще-то, такие книги пишутся не для того, чтобы их читали. Они пишутся для того, чтобы о них говорили. Ну так и поговорим.

Действие в книге разворачивается в 1959, что практически совпадает со временем её написания. В некой маленькой северной европейской монархии (вымышленной) происходит переворот большевистского толка. Короля свергают, но на всякий случай пока не казнят, а помещают под домашний арест. Однако условия содержания постоянно устраиваются, дело медленно но верно идёт к подвальному расстрелу.

Сочетание невероятной отваги, самообладания и везения позволяют королю бежать (подземный ход, переодевание, голубой бриллиант в шестьдесят пять карат, гонка с преследованием, пересечение горной цепи по заоблачному перевалу, за-

сада, счастливое избавление, загримированные сторонники, тайный морской грот, гоночная яхта и т.д.). После нескольких перемещений по Европе, король перебирается в Америку, в маленький университетский городок одного из северо-восточных штатов. И поселяется здесь инкогнито, по соседству со знаменитым американским поэтом Ш. (вымышленным).

Однако с его родины, с подачи новых властей, вслед королю (К.) отправляется наёмный убийца (Г.). Который пока не знает, где именно укрылся К., но шаг за шагом, ход за ходом, он приближается к нему неумолимо. К. это знает и спокойно (иногда, впрочем, и не очень) ожидает приближение своей смерти. И вот Г. уже в его городке. Вот уже на его улице. Вот – на его крыльце.

В это самое время К., сопровождаемый своим знаменитым литературным соседом, тоже подходит к своему дому. Убийца стреляет, но вместо К. смертельно ранит его спутника, поэта Ш.

Убийцу обезвреживают. Но король знает: в этот самый момент с его родины уже отправляется на дело новый киллер.

Такая незамысловатая история. Фабула ходульная, декорации картонные, персонажи карикатурные, сцены гротескные. Впрочем, есть некоторые нюансы. Буквально накануне своей случайной гибели, поэт Ш. (Шейд) закончил большую поэму. И вскоре после произошедшей с ним трагедии, его друг и бывший коллега по университету (а все поэты в Америке, как мы знаем, кормятся на кафедрах), некто доктор Кинбот, эту поэму подготавливает к изданию, снабжает собственными построчными комментариями и издаёт.

Так вот, всё что мы знаем о короле и его героической истории, мы знаем единственно и только из этих комментариев к поэме. Дополнительную пикантность делу придаёт тот факт, что в самой поэме ни о каком короле, и вообще ни о чём таком, нет ни слова. Это – сентиментально-драматическое повествование о среднеамериканской семейной трагедии (несчастный случай с ребёнком). В этом читатель легко может убедиться сам, поскольку пресловутая поэма (в тысячу строк длиной) приводится в книге Набокова полностью, составляя добрую треть её объёма. Всё без обмана: настоящие стихи, в рифму.

Дальше больше. Точнее сказать, «больше» обнаруживается достаточно близко от начала. При чтении комментариев Кинбота очень скоро становится понятно, что беглый король – это он сам и есть, и в комментариях он рассказывает свою собственную историю.

И рассказывает он её, надо сказать, весьма специфически. Способ изложения даёт все основания заподозрить, что писал это человек, скажем так, «с определёнными сложностями в социальной адаптации».

При том что мы располагаем только одной версией произошедшего (версией Кинбота) – даже при этом не оставляет ощущение, что все (буквально все) приведённые Кинботом факты легко могут быть интерпретированы совершенно иным образом – никакой северной страны, никакой революции, никакого короля, никакого бриллианта, никакой дружбы со знаменитым поэтом, никакого запланированного покушения. А что тогда, вообще, остаётся?

Вот об этом-то, имхо, и книга. Остаётся: а) текст поэмы, б) текст комментариев, и в) ещё пара небольших служебных текстов. Всё.

Уже не одно поколение набоковедов ведёт беспощадную междоусобную войну, огнём и мечом доказывая врагу, что комментарий на самом деле написал не Кинбот, а Шейд. Или, наоборот, что поэму написал не Шейд, а Кинбот. Или – что и то и другое написал не кто-нибудь, а сам доктор Боткин.

Выдам страшную тайну: и поэму, и комментарий и служебные тексты написал Владимир Владимирович Набоков, эсквайр. Читайте – и наслаждайтесь.

А насладиться тут действительно есть чем. Книга полна филигранных пейзажей (и в прозе, и в стихах), острых наблюдений и точнейшей психо-физиологической механики. Местами она пронзительна, местами – уморительно смешна. Уверен, что каждый способен найти в ней что-то для себя – как это всегда бывает, когда имеешь дело с человеком умным. Мне, например, оказался близок образ доктора Кинбота.

Но достигла ли при этом книга всех своих целей? Это смотря что понимать под целями. После «Лолиты» Набоков оказался в ожидаемо сложном положении. Материальные проблемы исчезли разом и навсегда, зато возникла проблема метафизическая, в общем случае неразрешимая.

А именно: любой новооткрытый «гений» чувствует себя должным выдать следующим номером нечто, превосходящее предыдущий его шедевр. Я говорю об этом в лёгких тонах, но проблема более чем реальная. Многим действительно великим авторам повторить свой предыдущий взлёт больше так никогда и не удаётся. Примеры этого у всех на виду, и эта наглядность ещё больше обостряет у следующих авторов их комплексы, парализуя волю и делая работу почти невозможной.

Набокову в этом смысле ещё отчасти повезло, ибо он очень кстати получил духово-укрепляющую поддержку небес в виде «прадеда» и «реки». Но – всё равно. От него теперь ожидалась уже не просто книга, а сверх-книга.

По моим ощущениям, «Pale Fire» строилась именно как заявка на таковую. А вот стала ли она «сверх-книгой» по факту – судить не берусь.

Но предпринятая попытка сама по себе уже заслуживает восхищения. В любом случае, для значительной части её адептов это именно сверх-книга и есть. «Книга, подводящая итог всему развитию мировой литературы и являющаяся её сияющей вершиной». Почему нет.

К тому же, при вынесении вердикта следует принять во внимание ещё один момент. Есть серьёзные основания полагать, что работа над «Pale Fire» была прервана до её естественного завершения, и мы видим книгу не вполне такой, какой она должна была бы быть.

На данное подозрение наводит, в частности, Предисловие к книге, написанное Набоковым от лица своего героя, доктора Кинбота.

Напомню, что Кинбот – персонаж специфический. Всё что он говорит, нужно десять раз просеять через сито здравого рассудка, а многое следует понимать с

точностью до наоборот. И вот, чуть не с первых же строк Предисловия, Кинбот начинает с необъяснимым жаром доказывать нам, что «поэма Шейда» (носящая название «Pale Fire», как и вся книга Набокова) представляет собой полностью законченное произведение, и кто усомнится в этом – враг рода людского.

Никто из нас никакой поэмы на тот момент ещё в глаза не видел, никто никого не успел ни в чём обвинить – а Кинбот с пеной у рта уже разоблачает козни неких гипотетических злыдней. Чего он шумит?

Аргументы Кинбота, благодаря изумительному мастерству Набокова, сколь избыточно многословны, столь и не состоятельны по существу. Непроверяемые в принципе ссылки на якобы высказанное погибшим мнение в ходе частной беседы, или апелляция к неким якобы общеизвестным принципам литературного построения, тут же на ходу изобретённым самим Кинботом и т.п. – всё это наводит на вполне определённые мысли. Смотрите сами. Цитата длинная, но оно того стоит («Pale Fire», Предисловие):

Обвинения, <...> будто она [поэма «Pale Fire»] «состоит из разрозненных набросков, ни один из которых не дает законченного текста», – представляют собой злобные измышления. <...>

Другое [не соответствующее действительности, по мнению Кинбота] заявление <...>: «Никто не может сказать, насколько длинной задумал Джон Шейд свою поэму, не исключено, однако, что оставленное им есть лишь малая часть произведения, которое он видел как бы в тусклом стекле». И опять же нелепица! [воскликает Кинбот] Помимо истинного вопля внутренней очевидности <...> существует еще подтверждение, данное Сибил Шейд <...>, что её муж «никогда не намеревался выходить за пределы четырех частей». Третья песнь была для него предпоследней, и я своими ушами слышал, как он говорил об этом. <...> Я утверждаю <...>, что в поэме осталась недописанной всего одна строка <...>, которая <...>, увенчав симметрию всей структуры с двумя ее тождественными срединными частями, крепкими и поместительными, образующими вкупе с флангами покороше два крыла <...> – как докучает мне эта музыка! [последнее относится к шуму на улице] Зная комбинаторный склад мышления Шейда и его тонкое чувство гармонического равновесия, я и вообразить не могу, чтобы он захотел исказить грани своего кристалла вмешательством в его предсказуемый рост. И коли этого всего недостаточно, – а этого достаточно, да! – так я имел драматический случай услышать, как голос моего несчастного друга <...> объявил окончание или почти окончание его трудов.

Вот сколько места (а в действительности – ещё больше) в коротком Предисловии отводит Набоков проблеме возможной незаконченности книги. Читай: его книги.

Да что говорить – Набоков прямо включил в свою книгу формальный признак её незаконченности (после чего вынужден был ещё долго с досадой указывать на него непонятливым критикам). Кроме Предисловия, Поэмы и Комментария, в книге есть ещё авторский Указатель (тоже фантазийный) с ссылками на страницы, где встречается тот или иной термин или персонаж. Так вот, к последнему в Указателе термину Набоков специально (как он потом объяснял) не дал ссылок – полагая,

что этого будет достаточно, чтобы читатели поняли, что книга оборвана на полуслове.

Анализ графика реальной работы автора над рукописью подозрения о её незаконченности усиливает ещё больше.

Набоков плотно садится за работу над «Pale Fire» 29 ноября 1960, и к 7 августа 1961 (естественному рубежу, дате окончательного переезда на Женевское озеро) у него написан весь поэтический раздел и часть раздела прозаического. По его собственным прикидкам, на окончание книги с этого момента ему потребуется ещё месяцев восемь (согласно его дневнику и письмам жены – к Джоан Петерсон от 28 августа и др.). Понятно, что цифра эта ориентировочная – «восемь месяцев» в любой творческой работе легко могут превратиться в «восемь лет» (особенно если вспомнить, сколько Набоков уже промедитировал над этой книгой). И вот он на новом месте приступает к работе – и три месяца спустя её уже заканчивает. Причём заканчивает как-то резко, даже в организационном смысле. В первых числах ноября он ещё не совсем завершил работу – а параллельно уже нанимает машинистку делать беловую копию рукописи. При этом, насколько известно, какого-то особого давления со стороны издателя не было. А что тогда было?

Не будем сейчас в это углубляться. Что бы это ни было, вопрос о завершённости «Pale Fire» остаётся под большим вопросом. Не знаю, зачем я всё это рассказываю.

А теперь мы можем перейти, наконец, к главному – к «отблескам Ребея» в «Pale Fire». К той роли, которую в ней играет его «бабочка», и его «Новая Земля».

Введу временные обозначения: п. – поэма с указанием строки, к. – комментарий с указанием комментируемой строки поэмы.

Так вот, бабочек в книге – как снега зимой. Первый раз они появляются в тексте в виде весело порхающих хлопьев пепла («wind-borne black butterflies») от сжигаемых автором черновиков своей поэмы. Которая, в свою очередь, заканчивается бесконечно длящимся описанием полёта «тёмной Ванессы» (пять строк, п. 993-997). Полёт бабочки – это практически последние слова поэмы. После которых поэт Шейд уже больше никогда ничего не напишет.

Пытаться угнаться за всеми бабочками книги, лихо рассекающими «in the bonnet» Набокова – дело безнадежное. Ограничусь одной цитатой (пишет сумасшедший):

Я обладаю способностью, присущей одним только настоящим художникам: случайно натолкнувшись на забытую бабочку откровения, вдруг воспарить над привычностью вещей и увидеть структуру ткани этого мира <...> (к. 991)

«Увидеть структуру ткани этого мира» («web of the world»). Ткани, любовно сотканной в «Pale Fire» из второго «отблеска Ребея», из Новой Земли.

По данному поводу автор высказывается коротко и ясно:

Тема «Zembl'ы» пройдет красной нитью сквозь всю ткань поэмы. (к. 47)

Не считая предисловия, «Zembla» упоминается в книге Набокова 154 раза, привет от Цюй Юаня. Это, собственно, и есть та «северная европейская страна», откуда бежал свергнутый Кинбот. Страна эта вымышленная, род идеальной мечты. Чья антропография находится в гармоничном антагонизме с географией.

Политически (и климатически) это что-то вроде небольшой скандинавской страны (конституционная монархия с сильными демократическими традициями; холодная зима, приличное лето; леса, луга, нивы).

Географически же – это Новая Земля: длинный узкий северный остров, вытянутый в меридиональном направлении и отделённый от материка каналом. С запада и востока простираются два холодных моря. Вдоль острова проходит высокий горный хребет.

Похоже, что ещё на стадии подготовки Набоков подбирал классические цитаты о Новой Земле, доступные уразумению англоязычного читателя. Одну из них он даёт в тексте (при посредничестве Кинбота) прямо с указанием источника:

Поэт [Шейд] перед самой смертью записал строку из Второй эпистолы «Опыта о человеке» Поупа, которую он, вероятно, намеревался процитировать в сноске:

«At Greenland, Zembla, or the Lord knows where» (к. 937)

Заметим, что просто «Zembla» обозначает у Набокова (как и у Александра Поупа) именно Новую Землю. Эпитет же «Новая» (или «Старая») используется в смысле «при новой (или – при старой) власти»:

КИНБОТ: Вы путаете меня с кем-то, сбежавшим с Новой Земблы (саркастически акцентируя слово «Новой»). [конец цитаты] (к. 894)

Тем, кто не забыл «забытую бабочку откровения» («forgotten butterfly of revelation»), небезынтересно, думаю, будет узнать, что следующая за этой бабочкой (строго говоря, через одну) фраза является одной из ключевых по теме «Новой Земли»:

Я держал, прижимая к сердцу, всю Земблу. (к. 991)

Ещё раз:

I was holding all Zembla pressed to my heart.

И тут же сразу (к. 993-997) текст опять возвращается к бабочкам (к «тёмной Ваниессе»). Борьба и единство «отблесков Ребея» в действии.

Но пора нам от общего перейти к конкретному. От Новой Земли в целом – к её М-кластеру. К горе, острову, заливу и мысу. К месту, где 23 июля 1921 экспедицией Хольтедаля была обнаружена *Plutella Mariae*.

Здесь нам придётся присматриваться к словам. А они живут только в контексте. Бабочек следует ловить не в витринах Венского музея естествознания, а на зали-

тых низким солнцем полянках, покрытых богатым ковром растительности пятнистой тундры.

А потому цитаты я буду сопровождать изложением сопутствующих им обстоятельств.

Гора:

Интересный сам по себе эпизод поэмы, в определённом смысле её вершина. У 61-летнего поэта Шейда (ему ровно столько, сколько было Набокову во время написания им «поэмы Шейда») случается неожиданный приступ. Его сердце вдруг останавливается и он падает бездыханно. Шейду оказывают своевременную помощь и он приходит в себя. Обследование не выявляет никаких функциональных нарушений, причина приступа остаётся нераскрытой.

Пока Шейд лежал без сознания, сознание его продолжало работать, но выдавало ему совершенно особый поток впечатлений. Ему начала стремительно открываться структура ткани этого мира, одновременно он ясно понимал, что умер.

И однажды вечером я умер. (п. 682)

Но перед последней точкой невозврата он увидел нечто, что его сознание идентифицировало, как «белый фонтан» – и в этот момент он вернулся к жизни.

По выздоровлении он, естественно, постоянно возвращается в мыслях к этому «белому фонтану». И вот в глянцевого журнала он наталкивается на описание случая, чрезвычайно похожего на его собственный. Главное, там фигурирует тот же самый «белый фонтан».

Шейд встречается с выздоровевшей героиней журнальной заметки, но та уклоняется от разговора по существу, переводя беседу на светские темы, например на гору Монблан (она изысканно произносит «Мон Блон», п. 783). Тогда Шейд направляется к журналисту, написавшему статью. И тут происходит то, ради чего, собственно, весь этот эпизод и был затеян. Поворот не совсем тривиальный (как всё у Набокова), так что прошу некоторого внимания.

Люди воспринимают первичную реальность в виде совокупности объектов (например, стульев), которые отражаются в пространстве языка в виде соответствующих слов («стулья»). Понятно, что объект здесь первичен.

В процессе любого восприятия, как и во всём, возможны сбои. Но не любые. Если во сне вы оказываетесь у горного обрыва, то эта гора легко может предстать в облике решётчатого балкона, который без малейшей натуги окажется на поверку вентиляционным колодцем. Всё нормально: путаница в образах не затронула главной темы сна – страха высоты. Ну или, скажем, политические реформы могут во сне визуализироваться в образе жар-птицы, как услужливо подсказывает нам автор. Ну да, и это тоже. Так устроен мозг человека.

Но не поэта. Первичной реальностью для него являются как раз слова, а объекты – не более чем докучливые к ним довески. Поэтому, когда у поэта происходят сбои, они идут по иным сценариям, по своей природе – грамматическим.

Вернёмся к Шейду. Журналист сообщает ему, что в опубликованной заметке о случае «возврата с того света» имела место банальная опечатка – вместо слова «фонтан» в оригинале значилась «гора» (по-английски: «fountain» – «mountain», разница в одну букву).

There's one misprint – not that it matters much:
Mountain, not fountain. The majestic touch. (п. 802)

И Шейд, как истинный поэт, мгновенно понимает, что и ему в его видении на самом деле был явлен не «фонтан», а «гора» – просто в его зрительном восприятии произошла банальная фонетическая «опечатка» (невозможная для обычного человека, но абсолютно естественная для поэта).

Гора, выступающая из тумана вымыслов, словно «Мон Блон», выступающий из тумана фактов перед равнодушным взором 11-летнего слона Джамбо с 11-й страницы, переваливающего вслед за Ганнибалом Малый Сен-Бернар в Савойских Альпах. Чем дальше, тем больше мне нравится эта книга.

Камень:

В кульминационном месте сцены с «журнальной опечаткой», Шейда (с его поэмой) горячо подхватывает Кинбот (с его комментариями). На слова Шейда о «посторонней горе» (п. 802) Кинбот разражается страстным комментарием о «хребте Бэра» («Bera Range»), гранитном массиве («granite and gravity had been overcome», к. 149), протянувшемся с юга на север вдоль всей Земблы (к. 802):

– О чем это вы [Шейд] писали прошлой ночью?
– О горах, – ответил он. <...>

Горный воздух ударил мне в голову: он заново творил мою Земблу!

И тут же, не переводя дыхания, комментатор выплёскивает давно ожидаемое слово: «Камень».

The Bera Range, an erection of veined stone

Хребет Бэра, пронизанный жилами вознёсшийся Камень.

Отражённый свет:

Киллер с Земблы, будучи пролётом в Нью-Йорке и убивая время до своего рейса, листает найденную на скамейке свежую (но уже размокшую) газету. Это оказывается «New York Times» от 21 июля 1959. В этом выпуске содержится много всякого.

Например, официальное сообщение из «Белого Дома» («White House»), которое при внимательном прочтении оборачивается светской хроникой из приполярного канадского городка (White Horse) с обсуждением нюансов диареи. Или – актуальная для Набокова тема Нобелевской премии («Prize Nobel»), на поверку оказыва-

ющей всего лишь «Prize Novel», «отмеченным романом» какого-то француза. Чисто профессионально, киллер мог бы обратить внимание на заметку о том, что штраф, выписанный мелкому наркоторговцу Хосе Лопесу, был по ошибке взыскан с другого Хосе Лопеса (тоже мелкого наркоторговца) – но не обратил. Эта последняя заметка, между тем, несёт в заголовке глубокое послание: «Хранители Гробниц постигают Входы и Выходы из Имен» («Tombs Guards Learn Ins and Outs of Names», с. 19).

В целом же, чуткая стрелка информационного компаса этого номера газеты чётко (с поправкой на медийное склонение) показывает направление на север. Север желанный и недоступный. Непредвиденные обстоятельства непреодолимой силы вынуждают королеву Елизавету изменить маршрут своего путешествия на юконский Клондайк (с. 2). Известный ньюсмейкер неожиданно отказывается от запланированной поездки на Север («Trip to North put off», с. 1). Определённо, что-то грядёт.

Предупреждая о приближении земли, на какой-то странице сверкает огнём своего маяка некий мистический «остров». Босли Краузер рецензирует анимационный фильм, показанный накануне в «Paris Theatre». На некоем Острове три самодостаточные сущности – Добро, Правда и Красота – обсуждают своё значение для искусства. Беру все.

Остров:

Когда в поэме Шейда описывается, как он впервые читает журнальную заметку, в которой вместо «фонтана» имелась ввиду «гора» (п. 758) – то за этой виртуальной «горой» тут же, буквально следующей строкой, в тексте Набокова появляется неназываемый остров (п. 759):

If on some nameless island <...>
.....
<...>, that island is no myth.

Показательно, что незадолго до этого Набоков демонстративно запустил в текст своей книги бабочку-пяденицу (в виде её гусеницы-геометриды, «inchworm», п. 713), теснейшим образом связанную в его сознании с Новой Землёй (см. о «реке Набокова»).

А ещё: в тексте комментариев вскоре мелькнёт «говорящая» дата – 1921, которая там будет вроде бы ни к селу ни к городу (к. 810). А ведь это – год поимки на М-острове бабочки *Plutella Mariae*. По сюжету, Кинбот впервые читает драгоценную поэму Шейда как раз накануне очередной годовщины этого события.

Залив и мыс:

Новая Земля распределилась по книге Набокова неравномерно. Если в «комментариях Кинбота» она поминается чуть не через слово, то в «поэме Шейда» – всего один раз, причём уже на излёте, в 937-й строке.

Контекст таков. Шейд сибаритствует. Он лежит в ванне, одновременно бреется, то и дело при этом режется и рефлексит на тему бритья, раскручивая маховик собственного величия. То ему вместо помазки и мыльной пены подавай королевские рифмы и метафоры (от которых «мороз идёт по коже» и волосы сами поднимаются), то ему, якобы, более пристало держать бритву двумя руками – как солист балета держит в прыжке балерину и т.п.

И вот, непрерывно расширяя круги своей эго-экспансии, Шейд постепенно добирается и до Новой Земли. Которая в набоковской поэтической космографии является крайней точкой распространения бабочек (см. добавление к «Дару»), а значит и Краем Земли вообще.

Шейд по-прежнему бреется, но при этом его персону обретают уже планетарные масштабы, а бритьё превращается в ритуальную заготовку кормов его подданными – действие общинное, «всем миром». По щекам Шейда едут грузовики, по его подбородку рядами идут косари, и в полях «старой доброй Земблы» косят шейдову щетину – между его исполинскими «ртом и носом» (п. 937):

<...> I plough
Old Zembla's fields where my gay stubble grows,
And slaves make hay between my mouth and nose.

Сквозь магический кристалл поэзии мы видим здесь конкретную точку Новой Земли – между «ртом и носом», то есть (следуя за гео-образностью автора) между заливом («Губой») и мысом («Носом»). Заливом «Губа Митюшиха» и мысом «Митюшев Нос», между которыми как раз и высится гора из видения Шейда – заповедный гранитный интрузив «М-Камень».

Чтобы у нас не оставалось никаких сомнений, «Залив» в стихах Шейда вскоре появится уже без всяких антропоморфных экивоков. «Залив в тумане» – первый сборник мой», – десять рифм отступя от «Губы и Носа» напишет поэт (п. 957).

Мы уже говорили о «хребте Бэра», пролегающем, согласно «географии Pale Fire», вдоль Земблы. На реальной Новой Земле «хребта Бэра» нет – однако есть «мыс Бэра» (того самого Карла Бэра, что в 1836 привёз из своего путешествия первый известный рисунок М-Камня, сделанный с натуры). А расположен этот мыс Бэра – знаете где? Непосредственно рядом с М-кластером, сразу за Сухим Носом.

Буква:

И, наконец, ещё одна скрытая ссылка, трудно уже сказать на что (к. 230):

Он [Шейд] держал словарь Уэбстера, что под статью Библии, раскрытым
на букве «М».

Что это – указание на М-кластер? Или это – *Plutella Mariae*, обнаруженная на М-острове за сорок лет до написания данных строк экспедицией Хольтедаля и только сейчас нашедшая свой белый лакомый лист?

И самые последние четыре слова, выдержавшие множество смертных битв с редакторами и издателями книги, и не изменённые автором ни на единую букву – вот они, эти слова:

Zembla, a distant northern land.

И дальше уже нет ничего.

(Я должен был ещё рассказать о пресловутом «В» из стихотворения о холодильнике. Но это уже как-нибудь в другой раз.)

Жизнь

(Верхний Рифей – 23 июля 1921)

(Хольтедадь – Ранний этап развития жизни – Снежный ком – Оазисы – По горячим следам – Интрузив – Остров жизни – Ключевые слова)

Хольтедадь

Эта глава начиналась, как вы помните, экспедицией Улофа Хольтедаля, в ходе которой летом 1921 на М-острове Новой Земли была обнаружена неизвестная науке бабочка *Plutella Mariae* (эпизод «Странный аттрактор»). И сейчас в тихом урчании вентилятора моего компьютера я отчётливо различаю шорох лёгких шагов Утелии, богини циклической Судьбы. Ибо, похоже, данной главе суждено закончиться той же экспедицией.

Кроме обнаружения бабочки, Хольтедадь и его спутники получили тогда ряд других далеко идущих научных результатов, связанных непосредственно с горой Митюшёв Камень. Объект оказался настолько специфическим, что материалы Хольтедаля дали толчок целому научному направлению – «эмпетрологии» («m-etrology», от греческих «μ-πेत्रος» и «λογος»), изучающей М-Камень и остальные объекты топонимического кластера во всей их полноте и взаимосвязи.

Около М-Камня у Хольтедаля было три якорных стоянки – 23, 24 и 25 июля 1921. Две из них – с панорамным видом на Камень, а одна – у самого его подножья. От всех трёх стоянок М-остров находился в ближайшей шлюпочной доступности.

[Илл. 12-10-01-1. Схема якорных стоянок норвежской экспедиции Хольтедаля около М-Камня Новой Земли. 23, 24 и 25 июля 1921. «Report of the scientific results of the Norwegian expedition to Novaya Zemlya, 1921», № 1, 1922, прилож.]

По результатам экспедиции было опубликовано сорок пять отдельных отчётов, выходивших в течение десяти следующих лет. В них предмет изучения рассматривался с самых разных точек зрения – палеографии, зоологии, ботаники, геологии, климатологии и других. Наибольшую роль в становлении «эмпетрологии» сыграли отчёты №№ 1, 7, 21, 22 и 45, ставшие впоследствии обязательными к цитированию.

Сама коллекция геологических образцов Хольтедаля даже столетие спустя после экспедиции смогла удивить учёный мир, позволив на основании её нового исследования совершить небольшую научную революцию. Об этом я ещё скажу.

Пока же (июль 1921) Хольтедаль лишь «собирает камни». Но кое-что интересное обнаруживается уже сразу. Находка была сделана 25 июля у подножья М-Камня – в месте, запечатлённом на фотографии.

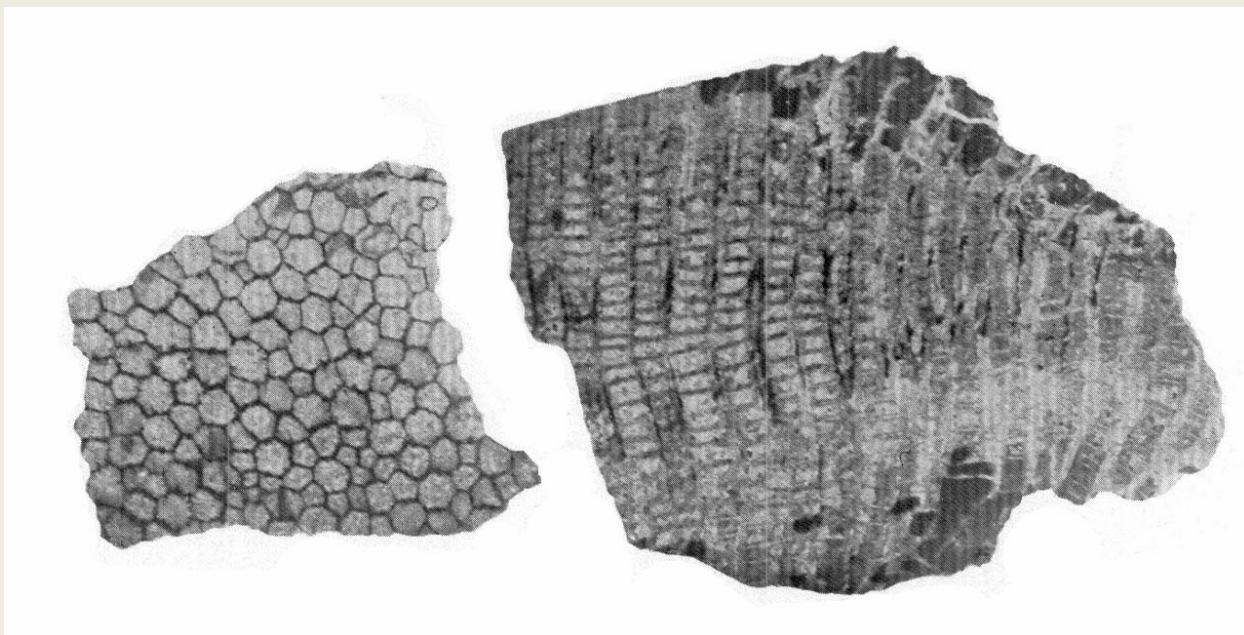

[Илл. 12-10-02-1. Митюшёв Камень (справа) и Митюшёв мыс (слева, пологий). Прямо по курсу – место якорной стоянки №19. Именно на этой пологой части берега Хольтедалем была обнаружена большая колония кораллов-табулятов. «Реп.» № 21, 1924, илл. VII-1. Фотограф Bernt Lyngе, 25 июля 1921.]

Сам Хольтедаль рассказывает об этом событии так.

От Митюшёва мыса (Cape Mityoucheff) и далее к востоку встречаются тёмные *Favosites* (кораллы-табуляты). Я отправился вдоль берега в западном направлении (от якорной стоянки №19) и нашёл здесь несколько прекрасных образцов *Favosites*. Очень большая колония, часть которой представлена в приложении.

(Хольтедаль, «Report of the scientific results of the Norwegian expedition to Novaya Zemlya, 1921», № 22, отпечатано 12 сентября 1924)

[Илл. 12-10-03-1. Часть колонии Favosites (кораллов-табулятов), обнаруженных Хольтедалем под горой М-Камень 25 июля 1921. «Rep.» № 22, 1924, илл. XXVII-5.]

Данная находка доисторических кораллов имела не столько научно-прагматическое, сколько научно-прогностическое значение. У подножия М-Камня обнаружили следы древней жизни. Об одном остром эпизоде эволюции которой не грех будет сейчас, пользуясь случаем, и вспомнить.

Ранний этап развития жизни

Ну как «ранний». Отрезок в четыре пятых всего времени существования жизни на Земле. Даже почти в пять шестых. Короче, речь пойдёт о первых трёх с лишним миллиардах лет эволюции биосферы.

За это время жизнь на Земле проделала большой путь, оставив нам роскошные следы своего изобилия – от изотопных углеродных маркеров в формации Исуа раннего Архея (3,8 миллиардов лет назад), до строматолитов цианобактерий позднего Протерозоя (700 миллионов). Судя по всему, жизнь в океане цвела тогда буйным цветом. Археи, бактерии, эукариоты; аэробы, анаэробы, фотоавтотрофы, хемогетеротрофы, оксигены, аноксигены; трихомы, сфероморфиды, нитчатые, коккоидальные, палочкообразные и пластинчатые, не говоря уж о ветвящихся, как «Блок сонетов», мицелиях. Круто! Всё это – разные виды слизи.

Правили бал в это время цианобактерии. «Циано-» они были не потому, что производили «цианистый калий». Данная приставка означает всего-навсего их цвет – «сине-зелёный». В цветовой модели, соответствующей четырём базовым полиграфическим краскам СМΥК (голубой-малиновый-жёлтый-чёрный), «С» означает как раз этот самый «cyan» («М» – «magenta», «Υ» – «yellow», «К» – «key», в смысле – «чёрный»).

Энергетическая схема цианобактерий («фотоавтотрофная») оказалась в тех условиях наиболее успешной. Непосредственно потреблять солнечный свет ни

одно живое существо не умеет. Поэтому цианобактерии, используя энергию фотонов, сперва связывали подручный углерод (из углекислого газа) с подручным водородом (из воды), синтезируя вещество энергетически более высокого уровня чем исходные компоненты, конкретно – сахар. Который потом, расщепляясь обратно, отдавал закачанную в него энергию в том виде, какой бактерия уже умела использовать в своих личных целях.

Остававшийся в ходе реакции лишний кислород при этом просто выбрасывался в атмосферу, как отход производства. Весь без исключения кислород в нашей атмосфере возник именно таким путём.

Итак, для функционирования жизни требовалось всего три вещи – вода, углекислый газ и солнечный свет. Ну, и защита от ультрафиолета (всё тот же слой воды для этого вполне годился). Схема оказалась удачной, дело пошло на лад. На подходе были уже первые многоклеточные, за которыми на горизонте уже просматривались не только чешуйчатокрылые, но даже и яйцеголовые.

И вот семьсот миллионов лет назад этой идиллии разом пришёл конец. Как снег на голову, на Земле разразился Криогений.

Снежный ком

Историю Земли люди нарезают на «периоды» в зависимости от своих целей по-разному. Что может приводить к некоторой путанице. В нашем случае, время о котором пойдёт речь могут называть и Поздним Протерозоем, и Верхним Рифеем, и До-Кембрием, и Криогением. Это всё не совсем одно и то же, но формально все эти отнесения будут по-своему верными. Мы остановимся на Криогении.

Семьсот миллионов лет назад (плюс-минус) Земля подверглась совершенно катастрофическому вымораживанию. Это твёрдо установленный факт. По поводу же конкретных форм этого явления, его масштаба и возможных причин в учёном мире ведутся дискуссии.

Одна из основных гипотез называется «Земля – снежный ком» («snowball Earth»). Она предполагает, что в этот период вся планета от полюса до полюса покрылась сплошным многокилометровым слоем льда. С установлением круглогодичной температуры минус 50 градусов Цельсия и ниже.

Физически такое могло бы произойти, если бы, например, по какой-то причине (скажем, при заметном усилении «химического выветривания» суши) в атмосфере резко уменьшилось бы количество углекислого газа. Тогда «парниковый эффект» стал бы слабее, климат несколько бы похолодал – и в результате увеличилась бы площадь полярных ледниковых шапок. Соответственно усилилось бы суммарное отражение солнечного света от поверхности Земли – что запустило бы «эффект нарастающего снежного кома» (по-научному – «положительную обратную связь» похолодания). Заключается это в следующем: чем сильнее отражает поверхность солнечный свет, тем слабее она нагревается и тем больше становятся площадь ледников – в результате чего свет отражается ещё сильнее, климат становится ещё холоднее и ледники растут ещё больше. И так – пока лёд не покроет всю Землю.

Анализ соответствующих геологических слоёв с несомненностью показывает присутствие ледников во всех без исключения экваториальных областях тогдашней суши. Математическое моделирование также вроде бы подтверждает возможность подобного развития событий.

С другой стороны, в эту гипотезу укладываются не все имеющиеся факты. Те же геологические данные говорят о том, что глобальное оледенение не было разовым и окончательным. Ледники наступали и отступали – и так много раз подряд (чего модель самоускоряющегося оледенения не предполагает). Кроме того непонятно, что могло потом разморозить Землю обратно.

Так что по всей видимости на практике реализовался некоторый промежуточный случай между описанным выше сценарием и просто сильным оледенением. Эту модель можно назвать «Земля – *почти* снежный ком» («nearly snowball Earth»).

Действительно. Когда мы говорили о полном оледенении, с океаном всё было более-менее понятно (он промерзал на километровую глубину). Касательно же суши изначально было не всё так очевидно.

Типовой механизм оледенения материков следующий (на примере Антарктиды). Вода на экваторе испаряется из океана, переносится к полярной суши и там выпадает в виде снега. Снег копится и под собственным весом превращается в лёд. Слой льда постепенно растёт, достигая со временем толщины в несколько километров.

Но лёд – не камень, он аморфен. Поэтому ледники медленно, но неуклонно ползут от центра Антарктиды к её периферии. Там они сползают в воду, отламываются и уплывают в виде айсбергов к экватору. А в это время новый лёд нарастает в центре материка – и снова ползёт в океан. Данный процесс идёт непрерывно: лёд нарастает и ползёт, нарастает и ползёт. Это, собственно, и есть «круговорот воды в природе».

Всё бы хорошо, но при глобальном замерзании океана этот самый «круговорот» полностью прекращается. В атмосфере нет больше водяного пара, ему просто неоткуда взяться. Так что снег больше нигде не идёт. А ледники, между тем, по-прежнему ползут в океан, хотя в центре материка они уже не возобновляются. В результате суша постепенно обнажается, и так и остаётся – холодной и сухой.

Вопрос: какой уклон должна иметь суша, чтобы ледник по ней сползал к океану? Встречный вопрос: а какой нужен уклон, чтобы стекала вода? Пример бассейна Амазонки подсказывает, что практически никакой. А теперь вспомним, что лёд – это та же вода, только с другим масштабом времени протекания процессов. Что с водой случается за секунды, то со льдом – за годы. А потому за миллион лет невозобновляемый ледник полностью стечёт даже с плоского материка в океан, освободив от себя сушу.

Так что наша планета в период Криогения скорее всего выглядела так: полностью покрытый километровым льдом океан – и голая, свободная ото льда, холодная и мёртвая суша, по крайней мере – значительная её часть. Типа области Сухих Долин (Dry Valley) в нынешней Антарктиде.

И, наконец, ещё один проблемный момент модели «Снежного кома». Жизнь на такой планете неминуемо должна была полностью исчезнуть. Однако по факту этого не произошло.

По данным палеографии земная биота во время Криогения, действительно, сократилась катастрофически. Но при этом отдельные её островки каким-то чудом, тем не менее, сохранились. И когда Земля снова оттаяла, жизнь из этих островков вышла во внешний мир и продолжила своё триумфальное шествие по планете.

Но что это были за «островки» такие?

Оазисы

Для существования жизни нужны, напомним, четыре вещи: 1. «жидкая вода» (чтобы брать оттуда водород), 2. «углекислый газ» (чтобы брать оттуда углерод), 3. «солнечный свет» (чтобы использовать энергию его фотонов для синтеза сахара из тех самых водорода и углерода) и 4. «защита от ультрафиолета» (убивающего всё живое).

Рассмотрим с этой точки зрения Землю в эпоху Криогения, когда океаны были скрыты под километровым слоем льда, а суша в каких-то местах была также скрыта подо льдом, а где-то была голая, промёрзшая и сухая. Здесь мы видим три основные зоны для потенциального обитания «фотоавтотрофов».

Первая. Вода океана под километровым слоем льда. «Углекислого газа» здесь – очень мало (поскольку именно падение его концентрации в атмосфере и вызвало данное «вымораживание»), «солнечного света» – нет вовсе. Резюме: жизнь невозможна.

Вторая. Поверхность суши под километровым слоем льда. «Жидкой воды» – нет, «углекислого газа» – нет; «солнечного света» – нет. Резюме: жизнь невозможна.

Третья. Поверхность льда или поверхность «голой» суши. «Жидкой воды» – нет, «углекислого газа» – очень мало, «защиты от ультрафиолета» – нет (озоновый слой атмосферы ещё не возник). Резюме: жизнь невозможна.

Как видим, мест для земной жизни, по большому счёту, на Земле тогда не осталось. Но по малому счёту можно попробовать кое-что нарыть.

Четвёртое. Гидротермальные озёра, покрытые тонким (метры) слоем льда, расположенные на «голых» участках суши. «Жидкая вода» – есть (магматическое тепло не позволяет озёрам промёрзнуть до дна), «углекислый газ» – есть (именно магматические процессы и являются главным его источником в атмосфере), «солнечный свет» – есть (слой льда тонок), «защита от ультрафиолета» – есть (нескольких метров воды уже достаточно). Резюме: жизнь более чем возможна.

Кроме совсем уж экзотических вариантов, больше в этой области ничего подходящего не просматривается. Так что материковые гидротермальные озёра – основные кандидаты на роль тех оазисов, в которых в период Криогения земная жизнь смогла сохраниться и выжить.

Кому-то может показаться, что угроза полного уничтожения цианобактерий во время Криогения не являлась такой уж фатальной для жизни, как явления в целом. После потепления, жизнь могла бы (думают они) зародиться снова и начать заново тот же путь эволюции. В результате всё вернулось бы на круги своя, только с некоторым сдвигом по времени.

Кто рассуждает подобным образом, тот забывает о такой вещи, как «поздний этап эволюции средних звёзд». Если вы не знаете что это такое, то лучше не знайте и дальше, спокойнее будет. Единственно, примите как факт – начнись эволюция жизни на Земле с задержкой в три с половиной миллиарда лет – и ни «Король Лир», ни «Братья Карамазовы», ни данная книга не возникли бы уже никогда – ни в этой жизни, ни в следующей. Просто бы не успели.

А потому роль, которую сыграли во время Криогения «материковые гидротермальные озёра», следует рассматривать, как критически важную для сохранения жизни вообще – как явления.

По горячим следам

И где нам теперь искать следы этих «материковых гидротермальных озёр эпохи Криогения»?

Ну, во-первых, на материковых платформах, наверно. Во-вторых, в тех их местах, где наблюдалась большая магматическая активность. И, наконец, чтобы эта активность относилась именно к Криогению. Вроде, всё.

Но есть тут некоторая тонкость. Важно, чтобы область искомой активности была «долгоиграющей». Те горячие озёра, чьё время жизни исчисляется всего тысячами лет, нам не подходят. Оледенение длилось гораздо дольше. Так что локальный источник тепла для сохранения биоты должен был быть стабильным и долгим.

Существуют два основных механизма магматического породообразования – вулканический и плутонический. При «вулканизме» жидкая магма из земных глубин изливается прямо на поверхность, где быстро (тысячи лет) застывает. В результате получается базальт. При «плутонизме» магма из глубин также поднимается вверх, но поверхности не достигает, и под слоем осадочных пород остывает и кристаллизуется очень медленно (миллионы лет). В этом случае получается гранит. Запомнить просто: вулканизм – базальт на самой поверхности, плутонизм – гранит на некоторой глубине.

Поскольку нас интересует медленное и долгое тепло, то нам нужны следы именно плутонических процессов. То есть – гранитные интрузивы соответствующей датировки. В первую очередь те из них, которые находятся на линии тектонических разломов. Ну и совсем хорошо, если при этих интрузивах обнаружатся признаки былой гидротермальной активности.

Итак, гранитные интрузивы. При том, что исходно они всегда кристаллизуются на некоторой глубине, они вполне могут позже оказаться на поверхности в результате тектонического поднятия и разрушения находившихся над ними верхних сло-

Когда речь заходит об обнаружении протерозойских «разломов» и «гидротермальных следов», учёные сталкиваются с труднопреодолимой проблемой – все эти следы были с тех пор тысячи раз затёрты и переплавлены. Даже сам протерозойский супер-континент Родинию – и ту сейчас трудно локализовать с приемлемой точностью. Что же тогда говорить о каких-то там крохотных в ней трещинах.

Решить эту проблему отчасти помогает принцип «прямой наследственности» («direct inheritance»). Он заключается в следующем. Если некий характерный геологический объект в момент своего возникновения вёл себя определённым образом, то с большой вероятностью можно ожидать, что и в будущем в сходных условиях он будет вести себя также. Верно и обратное: если мы знаем, как объект повёл себя в будущем, то это поведение можно интерполировать назад, считая, что он сходным образом вёл себя и в прошлом.

Применительно к нашему случаю это работает так. Если некий древний интрузив находится сейчас в окружении более молодых «гидротермальных жил» и «разломов», то с высокой вероятностью можно полагать, что и в момент его возникновения ему также сопутствовали сходные проявления магматической активности. (Конец графоидного интрузива несогласного залегания)

ёв. Но нужно помнить – все расположенные сейчас на поверхности земли интрузивы исходно затвердевали в глубине.

Классификация интрузивов по их геометрии и размерам такова (говорим только о крупных). «Шток» – прямой вертикальный ствол (может быть очень большим в сечении). «Лакколит» – интрузив грибообразной формы (по тонкой «ножке» магма поднималась вверх, а потом растеклась большим волдырём между соседними слоями осадочных пород; на поверхности мы потом видим только верхнюю часть «шляпки» этого «гриба»). «Батолит» – царь интрузивов, огромный настолько, что никто даже понятия не имеет как далеко он уходит в глубину, где начинается и какую имеет форму. У батолита есть верх, но нету дна.

Вот, пожалуй, и всё, что нужно знать, приступая к поиску былых «горячих точек», сохранивших на Земле жизнь в эпоху беспросветного льда.

Интрузив

Внимание! Разыскивается: гранитный интрузив (1) на линии тектонического разлома (2) со следами гидротермальной активности (3), образовавшийся в эпоху Криогения (4). Предупреждение: объект редкий (5).

Не буду тратить время на беллетризированное описание процесса, сразу перейду к результатам. Ниже приводятся пять групп цитат из работ профильных специалистов. Все они – авторитетные в своей области учёные, геологи и геофизики. Их научные работы в совокупности покрывают период времени в сто лет. Буквально по одному слову о каждом. В скобках указан год посещения ими М-Камня.

Улоф Хольтедаль (1921, Olaf Holtedahl), руководитель норвежской экспедиции на Новую Землю, основоположник «эмпетрологии». Привезённая им геологическая коллекция насчитывала четыре тысячи образцов. Без ссылок на его «Отчёты» не обходится ни одна статья по теме.

Дмитрий Панов (1931), руководитель «митюшёвской» геологической экспедиции 1931. Вероятно, находился непосредственно на М-острове, когда рядом пролетал дирижабль «Граф Цеппелин» с Эккенором, Брунсом, Самойловичем и другими на борту. Сообщил о «богатом ковре растительности», покрывающем М-остров, и имеющемся на нём «знаке» («Записки по гидрографии», 1933, № 1, с. 84).

Николай Мутафи (1931, 1934), исследовал М-Камень в 1931 вместе с Пановым, а в 1934 – самостоятельно. Фактически дал первое комплексное описание объекта. Своего рода классик.

Михаил Ермолаев, шурин Рудольфа Самойловича. Яркий геолог, специализировавшийся на Новой Земле. Множество раз посещал район М-Камня с 1922 по 1937.

Борис Романович, участвовал в нескольких экспедициях в регион в конце 1940-х – начале 1950-х. Первым высказал мысль, что М-Камень является вершиной гигантского «батолита».

Евгений Кораго (1981), автор революционной работы по датировке М-Камня методом термоионной эмиссии, кардинально изменившей существовавшие до того научные представления.

Ханс Накрем (Hans Nakrem), в 2007 составил и издал атлас геологической коллекции Хольтедаля, что дало толчок исследованиям по датировке её образцов.

Фернандо Корфу (Fernando Corfu), в 2010 датировал ряд образцов коллекции Хольтедаля.

А теперь перейдём к анонсированным выше пяти группам цитат. Каждая группа посвящена одному из аспектов, атрибутирующих геологический объект как возможный «оазис, сохранивший земную жизнь в период Криогения».

1. «Гранитный интрузив».

1924

– Митюшёв Камень – целиком магматического происхождения. Он состоит из крупнозернистых гранитов. (с. 47)

«Mityoucheff mountain [...] is all of igneous origin, being made up of rather coarse-grained granite.»

– Мы имеем дело с гигантской гранитной интрузией. (с. 91)

«We meet with the large intrusions [...] with a granite mass.»

(Хольтедаль, «On the rock formations of Novaya Zemlya». В составе серии «Report of the scientific results of the Norwegian expedition to Novaya Zemlya, 1921», № 22, 1924)

1936

– Собственно Митюшёвым Камнем является [...] гранитный массив.

(Мутафи, «Геоморфологический очерк западного побережья Новой Земли», Труды Арктического института, т. 57, 1936, с. 184)

1936

– Гранитная интрузия Митюшёва Камня.

(Ермолаев, «Геология Новой Земли», вып. 2. Труды Арктического института, т. 61, 1936, с. 43)

1957

– Гранитный массив Митюшёв Камень [...] представляет собой шток.

(Романович и др., «Геология советской Арктики», 1957, с. 48)

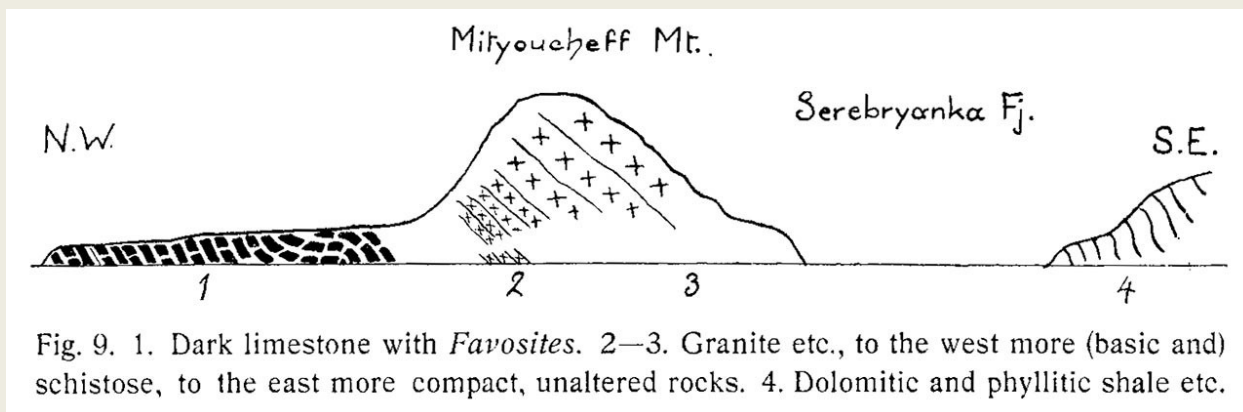
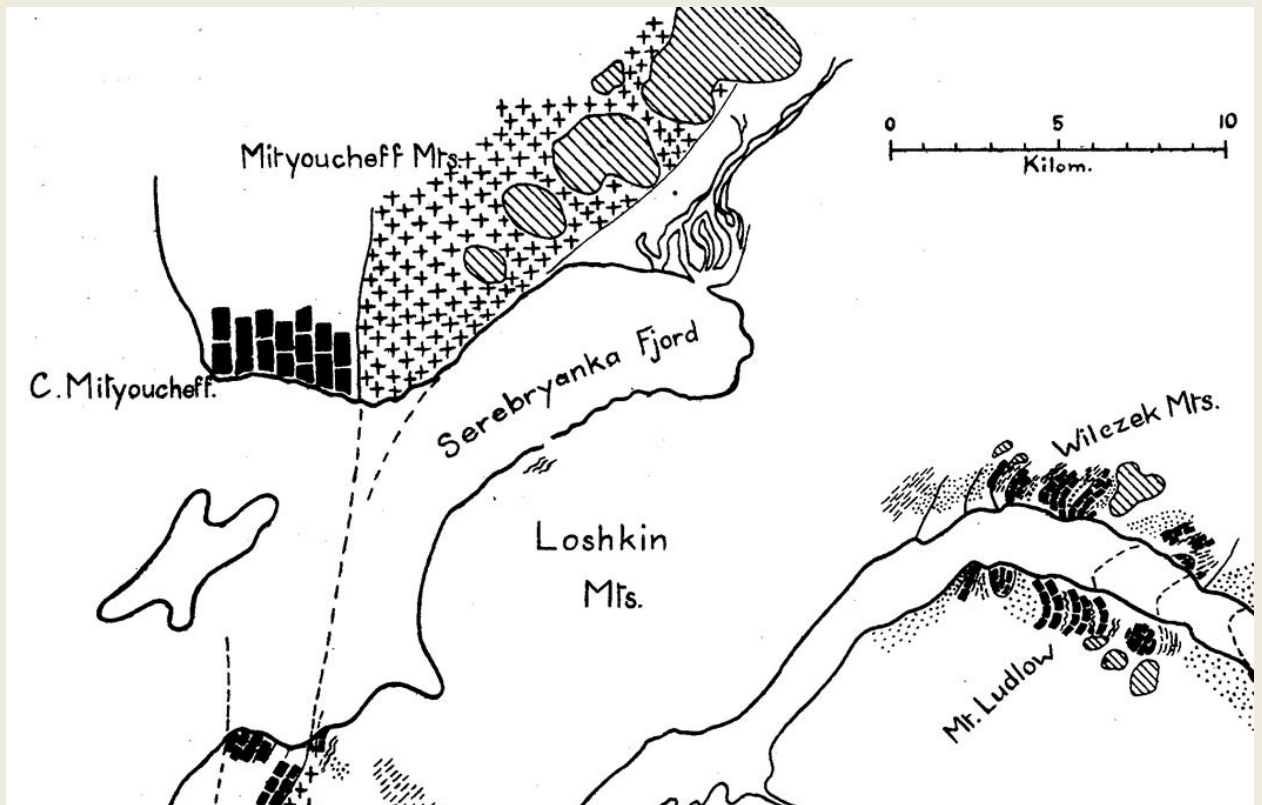
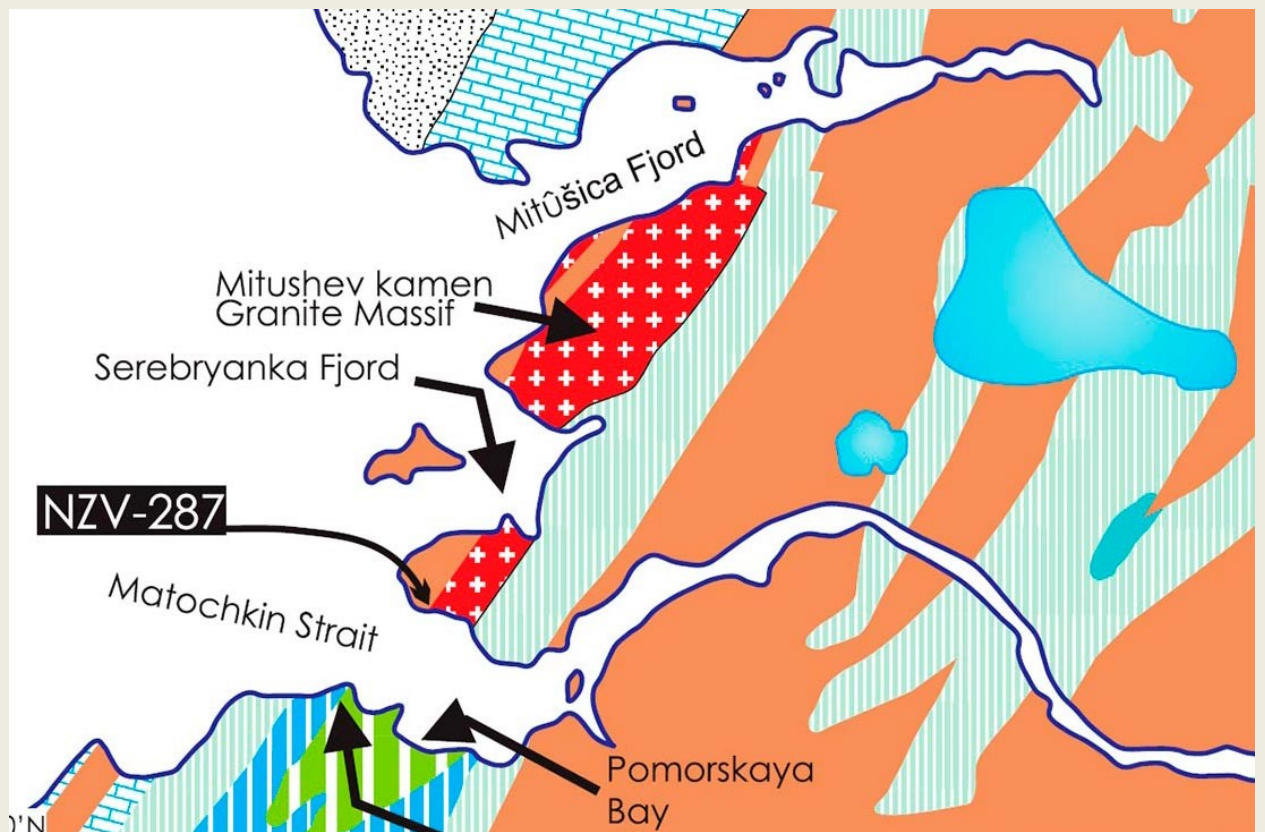

Fig. 9. 1. Dark limestone with *Favosites*. 2—3. Granite etc., to the west more (basic and) schistose, to the east more compact, unaltered rocks. 4. Dolomitic and phyllitic shale etc.

[Илл. 12-10-04-1. Гора М-Камень в сечении, рисунок Хольтедаля. Впервые чётко обозначена гранитно-интрузивная природа объекта (крестики). «Рер.» № 22, 1924, с. 47.]

[Илл. 12-10-05-1. Гранитный интрузив М-Камня на схеме Хольтедаля (обозначен крестиками). Пунктиром показана предположительная линия разлома. «Rep.» № 22, 1924, илл. XXXVI.]

[Илл. 12-10-06-1. Гранитный интрузив М-Камня (белые крестики на красном фоне) по современным представлениям (2010, Корфу, Накрем и др.). «Terra Nova», 00, 2010, с. 3.]

2. «На линии тектонического разлома».

1933

– Губа Серебрянка [...] – типичный фиорд, причём возможно, что направление его связано с тектоникой (линия разлома), о чем свидетельствуют расположенные здесь мощные интрузии гранитов (Митюшёв Камень). (с. 456)

– Основные черты [губы Серебрянки] должны быть связаны с тектоникой, с наличием древней линии разлома NE-SW простирания, вдоль которой произошло внедрение гранитных интрузивов. (с. 465)

(Панов, «Геоморфологический очерк губы Серебрянки», Известия РГО, т. 65, вып. 5, 1933)

1970

– В зоне Главного Новоземельского разлома [...] тектогенез ознаменовался внедрением [...] гранитного массива Митюшёв Камень.

(Романович, «Новая Земля и Вайгач. Тектоника». В серии «Геология СССР», т. 26, 1970, с. 185)

1984

– Рассматриваемый интрузив располагается в зоне Главного Новоземельского разлома.

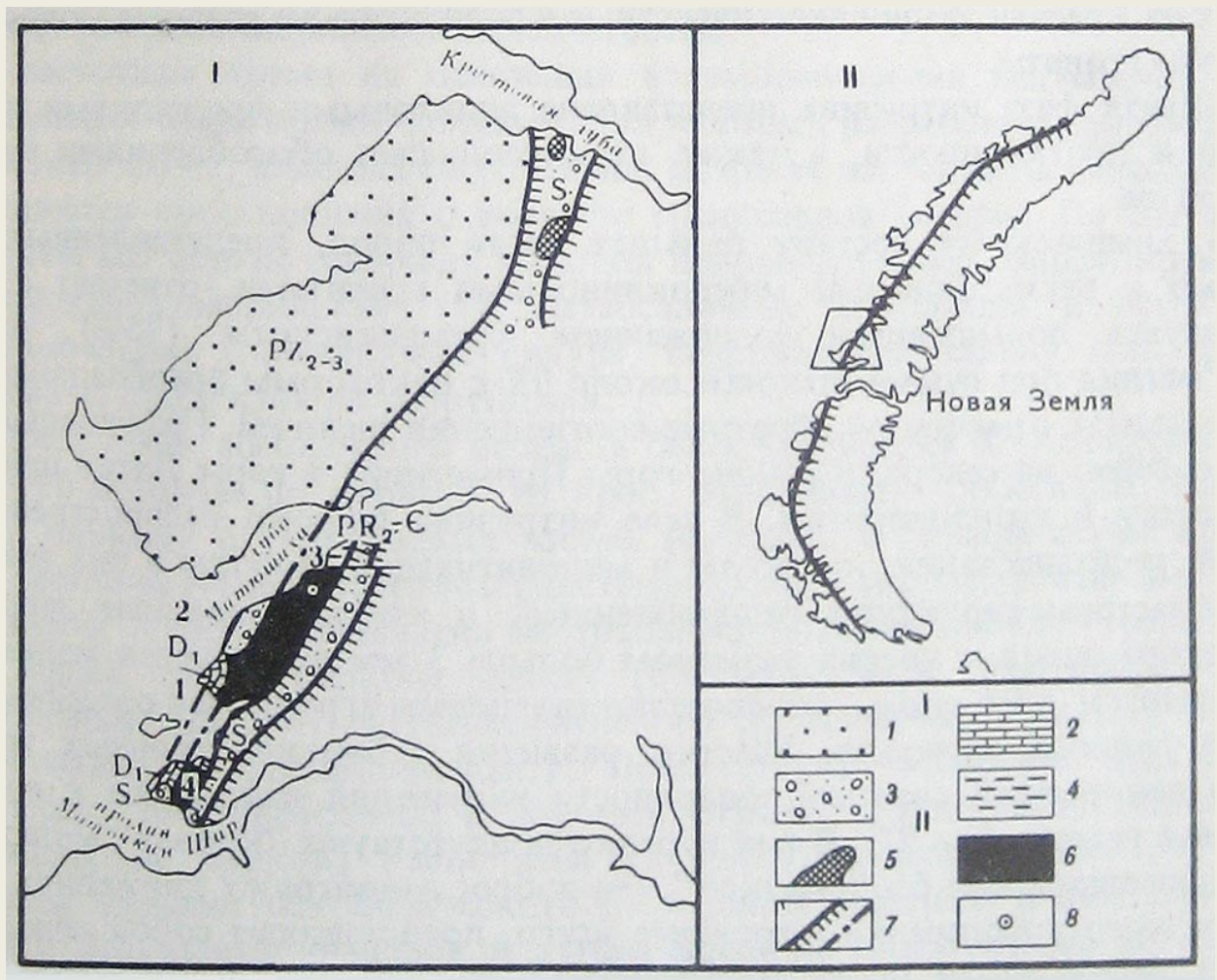
(Кораго, «Особенности строения гранитоидного массива Митюшёв Камень», в сб. «Новая Земля на ранних этапах геологического развития», 1984, с. 127)

1992

– Зона Главного Новоземельского разлома представляет собой, по-видимому, крупный структурный шов, разделяющий блоки фундамента. Этот разлом с полным основанием может рассматриваться как глубоинный: к его зоне приурочены крупные интрузии гранитов [...] (гора Митюшёв Камень).

(Кораго и др., «Тектоника и металлогения ранних киммерид Новой Земли», 1992, с. 79)

[Илл. 12-10-07-1. Главный Новоземельский разлом (шипованная линия), проходящий прямо через М-Камень (чёрная заливка). Условные обозначения: «6 – гранитоиды протерозойские». Кораго и др., 1984, с. 445 (см. ниже).]

3. «Со следами гидротермальной активности».

1957

– К гидротермальным образованиям, связанным с интрузией горы Митюшев Камень, относятся кварцевые жилы, расположенные в краевых частях массива.

(Романович, 1957, с. 49)

1961

– Пронизанный жилами Камень («an erection of veined stone»).

(Набоков, «Pale Fire», 1961, комм. к ст. 802)

1970

– Кварцевые жилы распространены очень широко.

(Романович, 1970, с. 169)

1984

– Ширина выхода зон гидротермально изменённых пород достигает ста метров. Они представляют собой участки прожилкового и сплошного окварцевания.

(Корого, 1984, с. 142)

1992

– Выделяются участки концентрации кварцевых жил (хрусталеносные поля) – в районе [...] кута губы Митюшихи.

(Корого и др, 1992, с. 154)

4. «Образовавшийся в эпоху Криогения».

1984

– Вопрос о возрасте гранитоидов массива Митюшёв Камень рассматривался неоднократно [...] В настоящее время [...] существенно меняются представления о возрасте рассматриваемых гранитов.

(Корого, 1984, с. 134)

1984

– Определения абсолютного возраста выполнены [...] U-Pb-методом по циркону из проб, отобранных в основном теле массива. [...] Полученные результаты (680 ± 50 и 735 ± 50 млн. лет) согласуются с геологическими наблюдениями.

(Корого и др., «Новые данные о геологическом строении и возрасте гранитоидов массива Митюшёв Камень», Доклады АН, т. 277, №2, 1984, с. 447)

2010

– Измерения возраста образца NZV-152 дали некоторый разброс результатов, определив интервал возраста в 706 ± 14 млн. лет. [...] Аналогично для образца NZV-287 эта цифра составляет $707,1 \pm 1,7$ млн. лет. (с. 3)

«The analyses from sample NZV-152 are variably discordant yielding an upper intercept age of 706 ± 14 Ma [...] Sample NZV-287 [...] – $707,1 \pm 1,7$ Ma.»

– Исследования геохимии и возраста образцов, собранных во время норвежской арктической экспедиции 1921, показали, что интрузии магматических пород в средней части Новой Земли относятся к магматическим процессам, происходившим в эпоху Криогения 716–704 млн. лет назад. (с. 7)

«A study of the geochemistry and age of dykes collected during the 1921 Norwegian Arctic expedition has shown that intrusions of mafic rocks in central Novaya Zemlya were related to arc magmatism in the Cryogenian at 716–704 Ma.»

(Корфу, Накрем и др., «U–Pb and geochemical evidence for a Cryogenian magmatic arc in central Novaya Zemlya». Terra Nova, 2010)

2018

– В настоящее время имеется достаточно обширная цирконометрия, датирующая митюшёвские граниты поздним рифеем – вендом (криогением-эдиакарием).

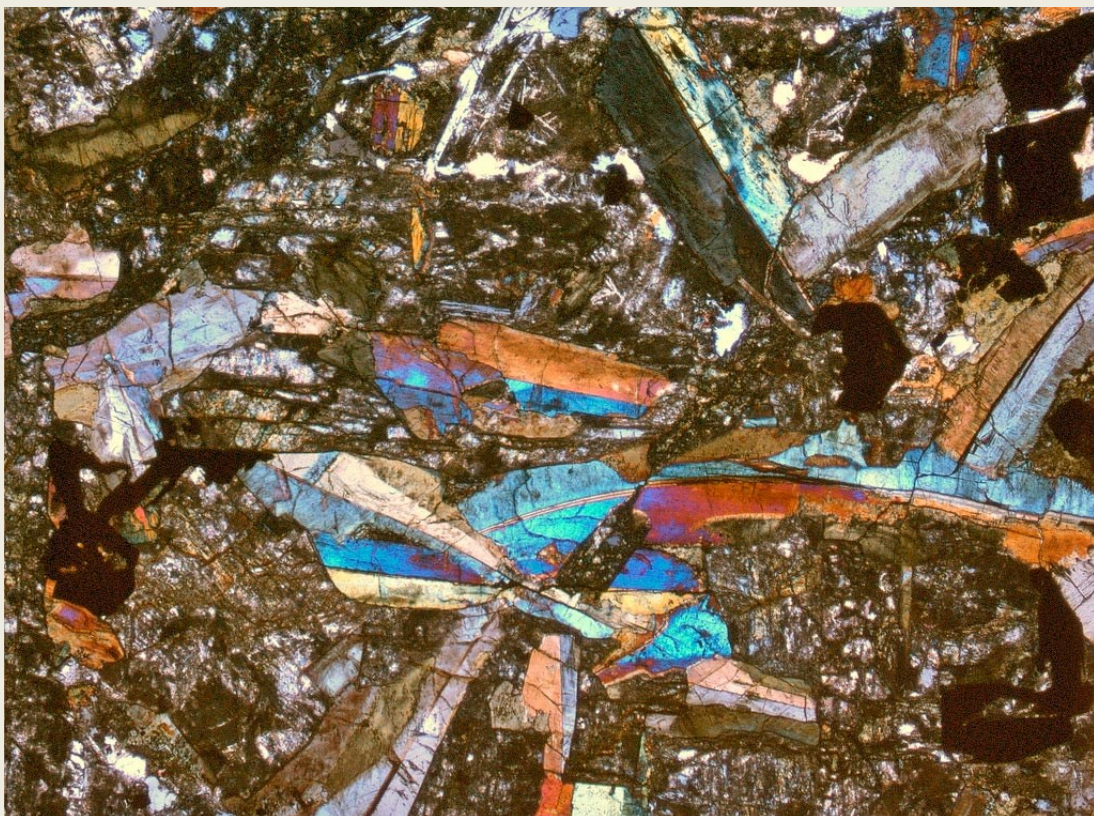
(Кораго и др., «Магматические комплексы островов западного сектора Российской Арктики», 2018, с. 82)

Здесь, возможно, не помешают некоторые пояснения. Не могу сказать почему, но «радиоактивные часы» (концентрация продуктов распада радиоактивного элемента) «включаются» в магме только в момент её кристаллизации. Поэтому для установления времени формирования той или иной породы можно использовать методы изотопной датировки.

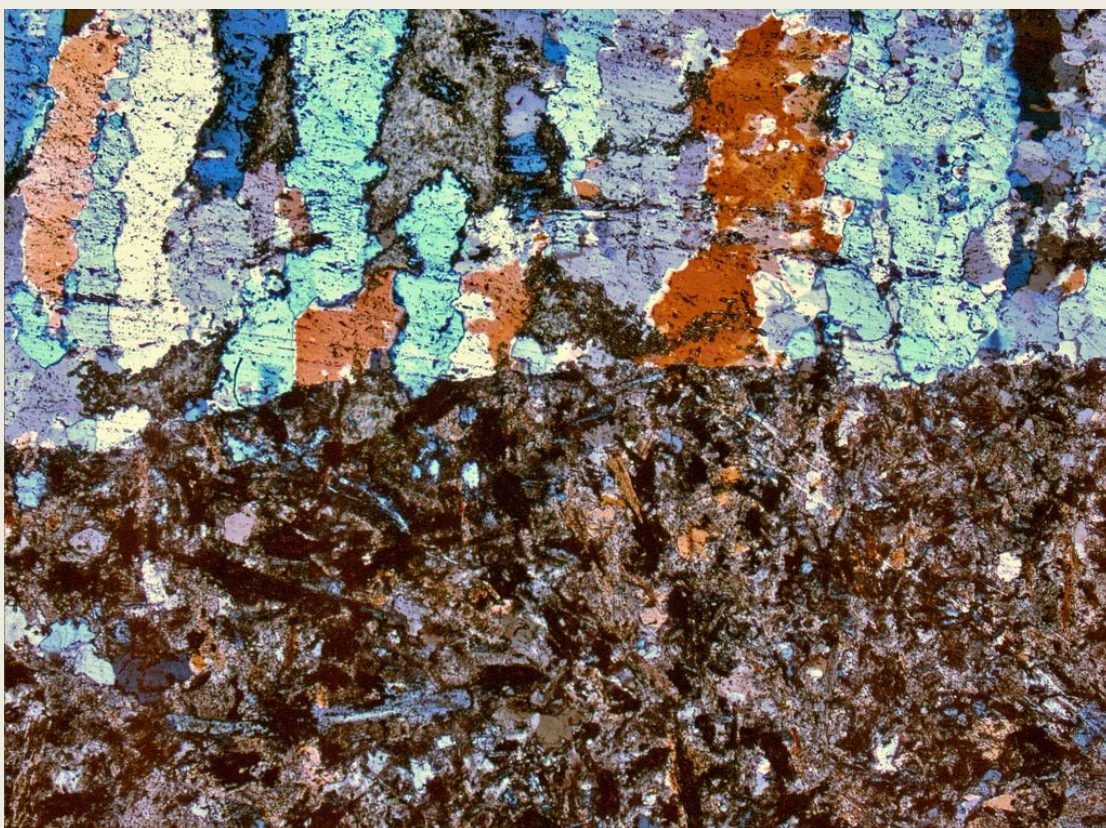
Касательно работы Корфу и Накрема с коллегами (2010). Здесь исследовались образцы из коллекции Хольтедаля (1921), отобранные не с самого М-Камня, а с двух близлежащих точек «Главного Новоземельского разлома», берущих Камень с двух сторон в своеобразные «ножницы» – одна к северу от него (NZV-152 и др.), другая – к югу (NZV-287). Исследовались микро-кристаллы циркона, содержащиеся в породе.

Технически, данный анализ очень тонкий и требует от исследователей большой сосредоточенности и выдержки. Поэтому в помещении лаборатории, согласно рекомендациям геопсихолога, были повешены картины, способствовавшие отстранению исследователей от всех внешних проблем и концентрации их внимания. Одна из картин называлась «Полёт бабочки над Глетчерштайнштрассе, Лейпциг», другая «Центральный парк во время дождя, Манхэттен». Вот они:

[Илл. 12-10-08-1. Крис Плуто, «Полёт бабочки над Глетчерштайнштрассе, Лейпциг», холст, акрил.]

[Илл. 12-10-09-1. Крис Плуто, «Центральный парк во время дождя, Манхэттен», холст, акрил.]

Хотя здесь я, похоже, немного напутал. Это – фотографии срезов тех самых образцов с горы Митюшёв Камень из коллекции Хольтедаля, по которым производилась датировка интрузива, то есть образцов NZV-152 и NZV-287 (Накрем, «The 1921 O.Holtedahl Novaya Zemlya collection – geology», Part 1, 2007, с. 18).

Так или иначе, исследование Корфу ещё раз подтвердило: породы, составляющие М-Камень, образовались именно в эпоху Криогения.

5. «Объект редкий».

Но ведь «гранитный интрузив» – это же, вроде, обычное дело. На Новой Земле высится множество гор, и, наверно, каждая вторая из них – «гранитный интрузив»?

Давайте посмотрим. Гор здесь, действительно, хватает. А вот насчёт «интрузивов»...

Дадим для начала слово специалистам. Буквально все так или иначе отмечали некую исключительную «особость» М-Камня.

1936

– Учитывая полную неизученность описываемого района, а также тот интерес, который издавна проявляли геологи-исследователи к единственному пока на Новой Земле гранитному массиву [...] Митюшёву Камню, автор счел необходимым опубликовать хотя бы краткие [...] сведения. (с. 170)

– Весьма характерным участком является собственно Митюшёв Камень [...] – его монолитность [и др. особенности] заставляют нас рассматривать его как отдельный морфологический комплекс. (с. 171)

(Мутафи, 1936)

1970

– Тектогенез ознаменовался внедрением самого крупного на Новой Земле гранитного массива Митюшёв Камень. (с. 185)

– Гранитные массивы Митюшёва Камня и горы Приметной [северная оконечность указанного массива] являются частями одного батолита или крупного штока. (с. 168)

(Романович, 1970)

1984

– Основное тело массива площадью 50 км² имеет в плане овально-эллипсоидальные очертания, образуя пластину мощностью до пяти километров.

(Кораго, 1984, с. 127)

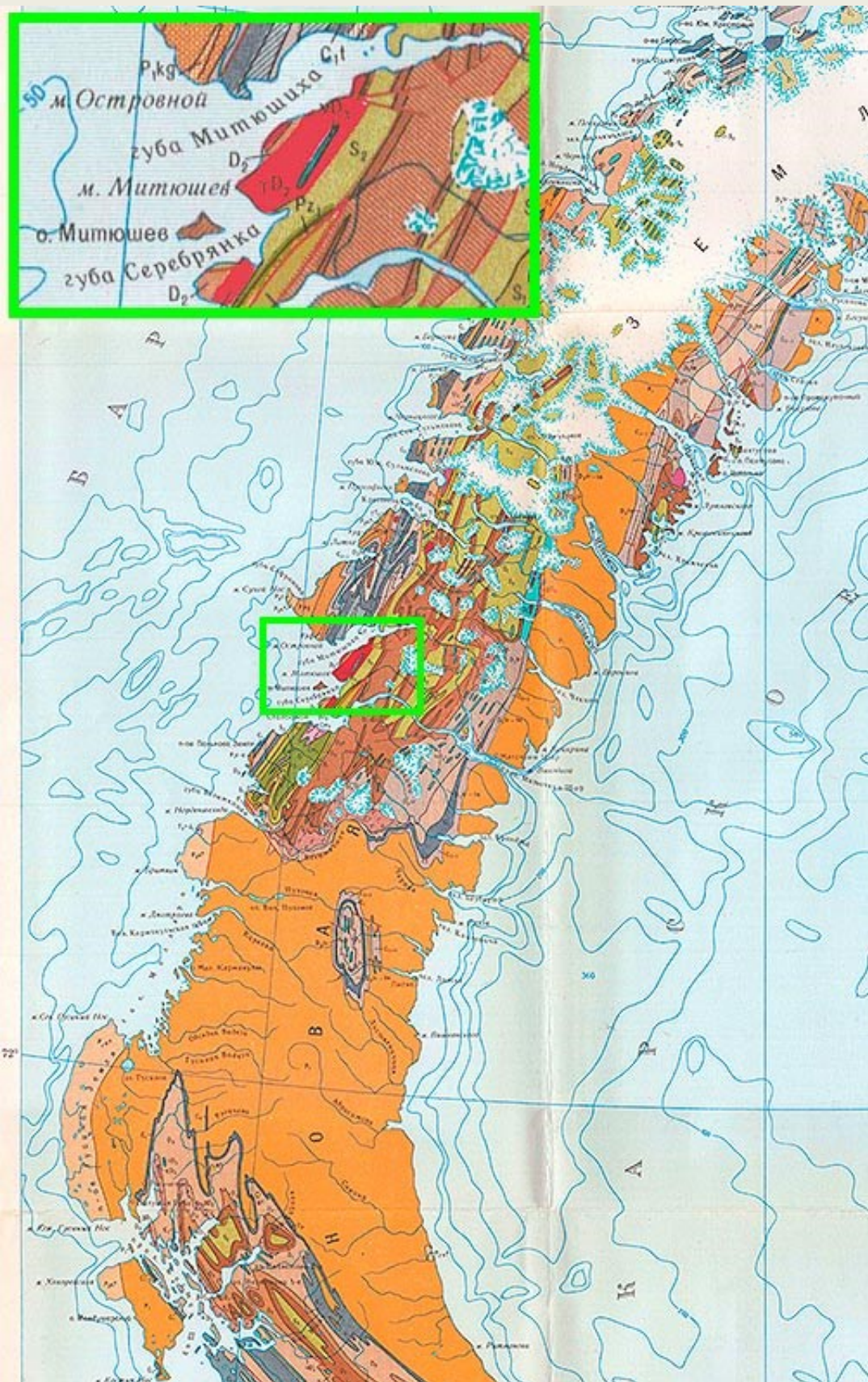
А теперь голые факты. Наглядно представленные на Геологической карте, изданной Министерством геологии СССР в 1970 (составитель Романович). Факты эти таковы:

а) М-Камень является единственным (!) хоть сколько-то заметным «гранитным интрузивом» на всей Новой Земле;

б) При этом, М-Камень является не просто «интрузивом», а – «гигантским интрузивом», возможно даже «батолитом»;

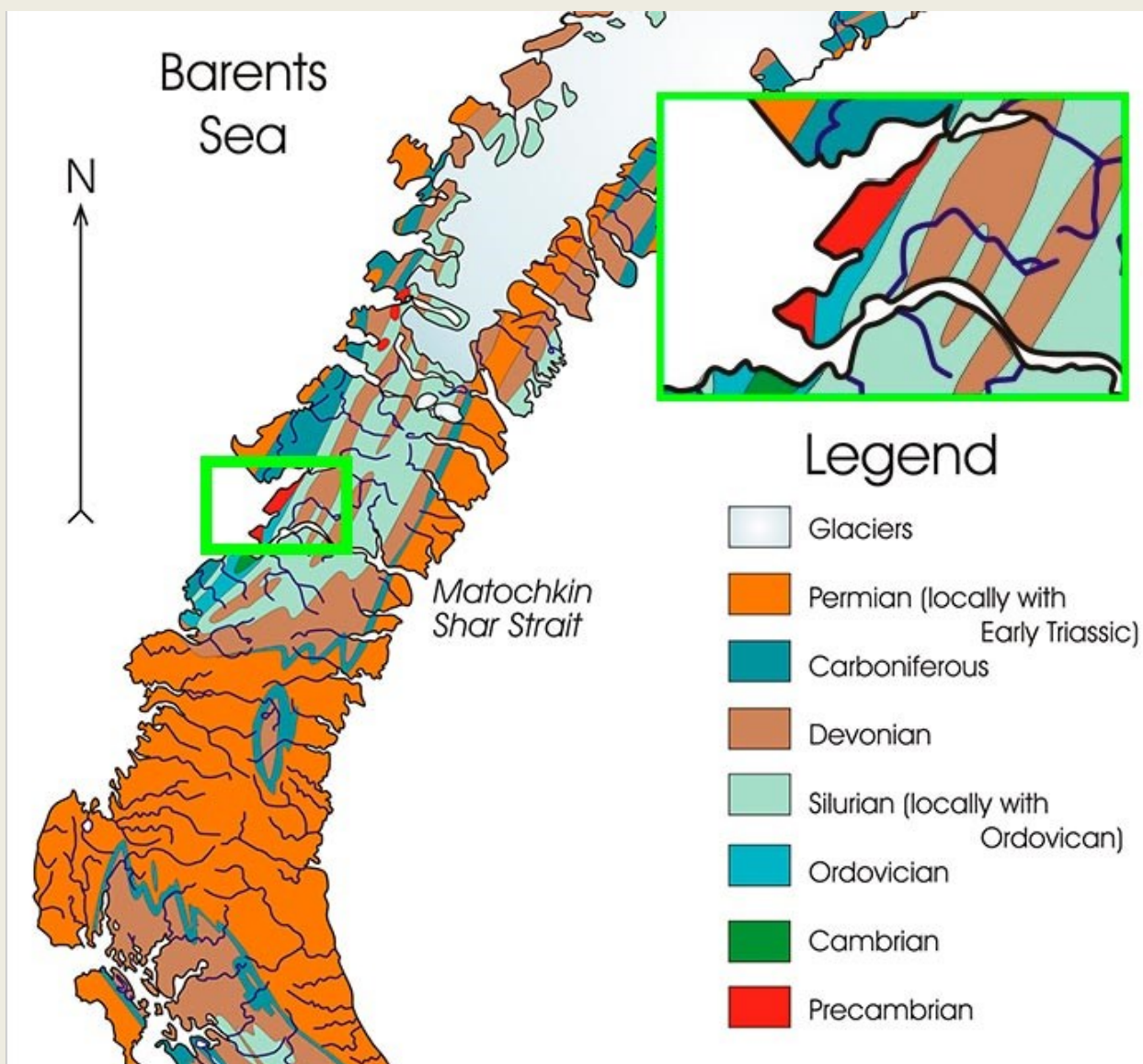
в) М-Камень является единственным местом на всей Новой Земле, где на поверхность выходят породы, образовавшиеся в эпоху Криогения. И, вообще, за исключением отдельных точечных выходов, это – самое древнее место Новой Земли.

Но лучше всё это один раз увидеть. Итак:

[Илл. 12-10-10-1. М-Камень (красная заливка) – единственный значительный гранитный интрузив Новой Земли. «Геологическая карта островов Новой Земли, Вайгача, Колгуева» (фрагмент). Приложение к XXVI тому «Геология СССР», 1970. Составил Б. С. Романович.]

[Илл. 12-10-11-1. М-Камень на современной геологической карте с уточнённой датировкой (красная заливка, «Precambrian»). Других значительных «до-кембрийских» зон мы здесь не видим. Накрем, 2007, с. 25.]

А теперь суммируем все рассмотренные выше пункты (1, 2, 3, 4, 5). Результат получается следующий.

Остров жизни

«Гранитный интрузив Митюшёв Камень является совершенно особой точкой Новой Земли. По всем признакам он был одним из тех оазисов на планете, которые семьсот миллионов лет назад во время планетарной катастрофы сохранили и передали дальше земную жизнь.»

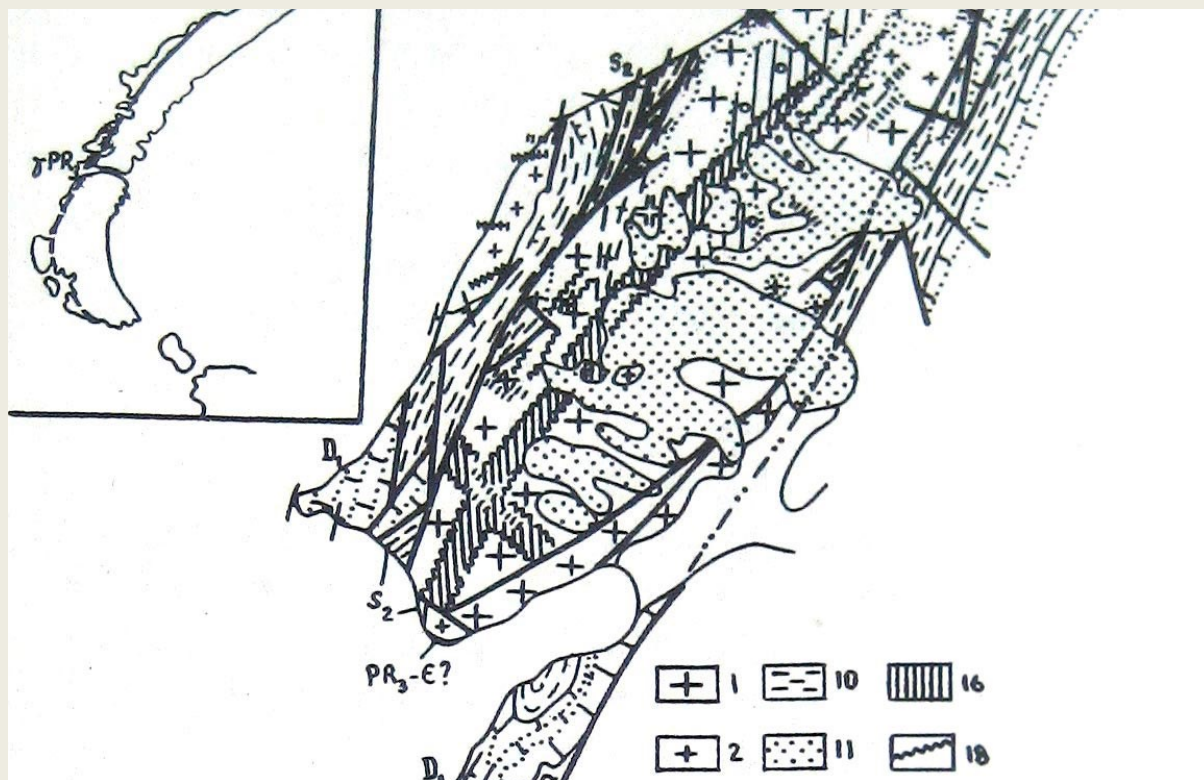
Ключевые слова

М-остров

12. Бабочка

Пролетающий над М-Камнем ангел легко может различить характерный «крест», начертанный точно вдоль оси этого тридцатикилометрового гранитного массива. Так выглядит зона рассланцевания, милонитизации и катаклаза с «небесной точки зрения».

[Илл. 12-10-12-1. «Геолого-петрографическая карта массива Митюшëв Камень». Условные обозначения: «16 – зоны милонитизации и катаклаза», «18 – рассланцевание». Кораго, 1984, с. 128.]

Над этим «крестом» возвышается собственно Митюшëв Камень. С трёх сторон простирается океан. Вниз – бесконечная твердь батолита, вверх – сингулярные поля неба. За спиной – Новая Земля.

Как говорится в поморском сказании, определившем некогда творческую судьбу Фëдора Достоевского:

Над крестом, слышь, дикий камень навис.

(«Неведомые пустыни. Новая Земля», 1873)

отдалъ. Ну, мы его тамъ за Митюшевымъ камнемъ и схоронили. Таково ли хорошее мѣстечко выбрали. Надъ крестомъ, слышь, дикий камень нависъ, а

[Илл. 12-10-13-1. «Неведомые пустыни. Новая Земля». Ж-л «Гражданинъ», 1873, № 15-16, 16 апреля, с. 477.]

Понятие «жизни», строго говоря, не определено. Но что бы это ни было, она ползёт и ползёт по гладкой стене энтропии, цепляясь за мельчайшие выступы возможностей. И один из таких спасительных «выступов» семьсот миллионов лет назад был ей в самый последний момент подставлен. И подставил его, как своё плечо, вот этот вот, слышь, «дикий камень».

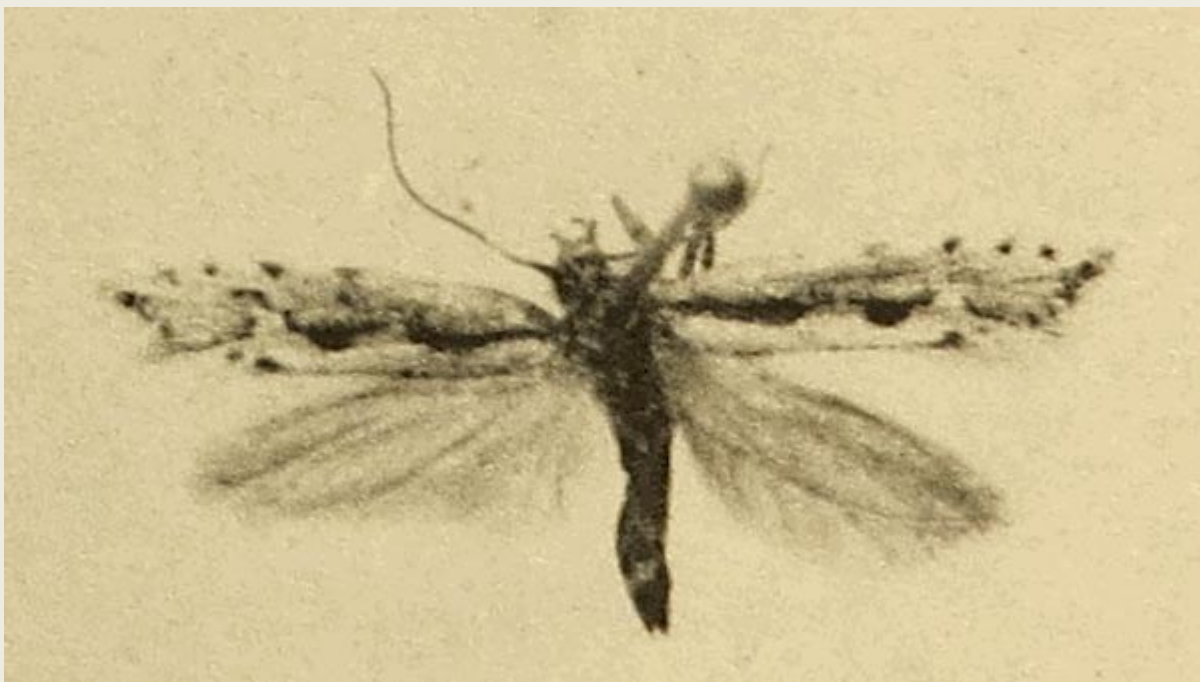
На этом, пожалуй, всё. Остаётся только приложить список ключевых слов.

«Рассланцевание», «милонитизация», «катаклиз». А также: «эволюция жизни», «криогениевая катастрофа», «гранитный интрузив».

И, конечно, «бабочка».

[Илл. 12-10-14-1. Гранитный интрузив Митюшёв Камень (левая оконечность дальнего хребта). Снимок Уле Гренли, 10 июля 1921. «Report of the scientific results of the Norwegian expedition to Novaya Zemlya, 1921» № 21, прилож. VIII-1.]

[Илл. 12-10-15-1. *Plutella Mariae* (Рер. 7:16). 23 июля 1921.]

13. Как метеоролог пытался страну спасти

Альпинист (1903) – Розы Дуаба (1906) – Предчувствие Гармо (1913) – Инициатор (1925, осень) – Тень Шамбалы (1925, зима) – Гармо (1928) – Спецоперация (1929-1933) – Входы и выходы из имени (1933) – Царь горы (1934) – Дополнительная предосторожность (1937) – Метеоролог: первая попытка (1915) – Метеоролог: вторая попытка (1925) – Десятилетний капитан (1937)

1903: Альпинист

Что-то давно мы не видели нашего старого доброго знакомого, берлинского профессора-метеоролога Генриха фон Фиккера.

В советской иконографии профессор – фигура комическая. Это благообразный чудаковатый старичок в специальной полотняной шапочке. Этаким божий одуванчик, вполне безобидный, но феерически бестолковый. Что бы вы ему ни сказали, в ответ пренебреженно услышите «нуте-с, нуте-с», или «прелестно-прелестно». Так оно и правда – что с него взять: профессор.

И даже если он ещё не профессор, а пока только студент – то и в этом случае родовое клеймо второсортности сияет на нём за версту. Плечи у недотёпы узкие, голос тонкий, непременно очки. Он либо ловит бабочек – либо, спотыкаясь о воздух, то и дело грохается плашмя в мелкие лужи – на потеху идейным барышням и под снисходительными ухмылками людей настоящих, действительно нужных этому миру – крепкозатылких парней с открытыми и строгими лицами, желательно при погонах.

А вот у Фиккера соответствовать этому высокому канону как-то не получилось. Это был молодой, крепкий, загорелый альпинист. С надёжностью машины вгоняющий шлямбурные крючья в отвесные монолиты и вяжущий «пруски» и «булини» с закрытыми глазами, ночью разбуди.

Предварительно взойдя на добрую половину альпийских вершин, он в 22 года в составе немецкой группы возможно лучших альпинистов мира отправляется в 1903 на Кавказ – чтобы попытаться совершить там восхождение на никем ещё не покорённую гору Ушбу, южную её вершину. Кто в теме – тем добавлять ничего больше не надо, остальным поясню. Ушба-Южная на тот момент считалась самой неприступной вершиной мира, и даже до сих пор она рассматривается профессиональными альпинистами, как образец предельной технической сложности. Это фактически гладкий двойной скальный зуб, торчащий в небо почти на пять километров.

Восхождение было действительно сложным. Шли в несколько связок. Напарник Фиккера, альпинист от бога Адольф Шульце, проходя самый сложный скальный камин, сорвался. Страховочной верёвкой Фиккеру перехлестнуло рёбра и сожгло обе ладони, но товарища он удержал. Сам Шульце серьёзно побился, получив травму черепа и сотрясение мозга. Их обоих удалось спустить в промежуточный лагерь. После чего Шульце, отлежавшись там несколько дней, пошёл на восхождение снова – и первым из людей покорил-таки легендарную вершину.

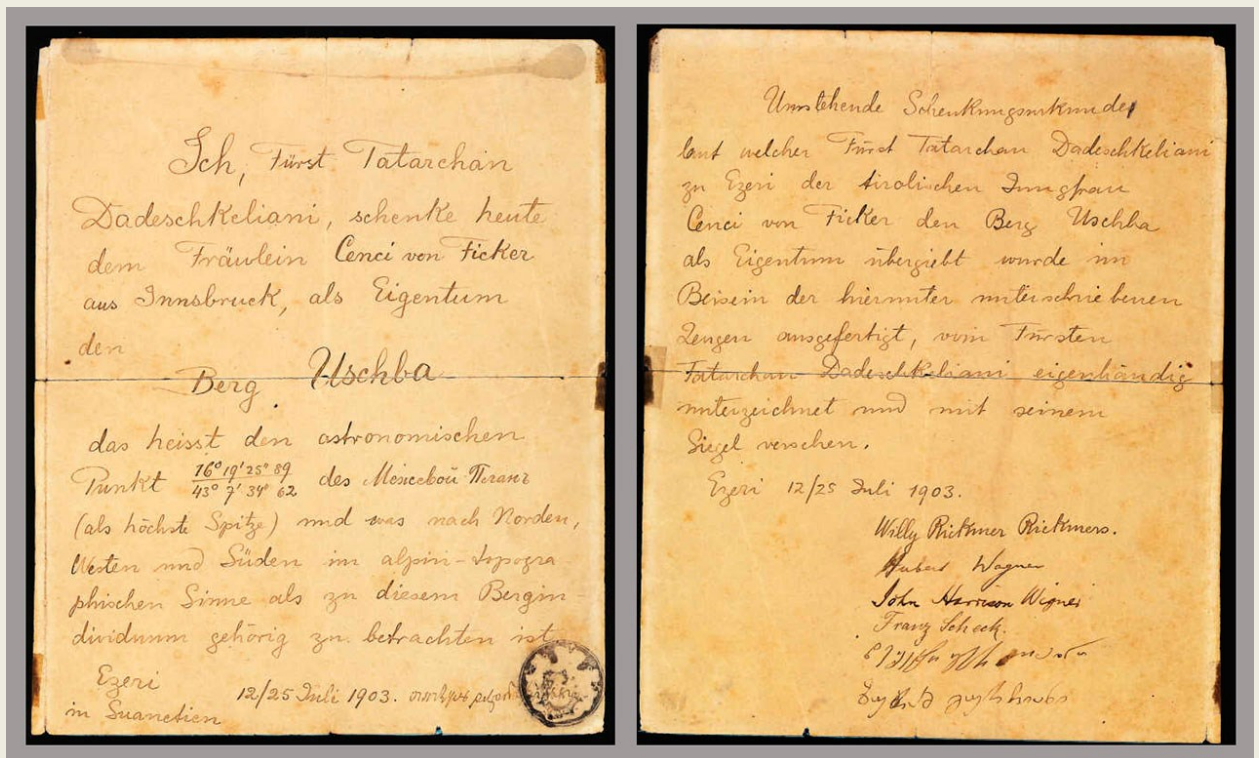
Его дальнейшая судьба, по-всякому, впечатляет. После Ушбы, следующие десять лет Шульце продолжал ставить рекорд за рекордом, проходя в Альпах совершенно немыслимые скальные маршруты. А в 1912 он поехал в боливийские Анды – и остался там навсегда. До 1919 он покорил ряд знаковых южно-американских шеститысячников. А потом – исчез. Не в смысле «погиб», а – полностью и разом исчез со сцены мирового альпинизма. Никаких следов, никаких отзвуков. Что он делал следующие пятьдесят лет, никто толком не знает. Умер Шульце одиноким и нуждающимся 91-летним стариком в высокогорной столице инков, городе Куско, Перу. Всё это я узнал слишком поздно, а то обязательно навел бы там его могилу.

После триумфа с Ушбой, Фиккер с другими участниками экспедиции совершили на Кавказе ещё целый ряд сложнейших первовосхождений. Названия вершин звучат музыкой небесных сфер – Шхельда, Штавлер, Безенгийская стена. Всё это – Фиккер и его друзья.

В той экспедиции вместе с Фиккером участвовала и его старшая сестра Ценсия (Cenzi von Ficker). Точнее даже сказать – это он участвовал вместе с ней, ибо Ценсия была альпинисткой ещё более опытной, чем её брат Генрих.

В штурме конкретно Ушбы принять участие она тогда не смогла, но остальные рекордные восхождения – будьте любезны.

Местное население было крайне взбудоражено всеми этими чудесами, происходившими у него прямо на глазах. И чтобы хоть как-то успокоиться и прийти в себя, жители долины закатили многодневное застолье. Итог которого оказался неожиданным. Местный князь (Татархан Дадешкелиани) после сотого «алаверды» настолько расчувствовался и размяк, что подарил Ценсии фон Фиккер гору Ушба, со всеми её траверсами, контрфорсами, каминами и кулуарами. Причём подарил не на словах, а оформил соответствующую дарственную по всем нотариальным правилам – с описанием объекта дарения, с точной привязкой к Межевому плану, с подписью, печатью и визами многочисленных свидетелей с обеих сторон этого безумия. Надо сказать, что Генрих Фиккер, обладая достаточным чувством юмора, от роли свидетеля в этом деле благоразумно уклонился. Эта дарственная пережила все катаклизмы и сейчас хранится в архиве Немецко-Австрийского Альпийского союза. Вот она:

[Илл. 13-01-01-1. Дарственная князя Татархана Дадешкелиани от 25 июля 1903, согласно которой он дарит гору Ушба альпинистке Ценсии фон Фиккер. Deutscher Alpenverein Archive, DAV DOC 2 SG.65.1.]

Итак, мы поговорили о Шульце, Фиккере и его сестре Ценсии. Но самым ярким действующим лицом данного эпизода является, конечно, руководитель той экспедиции – несравненный Вилли Рикмер Рикмерс (Willi Rickmer Rickmers). «Рикмерс» – это фамилия, а «Рикмер» – второе имя.

Заводя речь о таких людях как Рикмерс, даже не знаешь с чего и начать. С восхождения на Арарат для раскопок Ноева ковчега? Или с невероятной коллекции бухарских ковров? Или с поисков «снежного человека»? Или с многих тысяч до сих пор не превзойдённых по качеству фотопластин с горными панорамами, снятыми Вилли в его экспедициях?

Помните, в фильме «Белое безумие» («Das weisse Rausch», 1931) два комических персонажа, своеобразные Пат и Паташон, учатся в Сан-Антоне кататься на горных лыжах. Они покупают себе каждый по самоучителю, которые почему-то имеют разную цену – за первый просят один шиллинг, а за другой – два. Продащица объясняет, что более дешёвый излагает классическую технику катания, а более дорогой – самую передовую и новомодную. И вот наши герои прямо на склоне читают свои пособия и помогают друг другу советами, которые прямо противоречат один другому. Какой феерией это оборачивается во время спуска (учитывая, что снимавшиеся актёры обладали реально цирковой координацией и гибкостью), вы помните.

Так вот, рассказ про Рикмерса можно начать с того, что он был автором как раз такого самоучителя (пусть не конкретно этих двух). Читая пособие Рикмерса, диву даёшься – до чего же горнолыжный мир в 1910 был близок нашему нынешнему. И до какой степени были продуманы мельчайшие нюансы его бытования. Вот вы на

безлюдном склоне сломали носок лыжи – что делать? Рикмерс даёт сразу четыре рецепта спасения, с чертежами и списком запасных деталей. А по какой траектории лучше спускаться с конкретной горы? Это зависит от вашего уровня катания (предлагается пять градаций с рисунками оптимальных траекторий для каждой). А могут ли на горных лыжах кататься леди? Ещё как, а некоторую специфику Рикмерс разжует и разложит.

Многие, наверно, видели на альпийских курортах, как отдельные оригиналы спускаются с круч особым образом на обычных (не горных) лыжах, с незакреплённой пяткой – для пущего шика надевая вместо шлема тирольскую шляпу с фазаньим пером. Если интересуетесь – эта эффектная техника подробно изложена у Рикмерса, с фотографиями (позировал сам). И не только этому учит данное пособие. «Карвинга» человечество ещё не знало, а вот всё остальное у Рикмерса имеется в полном ассортименте.

И всё это великолепие – отнюдь не главное дело жизни Рикмерса, а так, эпизод. А что главное – трудно даже выбрать. Хотя нет, легко. Главное в жизни Рикмерса – это, безусловно, его жена-англичанка Мэйбл, востоковед. Всё остальное хобби. В этом, пожалуй, и заключается главный урок, который преподнёс Рикмерс всем нам.

На этом ярком фоне уже как-то теряется тот факт, что Рикмерс был организатором и руководителем целого ряда успешных горных экспедиций. Из которых чуть ли не все стали вехами не только в истории альпинизма, но и просто в истории. В их удивительном ряду экспедиция на Ушбу была даже отнюдь не самой удивительной. К этому мы скоро вернёмся.

И ещё штрих к портрету. То, как рубить ледовые ступени, или как выбираться из трещины на стрменах из репшнуров – этому вас научит любой опытный альпинист. Рикмерс же учит высшим экспедиционным материям – как ладить с местным населением, сколь бы диким и агрессивным оно поначалу ни казалось. Ответ прост по форме и сложен в исполнении – с помощью полного и реального уважения к местным обычаям и традициям. «Нет плохих местных, есть заносчивые приезжие», – так примерно выглядит главный секрет успеха Вилли Рикмера Рикмерса. Всё просто: «любите то место, куда едете».

1906: Розы Дуаба

Крик петуха, доносящийся сквозь туман от просыпающегося внизу селения; тяжесть бурдюка с семью ведрами золотистого «Твиши», начерпанных в посёлке Твиши из огромного глиняного кувшина, зарытого в землю; рассыпающаяся охапка свежайших нежно-розовых роз, ещё с росой, купленных ни для чего прямо с воза на предутреннем кутаисском базаре; склон, покрытый ковром запотевшей черники так, что некуда сесть; навесная переправа, где скользишь по верёвке иловишь затылком алмазные брызги кипящего за спиной потока; спящие вершины. Кавказ – это лучшее, что есть в жизни. Я не сказал – «самое яркое», «самое интересное» или «самое главное». Лучшее.

Средняя Азия – другое. Кавказ большой, Азия – необъятная. Кавказ чёткий, Азия – размытая. Кавказ высокий, Азия – запредельная. Кавказ тёплый, Азия – жаркая, жаркая, жаркая. И ледяная. Тут всё большое.

Вода тяжёлая, как цементный раствор. Удар водяного вала ломает грузовик пополам. Овринг – второе здесь имя дороги. При всём уважении, Средняя Азия – это следующая ступень.

Арык. Прямо над ним достархан. Чайхана с бесконечно спитым чаем и чуть ополоснутыми в тазу пиалами. Плотная ветка чёрного кишмиша. Помидор, который нужно держать двумя руками. Запах чарджуйских дынь, дотекающий до ледников. Обломки тамерлановой плитки с голубой глазурью хрустят под ногой в айванах Гур-Эмира, как куски осыпавшегося неба. Синие тени.

Рикмерс попал сюда в 1906 – и обалдел. Землю эту он назвал «Дуаб», «Двуречье». Особая, ни на что не похожая цивилизация между реками Сырдарья и Амударья, от их устьев и до их истоков. Особенно до истоков.

В экспедиции участвовали Рикмерс с молодой женой, Ценсия Фиккер, тирольский альпинист Альфред Лоренц и человек по фамилии Макандаров (он же «Мас»). Шесть лошадей несли фотооборудование и тысячу стеклянных пластин.

Это не было узко альпинистское предприятие, нацеленное на те или иные «восхождения». Скорее – большое, глубокое путешествие в исконном, природном значении этого слова. Путешественники двигались вперёд и постигали неведомый мир, открывающийся их очарованному взору (и слуху, и осязанию, и обонянию, и в не последнюю очередь – вкусу).

Так они прошли Бухару и Самарканд, вдоль Зеравшана дошли до его истоков (походя прочесав Фанские горы с их разноцветными озёрами), поднялись на ледники Матчи, перевалили к Сурхобу и подошли к границе исследованного мира – горному массиву Тупчек. Что находится дальше не знал никто.

Тут, на самом краю «белого пятна», зиявшего на карте (10-верстной военнотопографической карте Туркестанского края, лист VII-6, 1899), путешественники совершили первое в истории Памира горное восхождение. По кавказским меркам высота была впечатляющая, по памирским – достаточно скромна, немногим более 5000 метров.

Но оттуда, с вершины, им открылась самая суть простиравшегося дальше неведомого мира – «высота». Перед ними, насколько хватало глаз, к востоку и к югу громоздились ледовые вершины таких высот, с какими никто из них (опытнейших альпинистов) не сталкивался ещё никогда.

Инструментальной съёмки Рикмерс не делал, так что оценка высот шла на глаз.

Мы были зачарованы открывшейся величественной панорамой ледника Петра Великого, где чудовищные вершины вздымались до высот 6700 метров и, вероятно, больше («22,000 feet and perhaps more»).

(Rickmers, «The Duab of Turkestan», 1913, с. 371)

Что это были за вершины? Да кто тогда мог знать! Условно эту горную страну Рикмерс называет «Seldi-tau» или «Seltau», следуя крайней надписи (перед «белым пятном») на 10-верстной карте.

Мысли его с этого момента непрерывно ходят вокруг цифры 7000. На страницах того же отчёта (с. 368) он подробно описывает собственный взгляд на тактику восхождений на высоты 7200 и 7500 метров (тогда ещё относившихся к области абсолютной фантастики).

На опубликованной Рикмерсом карте, на всём Памире он выделяет две вершины (без указания высот) – «Pik Kaufmann» (официально – высшая точка Туркестана) и «Seltau» – гипотетическая высшая точка открывшегося ему неизвестного массива (Рикмерс, «Die Berge des Duab von Turkestan». В сб. «Zeitschrift des Deutschen und Osterreichischen Alpenvereins», 1908, том 39, с. 111).

Возвращение экспедиции с «небес» к людям проходило в истинно рикмерсовском ключе. Путешествие – это не форма надрыва. Это – форма любви. Дадим слово Ценсии Фиккер.

Мы двинулись в обратный путь по большой караванной дороге... Это были дни, полные благостной езды верхом, в небесно-синем аромате осеннего утра, в густом свечении вечерних сумерек в степи. Горы то отступали за наши спины, то вновь всплывали в стороне скалистыми цепями, постепенно понижаясь, пока совсем не сравнялись с землей.

(Ценсия Фиккер, «Turkestan und sein Gebirge», 1908, В сб. «Jahresbericht des Akademischen Alpenklubs Innsbruck, Klubjahr 1907/1908», с. 13)

Закончили они там, откуда вышли три месяца назад – в Самарканде.

Поднявшись под самый купол распадающейся океанической мечети, сметая шумные, как растрёпанные книги, сгустки плотных птиц, и сквозь разрушенное на две трети небо, рухнувшее тысячи веков назад, но так, что медлительный всплеск поднятой им пыли всё никак не может улечься, небо, выгоревшее и пустое, с рваными крошащимися краями и едва сдерживаемое глазуревым куполом, расширяющимся вместе с миром и уходящим оросительными корнями в зыбкие окраины пустынь.

В отличие от подлежащего, железная дорога здесь уже была.

1913: Предчувствие Гармо

Хорошего не бывает слишком много. В 1913 Рикмерс организует новую экспедицию на Памир. На этот раз мы видим в её составе и Генриха Фиккера, уже профессора. Вообще, Рикмерсу удалось привлечь к участию целый ряд деятельных учёных (и одновременно альпинистов), так что экспедиция получилась насыщено научной.

На этот раз было отснято уже две тысячи фотопластин, совершено более тридцати успешных первовосхождений на памирские вершины, сделано множество топографических засечек и фотограмметрических замеров.

Экспедиция, с полного благоволения Бухарского эмира, длилась восемь месяцев, с мая по декабрь. Но главное её событие имело место в середине сентября, в верховьях реки Гармо.

10 сентября 1913 Вилли Рикмерс и Вильгельм Даймлер (Wilhelm Deimler) поднялись около устья ледника Гармо на пятитысячник (названный ими «Мирза-таш», 5300), отсюда их взорам открылся некий вид. Камеру и штатив альпинисты тащили с собой, так что с вершины была снята круговая панорама.

Снятая тогда в некотором бесчувствии, эта картина стоит с тех пор в памяти, как самое грандиозное видение (hehrster Traum) за всё путешествие.

(Rickmers, «Zeitschrift des Deutschen und Osterreichischen Alpenvereins», 1914, том. 45, с. 43)

Даже по прошествии пятнадцати лет эта картина будет у Рикмерса по-прежнему «стоять в памяти»:

С вершины горы Мирза-Таш, которая возвышается над правым берегом ледника, мне открылась непередаваемая картина центральной части массива Зель-Тау и его восточных отрогов. Так я увидел землю моих будущих грёз («my dreamland of the future»).

(Рикмерс, «The Geographical Journal», том 74, №3, сентябрь 1929, с. 215)

Четыре дня спустя после восхождения на Мирза-Таш, Рикмерс с Даймлером поднялась на другую вершину неподалёку (4600, будущий «пик Щербакова»). И снова увидели часть давешней панорамы. На этот раз Рикмерс смог совладать с эмоциями и объяснить в технических терминах:

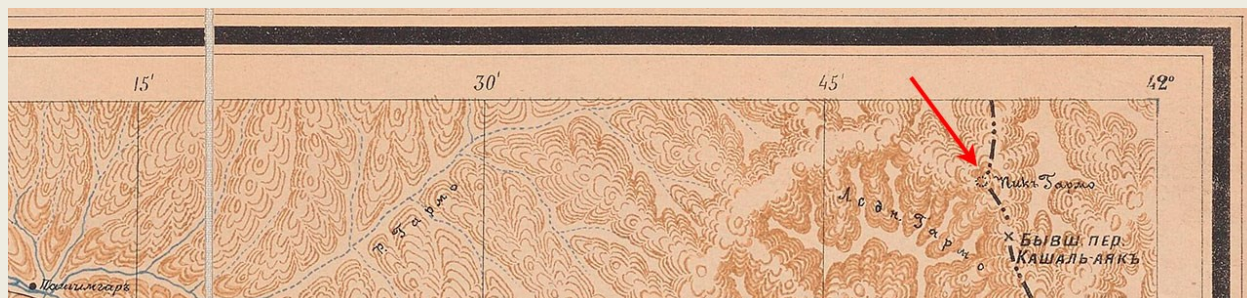
Можно было видеть всю панораму хребта Гармо (пик Сандал 7050 м).

(Там же, с. 44-45)

Слова эти загадочны. «Пик Сандал» не виден ни с той, ни с другой из упомянутых точек. А «хребет Гармо» являлся на тот момент понятием вообще гипотетическим. Так что же увидел Рикмерс, и почему это так важно?

Вершина, которая открылась взорам альпинистов 10 сентября 1913 и по ошибке принятая ими за «пик Сандал», в будущем получит название «пик Гармо». Немецкие геодезисты точно определяют тогда её параметры – и это запустит некий необратимый процесс, который изменит мировую линию.

Па-а-азвольте, – возразите вы, – ведь «пик Гармо» вроде бы уже фигурировал у нас на 10-вёрстной карте Туркестанского края?

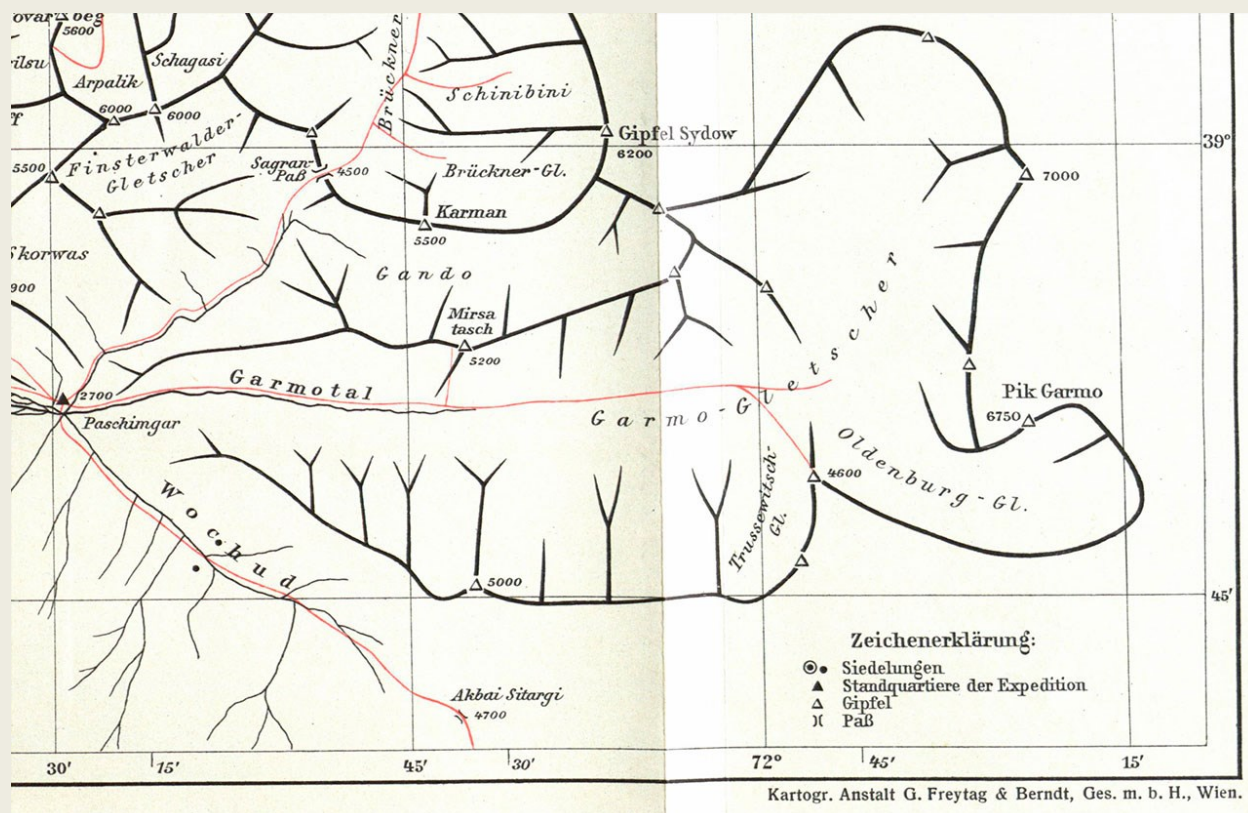
[Илл. 13-03-01-1. «10-верстная военно-топографическая карта Туркестанского края», лист VIII-6, 1896-1899. Составил топограф Кузьмин, под ред. полковника Родионова.» На показанном фрагменте справа значится «Пик Гармо», в центре – верховья «р. Гармо», слева внизу – кишлак «Пашимгар».]

[Илл. 13-03-01-2. Там же. «Пик Гармо».]

Всё верно. Данные пять букв, действительно, присутствуют в указанном порядке на означенной карте – правда, привязанные к другой точке местности. Откуда эти буквы затем благополучно перекочевали на схему путешествия Рикмерса, опубликованную им в 1914. Отметим, впрочем, что новооткрытая вершина фигурирует там, как пик «7000» (а уже никакой не «Сандал»).

[Илл. 13-03-02-1. Схема путешествия Рикмерса по Памиру в 1913 (фрагмент). Самая высокая гора, которая открылась на востоке с вершины «Mirsa tasch» (в центре), обозначена, как вершина «7000» (справа сверху). «Zeitschrift des Deutschen und Österreichischen Alpenvereins», 1914, том. 45, вкладка.]

Другой участник той экспедиции, Раймунд Клебелсберг (Raimund von Klebelsberg) в том же отчёте говорит уже о вершинах «выше, чем 7000 м» («über 7000 m ansteigenden Bergketten», с. 54). Попробуем понять, как все эти факты сочетаются между собой. Итак.

Слова – это имена вещей. А откуда эти имена берутся?

Если говорить о горах, то географы стараются по возможности присваивать им названия местные. Если они есть. Однако, это случается редко – собственно горы горцев интересуют мало, строго пропорционально их хозяйственному значению (нулевому). На ледниках и скальных пиках нельзя сеять и нельзя пасти. И даже собирательство и охота там себя не оправдывают. Горы – они бесполезны.

А потому множество высочайших пиков и мощнейших массивов до поры до времени остаются безымянными. И даже в тех случаях, когда местное название вроде бы существует, не всегда удаётся точно установить, к какой конкретно вершине оно относится.

Например, в верховьях реки Гармо старики в кишлаке вам непременно поведают, что их река берёт начало на склонах высочайшей в мире Священной горы. Как она называется? Гармо, как река. А эта гора – которая? Отсюда не видно. Хорошо, берут проводников, идут вверх по долине, за очередным поворотом открывается красивая гора. «Вот эта», – говорят проводники уверенно. Идут дальше. За новым поворотом открывается новая гора, лучше прежней. «Да, вот эта самая она

и есть», – сообщают проводники с полным знанием дела. Исследователи ступают на ледник. Проводники мнутя и идти дальше не хотят, но после пятикратного увеличения гонорара, соглашаются. Показывается следующая гора. «Вот она, наша Гармо», заявляют проводники даже не моргнув. Но дальше уже не идут, не смотря ни на каких посулы. А ведь экспедиция даже не дошла ещё до первого ледопада, за которым откроется такое... Так «Гармо» – это что?

Правильный ответ такой. «Гармо – это фонетический объект, соотносящийся с образом гипотетической вершины, самой высокой в верховьях данной реки.» Гармо – это не обозначение, это – представление.

Хорошо, но что делать составителям карты? В данном конкретном случае на практике было так. Военные топографы в своё время не пошли дальше кишлака Пашимгар, так что на их карте в качестве «Гармо» фигурирует некая «вершина-1» (будущий «пик Дарваз»). Беляев поднялся на ледник и прошёл по нему до поворота, так что «Гармо» у него – это совершенно другая «вершина-2» (будущий «пик Беляева»). А Рикмерс (правда, уже в следующей экспедиции) подойдёт к этому массиву с другой стороны (с лучшим просмотром), и тогда «Гармо» у него будет – уже «вершина-3». В последнем случае – действительно самая высокая гора в истоках реки Гармо. А потому – строго в соответствии с определением – она и должна считаться истинным «пиком Гармо».

Дополним наше понимание ситуации «Малым памирским катехизисом» о двух пунктах. 1. Правильно ли Рикмерс оценил в 1913 высоту увиденной им горы? – Нет, не правильно. 2. Осознавал ли он тогда будущее значение этой горы? – Нет, не осознавал.

Ввиду особой важности сделанного Рикмерсом открытия, упомянем вкратце его предшественников и последователей в этом деле. Благо и тех и других можно пересчитать по пальцам руки якудзы, четырежды не выполнявшего распоряжений босса.

Предшественники. За пять лет до Рикмерса, в июле 1908 офицер Туркестанского военного округа Николай Косиненко первым поднялся на ледник Федченко, свернул с него на ледник Бивачный (который он, собственно, и назвал) и прошёл вверх по нему с полтора десятка вёрст, после чего вернулся назад. Так вот, во время этой «экскурсии» (по местам, где ещё не ступала нога человека, но где при этом он обнаружил сложенную из камней пирамидку, «тур») Косиненко теоретически имел возможность увидеть в просвет между горными кряжами тот загадочный пик. Однако в его отчёте нет даже намёка на то, что подобный визуальный контакт тогда состоялся («Известия РГО», 1915, том 51, с. 122-123. В отчёте год экспедиции указан ошибочно как 1909).

Последователи. Через три года после Рикмерса (на стоянках ещё лежали заготовленные им дрова), в июне 1916 на ледник Гармо поднялись геодезист Яков Беляев и геолог Пётр Беседин. По леднику они забрели даже несколько дальше Рикмерса. И с некоторых точек своего пути они наблюдали некий «громадный пик на северо-востоке». По всем признакам это и была та вершина, которую сфотографировали Рикмерс с Даймлером в 1913.

Мы невольно полюбовались прекрасным видом на громадную снежную вершину, лежащую вдали в северо-восточном направлении.

(Беляев, «Известия РГО», т. 55, вып. 1, 1923, с. 22)

Высоту увиденной ими «громадной вершины» Беляев оценить не рискнул, даже качественно.

Раз уж пришлось к слову, скажу о том, что меня особенно поразило в отчёте Беляева. Это то, что суровый и обветренный всеми ветрами путешественник оказался способен так трогательно и живо реагировать на «природные красоты», составляющие, казалось бы, неотъемлемую часть его ежедневного быта.

***

Перед глазами лежала величественная картина: снежные пики, горные массивы, цирки, громадные ледники, глыбы льда и снега; этот хаос напоминал, что находишься в кузнице мироздания; всюду чувствовалась жизнь и в этом мёртвом на первый взгляд царстве, среди мёртвой тишины, которую изредка нарушал треск льда или падение камня. За такие картины путешественник платит многими днями лишений, и эти картины оставляют неизгладимый след на всю жизнь... Я долго любовался панорамой ледника Гармо и не мог налюбоваться.

(Там же, с. 28)

***

К утру взошёл узкий серп луны и осветил соседние ледники и скалы. Картина ледника при лунном свете, среди мёртвой тишины, на чёрном фоне неба, усыпанного яркими звёздами, была прямо волшебная.

(Там же, с. 34)

Лирика лирикой, но это, пожалуй, всё, что на то время было известно о происходящем в верховьях ледника Гармо. Хотя Рикмерс вскользь и проговаривается ещё кое о чём.

В кишлаке Пашимгар оказалось неожиданно сложно нанять носильщиков, несмотря на предлагавшуюся щедрую плату. В разговорах постепенно начал всплывать некий дополнительный фактор.

Здесь могут быть замешаны суеверия и страх перед сверхъестественными местами (unheimlichen Orten). Каковым «Гармо» является для многих... Во всяком случае легенда гласит о призрачном городе (geisterhaften Stadt, «huà chéng») в этом ледяном царстве (der Eiswelt), или о погребённом под этим ледником некоем великолепии (Pracht).

(Рикмерс, «Zeitschrift des Deutschen und Osterreichischen Alpenvereins», 1914, том. 45, с. 40)

Именно: великолепии.

[Илл. 13-03-03-1. Снимок неизвестной до того гигантской горы (слева, будущий «Пик Гармо»), сделанный Вильгельмом Даймлером 10 сентября 1913 с вершины Мирза-Таш. Верхняя часть горы, имеющая в реальности очень характерную форму, на снимке скрыта облаком, что при идентификации вершины поначалу сбивает с толку. Deutscher Alpenverein Archive, DAV NAS 1 FF.1.0. Фрагмент.]

1925 (осень): Инициатор

После Памирской экспедиции-1913, организованной и проведённой Рикмерсом, прошло двенадцать лет. Случилось много чего.

Таинственный «хребет Гармо» в центре Памира за это время сменил одну государственную принадлежность на другую, потом на третью.

На этом процесс не остановился. Вот краткий перечень стран, куда потребовалось бы оформлять визу для памирских восхождений в этот период: РИ, РР, РДФР, ТА, АР, КА, БЭ, ТСР, БНСР, БССР (внимание: два средних слова, в нарушение привычного порядка, поменяны здесь местами), РСФСР, УзССР, СССР. Здесь «РИ» – это Российская Империя, «АР» – Алашская Республика, «КА» – Кокандская Автономия, «БЭ» – Бухарский Эмират, – и так далее.

Но вот всё на время улеглось – и Таджикская Автономная Советская Социалистическая Республика (в составе Узбекской Советской Социалистической Республики) послала в сентябре 1925 своих лучших представителей в Ленинград на празднование 200-летия Российской Академии Наук.

Об этом «празднике мысли» мы уже немного говорили. В частности, о том, что Александр Фридман должен был там курировать гостя из Германии профессора-метеоролога Генриха Фиккера, но по уважительной причине сделать этого не смог.

Фиккер же, неожиданно для себя, оказался на этих мероприятиях в статусе «свадебного генерала» от иностранной науки. А потому он буквально не сходит со страниц советской прессы. У Фиккера берут интервью, Фиккера цитируют, Фиккера поминают в хронике рутинных мероприятий («Затем иностранные гости, в числе которых находился профессор Фиккер, перешли в следующий зал, где они приступили к осмотру...»). Так что кажется, что мы знаем каждый шаг Фиккера в Ленинграде и Москве в те юбилейные дни.

Но это только кажется. Главное, зачем приезжал Фиккер в Советскую Россию, осталось полностью за кадром. А приезжал он затем, чтобы попытаться «пробить» у новых властей разрешение на следующую экспедицию германских альпинистов на Памир, который принадлежал теперь Москве. И, как показала жизнь, на торжественных заседаниях Фиккер страдал в президиумах отнюдь не зря. Экспедицию эту он блестяще пробил!

Конечно, со всяческими оговорками. Должны быть советские участники. Их должно быть ровно столько же, сколько и немцев. Советская группа должна иметь собственного руководителя. Немцы должны согласовывать свои планы с властями. И т.д и т.п.

Но это всё были мелочи. Главное, принципиальное согласие на экспедицию было получено.

Возглавлять немецкую группу предстояло, ясное дело, Вилли Рикмеру Рикмерсу, кому же ещё. В советской же части нарисовалось как бы два руководителя (благодаря примерно равному их номенклатурному весу) – Николай Горбунов (Управляющий делами Совнаркома) и Николай Крыленко (Зам. наркома юстиции).

Горбунов – хороший хозяйственник. Документально подтверждена, например, его попытка сберечь от расхищения государственное имущество (Докладная записка в Управление делами СНК от 22 сентября 1918). Также, его подпись стоит на документе, облегчающем налоговое бремя для отдельных организаций при «использовании сельскохозяйственных, рыбных, лесных и пр. промыслов» в Архангельской губернии (Постановление СНК от 13 октября 1923, подписано: Рыков, Горбунов, Фотиева. ГАРФ, ф. Р-5446, оп. 1, д. 2, л. 43).

За Крыленко также числится много всякого. Скоро он станет Генеральным прокурором. Начало же его карьеры связывается с генералом Духониным, в штаб к которому он со временем попадёт и сам.

Так вот, показательно, что даже при столь разновекторных персонажах в руководстве экспедицией, все трое впоследствии единодушно признавали решающую и определяющую роль Фиккера в инициировании всего этого предприятия. Этот момент для будущего рассказа значимый, так что подкреплю цитатами.

Рикмерс:

Эта экспедиция является непосредственным продолжением экспедиции Альпклуба 1913 года... Её инициатором и горячим радетелем («Anreger und eifrige Befürworter») являлся проф. д-р Хайнц фон Фиккер.

(«Zeitschrift des Deutschen und Österreichischen Alpenvereins», 1929, том 60, с. 59)

Крыленко:

Присутствовавший на юбилейных торжествах [1925 года] известный германец метеоролог проф. Фиккер предложил воплотить её [идею экспедиции] в дело, организовав советско-германскую экспедицию для изучения так называемой неисследованной области Памира.

(«По неисследованному Памиру», 1929, с. 19)

Горбунов:

***

Задумана эта экспедиция была [...] во время празднования двухсотлетия Академии Наук. Первоначальная инициатива принадлежала известному германскому учёному метеорологу профессору Фиккеру.

(«Известия» от 25 мая 1928)

***

Осенью 1925 г., во время празднования двухсотлетия Академии наук [...] немецким метеорологом проф. Г. Фиккером был назван Западный Памир [для проведения советско-германской экспедиции]. Предложение Г. Фиккера вызвало к себе живейший интерес. [...] В конце июня 1926 г. в Берлине происходит первое собеседование немецкой группы с пред-

ставителями Академии наук, после которого проф. Г. Фиккером составляется предварительный план.

(«Труды Памирской экспедиции», 1928, вып. 6, с. 1)

Кстати, об упомянутом Плане. Рикмерс в будущей экспедиции станет её так сказать «исполнительным руководителем». Всё же «стратегическое» руководство на стадии подготовки (выбор целей, определение районов, конкретных вершин, требуемых компетенций участников, программы-минимум, программы-максимум) целиком принадлежало Фиккеру (сильно выросшему за прошедшие годы – и в научном, и в личностном плане). Так что упоминаемый Горбуновым «План Фиккера» (от 4 ноября 1926) станет де-факто программным документом, из которого остальные участники, собственно, и узнают – куда и зачем им предстоит отправиться. И какая именно вершина намечена в качестве главной альпинистской цели.

Ещё интересная деталь. В том же своём очерке Горбунов сообщает о некоем ключевом совещании в Берлине, где советская сторона была ознакомлена с планом Фиккера. В совещании принимали участие Фиккер и два немецких министра, а с советской стороны – кто бы вы думали? Цитирую: «[такой-то и такой-то] и член Полярной комиссии Академии наук проф. Л.Л. Брейтфус». И это – октябрь 1927. Вот так.

Кроме альпинистского и научного, в планах экспедиции просматривается ещё один интерес, эзотерического рода. В официальных документах он не фигурирует, однако то и дело проскальзывает в личных высказываниях участников. Организаторы экспедиции, скажем так, не исключали возможность обнаружить в какой-нибудь полностью отрезанной от мира высокогорной долине некий неизвестный науке народ, а может и цивилизацию.

***

Здесь же [в районе экспедиции], по рассказам местных жителей, в глухих, почти недоступных долинах живут неизвестные племена.

(Щербаков, «Правда» от 24 июня 1928)

***

Мы искали людей... В высоких долинах (In den höchsten Tälern) живут сохранившиеся потомки (Reste) наших арийских предков.

(Рикмерс, 1929, с. 63)

1925 (зима): Тень Шамбалы

В общем, призрак «Шангри-Ла» витал над готовящейся экспедицией, витал. А что тут странного? До книги Хилтона и фильма Капры оставалось всего ничего.

Да что говорить о всяких там потерянных горизонтах, если в те дни даже вполне себе серьёзные люди с кристальным горизонтом будущего считали для себя невозможным остаться в стороне от этого тренда.

Не успели ещё высохнуть чернила устных договорённостей Фиккера с советскими властями о будущей памирской экспедиции – как на самой-самой границе Памира тут же нарисовался Николай Рерих. Я как-то уже говорил о своём восхищении феноменальной чувствительностью этого человека ко всяким веяниям и дуновениям. Помните, как он буквально на несколько часов опередил пролёт Пинегина над М-островом и понёсся в Европу собирать деньги на некую эзотерическую экспедицию? И вот пожалуйста – эта экспедиция уже стоит в прямой видимости Памира.

Налево всё время продолжают груды гор. Странно думать [...], что упираются эти хребты в высоты Памира.

(Рерих. «Алтай-Гималаи», запись от 9 февраля 1926, в окрестностях Яркенда)

Вроде бы, согласно им же самим заявленному плану, Рерих идёт не к «белому пятну» Памира, а в Тибет. Однако на деле он движется почему-то в направлении прямо от Тибета и прямо к Памиру (посмотрите по карте). И при этом в его записях буквально через слово в эти дни всплывает Шамбала.

***

В Бутане ждут близкого прихода Шамбалы. Сперва была Индия, потом был Китай, потом Россия, а теперь будет Шамбала. (Там же, 3 октября 1925)

***

Лет более ста назад два ученых брамина ездили в Шамбалу и направлялись на север. (5 октября 1925)

***

Ринпоче говорил, что теперь путь только через Шамбалу – это все знают. (8 октября 1925)

***

В Куче на базарах недавно два пришлых ламы раздавали изображения и молитву Шамбалы. (предпол. декабрь 1925)

***

Прочтите рассказ Давид-Ниль о старом ламе, принесшем цветы на ледниках. Прочтите сказание ламы о наступлении времени Шамбалы. (6 января 1926)

***

Живописец-затворник [...] подписывает посвящение: «Почитание Владыке закона, славному Владыке Северной Шамбалы». В Бурхан-Булате будет храм Шамбалы. (15 января 1926)

***

Там опять пришел человек. Хочет говорить [...]. – О чем говорить? – О свободе, о приходе Шамбалы. И опять неожиданный друг несет новую пряжу радости. (20 января 1926)

И так далее. Не знаю, какие у Рериха были истинные намерения, но по факту в эти дни он находился всего в нескольких переходах от того самого «белого пятна» Памира и от таинственного «хребта Гармо». Из Кашгара добраться туда было ничуть не сложнее, чем из запланированного Рикмерсом посёлка Ош.

В окрестностях Памира караван Рериха простоял тогда около четырёх месяцев. И там, в Хотане, он услышал одну притчу. Начинаясь она так:

В старое время в Куче жил знаменитый художник. Однажды он принёс в залог свою картину, изображавшую кочан капусты и бабочку.

(Там же, предп. декабрь 1925)

Далее из притчи мы узнаём, что эта картина столь буквально копировала натуру, что нарисованная бабочка зимой исчезала с холста, а с приходом тепла снова на нём появлялась. Невежественный же ростовщик, взявший картину в залог, недооценил возможности искусства по созданию иллюзий и в результате чуть не попал в беду.

Был Рериху и дополнительный намёк. Буквально в следующих строках своего дневника он пишет, что к нему подошёл человек и спросил, почему имена всех великих Учителей начинаются именно на букву «М». Рерих не знал что ответить.

Так бабочка *Plutella Mariae*, за четыре года до этого махнувшая над М-островом своим призрачным крылом, и тем вызвавшая весь этот «ураган экспедиций», ненавязчиво напомнила Рериху о том, что мир – это притча, услышанная сквозь сон на границе гор и пустыни.

Но в самом Кашгаре хваленое чутьё Рериху изменило. После четырёх месяцев стояния он поворачивает обратно от Памира и идёт на восток, в Москву. Да-да, я не оговорился: на восток в Москву. Куда он и понёс по Транссибу всю свою бесценную «пряжу радости». Или может это, наоборот, было признаком его величайшего чутья, я уж даже и не знаю. А что Рерих делал после Москвы – это совсем другая история.

В любом случае, «белое пятно» вокруг «хребта Гармо» осталось тогда нетронутым.

Однако, как мы помним, к тому моменту метеоролог Генрих Фиккер уже инициировал некий процесс, результатом которого станет советско-германская экспедиция на Памир. Которая, после соответствующего периода подготовки, стартует в мае 1928.

1928: Гармо

«Невыразимо, незабываемо окутала нас жизнь Востока».

Этими шестью словами немецкий альпинист Филипп Борхерс выразил, похоже, общее ощущение участников Памирской экспедиции 1928.

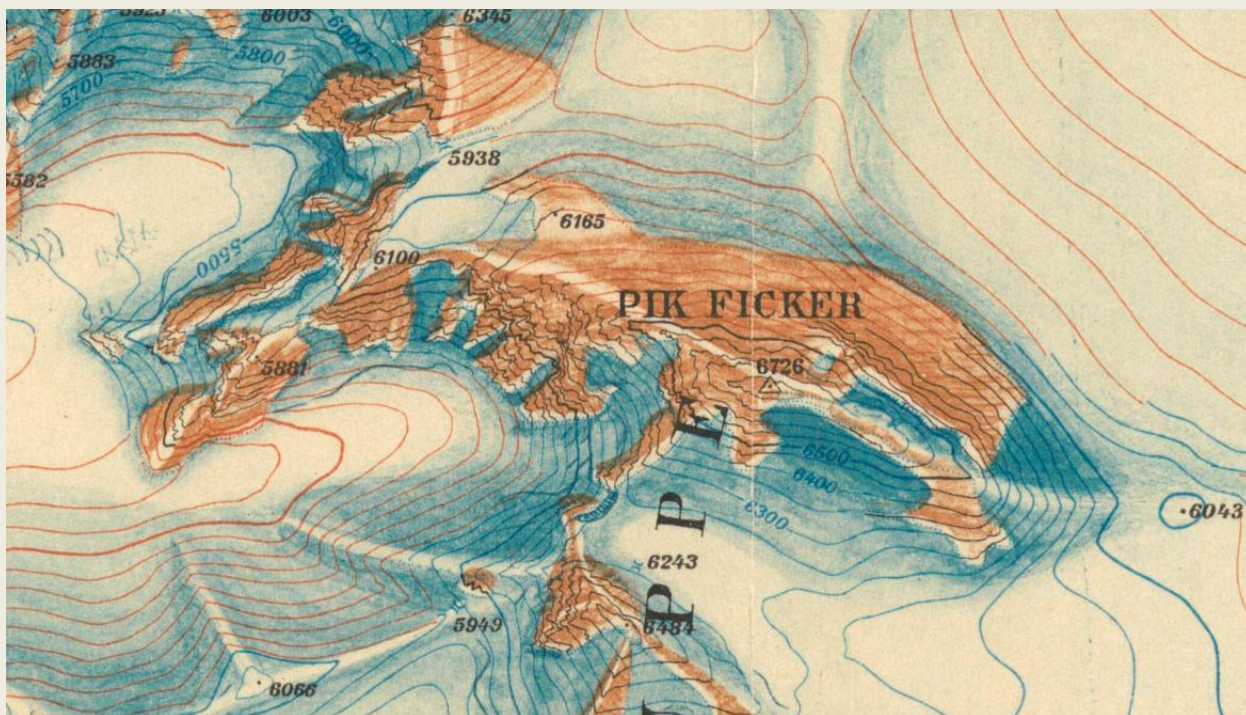
Совместное советско-германское предприятие получилось масштабным. По одиннадцать участников с каждой стороны (тут строго соблюдался паритет), плюс более восьмидесяти погонщиков, носильщиков, солдат, киношников и проч. Длилась экспедиция шесть месяцев.

Впрочем, степень «совместности» этого проекта не стоит переоценивать. Каждая сторона ехала «на свои». Каждая ехала в свои сроки. Каждая имела своего руководителя и действовала вполне автономно и по собственному плану. Единственно, обе стороны вместе забрасывались в район экспедиции и совместно использовали устроенные там продуктовые базы. В случае встреч, обменивались впечатлениями. По большому счёту, это всё.

Немцы готовились серьёзно. За год до выезда Рикмерс разослал всем будущим участникам предварительный список снаряжения на 54-х (пятидесяти четырёх) машинописных листах – с просьбой высказать свои замечания и пожелания. Каждый запасной винтик, каждая бутылочка со смазкой для запасного винтика, каждый мешочек для такой бутылочки, каждая завязочка к этому мешочку – всё было взвешено на весах истины и просеяно сквозь сито прошлого экспедиционного опыта.

В группу входили «учёные» и «альпинисты». Альпинисты (все сверх-опытные) ещё за год до выезда начали проводить совместные восхождения в Альпах для выработки такой трудно формализуемой и невероятно важной вещи, как «схоженность группы».

Генрих Фиккер, фактически устроивший всю эту экспедицию, принять в ней участие не смог. И тем не менее, по её завершению на карте мира, в верховьях ледника Федченко, появился «Пик Фиккера» (6726).

[Илл. 13-06-01-1. «Пик Фиккера», 6726. Карта Финстервальдера «Fedtschenko-Tanimasgebiet Blatt Süd. Alai-Pamir-Expedition 1928», изд. 1930.]

Советская группа также делилась на «учёных» и «альпинистов». И теми и другими руководил Николай Горбунов, но тут имелся нюанс. Даже два. Горбунов был слишком важной фигурой, чтобы тратить ценное время на всякие там «мелочи» подготовки, так что оперативное руководство было переложено на заместителя, Дмитрия Щербакова. Горбунов же приехал «в экспедицию» лишь тогда, когда на месте всё уже было устроено.

И второй нюанс. В альпинистскую группу входил (и, разумеется, ей руководил) Заместитель наркома юстиции и по совместительству альпинист-любитель Николай Крыленко. Формально, «альпинисты» также подчинялись Горбунову, но фактически представляли собой самостоятельную единицу. В их собственном понимании, они приехали на Памир провести здесь свой отпуск. Приехали они позже всех, уехали раньше всех, пробыли всего месяц. Что-то посмотрели, отпуском остались довольны.

Крыленко до этого в горах был первый раз год назад, на Кавказе, где он поднялся на Эльбрус. Поэтому всё, с чем он столкнётся на Памире, он будет мерять Эльбрусами: «Даже с Эльбруса... вы не можете видеть всей цепи гор» (это он об Заалайском хребте), «Эта вершина была... ровнёхонько с Эльбрус» (о некой проходной вершине, на которую забирались «Шмидт и немцы»), и так далее.

Тем не менее, Крыленко перед данной поездкой также провёл определённую подготовительную работу. Согласно «Плану Фиккера», главной альпинистской целью экспедиции значилось восхождение на «Пик Кауфмана» («Pik Kaufmann»), официально высочайшую вершину страны.

H. v. Ficker.

Plan einer russisch-deutschen Expedition
in die Pamirgebiete.

Vorbemerkungen.

Am 28. Juni 1926 fand auf Einladung der Notgemeinschaft der deutschen Wissenschaft in Berlin eine Besprechung statt,

8.6.-8.7. a: Erstes Standlager am Kakir kul; Erkundung der Täler
Ui ssu und Kokdschilga. Versuche zur Ersteigung des
Kisil agin ca. 6600 m und Pik Kaufmann ca. 7000 m, so-

[Илл.13-06-02-1. «План Фиккера» от 4 ноября 1926. Восхождение на «Pik Kaufmann» высотой «ca. 7000» запланировано в интервале с 8 июня по 8 июля 1928. Österreich Alpenverein Archiv, OeAV EXP. 103.1, л. 1 (преамбула), л. 11 (основная часть).]

И вот в самый последний момент (немцы уже пакут рюкзаки) происходит «неожиданное» переименование «Пика Кауфмана» в «Пик Ленина».

Формально, переименование осуществил ЦИК Таджикистана своим декретом, однако такие дела сами собой не делаются. За этим актом хорошо просматривается фигура Заместителя наркома юстиции, собравшегося во время отпуска покорить «Пик Кауфмана». А теперь это будет уже покорение «Пика Ленина». Чувствуете разницу?

Точная дата переименования мне неизвестна, но судя по всему это было сделано ЦИК Таджикистана (о чём нам и сообщает Крыленко – «По неисследованному Памиру», с. 71) на своей Сессии, проходившей с 1 по 4 апреля 1928 в Кулябе. Итак, покорять теперь предстояло «Пик Ленина» (о чём выехавшие в Россию немцы ещё не подозревают).

А теперь о собственно экспедиции.

Немцы выехали из Берлина 11 мая 1928 и вернулись назад в конце ноября. За это время ими была пройдена и картографирована почти вся область «белого пятна» Памира и совершенно неподдающееся учёту количество первовосхождений на высочайшие вершины, счёт идёт на десятки.

В частности, немцами был обнаружен и пройден легендарный перевал Кашалаяк, известный ранее только по древним таджикским сказаниям и считавшийся либо исчезнувшим («сомкнувшимся»), либо не существовавшим («мифическим»). Перевал интересен тем, что именно по нему, согласно легенде, в стародавние времена в некие «верхние долины» ушёл целый народ, о котором никто больше ниче-

го не слышал. До экспедиции 1928 были надежды, что эту цивилизацию удастся обнаружить в секретных верховьях долины Танымас.

Долина Танымас была пройдена немцами полностью и там было обнаружено несколько удивительных боковых ледников. А вот Шамбалы там не оказалось. Это был тоже результат, хотя и отрицательный. Правду об этом первой поведала миру газета «Правда».

Никаких неизвестных племён в этой части Памира не существует.

(«Правда» от 12 октября 1928, с. 4)

К числу важнейших достижений экспедиции следует отнести первое полное прохождение ледника Федченко. До этого только один человек (Николай Косиненко в 1908) вообще поднимался на этот ледник. Косиненко продвинулся тогда по нему достаточно далеко, но истинные масштабы ледника, тем не менее, он оценить не смог. Сейчас же (1928) альпинисты прошли этот ледник насквозь, из конца в конец. В результате выяснилось, что это – самый длинный ледник в мире (не считая, конечно, полярных областей земли, которые целиком – один сплошной ледник). Ради справедливости надо сказать, что ледники, занимающие второе и третье место, совсем ненамного короче ледника Федченко (77 км) – но всё-таки короче.

Не знаю, будет ли ещё удобный случай, так что скажу сейчас. В истории открытия ледника Федченко мне видится некий характерный почерк Судьбы. Так, Алексей Федченко никогда не видел этого ледника, и даже так никогда и не узнал о его существовании. В 1871 он перевалил в Алайскую долину и увидел за ней высокий горный хребет. Этот хребет он назвал Заалайским, а самую высокую его точку – «Пиком Кауфмана». После чего вернулся назад. Так что на Памире Федченко фактически не был. Открытый же позже ледник назвал его именем его друг. А тогда, в 1871, Федченко справедливо рассудил, что для исследования горных областей неплохо бы предварительно получить некоторый альпинистский опыт. За которым он в 1873 и отправился во Французские Альпы. Где во время одной из экскурсий в горы погиб от переохлаждения при резкой перемене погоды. Могила Федченко находится в Шамони, Верхняя Савойя.

А вот Николай Косиненко, который безо всякого горного опыта в 1908 поднялся на ледник Федченко и с большим риском продвинулся по нему на несколько десятков вёрст – он вернулся из гор живым и невредимым. Чтобы девять лет спустя в звании полковника погибнуть на фронте Первой мировой. Погребён Косиненко был в Москве на Братском кладбище, на месте которого впоследствии был разбит Ленинградский парк. Это совсем недалеко от того места, где я прожил треть жизни. Выходит, в течение многих лет я ходил через этот парк наискосок к метро, не зная, что здесь покоится прах человека, прошедшего первым практически у подножья того громадного снежного пика (при этом не заметив его), который Рикмерс с Даймлером увидели в 1913 с вершины горы Мирза-Таш.

Но вернёмся к экспедиции 1928. Местное население, слышав о появлении в горах чужестранных немцев, слетелось к ним за сотни вёрст и за много перевалов. В киргизском языке появилось новое слово «эрманча» («German-Tchai», «немецкий чай»), означающее горячий шоколад. Главным же хитом того сезона стали солнцезащитные очки, коих Рикмерс предусмотрительно запас целый ящик.

Киргизы, впрочем, в долгу не остались и тоже смогли удивить гостей. Немцев поразило качество, разнообразие и тонкость градаций местных кисло-молочных продуктов. Так в немецкий разговорный вошли слова «das Kaimak», «die Airan» и «der Kumiß».

В советской группе всё шло тоже неплохо. Геологи колупали лазурит, зоологи драконили бабочек, операторы строчили кинохронику, отсняв к концу экспедиции восемь километров плёнки. Удача сопутствовала всем.

***

Удалось заснять падение в пропасть трёх лошадей. Киноработники думают, что удастся выпустить интересную полнометражную картину.

(«Правда» от 12 октября 1928)

***

Зоологи экспедиции интересовались главным образом жуками и бабочками, и их снаряжение состояло из сеток и сачков.

(Крыленко, «По неисследованному Памиру», с. 25)

***

Розмирович [жена Крыленко] с сачком в руках с азартом ловила бабочек. С усердием ей в этом помогали красноармейцы.

(Там же, с. 56)

Но к главным успехам экспедиции мы ещё только подходим. Совершенно знаковым её свершением стало восхождение немецких альпинистов на «Пик Ленина» (уже «Ленина»), 7127 метров. Произошло это 25 сентября 1928. На тот момент это восхождение стало самым высотным в мире успешным восхождением человека на вершину. Гималайские восьмитысячники ещё только ждали своей очереди (и появления новых материалов и технологий).

По «Плану Фиккера» на «Пик Кауфмана» должны были идти в июне месяце. Такая попытка была предпринята, но тогда не получилось не только подняться на вершину, но и толком подойти к её подножию (поскольку с той стороны и не могло получиться). И вот три месяца спустя, в конце сентября, Ойген Алльвайн (Eugen Allwein), Карл Вин (Karl Wien) и Эрвин Шнайдер (Erwin Schneider) попытку повторили.

Кислород в эту экспедицию Рикмерс брать не стал (хотя это и обсуждалось). Но он и не потребовался. К тому времени у всех троих акклиматизация была идеальная, так что восхождение прошло просто «со свистом».

Впрочем, была одна трудно преодолимая сложность: низкая температура при отсутствии (по причине новизны проблемы) специальных высокогорных ботинок, шли в обычных «Kletterschuhe». Все трое поморозили ноги, при этом Шнайдер — весьма серьёзно. Носильщики, оставленные ждать на подходах, разумеется сбегали. Так что возвращение в базовый лагерь прошло достаточно напряжённо. По счастью, ноги Шнайдера удалось сохранить, и пару недель спустя он уже был готов к следующим подвигам.

Для всех троих это восхождение стало важнейшим моментом в их альпинистской биографии. Это при том, что все они скоро будут штурмовать гималайские восьмитысячники – Канченджангу (Альвайн 1929, 1931; Вин 1931) и Нангапарбат (Шнайдер 1934; Вин 1937). В экспедиции 1937 на Нангапарбат Карл Вин погибнет. Остальные двое доживут до глубокой старости.

А вот в 1928 не погиб никто. У Рикмерса в экспедициях не гибнут.

И, наконец, самое важное, что открыла экспедиция Рикмерса. За подвигами альпинистов мы как-то выпустили из виду, что были ещё и «учёные». Один из них, Рихард Финстервальдер (Richard Finsterwalder), занимался рутинным и скучным делом – проводил фотограмметрическую съёмку открываемых альпинистами гор и ущелий.

А надо сказать, что как только первопроходцы оказались в верховьях ледника Федченко, они сразу увидели ту самую «гигантскую снежную вершину», которую с другой стороны (и издали) видел Рикмерс в 1913 с вершины Мирза-Таш. Теперь же эта вершина предстала во всей её красе. Не осталось никаких сомнений, что это – «самая высокая вершина в верховьях реки Гармо», то есть что это и есть истинный «Пик Гармо».

И вот Финстервальдер провёл на местности соответствующую съёмку, а потом в Берлине обработал её по всем правилам. Результат подтвердил интуитивные ожидания. Высота горы оказалась 7495 метров, то есть выше ново-обращённого «Пика Ленина».

Таким образом подтвердилось, что именно «Пик Гармо» является высочайшей вершиной СССР.

С этого самого момента всё последующее стало только делом времени.

1929-1933: Спецоперация

Однако Время в данном случае делало своё дело на удивление неспешно. Пять лет ушло на то, чтобы «Пик Гармо» превратился в «Пик Сталина».

И это при том, что подобные переименования производились тогда мгновенно, по щелчку пальцев, гроздьями. Заводы, пароходы, колхозы, паровозы, города, каналы, аулы, кишлаки, ГЭС, ГРЭС и МТС – с этим не было никаких проблем, только таблички успевай подносить. А тут – целых пять лет.

Это выглядит странно, но здесь почему-то потребовалась целая спецоперация по переименованию. Которая проводилась к тому же очень осторожно, с оглядкой. Чем данный случай был такой особенный, и чем это переименование в результате обернулось для страны и мира мы обсудим чуть позже. Пока же зафиксируем своё удивление и двинемся дальше.

Все эти пять лет (1929–1933) были заполнены напряжённой работой по продвижению к намеченной цели. По-сути, это реально и была Первая пятилетка, она же и последняя.

Для начала, было посчитано необходимым, чтобы в данном конкретном случае гора перед переименованием была непременно «покорена» (с «Пиком Кауфмана», как мы помним, ничего подобного не требовалось). Так что теперь на Памир ежегодно (за исключением, разве что, 1930) отправляются экспедиции, конечной целью имеющие восхождение на высочайшую вершину страны. Впрочем, термин «восхождение» не совсем точно отражает суть интенций. Обратите внимание на используемую лексику. Высоту у горы метр за метром «отвоёвывают»; вершину «штурмуют», «берут», «покоряют». Гора – это враг.

Об участии немецких альпинистов теперь, само собой, даже и речи не может быть. Обратная сторона национально-классовой чистоты проекта – физическая невозможность совершить восхождение своими силами. Ничего не получается, одной партийной разнарядки в этом деле оказалось не достаточно. Но отчаянные попытки продолжаются раз за разом.

Одновременно с этим предпринимаются действия иного рода. И здесь всё делается значительно оперативней. Так, Финстервальдер обнародовал свои расчёты высоты «Пика Гармо» весной 1929 – а уже в июне в Кремле запускают механизм по принятию решений, призванных обеспечить так сказать «правильную сервировку» для будущего переименования. В частности, началась срочная работа по повышению статуса территории, на которой находится «Пик Гармо».

Вроде бы чего тут – в Таджикистане он находится. Но дело в том, что сам Таджикистан (точнее – Таджикская Автономная ССР) находится тогда в составе Узбекской ССР. А это – лишнее. Надо менять.

Посмотрим на данном конкретном примере как это делается вообще.

16 октября 1929 делегаты неожиданно созванного («Чрезвычайного») Съезда Советов Таджикистана принимают декларацию о преобразовании своей автономии в Таджикскую ССР – с просьбой принять её в состав СССР. Что делать – Москва вынуждена на это как-то реагировать. И вот ЦИК СССР три недели спустя эту

просьбу рассматривает – и удовлетворяет простым своим Постановлением (от 5 декабря).

Все счастливы. Особенно – руководство ВКПб, которое выпустило одно интересное постановление ещё за четыре месяца до этого, в июне 1929, то есть практически сразу после того, как стала известна истинная высота «Пика Гармо». Форма постановления вполне соответствует содержанию.

Заседание Политбюро ВКПб от 13 июня 1929, протокол № 84, пункт 21

Слушали:

О выделении Таджикской Автономной Республики в Союзную (п.б. от 3/VI 29 г., пр. № 83 п. 27)

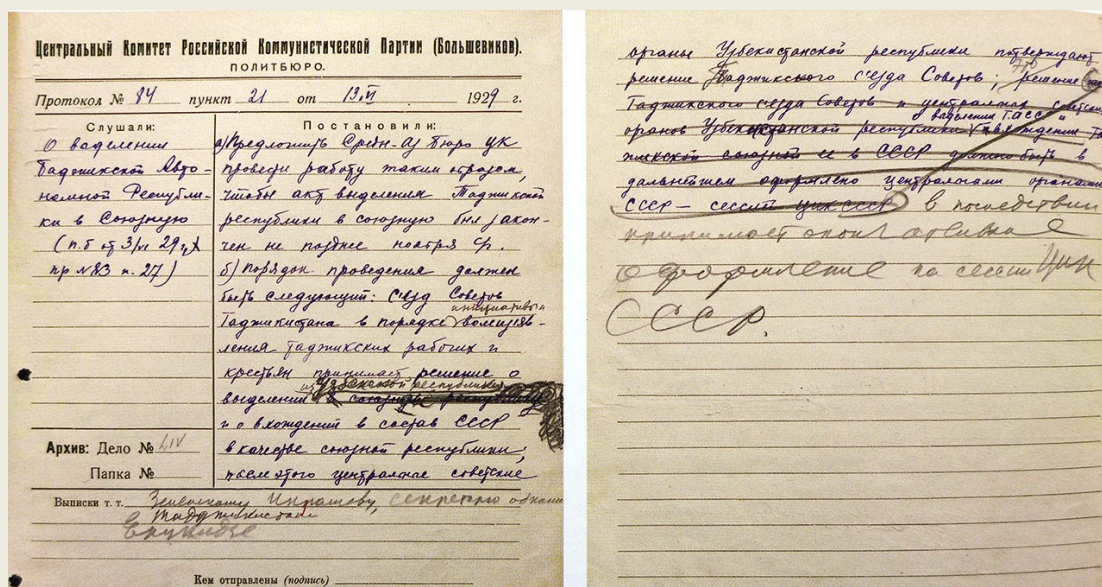
Постановили:

а) Предложить Средне-Азиатскому бюро ЦК провести работу таким образом, чтобы акт выделения Таджикской республики в союзную был закончен не позднее ноября с/г.

б) Порядок проведения должен быть следующий: Съезд Советов Таджикистана в порядке инициативы и волеизъявления таджикских рабочих и крестьян принимает решение о выделении из Узбекской республики и о вхождении в состав СССР в качестве союзной республики; после этого центральные советские органы Узбекской республики подтверждают решение Таджикского Съезда Советов; это решение впоследствии принимает окончательное оформление на сессии ЦИК СССР.

Выписки [отправить] т.т.: Зеленскому, Икрамову, секретарю обкома Таджикистана, Енукидзе

Формула достойна отлития в бронзу: «оформить в виде волеизъявления».

[Илл. 13-07-01-1. Решение Политбюро ВКПб от 13 июня 1929 об инициации «волеизъявления» таджикских трудящихся на тему изменения конфигурации СССР. Протокол №84, пункт 21.]

б) порядок проведения должен
быть следующий: Съезд Советов
Таджикистана в порядке инициативы и
волеизъявления таджикских рабочих и
крестьян принимает решение о
вхождении в состав СССР

[Илл. 13-07-01-2. «В порядке инициативы и волеизъявления таджикских рабочих и крестьян... решение о... вхождении в состав СССР». Там же. Фрагмент.]

В рамках той же процедуры была попутно реализована ещё одна полезная вещь – увеличена «плотность присутствия» выгодоприобретателя в интересующем регионе. В последний день работы таджикского «Чрезвычайного Съезда», 19 октября, город Дюшамбе (так он тогда писался) переименовывается в Сталинабад. Президиум ЦИК СССР возражать также не стал.

Постановление Президиума ЦИК СССР от 1 декабря 1929

В соответствии с ходатайством чрезвычайного съезда советов Таджикской Социалистической Советской Республики переименовать столицу Таджикской Социалистической Советской Республики г. Дюшамбе в г. Сталинабад.

(Опубликовано: «Известия» от 16 декабря 1929)

От «Пика Гармо» это всего с двухстах с небольшим километрах. Тактически позиция проекта заметно укрепилась.

А вот альпинистские усилия оказались не столь успешны, как аппаратные. 1929, 1931 и 1932 годы желаемого результата не дали. Наступил 1933.

Пятилетка подходила к концу. Так или иначе, нужно было давать план. И на штурм «Пика Гармо» были брошены все мыслимые силы. Чтобы абстрагироваться от собственно процесса переименования, далее буду называть эту гору по её высоте – вершиной «7495».

Очередную попытку восхождения на «Пик 7495» возглавили в 1933 всё те же Николай Крыленко и Николай Горбунов. Это были две совершенно автономные группы, выходившие к горе с двух несмешивающихся сторон – с запада (Крыленко) и с востока (Горбунов).

Крыленко, только что получивший новенький орден Ленина («за работу по разоблачению вредительских и иных контрреволюционных организаций», постановление Президиума ЦИК СССР от 21 января 1933), был окрылён и рвался вверх.

Горбунов же, наоборот, к тому времени потерял былую должность в Совнарком и сильно понизился в статусе — и ему, чтобы хоть как-то разогнуться, нужно было вверх, хоть умри. Какая из двух мотиваций победит, как вы думаете?

Не буду томить — в этот раз, как и всегда, победило Отчаяние (в лице Горбунова). Крыленко пролазил не там, и поднялся не оттуда и не туда.

У Горбунова же восхождение его группы хоть и завершилось «покорением» вершины, но прошло тяжело. Двое погибли (Николай Николаев и Джамбай Иргале), один выжил случайно (Георгий Харлампиев, высотное воспаление лёгких), а ещё один выжил таки просто чудом, хотя его и оставили умирать в штурмовом лагере (Александр Гетье). Самому Горбунову ампутировали отмороженные пальцы обеих ног.

В результате на вершину «7495» поднялся один только молодой Евгений Абалаков, и произошло это 3 сентября 1933. Но это было не совсем то, что требовалось Горбунову. Взойти первым во что бы то ни стало должен был он сам.

Однако это ему так и не удалось, что обесценивало весь план. Горбунов вышел на штурм в паре с Абалаковым, но на высоте 7350 («фридмановская высота») он почувствовал некую совершенно неодолимую преграду, сел в снег и дальше уже не двинулся (Михаил Ромм, «Штурм Пика Сталина», гл. 12, 1936). С этой позиции он отчётливо видел, как он догоняет Абалакова и они вдвоём уходят вверх по склону (галлюцинация). Его сознание ещё долго потом выдавало ему желаемое за действительное, см. ниже его газетную реляцию.

Откуда Ромм (он же — наш старый знакомый, журналист «Р. Омский» с ледокола «Малыгин») мог знать о деталях восхождения? Оттуда, что он сам участвовал в той памирской экспедиции в качестве корреспондента «Известий». Так что всё время находился близко от места событий и беседовал со всеми участниками по свежим следам. Единственно, апеллируя к его свидетельствам, следует иметь ввиду, что два разных издания его отчёта (1934 и 1936) различаются в ряде принципиальных моментов. Нужно аккуратно сопоставлять и взвешивать.

Первое публичное сообщение о покорении вершины «7495» появилось 20 сентября 1933:

Ташкент, 19 сентября. (По телеграфу). Восхождение на пик имени тов. Сталина увенчалось полным успехом. Участники штурмовой группы Горбунов и Аболаков [так, через «о»] 3 сентября достигли вершины [утверждение в отношении Горбунова ложное: он вершины не достигал].

(«Известия» от 20 сентября 1933, с. 4)

Итак, это уже «Пик имени тов. Сталина». Приехали.

1933: Входы и выходы из имени

Вопрос: когда именно и чьим постановлением был переименован «Пик Гармо»? А вот это самое интересное. Никто этого точно не знает.

Можно лишь с уверенностью утверждать, что на начало 1933 вершина называлась «Пик Гармо», а к концу этого года – уже «Пик Сталина».

А ведь, казалось бы, такое знаменательное событие! Несущее такую ясную и светлую символику. Каждая областная газета должна была бы отдать под него свою лучшую полосу. Каждый бригадир сталеваров, каждая доярка, каждый академик и каждый командир погранзаставы должны были бы во всеуслышанье отметить его, каждый на своём посту.

А – ничего подобного. Вокруг этого дела стояла полная тишина.

Это, пожалуй, единственный известный мне случай, когда переименование такого масштаба проходило скрытно, тихо и в ползучем режиме. С подходами и отходами.

Конечно, задним числом найдётся много желающих приписать инициативу этого переименования себе, относя её на более ранний срок. Чтобы не ходить далеко за примером, возьмём тех же Горбунова и Крыленко.

Горбунов:

Эту вершину [...] наша экспедиция [1932 года], после детального исследования её с востока, произведённого Н. П. Горбуновым, назвала именем вождя мирового пролетариата – именем тов. Сталина. Она является высочайшей в СССР.

(«Таджикская комплексная экспедиция 1932 г.», Госхимиздат, 1933. Вступительный очерк Горбунова, с. 35. Подписано в печать 7 октября 1933).

Крыленко:

В Москве [вернувшись из экспедиции 1932] снежный гигант [...] мы [участники группы Крыленко] назвали пиком имени тов. Сталина.

(«Известия» от 23 октября 1933, с. 4.)

В обоих случаях обратите внимание на даты публикаций этих заявлений.

А теперь давайте посмотрим реальную хронику процесса переименования. Знаком «–» и пометкой «Ещё нет» я буду обозначать случаи использования старого названия, знаком «+» и пометкой «Уже есть» – нового. Итак:

– 10 января 1933. Ещё нет. Информация от Горбунова о планирующемся ближайшим летом восхождении. Пока фигурирует «группа Гармо».

Летом этого года специальным отрядом альпинистов будет осуществлена заброска автоматических метеорологических приборов на группу Гармо.

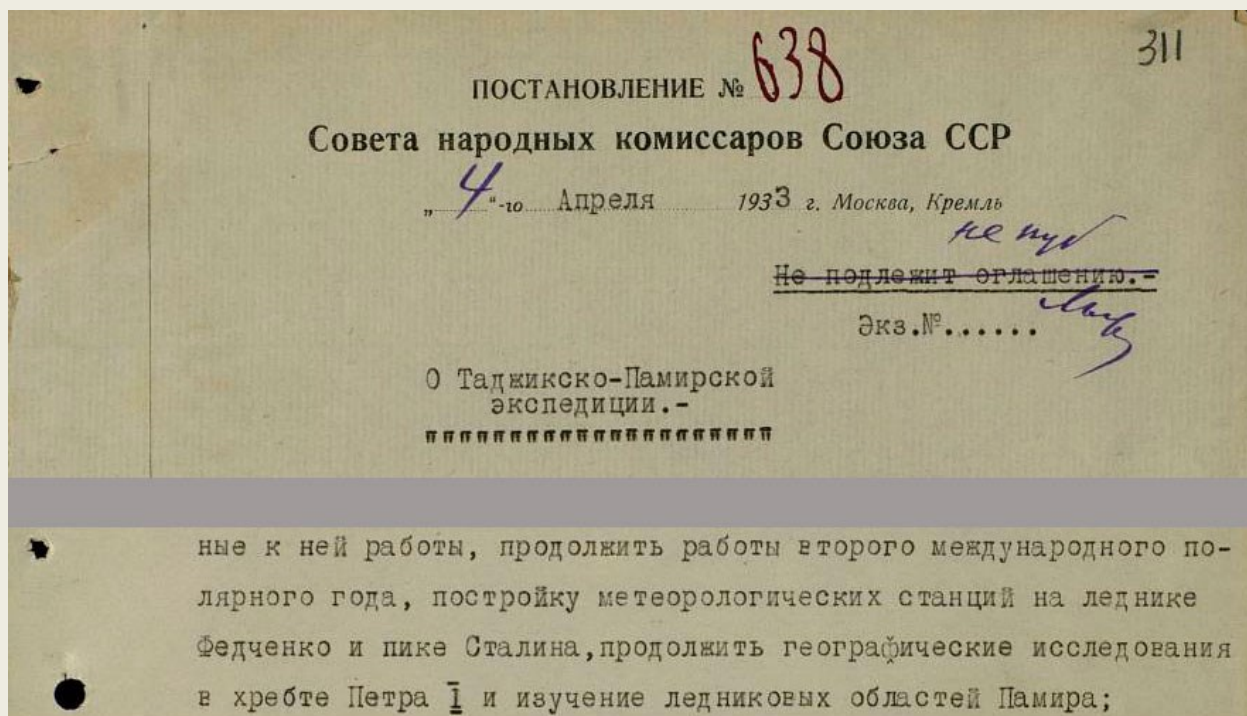
(«Правда» от 10 января 1933, с. 5)

– 11 января. Ещё нет. Статья Крыленко «Узел Гармо» в газете «Правда», с отчётом о горных походах 1931 и 1932, с прилагаемой схемой. Для обозначения самой высокой горы в регионе используется название «Пик Гармо». Общий вывод автора: «Не существует больше неисследованного района Гармо, не существует неизвестных горных систем и хребтов».

+ 4 апреля. Уже есть. Постановление СНК СССР № 638 касательно будущей Таджикско-Памирской экспедиции, планируемой летом 1933, пункт «в». Подписано: Молотов и Мирошников, бумага «верже». Это – первое известное мне упоминание «Пика Сталина» (при этом – в документе для служебного пользования). В тексте говорится о тех же «метеорологических станциях», о которых шла речь в «Правде» от 10 января (см. выше). Документ идёт под грифом: «Не публик[овать]».

Продолжить [...] постройку метеорологических станций на леднике Федченко и пике Сталина.

(ГАРФ, ф. 5446, оп. 1, док. 74, л. 312)

[Илл. 13-08-01-1. Первое упоминание «Пика Сталина». Постановление СНК СССР № 638 от 4 апреля 1933. ГАРФ, ф. 5446, оп. 1, док. 74, л. 311-312.]

+ 3 июня. Уже есть. Первое публичное упоминание «Пика Сталина». Статья в «Известиях», без подписи.

Самостоятельная группа экспедиции под руководством тов. Н. В. Крыленко будет продолжать свои географические исследования в районе пиков Сталина и Гармо. В этих работах примет участие и начальник экспедиции Н. П. Горбунов.

(«Известия» от 3 июня 1933)

– 14 июня. Ещё нет. Статья в профессиональном географическом издании, являющимся эталоном в области топонимики – «Известиях Русского географического общества». Целиком посвящена высочайшей вершине Памира – «Пику Гармо». Автор явно ни о каком готовящемся (или свершившемся) переименовании даже не подозревает.

О вершине Гармо. В настоящий момент высочайшей вершиной Союза считается пик Гармо, лежащий в хребте Академии наук. [...] В 1928 съёмками Советско-германской экспедиции было установлено точное местоположение этой вершины и определена её высота в 7495 м.

(Макеев П.С. «О вершине Гармо», Известия РГО, 1933, вып. 3, с. 250. «Поступило к печати 14 июня 1933 г.»)

+ 20 сентября. Уже есть. В газете «Известия» мы видим первое сообщение об успешном восхождении на «Пик Сталина». Кстати, к вопросу о рутинности самой практики прочих подобных переименований. Только на одной этой случайной странице случайной газеты (с. 4) упоминаются: «судно Сталинец», «Беломоро-Балтийский канал им. Сталина», «ленинградский завод им. Сталина».

– 24 сентября. Ещё нет. Крыленко, телеграфируя из Сталинабада об окончании свой части экспедиции, упоминает только «узел Гармо». Об успешном восхождении группы Горбунова он, похоже, ещё не подозревает («Правда» от 24 сентября 1933, с. 4).

– 26 сентября. Ещё нет. Подписан в печать отчёт Горбунова о прошлогодней экспедиции (вплоть до этого момента было возможно внесение любых изменений). В тексте, как и в приводимой карте, вершина называется «Пик Гармо» («Экспедиции Всесоюзной Академии наук 1932», издательство АН СССР, 1933, с. 49-92)

± 7 октября. Уже есть, но ещё нет. Подписан в печать ещё один сборник материалов о прошлогодней памирской экспедиции. В статье Горбунова мы видим уже «Пик Сталина», в статьях же остальных участников экспедиции (и на прилагаемых схемах) значится «Пик Гармо» («Таджикская комплексная экспедиция 1932 г.», издательство «Госхимиздат», 1933).

Russischen Reich»). Во фразе Борхерса нет скрытых коннотаций – «Reich» в языке 1929 означало просто «государство» («Немецко-русский словарь», сост. А.Ф. Несслер, с. 826, изд. «Советская энциклопедия», 1929).

für den G a r m o im Gel-Tau 7490 m. Dies ist vermutlich der höchste Gipfel im Russischen Reich (Bild Seite 148).

[Илл. 13-08-03-1. «Der höchste Gipfel im Russischen Reich». Статья Борхерса в ежегоднике «Zeitschrift des Deutschen und Österreichischen Alpenvereins», 1929, том 60, с. 76.]

Итак, примерно с октября 1933 «Пик Гармо» окончательно превращается в «Пик Сталина» – «высочайшую вершину Русского Рейха».

И что?

1934: Царь горы

А – всё. Носитель имени вознёсся над страной. Буквально. Возвысился, водрузился и воцарился. Выше его не стало здесь больше ничего.

Этот акт увенчания собой самой высокой точки страны имел глубокий сакральный смысл. И огромную силу проистекавших из него следствий.

Именно поэтому, при всей его желанности, это был опасный и ответственный мистический акт. Было понятно, что если что – второй попытки уже не будет. Горы – не грибы. Вознесение дважды не предлагают.

Этим и объясняется та сверх-осторожность и тщательность, с которой проводилась операция. Теперь становится понятно, почему переименование «Пика Гармо» случилось не одномоментно, а было размазано по времени чуть не на пол года. Если бы что-то пошло не так, то имелаась возможность дать задний ход и попытаться зайти по-другому.

Непонятно вот что. Если считалось допустимым в течении нескольких лет откладывать переименование в ожидании успешного восхождения, то почему «ползучее переименование» было в результате запущено ещё до того, как Абалаков ступил на вершину? Нервы сдали?

Нет, дело было в другом. «Покорение» вершины хоть и рассматривалось как чрезвычайно желательный фактор, но при этом всё-таки не являлось критически необходимым условием для переименования. Существовало одно ещё более важное обстоятельство – некая «крайняя дата», до наступления которой переименование необходимо было провести в любом случае, с «покорением» горы или без. Пока до этой «критической точки» было ещё далеко, можно было экспериментировать с восхождениями. Когда же дата опасно приблизилась, то примерно за пол года до неё была отдана команда начать процесс постепенного «переименования» вне зависимости от успехов альпинистов.

Остаётся только понять, что это была за «критическая точка» и чем она определялась. Искать её нужно где-то в сентябре-октябре 1933.

В указанном интервале самым заметным событием процесса переименования является, вне всякого сомнения, первое сообщение об успешном покорении вершины, опубликованное в «Известиях» 20 сентября.

При этом есть сильное ощущение, что и сама публикация, и отправка Горбуновым телеграммы, и собственно восхождение – всё это делалось в страшной спешке и происходило с надрывом, на последнем излёте, как-будто вдогон безнадёжно уходящему моменту. И что эта телеграмма просто чудом успела проскочить в захлопывающиеся ворота Времени, когда последняя песчинка уже начала своё неукротимое падение в бездну отверстия песочных часов. Так что попробуем поискать нашу «критическую точку» в непосредственной близости от 20 сентября.

Сопоставление некоторых цифр даёт следующее. Ленин умер в январе 1924 на 54-м году жизни. А если точно, в возрасте 53 лет и 274 дней.

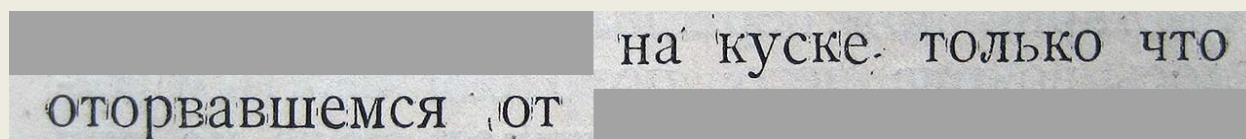
Так вот, на следующий день после опубликования телеграммы Горбунова, 21 сентября 1933 года Сталину официально исполнялось 53 года и 274 дня. Таким образом следующим утром, 22 сентября 1933, он становился СТАРШЕ Ленина.

И именно до этой даты он должен был успеть вознестись ВЫШЕ Ленина. Тогда, и только тогда, бремя Ленина было бы полностью сброшено с плеч.

Высота «Пика Ленина», как известно, 7127 метров. «Пика Гармо» – 7495. Разница невелика, но победитель забирает всё. Главное, успеть переименовать вершину – и отождествиться с ней.

И вот к 22 сентября 1933 «Пик Гармо», как мы видим, был: а) уже покорён, и б) уже переименован. Всё, успели.

Никто тогда не обратил внимания, что пока все были заняты переименованием «Пика Гармо», товарищ Ясенский, недавно сам совершивший путешествие на край Памира («Ледники сползали с плеч вершин, как белые гармские бурки...»), точно в день опубликования телеграммы Горбунова о покорении «Пика Гармо» подписал один рутинный документ – в результате чего на небосклоне тогда же появился некий «оторвавшийся кусок» – как функция Бардамю и атрибут Топо. И «кусок» этот, как тромб, начал своё неспешное неостановимое движение. Казалось бы, чего тут неясного – ну да-ну да, ещё одни насели-насели. Однако, это никого тогда не насторожило; подумаешь, «кусок» какой-то едва заметный, типа иголка в сундуке.

[Илл. 13-09-01-1. «На куске, только что оторвавшемся от...». ИЛ №4, 1933, с. 27.]

Как бы там ни было, вознесение над страной первого лица свершилось. И с этого самого момента ограничений не стало никаких. Никаких абсолютно. Переименование «Пика Гармо» открыло по факту все заслоны и развязало все руки. Стало можно – всё.

И всё началось. Уже в январе 1934 для разминки был элегантно разыгран «Съезд Победителей». Если кто не в курсе – полюбопытствуйте.

И в который раз я здесь восхищаюсь интуицией великих людей. В данном случае – физика Георгия Гамова. После трёх неудачных попыток ему удалось-таки уехать из страны 20 октября 1933, то есть буквально «в последнем уходящем вагоне». Подобной возможности больше ни у кого уже не будет много десятилетий.

Первый раз Гамов с женой пытались по-простому переплыть на байдарке Чёрное море поперёк, чтобы затем через Турцию пробираться в Данию, к Нильсу Бору. Подготовка была солидная. Из провизии была взята корзинка свежей клубники и бутылка коньяка. По расчётам предполагалось идти на вёслах круглосуточно несколько дней. Беглецам не повезло с погодой (через два дня встречный ветер прибил их обратно и крымскому берегу), однако просто неправдоподобно, сказоч-

но повезло с пограничной охраной и налаженной среди местного населения системой доносительства (и та и другая, как по волшебству, на время просто исчезли).

Второй раз они пытались бежать через Север, по Баренцеву морю, однако с угоном катера как-то не сложилось. В третий раз был план полярной ночью перейти на лыжах финскую границу в районе Хибинских тундр. Напомню, что речь идёт об одном из ярчайших физиков двадцатого века.

И вот с четвёртой попытки – получилось. Правдами и неправдами удалось организовать разрешение на участие Гамова в престижнейшем международном физическом конгрессе, и даже продавить согласие отпустить вместе с ним жену. Больше такой оплошности власти уже не допускали.

Маленькая подробность. Признаться, если бы я не видел документ своими глазами – не поверил бы. Вопрос отпускать или не отпускать учёного на научную конференцию решался аж на заседании Политбюро ВКПб. По итогам высочайшего обсуждения, специальным Постановлением от 14 августа 1933 (когда переименование «Пика Гармо» ещё окончательно не завершилось) было объявлено:

Разрешить поездку [...] чл.-корреспонденту Академии Наук Гамову Г. А. – на конгресс Сольвея (Брюссель) – сроком на 20 дней.

(Протокол № 143, п. 153/139. РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 928, л. 34)

Кстати, ровно за три дня до отъезда Гамова, 17 октября 1933, похожим образом и по сходным причинам Германию покинул Альберт Эйнштейн.

Просматривая подшивку журнала «Природа» за 1933, я натолкнулся в ноябрьском номере на одну заметку, в которой отчётливо проступало действие «машины времени». Это был обзор результатов первой Всесоюзной ядерной конференции. Завершалась статья следующими словами: «Г.А. Гамов (Ленинград) дал сводку своих недавно опубликованных работ о ядерных уровнях энергии» (с. 76). Так вот, конференция, на которой Гамов «давал сводку», проходила в Ленинграде с 24 по 30 сентября. А номер журнала с сообщением о конференции был сдан в набор месяц спустя, 28 октября. То есть тогда, когда означенный «Г.А. Гамов» уже неделю как навсегда покинул свинцовые брега Невы. Может кому-то будет интересно узнать, и даже покажется символичным, что автором того обзора в журнале «Природа» являлся Матвей Бронштейн.

Но это что касалось всяких подозрительных профессоров-академиков. А что наши герои-восходители?

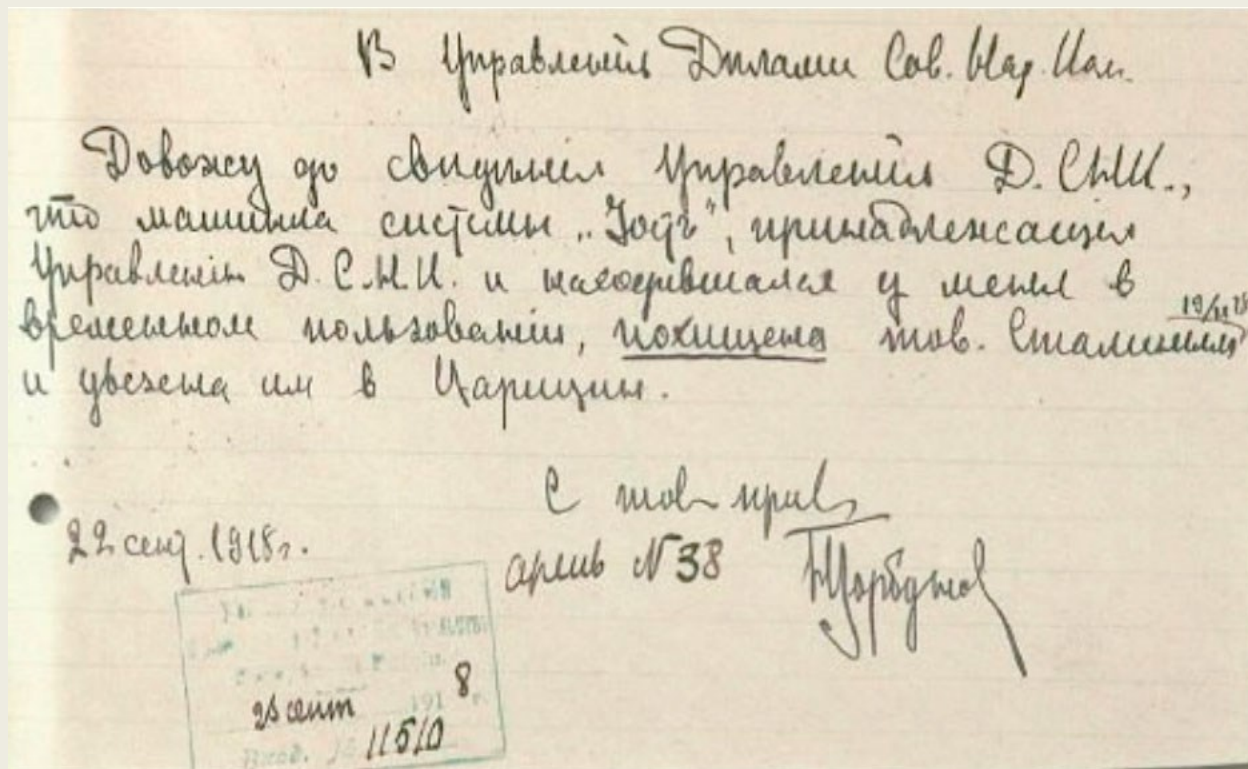
А что с ними может быть? У них всё просто замечательно. Тем более, что альпинизм для них всё-таки занятие побочное, а так-то они как-никак страной руководят, строят новый мир. И уж в чём-чём, а в принципиальности им не откажешь. Помните, ещё в 1918 году Горбунов отличился тем, что пытался сберечь государственное имущество от расхищения? Даже если вы и забыли, то руководство страны об этом уж точно помнило. Оно всё помнит.

Тем более, что та Докладная записка Горбунова никуда не делась. Вот она:

В Управление Делами Совета Народных Комиссаров

Довожу до сведения Управления Д. СНК., что машина системы «Гость», принадлежащая Управлению Д. СНК и находившаяся у меня в временном пользовании, похищена (подчёркнуто) тов. Сталиным и увезена им в Царицин.

С товарищеским приветом, Н. Горбунов. 22 сентября 1918

[Илл. 13-09-02-1. Докладная Горбунова от 22 сентября 1918 в Управление делами СНК о хищении Сталиным автомобиля «Роллс-Ройс Silver Ghost».]

Здесь «Гость» – это «Роллс-Ройс» модели «Silver Ghost», ничего личного.

Но мало ли что Горбунов писал и подписывал. Для «управляющего делами» писать – его работа, всего и упомянуть невозможно. Единственно, из чистого любопытства, хотелось бы мне знать – в какой именно момент вспомнил Горбунов, как некогда ставил свою подпись под Постановлением СНК от 13 октября 1923 – «Об организации соловецкого лагеря принудительных работ особого назначения».

Просто – в какой момент.

1937: Дополнительная предосторожность

У некоторых, возможно, всё-равно остаётся лёгкое ощущение какой-то несоразмерности – а не слишком ли они тогда нагнетали со сложностями вокруг переименования «Пика Гармо»? Требование предварительного «покорения» вершины, терпеливое ожидание в течение пяти лет, задействование «ползучего процесса» – при всём уважении, это кажется как-то немного избыточным. Вдохнули, выдохнули – и переименовали. Что тут могло «пойти не так»?

Я бы со всем этим согласился, если бы не одно обстоятельство. В общем-то случайное.

Так вышло, что вершина, которую предстояло переименовать, исходно называлась «Гармо». Ничего не напоминает?

А вот Кремлю очень даже напоминало. Легендарный «Гармодий» – самый известный тираноубийца в истории. Причём – успешный тираноубийца.

Именно удачное устранение Гармодием и Аристокитоном тирана Гиппарха привело к установлению в Афинах демократии. С подобным не шутят.

Если ожидаемая выгода от переименования «Пика Гармо» имела мистическую природу, то и страх перед «Гармодием» был мистическим. Страшно было трогать его вершину – но что делать, если именно она оказалась самой высокой в стране? Отсюда и все вышеописанные пассы. Причём даже и после «покорения» Гармо, после переименования и полного воцарения – страх этот никуда не делся. Статуя Гармодия продолжала находиться всего в нескольких сотнях метров от кремлёвского кабинета, в цветаевском музее «Изобразительных искусств». Просто взять и убрать её оттуда по указанным причинам категорически не представлялось возможным.

А потому был задействован «план Б». Если от «Гармодия» нельзя избавиться напрямую, то нужно его дезактивировать и нейтрализовать – формально как-бы повысив, но при этом фактически поразив в правах. Технология не нова.

Реализовывать эту схему выпало на долю скульптора Веры Мухиной. Никто не спрашивал её, хочет она этим заниматься или нет. По её собственному признанию, ей «просто вручили пакет с правительственным предписанием». Верховный правитель, он же и генеральный заказчик, лично приезжал среди ночи к Мухиной на дачу (где она работала над скульптурой), чтобы проконтролировать соответствие результата соответствующим требованиям. Мухина должна была сваять «Гармодия с мечом» так, чтобы он выглядел, как «Крестьянка с серпом».

Результат этой трансмутации можно видеть в знаменитой скульптурной группе «Рабочий и Колхозница». «Колхозница» – это как раз «Гармодий» и есть. Что Мухина даже и не пыталась скрывать, называя это «взять за образец».

Работа была выполнена Мухиной качественно и в срок. «Гармодий» был десакрализован и приручён. И дело не в том, что он предстал в облике женщины, «слабого пола» – хотя и это тоже. Главное, «Колхозница» являлась существом второго сорта по чисто формальному критерию. Перед тем, как начать процесс переименования «Пика Гармо», в конце декабря 1932, в стране была введена сегрегация

по социальному признаку. Всех граждан обязали иметь паспорта, без которых ни единое социальное телодвижение становилось невозможным (передвижение, проживание, устройство на работу и проч.). При этом крестьяне были законодательно лишены права иметь паспорт. Что в самом прямом смысле являлось введением крепостного права. В роли «барина-крепостника» теперь выступало «государство».

В полном согласии с концепцией формального сохранения, но «опускания» Гармодия, старое название памирской вершины «Пик Гармо» (которая стала теперь «Пиком Сталина») не было выведено из оборота совсем, а было присвоено другой, второстепенной вершине, располагавшейся неподалёку и имевшей до этого название «Пик Дарваз».

Итак, в начале 1937 «Гармодий» был низведён и нейтрализован. Эта услуга, оказанная стране Верой Мухиной, не была забыта. Пять «Сталинских премий» за двенадцать лет – вот только часть награды. Редкий специалист вспомнит за какие именно творения они были присуждены, а если и подсмотрит шпаргалку – то тут же забудет снова. «Рабочий и Колхозница» (Аристокитон и Гармодий) – это всё, что мы видим на этом поле.

Широкую известность данной скульптуре принесло то, что она венчала собой советский павильон на Всемирной выставке, проходившей в Париже летом 1937.

И именно здесь, на этой выставке, под сенью приручённого «Гармодия», наконец рискнули осторожно предъявить миру «Пик Сталина». Непосредственно «под сенью», буквально.

Сделано это было в форме экспоната, который назывался «Самоцветная карта Индустрия социализма». Этот экспонат сам по себе заслуживает небольшого рассказа.

Для начала, это был самый дорогой объект всей советской экспозиции. Если балансовая стоимость «Рабочего и Колхозницы» составляла 1,215,956 рублей и 26 копеек, то «Самоцветная карта» была оценена вдвое дороже.

Для сравнения. Стенд «Парфюмерия» стоил 9931 рублей 25 копеек. Детская игра «По Северному морскому пути» (проект «Пионерской Правды») тянула на 3120 рублей. А «Сталин» и «Конституция СССР» (скульптуры Матвеева и Синайского) обошлись бюджету всего в 13000 и 3279 рублей соответственно. Впрочем эти две последние сразу по завершении выставки, в соответствии с исторической справедливостью, были «уничтожены как непригодные».

[Илл. 13-10-01-1. Судьба скульптур «Сталин» и «Конституция СССР» по завершении Парижской выставки 1937. Ликвидационный баланс. ГАРФ, ф. 9499, оп. 1, д. 53, л. 25.]

[Илл. 13-10-01-2. Детская игра «По Северному морскому пути». Там же, л. 27.]

А вот «Самоцветная карта» была действительно впечатляющая.

Карта была большая, площадью в шесть теннисных столов. Она выглядела точно как физическая карта страны, но была целиком набрана из каменных пластин разного цвета. Моря, озёра и реки были синие, низменности зелёные, плоскогорья песочные, горы коричневые (с градацией цвета в зависимости от высоты), и так далее. Для этого использовались камни соответствующих цветов и окрасов – лазурит, амазонит, яшма. Благодаря естественному рисунку камня и точному подбору, выглядело всё очень благородно. Но это было ещё не всё.

Главной изюминкой экспоната являлась так называемая «нагрузка» – элементы, крепившиеся к поверхности карты. Именно они и делали её «самоцветной». Ибо это были уже реально драгоценные камни в оправках («кастах»). Ими обозначались промышленные объекты («Индустрия социализма») и названия крупных городов. Рубины, изумруды, аквамарины, александриты, аметисты, горный хрусталь, гранаты, опалы для ледников, раухтопазы... И, конечно, бриллианты. Более четырёх тысяч драгоценных камней. Огромная «Самоцветная карта» сияла, как «шапка Мономаха». Красоты просто неопишущей.

[Илл. 13-10-02-1. «Самоцветная карта Индустрия социализма». Фрагмент.]

Выставочная судьба «Самоцветной карты», однако, не сложилась. Если «Рабочего и Колхозницу» знают все, то о «Самоцветной карте» слышали лишь немногие, а ещё меньше кто видел её в оригинале. Карта съездила на две пафосные выставки – в Париж (1937), и в Нью-Йорк (1939). Советское участие в этих выставках – это отдельная песня, оставляю её спеть другим исследователям. Касательно же Карты – загранпоездки сослужили ей плохую службу. Сборки-разборки, погрузки-разгрузки, приёмки-передачи, починки-переделки – всё это несколько раз и надолго выводило Карту из оборота – и в результате не позволило толком показать её в собственной стране. А потом момент был уже упущен и Карта из «актуального объекта» превратилась в «историческое ретро». Сейчас она находится в Петербурге, в музее Геологического института.

Особо следует сказать о пункте «починки-переделки». Это, наверно, была самая большая проблема «Самоцветной карты». При отправке экспонатов на международные выставки меньше всего думали о том, как они будут потом возвращаться. Например, «Рабочего и Колхозницу» в Париже просто распилили на куски, из которых пригодными к дальнейшему использованию оказались потом далеко не все. В Нью-Йорке же вообще гигантскую скульптуру «Рабочего со звездой» (венчавшую, как водится, советский павильон) по завершении выставки там и бросили, предварительно разломав. Так что никакого «Рабочего со звездой» мы теперь не знаем. «Самоцветная карта», хоть и возвращалась по описи, плохо переносила переезды, так что её состояние очень страдало. К примеру, из двадцати пяти памирских ледников (благородных опалов) в ходе всех пертурбаций половина просто «растаяла». Это то, что касается «починок».

Но ещё хуже обстояло дело с «переделками». Тут вообще была катастрофа. Если бы это было художественное панно типа «Цветение лотосов Социализма», то всё было бы проще. Но это была карта. Когда стране удавалось прибрать к рукам соседние государства, «Самоцветную карту» приходилось переделывать. Кроме того, то и дело возникали разные яркие «идеи». Например, что неплохо бы показать дрейф полярной станции. Значит, нужно нарастить Ледовитый океан (чуть не на метр) – со всеми вытекающими.

Короче, Карту, как одеяло, тянул на себя кто только мог. К проблеме непрерывных «доработок» добавлялась проблема с топонимической текучкой. К примеру, город «Баталпашинск» был переименован навечно в город «Сулимов», в честь соответствующего наркома (1934). Когда Сулимова умертвил Ежов, то город стал «Ежово-Черкесским» (1938). Когда самого Ежова умертвил Берия, город превратился в просто «Черкесск» (1939). Когда Берию умертвил Хрущёв... и так далее. Это – реальный пример, все эти переименования синхронно отражались на нашей «Самоцветной карте», с отливкой из серебра соответствующих названий и последующим их золочением. Изумрудная надпись «Сталинабад» и золочёные «Сталино», «Сталинград», «Сталинск» и «Сталинир» со временем также пришлось заменить.

Всё это впоследствии создало концептуальную проблему при реставрации – по состоянию на какой момент объект следует восстанавливать? Судя по результату, решение было принято «соломоново». Так что сейчас «Самоцветная карта» представляет собой историческую эклектику – одно взято оттуда, другое отсюда. Например, «Сталинабад» преспокойно соседствует сейчас с отсутствием «Пика Сталина».

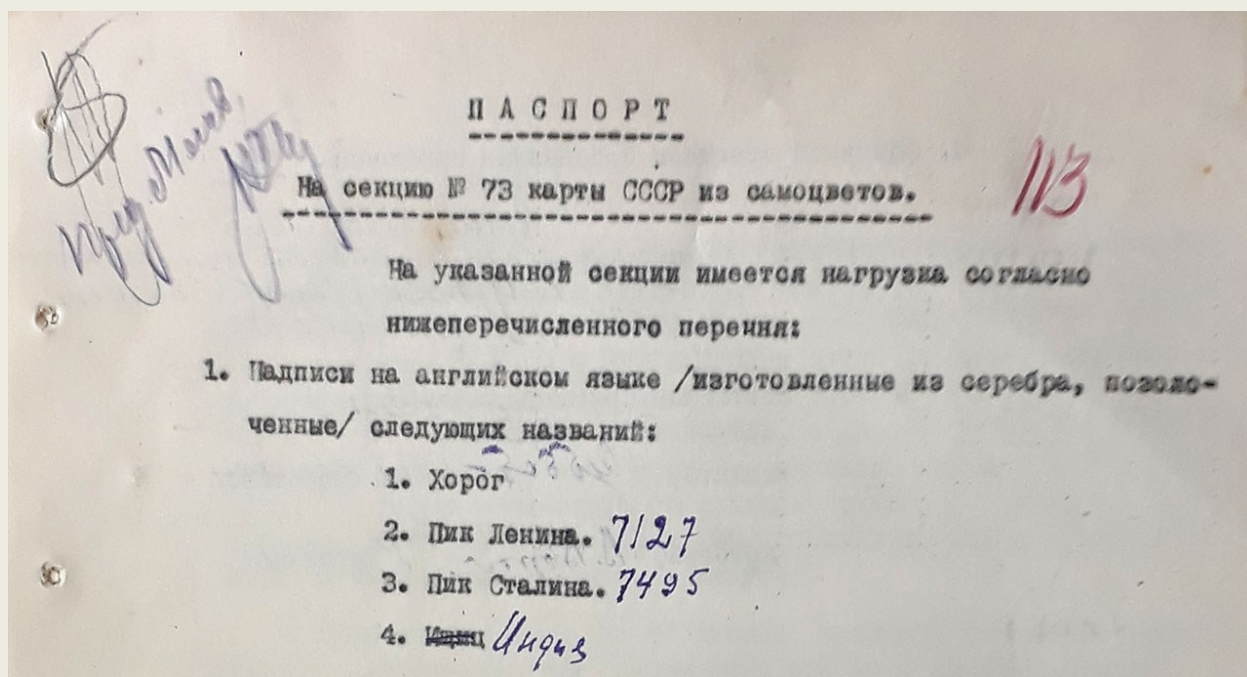

[Илл. 13-10-03-1. Там же. Изумрудный «Сталинабад».]

Но исходя из «Самоцветной карты», конкретно – на её секции № 73, «Пик Сталина» имелся, о да!

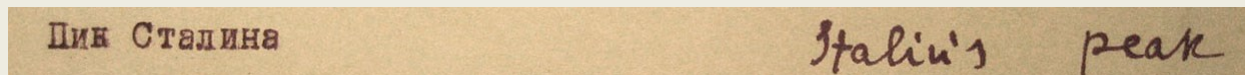
Было сделано так: обозначены одновременно и «Пик Сталина», и «Пик Ленина» – оба с указанием их высот («7495» и «7127» соответственно) – чтобы ни у кого не возникло и тени сомнения, кто теперь здесь главный.

[Илл. 13-10-04-1. «Пик Ленина, 7127» и «Пик Сталина, 7495» на «Самоцветной карте Индустрия социализма». Технический паспорт на секцию №73. РГАЛИ, ф. 2458, оп. 3, д. 59, л. 113.]

Когда пришло время Карте ехать в Нью-Йорк (1939), то надписи на ней, для большей доходчивости, перевели на язык северо-американского пролетариата. Сохранился черновик, на котором для ювелиров-исполнителей указывался правильный вариант перевода – «Stalin's Peak». Указатель высоты переделывать не стали, взяли старый.

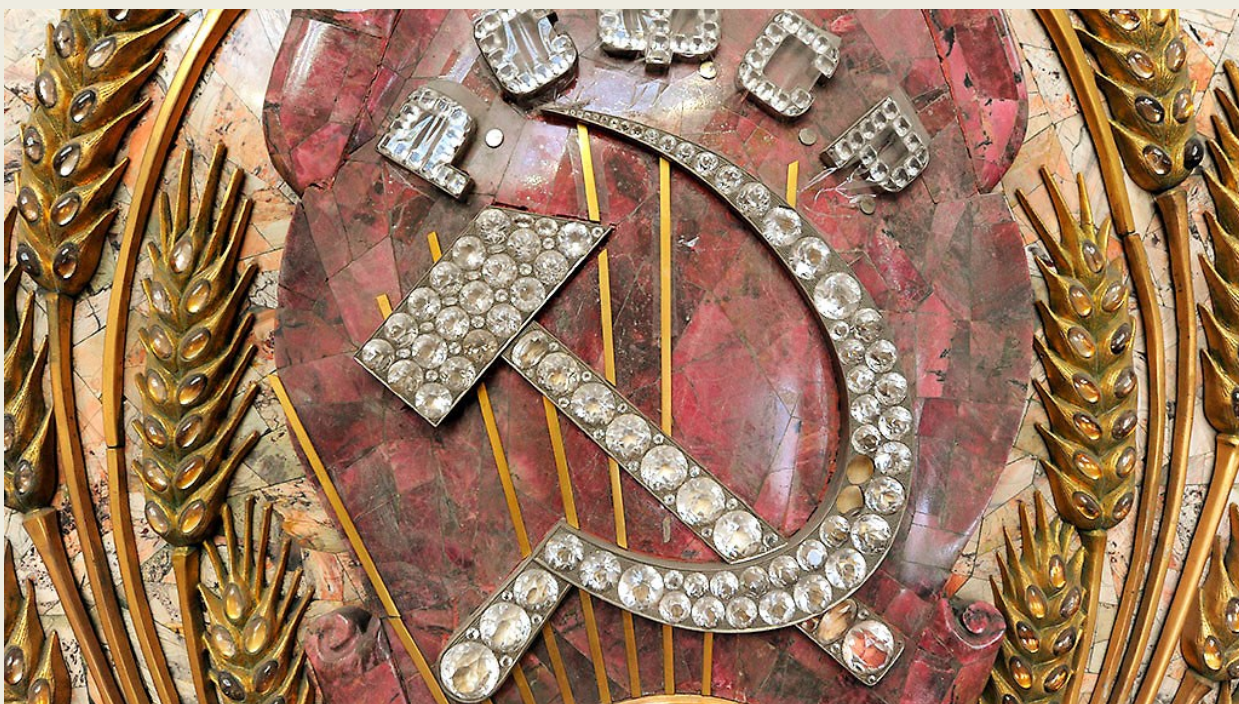
[Илл. 13-10-05-1. «Stalin's Peak». Шпаргалка для изготовления надписи на английском языке перед отправкой «Самоцветной карты» на нью-йоркскую выставку 1939. ГАРФ, ф. Р-5673, оп. 1, д. 161, л. 90.]

Но даже с учётом всех переделок, «Самоцветная карта» была чудо как хороша! Искусство, оно и есть искусство.

А ежели «искусство» – то у Искусства есть не только «фронтир», здесь работает «дискурсов тир». Сходу прочитываются два.

«Дискурс эстетический». Инициатором создания «Самоцветной карты» считается нарком тяжёлой промышленности Серго Орджоникидзе. Отсюда и тема «индустрии социализма». А главный тренд поколения Орджоникидзе – «Мы наш, мы новый мир построим». Однако, судя по «Самоцветной карте», тот «мир», о котором втайне мечтает нарком – это не просто «старый», а «очень старый» и архаичный мир средневековья, где пределом «красоты» мыслится уже упоминавшаяся «шапка Мономаха», сплошь усыпанная шлифованными яхонтами-смарагдами. Показательно, что «нагрузка» Карты выполнена драгоценными камнями в «высоких кастах», частично огранёнными, частично кабошонированными («обкатанными») – то есть строго в эстетике (и технических возможностях) раннего Московского царства. Таким образом, когнитивный диссонанс между декларируемыми идеями и практикуемыми вкусами определяет первый дискурс.

«Дискурс символический». Обычно все стремятся к тому, чтобы государственные символы, даже если они призваны маскировать истинные намерения, несли чёткое и понятное послание – иначе они не выполняют своей функции. В этом смысле советский «Серп и Молот» – символ удачный, поскольку он ясно прочитывается. Это – воспевание «Труда и Простоты» в противовес «Праздности и Роскоши». «Серп и Молот» – это нечто непримеримо противостоящее «Серебряному ландо и Бриллиантовому колье». В этой системе ценностей «Скромный Труженик» – это соль земли. Соответственно, при любой возможности подчёркивалась простота быта и даже аскеза высшего руководства страны. И именно это декларировалось государственной символикой – «Серпом и Молотом». А вот теперь, в свете всего этого – как вам покажется «Серп и Молот», осыпанный чистыми бриллиантами (как это мы видим на инсталляции, прилагавшейся к «Самоцветной карте»)? Неразрешимый антагонизм, содержащийся внутри главной идеологической составляющей проекта – дискурс второй.

[Илл. 13-10-06-1. Бриллиантовый герб РСФСР, прилагался к «Самоцветной карте».]

У «Самоцветной карты» есть ещё один дискурс, третий. До меня он дошёл не сразу. Я долго любовался этой красивой Картой, пока не начал чувствовать, что здесь что-то не так. Что именно – я сперва не мог чётко сформулировать.

И вдруг до меня дошло. Давайте посмотрим вместе на произвольный фрагмент «Самоцветной карты».

[Илл. 13-10-07-1. «Самоцветная карта». Фрагмент.]

Это небольшая область, только вокруг Москвы. Вот что мы здесь видим.

Звёздочка из тёмно-вишнёвого граната (альмандина) над словом «Москва» (над буквой «А») – Исправительно-трудовой Лагерь №149 ДмитЛага (ГЭС Истринского гидроузла).

Рубиновый треугольник за словом «Калинин» (под последним «Н») – ИТЛ Дмитровского механического завода, ДмитЛаг.

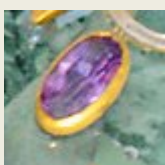
Элегантный изумрудный квадратик перед словом «Ростов» – ВолгоЛаг (Угличский лесопильный комбинат).

Рубиновый треугольник над словом «Ярославль» – ВолгоЛаг (Рыбинский механический завод №1, он же ВМЗ).

Два рубиновых треугольника над словом «Коломна» – Отдельный Лагерный Пункт завода «Электросталь» («Завод №12» и др.).

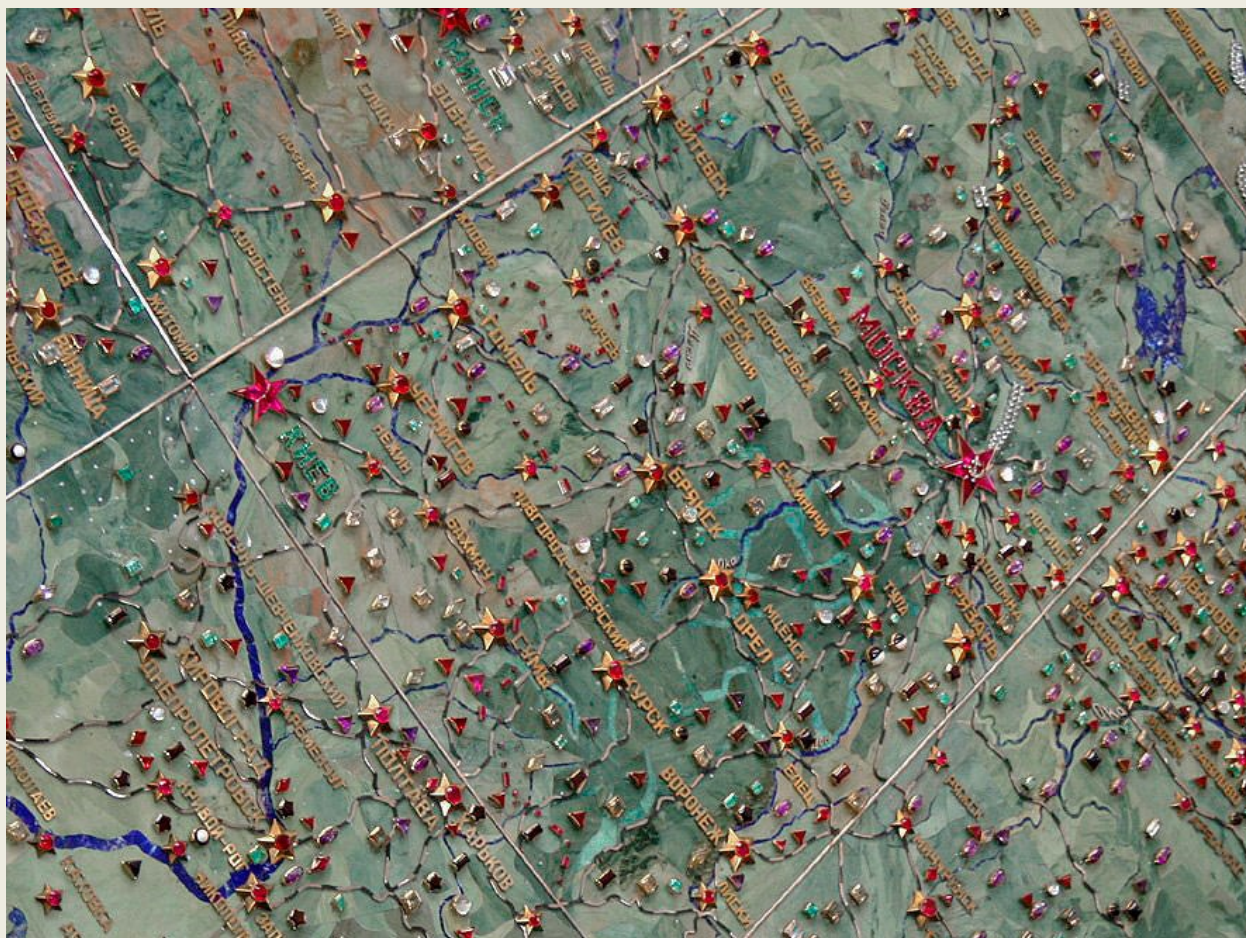
Великолепный сиреневый овальный аметист перед словом «Ногинск» – смежник СазЛага (поставляющего сюда сырьё); про этот объект можно почитать у Надежды Мандельштам, где в 1938 она работала «тазовщицей» (Струнинская хлопчатобумажная фабрика «5-й октябрь»).

Ну и, конечно – двойная сияющая бриллиантовая «дорожка». Это и есть тот самый знаменитый ДмитЛаг (канал Москва-Волга). Критики тут могут возразить, что на самом деле это «дымчатые топазы». Может быть.

Данный фрагмент Карты был взят так, для примера. Хрестоматийные же объекты – Беломоро-Балтийский, Воркутинский, Норильский и другие – они на «Самоцветной карте» представлены само-собой, во всей их полноте, сияющими россыпями драгоценных камней. Полюбуйтесь Картой ещё раз.

[Илл. 13-10-08-1. Там же. Фрагмент.]

«Самоцветную карту» делали меньше года. Но Орджоникидзе до её публичного открытия всё равно дожить не удалось. Его близкие и родственники пережили её открытие совсем ненадолго.

1915: Метеоролог: первая попытка

Нет надобности продолжать перечисление событий, последовавших за переименованием «Пика Гармо» в 1933. Поговорим лучше о том, было ли это переименование неизбежным.

Чисто формально – нет. При определённых обстоятельствах переименования могло и не быть.

Например, если бы «Пик Гармо» к 1933 так и не был бы обнаружен. Данная возможность, кстати, не столь умозрительна, как может показаться. Если бы не было Советско-Германской экспедиции на Памир в 1928, то «вершина 7495» оставалась бы неизвестной ещё сколь угодно долго.

Та экспедиция, как мы помним, состоялась единственно волей и энергией одного человека – профессора-метеоролога Генриха фон Фиккера. Именно он, как таран, пробил тогда стену существовавших реалий и сделал сказку о возможности экспедиции былью.

Если бы в 1925 Фиккер не пробил экспедицию, то в 1928 «Пик Гармо» не был бы открыт, и в 1933 переименовывать было бы попросту нечего.

Тогда следующий вопрос: а могло ли что-то (или кто-то) помешать Фиккеру организовать ту экспедицию? Не скажу за всех, но один человек точно имел такую возможность. Это был Александр Фридман. Причём решить вопрос он пытался кардинально.

Как мы знаем, 16 сентября 1925, в больнице им. Первухина в Ленинграде, Александр Фридман умер. На следующий день «Красная газета» опубликовала ряд откликов на это трагическое событие. В их числе – слова искреннего соболезнования, высказанные хорошим знакомым Фридмана, профессором Фиккером. И Фиккер здесь вспомнил одну интересную историю. Лучше прочитать самим.

Я с большим прискорбием узнал сегодня утром о смерти проф. А. А. Фридмана. [...]

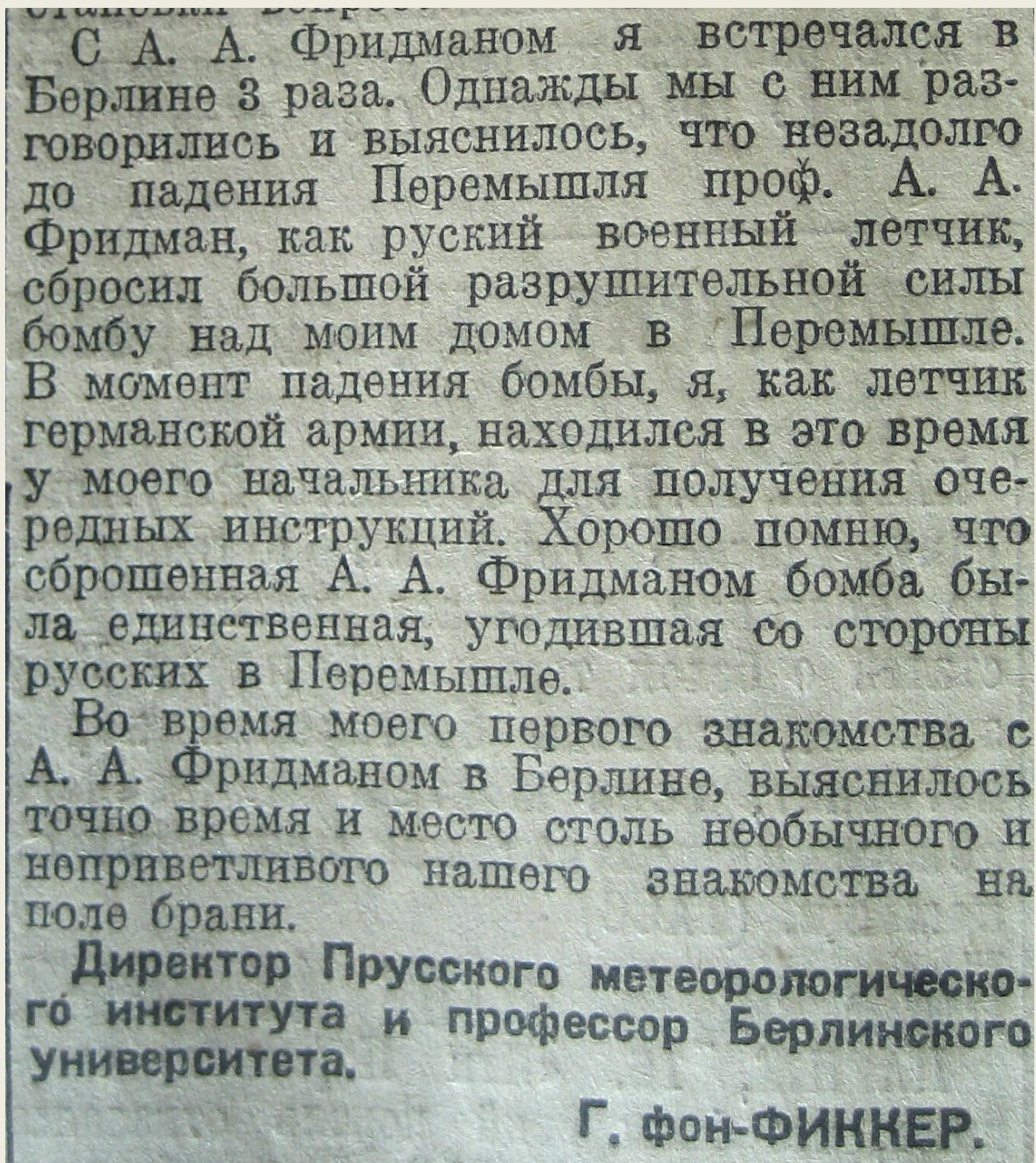
С А. А. Фридманом я встречался в Берлине 3 раза. Однажды мы с ним разговорились и выяснилось, что проф. А. А. Фридман, как русский военный лётчик, сбросил большой разрушительной силы бомбу над моим домом в Перемышле. В момент падения бомбы, я, как лётчик германской армии, находился в это время у моего начальника для получения очередных инструкций. Хорошо помню, что сброшенная А. А. Фридманом бомба была единственная, угодившая со стороны русских в Перемышле.

Во время моего первого знакомства с А. А. Фридманом в Берлине, выяснилось точно время и место столь необычного и неприветливого нашего знакомства на поле брани.

Директор прусского метеорологического института и профессор Берлинского университета Г. фон-ФИККЕР

(«Красная газета» от 17 сентября 1925, вечерний выпуск)

[Илл. 13-11-01-1. Фиккер о своём первом пересечении с Фридманом в 1915. «Красная газета» от 17 сентября 1925, вечерний выпуск.]

Если перевести это на язык «причин и следствий», то в 1915 Фридман (сам не зная того) пытался физически устранить Фиккера, сделав таким образом будущую экспедицию на Памир невозможной. Покушение, как мы видим, не удалось по чистой случайности (срочный вызов Фиккера в штаб).

Так что «метеоролог», фигурирующий в названии данной главы – это Александр Фридман. Чья первая попытка сделать невозможным переименование «Пика Гармо» успехом не увенчалась.

1925: Метеоролог: вторая попытка

Данный эпизод, для большей наглядности, я изложу по пунктам.

1. Итак, после прицельной бомбардировки Александром Фридманом дома Генриха фон Фиккера в Перемышле в 1915, Фиккер случайно уцелел. И это сделало неизбежным открытие памирского «Пика Гармо» (7495) в 1928. Вопрос: оставалась ли после этого хоть какая-то возможность того, что «Пик Гармо» не будет со временем переименован в «Пик Сталина» – со всеми вытекающими?

2. Ответ: да, такая возможность всё ещё оставалась. Теоретически, если бы «Пик Гармо» сразу после его открытия был бы переименован в «Пик Ленина» – то в этом единственном случае любые дальнейшие переименования сделались бы абсолютно исключёнными.

3. Но эта возможность была чисто теоретической, поскольку к моменту открытия «Пика Гармо» название «Пик Ленина» было уже использовано – для переименования другой вершины, «Пика Кауфмана». Инициировал и привёл в исполнение это переименование Зам. наркома юстиции Николай Крыленко в апреле 1928, то есть ещё до начала экспедиции, в ходе которой «Пик Гармо» был открыт.

4. Действия Крыленко в апреле 1928 явились прямым следствием того, что он, планируя своё участие в экспедиции, руководствовался исключительно «планом Фиккера». Где в качестве главной альпинистской цели предстоящей советско-германской экспедиции значилось восхождение на «Пик Кауфмана» (7127) – и при этом не было ни слова о гипотетической вершине «7500». Крыленко об этой вершине скорее всего даже не слышал. А потому, ориентируясь единственно на «план Фиккера», он загодя переименовал «Пик Кауфмана» (главную цель экспедиции и пока всё ещё официально самую высокую вершину страны) в «Пик Ленина» (для придания предстоящему восхождению большего пафоса). И это при том, что о возможности существования в «белом пятне» Памира вершины порядка 7500 метров было хорошо известно не только немецким альпинистам (по фотографии Рикмерса, 1913), но даже и Горбунову с Щербаковым. Похоже, что один Крыленко оставался в блаженном неведении.

***

Страну эту [Памир] пересекает один из высочайших горных хребтов мира, отдельные вершины которого, повидимому, достигают высоты 7.500 метров над уровнем моря [...]. В горном же узле, который нам предстоит исследовать, возможно, как я уже указал, открытие более высоких вершин, чем пик Ленина.

(Горбунов, «Известия» от 25 мая 1928)

***

Есть основания думать, что в этом месте имеется горный хребет с вершинами, превышающими на сотни метров все наиболее высокие горы СССР, с абсолютными высотами в 7.300–7.500 метров.

(Щербаков, «Правда» от 24 июня 1928)

***

Ещё до отправления экспедиции весной 1928 года, некоторыми членами экспедиции, в том числе и автором настоящего обзора, высказывались предположения о том, что в районе белого пятна, на границе Памира с Дарвазом, должны быть расположены высочайшие в СССР горные высоты, может быть превосходящие даже высоту пика Ленина. [...] Предположения эти основывались на изучении фотографических снимков местности, сделанных на большом от неё расстоянии – с хребта Петра Великого – немецкой альпинистической экспедицией в 1913 г.

(Горбунов, «Географические работы 1928 года в области белого пятна на Памирах», журнал «Природа» 1929, №9, кол. 788)

5. Промежуточный итог. Отсутствие в «плане Фиккера» упоминаний о «вершине 7500» привело к тому, что ещё до начала экспедиции название «Пик Ленина» отошло другой вершине.

6. Позитивный сценарий развития событий мог (и должен был) выглядеть так:

а) Фиккер включает в свой План пункт о восхождении на гипотетическую вершину «7500» в случае её обнаружения.

б) Крыленко, узнав из «плана Фиккера» о высокой вероятности существования такой вершины, не торопится с переименованием «Пика Кауфмана» (очевидно, уже не самого высокого), а ждёт результатов экспедиции.

в) В ходе экспедиции выясняется (как оно и случилось в реальности), что высочайшая вершина страны – это не «Пик Кауфмана», а (как и ожидалось) «Пик Гармо» (7495).

г) Вот теперь Крыленко с чистой совестью переименовывает этот самый новообретённый «Пик Гармо» (высочайший в стране) в «Пик Ленина». «Пик Кауфмана» остаётся при этом как был (ну или делается, скажем, «Пиком Крыленко», не важно).

д) После этого уже никакие дальнейшие переименования высочайшей вершины страны становятся невозможны.

е) Спецоперация по «вознесению» Сталина над страной оказывается сорванной.

7. Но, как мы знаем, Фиккер так и не включил восхождение на вершину «7500» в свой План. В результате всё пошло, как пошло. Однако, был человек, который предпринял отчаянную попытку возбудить в Фиккере (ещё до составления им его Плана) личный интерес к покорению вершины «7500». И это был всё тот же Александр Фридман.

8. Новых фактов о Фридмане мы здесь поднимать не станем, достаточно будет взглянуть на старые с новой точки зрения. Как мы знаем, 18 июля 1925 Фридман совершил рекордный подъём в небо на аэростате, что стало одной из причин его скорой смерти, последовавшей через два месяца (глава «Бабочка», эпизод «Планка»).

Мотивы Фридмана для совершения того полёта мы подробно рассматривали. Но в добавление ко всему там перечисленному, следует назвать ещё один мотив – скрытый, возможно, даже от самого аэронавта.

Напомню, что высота, на которую поднялся Фридман, составила 7350 метров. Также мы знаем, что Генрих фон Фиккер являлся увлечённым и даже азартным альпинистом. А потому, подъём его хорошего знакомого и коллеги на 7350, то есть «выше Пика Кауфмана, но ниже гипотетической вершины 7500» являлся для Фиккера откровенным вызовом. Ещё более демонстративным оттого, что он был сделан буквально за месяц до его предполагавшейся встречи с Фридманом на юбилее Академии Наук. И теперь, в смысле рекордов, планируемое восхождение на «Пик Кауфмана» (7127) лишалось для Фиккера всякого интереса – зато восхождение на гипотетическую вершину «7500» обретало первостепенное значение.

Таким образом, подъём Фридмана на аэростате, вне зависимости от его намерений, объективно должен был подтолкнуть Фиккера к тому, чтобы включить вершину «7500» в его План, что привело бы к изменению всего хода нашей истории (см. выше всю причинно-следственную цепочку). Сработай тогда этот механизм, прими тогда Фиккер вызов Фридмана – и ни о каком «Пике Сталина» мы никогда бы не услышали.

9. Но так получилось, что вскоре после своего полёта Фридман умер. И Фиккер вполне здраво истолковал это, как предупреждение Судьбы – «ему НЕ следует подниматься на высоту 7500». В результате, этот очевидный пункт включён в его План так и не был. А в конце-концов Фиккер и вовсе отказался от личного участия в памирской экспедиции 1928.

10. И как покажет жизнь, опасения Фиккера были не беспочвенны. В 1933 Горбунов во время «штурма» этой вершины так и не смог пересечь порог «фридмановской высоты» (7350) и чуть на ней не погиб.

11. Итак, в 1933 «Пик Гармо» стал «Пиком Сталина», который в 1962 без лишнего шума превратился в «Пик Коммунизма». Под этим названием он и известен альпинистам моего поколения. Если вдуматься, последнее название идеально соответствует самой сущности «коммунизма» как такового. Факт появления подобного названия представляется для коммунизма столь же органичным и неизбежным, сколь немыслимой является даже мысль о возможности возникновения идеи переименования «Эвереста» в «Пик Капитализма».

12. Можно предложить ещё одно понимание данного названия. Не исключено, что то, что удалось получить в стране к 1962 – это по-факту и было пиком коммунизма.

13. И, наконец – почему глава о том, как метеоролог пытался страну спасти, вообще оказалась в книге про «М-остров».

Она оказалась здесь потому, что метеоролог (профессор Фридман) 18 июля 1925 поднялся на аэростате в небо не сам собой. Да, этим подъёмом он мог толкнуть историю в точку её неустойчивого равновесия в правильную сторону. Но его-то самого толкнуло в небо другое.

Фридман поднялся в небо, символически повторяя полёт Пинегина над «М-островом» – чтобы вслед за Пинегиным обрести свою «небесную точку зрения». Пинегин увидел «остров-бабочку» на высокой широте 73,47 градусов к северу от экватора. Фридман увидел «чёрную наковальню» и обрёл просветление на высоте 7347 метров над уровнем моря. Так что именно «М-остров» Новой Земли затянул его тогда ввысь. Остальное вы знаете.

Падающий цветок
вернулся вдруг на ветку.
Оказалось: решения Фридмана обратимы.

И ещё:

Одна *Plutella Mariae* –
ей достанется вся лазурь
над снежным пиком.

Арикида Моритакэ (до 1549). Кавабата Бося (1933).

Таким вот образом, в 1933 переименование «Пика Гармо» состоялось – и Корабль, лязгая траками, поплыл.

1937: Десятилетний капитан

22 июля 1937 года, миновав Митюшёв остров, в М-шар Новой Земли вошёл могучий ледокол «Красная Арктика» и двинулся по узкому проливу в сторону Карского моря. За проплывающим по левому борту «пиком Седова» (бывшая «гора Александра») с высокого мостика зорко следил капитан ледокола Валерий Митюшёв.

Ледовая обстановка, предсказанная начальником Главного управления гидрометеослужбы Союза ССР при СНК СССР тов. Ушаковым Г. А., позволяла ледоколу двигаться со скоростью до 200 миль в сутки.

Что было чрезвычайно важно, поскольку давало надежду дойти до ближайшей бункеровки у острова Диксон ещё на мурманском запасе угля, не вызывая по радиации аварийный ледокол-углевоз и не теряя на этом драгоценных дней навигации по Северному морскому пути.

Нужно было во что бы то ни стало оправдать доверие заместителя начальника Главсевморпути тов. Крастина Э. Ф., лично следившего за ходом экспедиции.

Цель плавания была бухта Провидения в Беринговом море. А награда за смелость – засекречена.

Но природа бросает вызов человеку. За мысом Челюскин льды окружили отважных полярников со всех сторон, доходя до 9 ледовых баллов. «Красную Арктику» начало «затирать». Последняя запись в вахтенном журнале говорит о скрипичном концерте, который дал высадившийся на мёрзлый пустынный берег экипаж ледокола. Играли «Песню без слов».

5 августа 1937 года «Красная Арктика» окончательно вмёрзла в лёд и осталась зимовать, а капитану всё это надоело и он переключился на поиски подземного хода, который верняк начинался под левым крылом колоннады графской усадьбы Пехра-Яковлевское. Так Майка сказал.

Валерий Митюшёв – это мой отец. В 1937 ему исполнилось 10 лет и он со всей ответственностью включился в онлайн-игру, запущенную в марте 1937 года газетой «Пионерская правда».

[Илл. 13-13-01-1. Валерий Митюшёв, Балашиха, 1935.]

Игра называлась «По Северному морскому пути». Каждый участник сначала должен был выслать в редакцию подробное описание своего ледокола и команды и получить по почте номерное Мореходное свидетельство. Свой ледокол Валерий назвал «Красная Арктика», свидетельство № 3642 за подписью Г. Ушакова, того самого.

[Илл. 13-13-02-1. Мореходное свидетельство ледокола «Красная Арктика», 1937.]

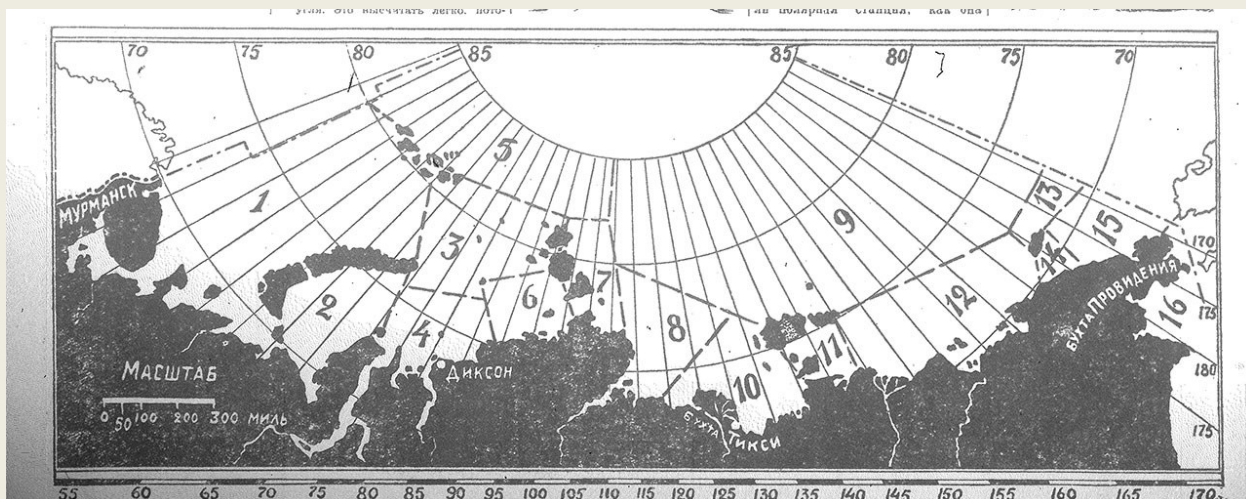
Его лучший друг Первомай Орлов, родившийся догадайтесь какого числа, назвал свой ледокол догадайтесь как.

Правила игры были продуманы детально. Весь регион возможных маршрутов плавания от Мурманска до бухты Провидения был разбит на 16 участков.

[Илл. 13-13-03-1. Газета «Пионерская правда» от 14 марта 1937, №36 (1854).]

[Илл. 13-13-04-1. Там же. Фрагмент. Карта маршрута плавания.]

Каждые 6 дней в газете публиковался прогноз ледовой обстановки (в баллах) на следующую шестидневку для каждого из этих участков. В правилах была определена разная скорость движения ледоколов во льдах разной плотности.

Кроме того, у каждого ледокола был ограничен запас хода без дозаправки. Загрузиться углём можно было либо на трёх промежуточных пунктах маршрута, либо вызвав «по радио» ледоколы-углевозы, что приводило, однако, к дополнительной потере времени, строго вычисляемой в каждом конкретном случае.

А дальше – был дан старт и капитаны начали прокладывать свои маршруты, кто как хочет. Искусство (и везение) состояло в том, что капитаны не могли прибегнуть к надёжному долгосрочному планированию, поскольку никто заранее не знал, какая где ледовая обстановка будет объявлена через 6 и более дней.

Свои маршруты надо было наносить на карту и своевременно отсылать их в редакцию также каждые 6 дней – но строго до того, как будет объявлен следующий прогноз. Следить за этим Штаб игры обещал неукоснительно по штемпелям на конвертах.

Вместе с картой маршрута, капитанам полагалось вести «Вахтенный журнал», куда надо было записывать день за днём все детали плавания. Так что всё было достаточно строго.

Однако, в каких-то вопросах капитанам были сделаны неожиданные послабления.

Вопрос: Можно ли вести вахтенный журнал на украинском или немецком языке?

Ответ: Можно на любом.

(«Капитаны спрашивают, Штаб отвечает», «Пионерская правда», № 49 от 10 апреля 1937)

Возглавлял игру специальный Штаб, куда вошли реально большие люди: начальник метеослужбы страны (Ушаков), заместитель начальника Главсевморпути

(Крастин) и два профессора – биолог Богоров и океанолог Зубов, видевший «М-остров» 6 сентября 1923 с борта «Персея», построенного Епимахом Могучим в пару к «Андромеде», участвовавшей в 1914 в поисках Пинегина и всей экспедиции Седова. Техническую работу в проведении Игры выполнял сотрудник редакции (Ханчин).

Относительно мотивации победителей в Правилах было написано размыто: «...особенно отличившиеся получают премию, какую – это пока секрет» («ПП» № 36 от 14 марта). У Игры же в целом мотивация была неплохая – уже через два месяца ей предстояло ехать в Париж на Всемирную выставку, где её стенд будет оценен, как мы уже видели, в 3120 рублей.

В игре была заложена одна существенная условность – абсолютно, впрочем, оправданная. Известно, что навигация в Баренцевом море реально может начаться не раньше середины июля – однако в это время все школьники уже давно находятся на каникулах, кто где. А любой медиа-менеджер вам скажет, что подобные игры имеет смысл проводить только в течение учебного года, пока все на местах.

А потому, реально старт плаванию был дан 24 марта («ПП», № 41), но при этом считалось, что он начался «20 июля» (я специально взял эту дату в кавычки), и именно этим числом предлагалось датировать первую запись в «вахтенном журнале».

Таким образом, Валерий Митюшёв «20 июля» 1937 (а на самом деле – 24 марта) на собственном ледоколе «Красная Арктика» вышел из Мурманска и взял курс на Новую Землю, к западному входу в пролив М-шар.

О дальнейшем мы можем судить по «вахтенному журналу». Вот его краткое описание.

Школьная тетрадь без обложки, сохранность средняя, края листов сильно обтрёпаны. Записи сделаны синими чернилами с отдельными вставками простым карандашом, тремя разными почерками. Всего имеется 15 записей, идущих подряд, без пропусков, и датированных с 20 июля по 4 августа 1937 года (даты условные). Реальное время занесения записей – с 24 марта по 8 апреля того же года.

Привожу текст «вахтенного журнала» с некоторыми сокращениями (я по большей части опустил текущие координаты, ежедневные метеонаблюдения, стандартные сообщения о здоровье команды, обязательную подпись капитана под каждым сообщением и т.п.). В квадратных скобках даётся предположительная расшифровка повреждённых мест. Грамматические ошибки по возможности сохранены.

Итак.

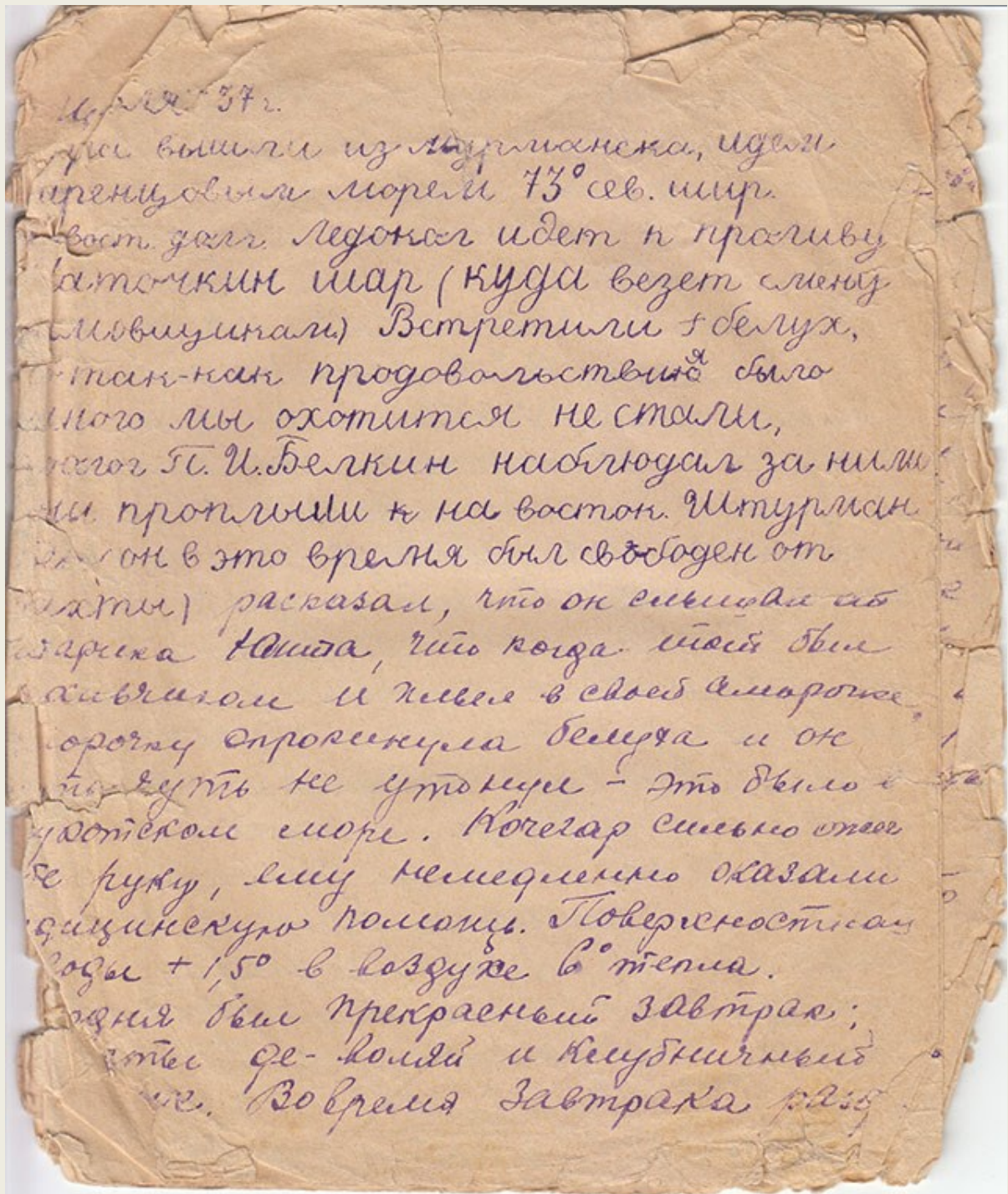
ВАХТЕННЫЙ ЖУРНАЛ

(Ледокол «Красная Арктика», 21 июля – 4 августа 1937, Мурманск – Новая Земля – мыс Челюскина, капитан Валерий Митюшёв).

[21 и]юля 1937. Вчера вышли из Мурманска. <...> Ледокол идет к проливу Маточкин шар. Встретили белух, и так как продовольствия было мно-

го, мы охотится не стали и биолог П. И. Белкин наблюдал за ними. Мы проплыли на восток. Штурман Бек (он в это время был свободен от вахты) <далее и до «28 июля» включительно запись идёт рукой мамы, Натальи Михайловны> рассказал, что он слышал от старика Ханта, что когда тот был мальчиком и плыл в своей оморочке, оморочку опрокинула белуха и он тогда чуть не утонул – это было в Чукотском море. Кочегар сильно ожег себе руку, ему немедленно оказали медицинскую помощь. <...> Сегодня был прекрасный завтрак: котлеты де-воляй и клубничный мусс. <...>. Капитан Митюшев

[Илл. 13-13-05-1. «Вахтенный журнал» Валерия Митюшёва, л. 1.]

Вост. долг. Ледокол идет к проливу
Маточкин Шар (куда везет льды)

[Илл. 13-13-05-2. Там же. Фрагмент. «Ледокол идёт к проливу Маточкин Шар».]

ся шурш, оказалось что это невед
от нас ружья Айсберг, дальше
его особенного не случилось.
Капитан Митюшин
22 июля 37г.
Входим в пролив Маточкин Шар.
73°16' Сев. шир. 56°18' восточн. долг. 120
время качки оборвалась цепь ма-
шинного телеграфа, механик не-
медленно ликвидировал аварию.
Встретился Айсберг, на нем
еще спал большой медведь. Мит-
чик Герасимов встретил в келье
из охотничьего ружья и ранил
его в лапу, в это время от сотря-
сения воздуха неведалье от нас
ружьи Айсберг и наши у него
борт, келье мы не вступили не-
тавшие и плавали большие не-
подходит к Айсбергам и
попавшим к берегу для погрузки
суда. Поверхностная t° во
+ 0,5° в воздухе +1° на суд
30 2-овы. Капитан Мит

[Илл. 13-13-06-1. Там же, л. 2.]

22 июля. Входим в пролив Маточкин Шар. 73° 16' с. ш. 56° 18' в. д. Во время качки оборвалась цепь машинного телеграфа. <...> Встретился айсберг, на нем спал белый медведь. Летчик Герасимов выстрелил в него из охотничьего ружья и ранил его в лапу, в это время от сотрясения воздуха недалеко от нас рухнул айсберг и помял у нас борт, чему мы не в шутку испугались. <...>

[23 и]юля. [...] сев. широты 56° 14'. Стоим на зимовке Маточкин Шар <...> Мы <...> вышли в море. Врач и мой помощник Грязнов, предложили организовать кружки: самодеятельности, санитарный и организовать шахматный турнир по радио с клубом юных исследователей Арктики в Киеве. Предложение было дружно подхвачено командой. <...> На судне все [...]ы.

24 июля. Идём Карским морем. <...>. Кружок самодеятельности готовится к постановке пьесы М. Горького «На дне». <...> На судне все здоровы.

25 июля. <...> Получили приветствие зимовщиков о. Белого <...>.

26 июля. <...> В турнире сделано шесть ходов. Ведется подготовка к антивоенному дню 1 августа. У нас с собой в грамзаписи доклад тов. Сталина на 8 Чрезвычайном Съезде Советов, сегодня слушали доклад под бурные аплодисменты команды. Был хороший обед: борщ, штудат с макаронами и компот. <...>

27 июля. <...>. Сегодня был хороший обед: суп пюре гороховый, гусь фаршированный и мороженое. Вечером был вечер самодеятельности, лучшими выступлениями были: песня Роберта Гранта в исполнении штурмана Бека и стихотворение Лермонтова «Три пальмы» в исполнении матроса Себрякова. <...>

28 июля. Сегодня пришли на о. Диксон, и начали погрузку угля. Около нас грузился ледокол «1 мая». <...>. К вечеру вышел очередной номер островной газеты «Подзатыльник» <...>. Мы обменяли наши 2 самолета типа №2 на один разведочный самолет типа М-11 и взяли также глиссер. <...> <далее и до конца Журнала, за исключением вставки за «2 августа», запись идёт рукой Валерия>

29 июля. <...> Мы спустили на лед охотников они убили пару медведей. <...>

30 июля. <...> Через день состоится международный Антивоенный день. К нему ведется усиленная подготовка. Сегодня был интересный случай: у нас один научный работник от непомерного чтения стал близоруким, но он был страстный охотник, и вот однажды он пропадал минут 20 и вдруг быстро прибежал крича: дайте мне 2 матросов. Я спросил его в чем дело. Он сказал: я убил медведя и мне нужны матросы чтобы дотащить его сюда. Я дал ему 2 матросов, каково же было их удивление когда он подвел их [к] льдине простреленной пулей. <...>

29 июня.

Идем Карским морем 75 в. шир
81°3' в. долг. Натрос с наблюдательного
поста заметил в белых медведей,
мы спустились на лед охотников они
убили пару медведей.
на судне все здоровы.
Капитан. Митюшев.

30 июня.

76 в. шир. 84°30' вост. долг.
Через день состоится международный
антивоенный день к нему ведется
усиленная подготовка. Сегодня
был интересный случай: у нас
один научный работник от неумеренного
упения стал близоруким но он был
страстный охотничик, и вот однажды
он пропал минут 20 и вдруг быстро
прибежал крича: дайте мне 2 мтр.
я скрою его в чем дело. Он сказал

[Илл. 13-13-07-1. Там же, л. 8.]

я убит медведя и мне нужны
матросы чтобы дотащить его
сюда я дал ему 2 матросов, каково
все было их удивление когда он пошел
на льдине прострепсенной пдлей.
на судне все здоровы.

Капитан Митюшев.

31 июля.

Проз подошли к о. Единения находящу-
мся на $77^{\circ}33'N$ и $82^{\circ}00'E$ вост. долг.

Получили радиогранию от зимовщи-
ков находящейся там станции
радиограния была следующего
содержания.

экипажу и научным работникам
ледокола „Красная Арктика“ т.к.

Приветствуем вас с наступающим
международным Антивоенным днем
1 августа т.к.

по поручению коллектива Зисе т.к.

[Илл. 13-13-08-1. Там же, л. 9.]

31 июля. Подошли к о. Уединения <...> Получили радиogramму от зимовщиков: «Экипажу и научным работникам ледокола «Красная Арктика» тчк Приветствуем вас с наступающим международным Антивоенным днем 1 августа тчк По поручению коллектива Зибе тчк». <...>

1 августа. <...> Сегодня наш ледокол превратился в линкор. Команда вооружена, на палубе расставлены макеты орудий. Одна часть свободных от вахты составляет главный штаб, другая часть наше корабельное «войско» иначе говоря мы проводили военную игру. На судне все здоровы.

2 августа. <...> Сегодня были объявлены результаты шахматного турнира. <далее вставка, сделанная другой рукой>

Васильев был примирован шахматами. У нас на карабле радист Фролов устроил новые забавы. Которые назывались «проверь свои знания». Каждый задавал соседу загадки, задачи и головоломки. После игры все ушли обедать. Толстый повар постарался и сготовил замечательный обед. После обеда освободившись от работ повар вышел из кухни на палубу, подышать свежим воздухом. Он стоял долго утираясь фартуком и смотрел в даль. Так прошло полтора часа как его снова кто-то позвал в жаркую кухню, повар ещё раз глянул на льды и с неохотой ушел.

<конец вставки. Далее запись продолжается рукой Валерия> Пом. Капитана Зерцалов

3 августа. <...> Вчера когда я сел писать вахтенный журнал со мной случился (незнаю от чего) припадок. По этому его писал мой помощник Зерцалов. <...> Капитан Митюшев

мы их также приветствовали
по радио. На ледоколе все здоровы.

Капитан Митюшев.

1 августа.

Идем Карским морем $74^{\circ}40'$ шир.

$86^{\circ}40'$ вост. долг. Сегодня наш ледокол
превратился в линкор. Команда
вооружена, на палубе выставлены
манеты орудий. Одна часть свобод-
ных от вахты составляет мавний-
штаб, другая часть наше корабельное
„войско“ иначе говоря мы проводим
военную игру.

На судне все здоровы.

Капитан Митюшев.

2 августа 1937.

Идем Карским морем $77^{\circ}35'$ шир.

91° вост. долг. ~~Сегодня Сан-Франциско~~

Сегодня были объявлены результаты
шахматного турнира Васильев был
грандирован шахматистом. У нас
на корабле радист Ярагов устро

[Илл. 13-13-09-1. Там же, л. 10.]

или новые забавы. Некоторые назывались, "проверь свои знания". Каждый задавал соседу задачки, задачи и головоломки. После чего все ушли обедать. Толстый повар постарался и приготовил замечательный обед. После обеда освободившись от работ повар вышел из кухни на палубу, подышать свежим воздухом. Он стоял долго утирался фрагментом и смотрел в даль. Там проходило полтора часа как его снова кто-то позвал в ~~жаркую~~ ^{жаркую} кухню, повар еще раз глянул на часы и с неохотой ушел. Пили Капитаны Зеруалов.

3/10

Идем Кирским морем $77^{\circ}15'$ шир. $92^{\circ}31'$ вост. долг. Вчера Угода сел писать ~~важ~~ ^{важные} важные журналы со мной случилось (незнаю от чего) припадок. По желанию его писал мой помощник Зеруалов. ~~тем~~ ^{тем} 7° льда.

[Илл. 13-13-10-1. Там же, л. 11.]

4 августа 1937. Достигли мыса Челюскина <...> Мы решили остановиться на 3 часа чтобы устроить концерт для ненцев. На снимке матрос Гервигов играет на скрипке «Песня без слов» Чайковского (фото Бек). [вклеена фотография]

[Конец «Вахтенного журнала»]

[Илл. 13-13-11-1. Там же, л. 12.]

Что тут можно сказать. Рацион питания судовой команды хорошо коррелирует с меню профессорской столовой Всесоюзного зоотехнического института (шеф-повар Пробачай), размещавшегося в усадьбе Пехра-Яковлевское на Балашихе. «Три пальмы» из стихотворения Лермонтова перекликаются с «тройной пальмой», изображённой на «Зырянской троице». Случай беспричинного обморока Валерия – исторически подтверждённый.

А теперь по- существу. Мы только что имели дело с зафиксированным «провалом во Времени». Десятилетний Валерий Митюшёв 24 марта 1937 года мгновенно перенёсся в Будущее – и очутился сразу в 20 июля. Таким образом во Времени образовалась зияющая дыра размером в сто восемнадцать дней.

И в этой дыре пропали тогда очень многие. Но кто вспоминается мне первым – это ошеломительная Амелия Эрхарт. Её невероятный кругосветный перелёт на двухмоторном L-10 Electra – он целиком начался, продолжился, и так никогда и не закончился как раз в том четырёхмесячном временнОм провале. Она не нашла свой Остров в океане и продолжила поиск его в других измерениях.

Более прозаично обстояло дело с уже знакомым нам членом Штаба игры, заместителем начальника Главсевморпути Эдуардом Фрицевичем Крастиным. В октябре 1937 он исчез в другой дыре, а 19 февраля 1938 обнаружился расстрелянным на самой передовой советской фабрике смерти, подмосковной «Коммунарке». Все ледоколы его игры навечно вмёрзли в лёд.

Как говорится,

То, что оказалось несбыточной мечтой для Англии XVI века и всех последующих периодов в изучении Арктики, стало реальной возможностью в итоге планомерной борьбы за освоение Арктики, проводимой нашими героическими моряками-полярниками и летчиками под победоносным руководством партии и великого вождя народов СССР товарища Сталина, поднявших нашу чудесную страну до небывалого уровня развития техники и культурного роста.

(Г. Новицкий, «Введение» к сборнику переводов «Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке», с. 19, Ленинград, тип. «Печатный двор»)

«Г. Новицкий» – по всем признакам это 40-летний Георгий Новицкий, будущий профессор, завкафедрой на истфаке МГУ.

Подписано в печать 15 августа 1937 года.

Но у десятилетнего Валерия Митюшёва точка обзора была чуть ниже, а горизонт событий чуть короче. 26 марта 1937 он перенёсся в ближайшее будущее, в 22 июля, и оказался к тому же в другой точке пространства. А именно – в том самом месте, где некогда Русанов, во время первого своего путешествия на Новую Землю (1907), получил первое сильное новоземельское впечатление, увидев с вершины «горы Александра» чёткие контуры Митюшёва Камня.

А когда у Валерия, четыре месяца спустя, его «сюжетное время» («22 июля») наступило в реальности (22 июля, уже без кавычек), он и сам совершил своё пер-

вое летнее путешествие (с мамой) – и именно на Север, и именно в тот самый «Усть-Сысольский уезд», который некогда (1902) стал для Русанова первым опытом «северного путешествия» вообще.

И последнее о «вахтенном журнале». О той загадочной вставке от «2 августа», сделанной неизвестной рукой и подписанной неким «Помощником капитана Зерцаловым».

Фамилия эта, естественно, вымышленная – но кто за ней стоял? Идентификация почерка подтвердила и без того напрашивающуюся версию. «Помощником капитана Зерцаловым» оказался лучший друг Валерия и примерно его ровесник – Первомай Орлов, который через 46 лет станет контр-адмиралом флота. Так что ещё раз взглянем на запись «Зерцалова» и попытаемся увидеть в зачарованной сцене отблеск далёкого будущего:

...Он стоял долго утираясь фартуком и смотрел в даль. Так прошло полтора часа как его снова кто-то позвал в жаркую кухню, повар ещё раз глянул на льды и с неохотой ушел.

Так и я: оставляю этот «вахтенный журнал» с неохотой.

14. Активация

Кирпич мироздания (1953) – Вспышка (1961) – Высвобождение (1990) – Активация кластера (2010-е) – Будущее

1953: Кирпич мироздания

(Незаметное приближение – Как кусок Солнца таракана придавил – Внук «Cholly» – След Камня – Обратная сторона Луны – Пространство Времени – Весь мир)

Незаметное приближение

Прежде чем начать данную главу, хочу поделиться совершенно необычным ощущением, которое я испытываю, приступая к её написанию. До сих пор, воссоздавая историю по документам, я чувствовал себя плывущим по поверхности бездонного океана Времени и извлекающим крупички знаний из чёрной бездны с помощью зондов и локаторов, косвенных методов и ухищрений, ловящим отражения отражений – вот что до сих пор представляла из себя моя работа.

И вот теперь я впервые почувствовал под собой дно. Не то, что я могу уже легко его достать, но – теоретически – как-то дотянуться до него кончиками пальцев становится почти, почти возможно. Я имею ввиду, что в слое времени, к разработке которого я приступаю, уже могут обнаруживаться живые свидетели и участники. Сейчас я вступаю в ту часть «истории», которую почти можно уже потрогать рукой. И это чувство – очень непривычное и странное.

Где-то внизу начинает чувствоваться дно. Похоже, скоро будет Земля.

А теперь можно и начать.

Как кусок Солнца таракана придавил

Один из величайших поэтов XX века, Осип Мандельштам внёс в мировую копилку вечных образов незабываемый образ «кремлёвского таракана». Так что не будем ничего изобретать, а воспользуемся готовой формулой классика.

Третьего февраля 1953 года от Солнца оторвался большой кусок. А месяц спустя, в ночь на 5 марта, он достиг поверхности Земли и всмятку раздавил большого «кремлёвского таракана». Только сок брызнул из-под хрустнувшего хитинового козырька.

«Тараканы» помельче взапуски кинулись слизывать питательную протоплазму мокрого пятна. Но не всем удалось добежать до финиша.

Следующую историю я знаю со слов отца, а тот – со слов своего хорошего знакомого и непосредственного участника описываемых событий.

В 1953 году тот был молодым лейтенантом и служил в Таманской танковой дивизии, расположенной под Москвой, в районе станции Алабино. В один прекрасный июньский день, точнее в ночь, дивизию подняли по тревоге. Тревога объявлялась учебной, однако все обратили внимание, что почему-то выдали полный боекомплект, чего раньше никогда не бывало.

На рассвете танки двинулись в сторону солнца. Колонна шла походным маршем по асфальту некоего широкого шоссе. Впереди на большой скорости нёсся разведбатальон, прижимая к обочине как встречный, так и попутный транспорт.

Так по Можайскому шоссе дивизия подошла к Москве.

Здесь их уже ждали. Вооружённый до зубов чекистский кордон преградил им дорогу. По обеим сторонам дороги виднелись пулемётные гнёзда.

Колонна остановилась. К вылезшему из головной машины командиру подскочил разъярённый полковник. И размахивая большим чёрным пистолетом, завопил: «Всем стоять! Ни с места! Да ты хоть знаешь, во что ты влез, майор? Да ты у меня уже завтра будешь... на крюке... и дети твои!»

В ответ на что услышал ровные и по-военному сдержанные слова майора. Обращавшегося даже не к нему, а к кому-то невидимому, по громкой связи: «Та-анки-и... к бою!»

И башенные орудия дивизии, дрогнув, начали медленно поворачиваться.

Дорого бы я дал, чтобы когда-нибудь собственными глазами увидеть подобную сцену.

Вся нечисть просто растаяла в воздухе, испарилась, не оставив даже зловонного облачка.

Впрочем, в рассказе очевидца этого не было. А был улепётывающий вдаль полковник (запомнилась его багровая толстая шея), одной рукой срывающий с себя погоны, а другой – пытающийся придержать всё время спадающую фуражку.

Танковая дивизия вошла в Москву. Рассказчик на тот момент город знал плохо, и впоследствии не мог идентифицировать место, куда был выставлен их бронетранспортёр. Это была некая «улочка где-то в центре», напротив некоего «большого жилого дома». Офицер связи указал некое окно и передал приказ: при попытке открыть его снаружи или изнутри – без предупреждения открывать огонь на поражение всеми имеющимися средствами. Из «средств» у них имелся, в частности, тяжёлый зенитный пулемёт Владимирова.

День прошёл без происшествий, означенное окно не открывалось. После чего они вернулись в казармы. Через некоторое время рассказчик узнал, что именно в тот день был арестован Лаврентий Берия.

Который всего за час до того подписал сверх-секретное постановление («Особая папка»), 15-й пункт которого обязывал Совет Министров Казахской ССР, под персональную ответственность товарища Тайбекова, внепланово выделить из резервных фондов 150 овец (Архив Росатома, ф. 24, оп. 18, д. 23, л. 71).

Таким образом, один из «кремлёвских» не дотянул всего 160 дней, а другой всего 47 дней до момента, который мог бы радикально изменить их личное будущее, а попутно – и наше с вами, нас всех. И в данном конкретном случае «всех» означает именно всех. Без исключений.

И вот я думаю. Почему этот былинный майор не произнёс свои волшебные слова на тридцать лет раньше? Не было бы никакого «пакта», никакой Мировой войны, никакого Освенцима и Омсукчана. Десятки миллионов лучших моих соотечественников не были бы расчётливо умерщвлены. Потому что худшие всегда находят способ открыться или подстроиться.

Всего два волшебных слова, сплочённых в нерушимый союз одним великим и навеки свободным предлогом.

Внук «Cholly»

Но я не сказал ещё, что это был за «кусочек Солнца», спасший тогда человечество.

3 февраля 1953 года в Киеве был подписан в печать второй номер детского журнала «Барвинок». Его экземпляр – обязательный к изучению, так что посмотрим обложку и выходные данные.

[Илл. 14-01-01-1. Журнал «Барвинок», февраль 1953, обложка. «Обязательный экземпляр».]

[Илл. 14-01-02-1. Там же. Выходные данные.]

В этом номере была впервые опубликована на русском и украинском языках (два параллельных издания) первая глава того, что сейчас мы знаем, как «Приключения Незнайки и его друзей». А пока это ещё были «Приключения Незнайки и его товарищей». Автор – Николай Носов, свежееиспечённый лауреат «сталинской премии третьей степени».

Публикация в журнале «Барвинок» имеет много отличий от окончательного варианта книги, в том числе и существенных. Скоро мы их разберём. Но главный вектор сочинения был задан автором сразу и бесповоротно. Это мы тоже обсудим, а пока – об оторвавшемся «куске Солнца» («un morceau récemment tombé du soleil» по Бардаму). Тут всё важно.

В особенности Незнайка прославился на весь город после одной истории. Однажды он гулял по городу и забрёл в поле. Вокруг не было ни души. В это время летел майский жук. Он сослепу налетел на Незнайку сзади и ударил его по затылку. Жук упал в траву, а Незнайка стал оглядываться по сторонам. Но вокруг никого не было.

«Кто же это меня ударил? – думал Незнайка. – Может быть, сверху упало что-нибудь?»

Он задрал голову и поглядел вверх, но вверху тоже ничего не было. Только солнце на небе ярко сияло над головой у Незнайки.

– Значит, это на меня с солнца что-то свалилось, – решил Незнайка. – Наверно, от солнца оторвался кусок («Мабуть, од сонця відірвався шматок») и ударил меня по голове. Он пошёл домой и по дороге встретил знакомого коротышку, которого звали Тубус-Трубус Стекляшкин. Этот Тубус-Трубус Стекляшкин был знаменитый астроном. <...> Он сделал трубу, в которую можно было смотреть на луну и на звёзды. <...>

– Что ты, Незнайка! – засмеялся Стекляшкин. – Если бы от солнца оторвался кусок, он раздавил бы тебя в лепёшку. Солнце ведь очень большое. <...>

– А я и не знал, что солнце такое большое, – сказал Незнайка. – Пойду-ка расскажу нашим. <...>

Он пошёл, и всем, кто по дороге встречался, говорил:

– Братцы, вы знаете, какое солнце? Оно громадное, больше всей нашей земли! <...> И вот, братцы, от солнца оторвался кусок и летит прямо к нам. <...> Вот пойдите и спросите у Тубуса-Трубуса. <...>

Все выбежали во двор и стали смотреть на солнце. <...> И всем стало казаться, что солнце на самом деле щербатое.

(Николай Носов, «Приключения Незнайки и его товарищей». «Барвинок», февраль 1953, №2, с. 20-21)

Незнайка в своём сообщении тонко пользуется классической техникой «информационной подмены». В начале своего заявления он делает некое банальное утверждение, формально являющееся правдой («Солнце – большое»). К этому он приклеивает уже свою личную выдумку («От Солнца оторвался кусок и летит к Земле»). А завершает всё это ссылкой на авторитетный источник («известного астронома Стекляшкина»). «Забыв» только при этом уточнить, что мнение «авторитетного источника» распространяется не на оба сделанных утверждения, а только на первое из них, банальное («Солнце – большое»). Некритичный ум коротышек не замечает подмены, и они в очередной раз покупаются. От себя добавлю – и не в последний.

Но при этом в самом главном Незнайка оказался прав. Эта книга стала реально «куском Солнца», расплющившим в лепёшку ночные призраки старого мира.

В Цветочном городе живут маленькие человечки, «коротышки». У них нет иерархии, нет администрации, нет официального вождя. Они не приписаны ни к какой организации. Каждый сам решает, что ему делать. Не все коротышки идеальны, но правит в этом мире по большей части разум и образование. Больше авторитета здесь у того, кто прочёл больше книг. В абзаце, который знакомит нас со Знайкой, слово «книга» в журнальной версии встречается три раза, а в окончательной редакции это число доведено автором до пяти.

Этого – уже достаточно. Данная книга уже не совместима с «лучшим другом всех детей мира», несовместима физически. Что-то одно должно было исчезнуть. И мы теперь знаем – что.

Нельзя сказать, чтобы заинтересованная сторона не почувствовала опасности, исходящей от Незнайки.

Главный интересант (он же, по совместительству, Председатель Совета Министров), хватаясь за соломинку и представляя при этом свои взаимоотношения с Солнцем где-то по кинофильму «Весна», на публикацию «Незнайки» ответил экс-

тренным сверх-секретным постановлением (гриф: «Совершенно секретно. Особая папка. Хранить наравне с шифром»), предписывающим бросить все ресурсы одной шестой части суши на производство шестиста граммов некой субстанции, чьё название ничего не скажет нормальному человеку (побасенки? – Постановление Совета Министров СССР № 398-193сс/оп, п. 1.1.2, от 11 февраля 1953. АПРФ, ф. 93).

Что касается собственно повести «Незнайка», то её публикация была мгновенно прекращена. В следующем, третьем номере «Барвинка» Незнайки уже нет. Не появился он и в четвёртом, апрельском номере.

Но разве соломинкой укроешься от обломка Солнца? В мае на Крещатике разом зацвели каштаны – и Незнайка вырвался из-под глыб на свежий воздух молодой киевской весны. Уже навсегда.

[Илл. 14-01-03-1. «Барвинок», май 1953, №5. Обложка, фрагмент.]

Надо сказать, что внешность Незнайки к тому моменту ещё не сложилась окончательно. В иллюстрациях Григорьева и Поляковой и сами человечки, и весь их цветочный мир выглядят на современный взгляд немного непривычно. Вот они, «коротышки» образца 1953 года:

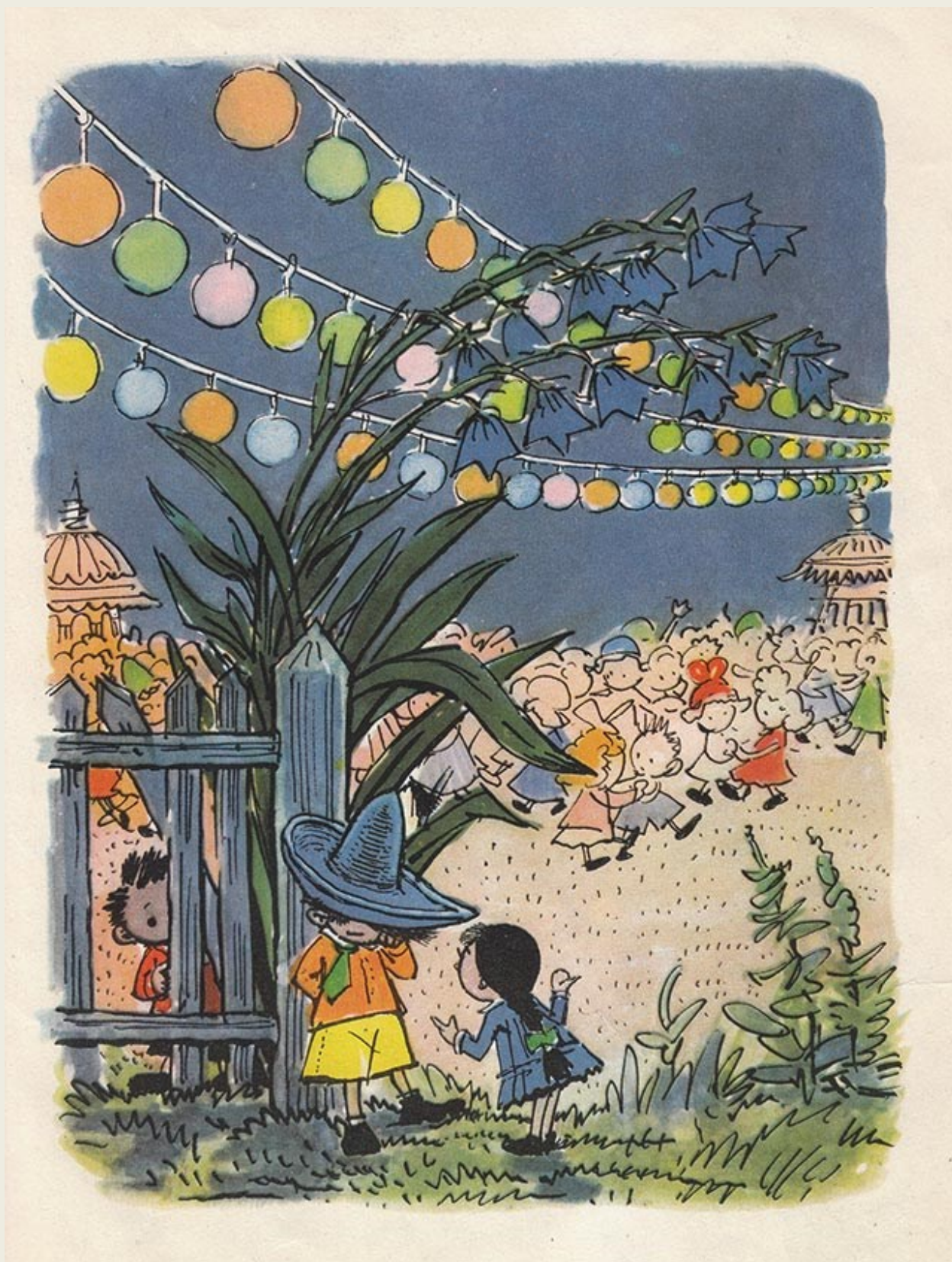

[Илл. 14-01-04-1. «Барвинок», июнь 1953, №6, с. 21. Коротышки в версии художников Григорьева и Поляковой.]

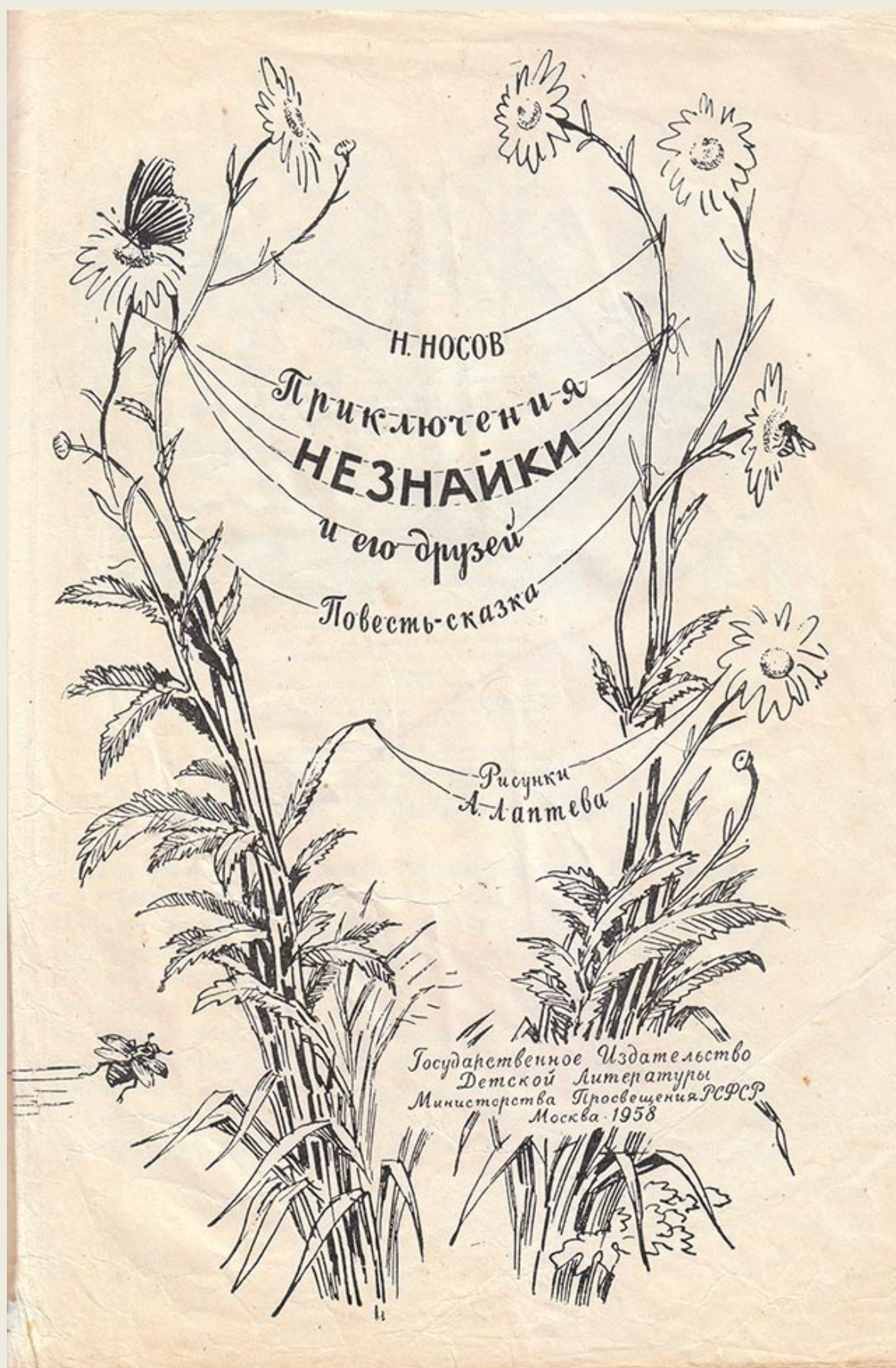
Но уже начиная с первого книжного издания (1954, Детгиз) Незнайка обрёл свои окончательные черты – стараниями художника Алексея Лаптева. Лично для меня волшебство его искусства заключается даже не столько в образах самих человечков, сколько в непередаваемом спокойствии, уютиности и надёжности окружающего их мира, спрятанного в роскошных травах, цветах, с порхающими бабочками, шмелями и прочими трепетными существами, с глазками и усиками.

[Илл. 14-01-05-1. «Приключения Незнайки и его друзей», 5-е издание, 1958. Незнайка в версии художника Лаптева.]

[Илл. 14-01-06-1. Там же. Титульный лист.]

[Илл. 14-01-07-1. Там же. Фрагмент оформления.]

Ну, и ещё немного текста. Этот отрывок все, конечно, знают наизусть и так. Но просто для удовольствия. Каждое слово здесь золотое. Заодно, найдите двадцать девять отличий:

Однажды Незнайка пришёл к Цветику и сказал:

– Здравствуй, Цветик! Научи меня сочинять стихи. Я тоже хочу быть поэтом.

– А у тебя способности есть? – спросил Цветик.

– Конечно, есть. Я очень способный.

– Это надо проверить, – сказал Цветик. – Ты знаешь, что такое рифма?

– Рифма? Нет, не знаю.

– Рифма – это когда два слова оканчиваются одинаково. Например: утка – шутка, коржик – моржик. Понял?

– Понял.

– Ну, скажи рифму на слово палка.

– Селёдка, – ответил Незнайка.

– Ну, какая же это рифма: палка – селёдка! Никакой рифмы нет в этих словах.

– Почему нет? – ответил Незнайка. – Они ведь оканчиваются одинаково.

– Этого мало, – сказал Цветик. – Надо, чтобы слова были похожи, так чтоб получалось складно. Вот послушай: палка – галка, печка – свечка, книжка – шишка...

– Понял, понял! – закричал Незнайка. – Палка – галка, печка – свечка, книжка – шишка! Вот здорово! Ха-ха-ха!

– Ну, придумай рифму на слово пакля, – сказал Цветик.

– Шмакля, – ответил Незнайка.

– Это что ещё за шмакля? – удивился Цветик. – Разве есть такое слово?

– А разве нету?

– Конечно, нет.

– Ну, тогда рвакля.

– Что это за рвакля такая? – снова удивился Цветик.

– Ну, это когда рвут что-нибудь, то получается рвакля, – объяснил Незнайка.

– Врёшь ты, – ответил Цветик. – Такого слова не бывает. Надо подбирать такие слова, которые бывают, а не выдумывать.

– А если я не могу подобрать другого слова?

– Значит, у тебя нет способностей к поэзии.

– Ну, придумай сам, какая тут рифма, – сказал Незнайка.

– Сейчас придумаю, – сказал Цветик.

Он остановился посреди комнаты, сложил на груди руки, голову наклонил набок и стал думать. Потом поднял голову кверху и стал думать, глядя на потолок. Потом опустил голову вниз, ухватился обеими руками за собственный подбородок и стал думать, глядя в пол. После того как он всё это проделал, он стал бродить по комнате и потихоньку про себя бормотал:

– Пакля, бакля, вакля, дакля, макля, мракля...

Потом сказал: «Гм! Гм!» Сел за стол, обхватил голову обеими руками и продолжал бормотать:

– Пакля, шмакля, жмакля, жвакля, рвакля, вракля... Тьфу! Что это за слово? Это какое-то слово, на которое нет рифмы!

– Ну, вот! – сказал Незнайка. – Сам задаёт такие слова, на которые нет рифмы, и ещё говорит, что я неспособный.

– Ну, способный, способный, только отстань от меня, – ответил Цветик.
 – У меня уже голова разболелась. Говори так, чтоб было в рифму, вот тебе и стихи.

– Неужели это так просто? – удивился Незнайка.

– Конечно, просто. Старайся, чтоб в стихах был смысл и рифма. Вот и всё дело. Главное – это способности иметь.

(Николай Носов, «Приключения Незнайки и его товарищей». «Барвинок», июнь 1953, №6, с. 20-21)

След Камня

А причём здесь был «внук Cholly», спросите вы? Как это «причём»? Незнайка – это он и есть.

В 1884 году канадский художник Палмер Кокс придал одному из своих человечков характерный образ – «господин во фраке, цилиндре, с моноклем и тросточкой».

Этот персонаж у Кокса до конца оставался безымянным, но впоследствии его стали называть «Cholly Boutonniere». Вот как выглядело первое его появление на публике (февраль 1884, «St. Nicholas Magazin»):

[Илл. 14-01-08-1. Первое появление персонажа «Cholly» (в цилиндре и с тросточкой). Палмер Кокс, журнал «St. Nicholas Magazin», февраль 1884, №4, с. 308, «The Brownies on Skates».]

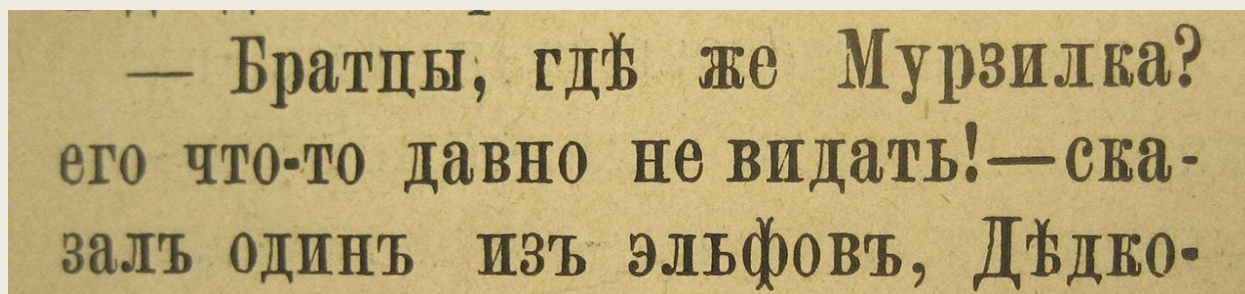
Пять лет спустя Анна Хвольсон использовала визуальный образ этого персонажа в серии своих историй «Царство Малюток». Она снабдила «Cholly» ярким характером и дала ему оригинальное запоминающееся имя – «Мурзилка».

«Мурзилка» у Хвольсон обладал точь-в-точь всеми теми чертами, что и будущий «Незнайка» Носова. Если в пяти словах, это «сплав самоуверенности, живости характера и невежества».

Персонаж по имени «Мурзилка» появился у Хвольсон сразу, в первой же публикации. Вот она, точка рождения этого имени («Задушевное слово», 31 декабря 1888, с. 134):

– Братцы, где же Мурзилка? его что-то давно не видать! – сказал один из эльфов.

(Анна Хвольсон, «Царство Малюток», «Задушевное слово», 31 декабря 1888, т. 18, № 9, с. 134)

[Илл. 14-01-09-1. Анна Хвольсон, «Царство Малюток», первое появление имени «Мурзилка». «Задушевное слово», 31 декабря 1888, т. 18, № 9, с. 134.]

Но вклад Анны Хвольсон в «Незнайку» Носова отнюдь не ограничился характером главного героя. Само имя «Незнайка» придумала тоже она, только снабдила им другой свой персонаж, не столь яркий. Более того, в паре с «Незнайкой» у Хвольсон фигурирует и его антипод – «Знайка».

Знайка и Незнайка появляются в «Царстве Малюток» только в восьмом эпизоде, 18 февраля 1889 года, сначала в виде подписи к картинке («Задушевное слово», т. 18, № 16, с. 213). И именно в той последовательности, в какой их в будущем выведет на сцену и Носов. Первым идёт всегда Знайка:

Знайка с Незнайкой варили клейстер...

(Там же, № 16, с. 213)

[Илл. 14-01-10-1. Анна Хвольсон, «Царство Малюток», первое появление имён «Знайка» и «Незнайка». Там же, 18 февраля 1889, № 16, с. 213.]

Так вот, если «Мурзилка» Анны Хвольсон является «сыном» того самого «Cholly» Палмера Кокса, то «Незнайка» Николая Носова является его «внуком». Простой генеалогический саженец.

Итак, первый очевидный вклад Анны Хвольсон в будущую книгу Николая Носова о Незнайке – это типаж главного героя, а также – его имя.

Второй, не менее очевидный вклад Хвольсон в «Незнайку» – это сама концепция книги: «описание мира маленьких волшебных человечков».

На момент создания Носовым «Незнайки», в полном соответствии с авторитетным мнением доктора юридических наук, академика и тогдашнего министра иностранных дел, признание считалось царицей доказательств. И хотя официальная точка зрения по этому вопросу потом на некоторое время формально менялась, прямое признание Носова по поводу источника его вдохновения всё-таки приобщим.

А именно: Николай Носов прямо и однозначно сообщает, что своих коротышек он писал по мотивам историй Анны Хвольсон. Чего тут ещё?

Впрочем, самого документа (оригинала соответствующего письма Носова к своему исследователю, Юрию Пухову) я сам пока не видел. Так что даю эту информацию условно, к сведению.

Но всё это звучит вполне правдоподобно. Помните, мы говорили о двух поколениях, выросших на книгах Хвольсон? Последнее из них условно можно определить интервалом годов рождений между 1905 и 1910 (то есть такими, чтобы к выходу последнего издания «Царства Малюток» в 1914 году ребёнок был в соответствующей возрастной группе, от 4 до 9). Так вот: Николай Носов, год рождения 1908. Так что ничего удивительного.

Двинемся дальше. Кроме главного героя и общей концепции, в книге Носова есть множество других следов «Царства Малюток». Вот лишь некоторые.

Полёт на воздушном шаре (у Хвольсон он присутствует в журнальной публикации, №№ 46 и 47 от 1889, в книге опущен). Запуск воздушных змеев (№№ 16 и 17 у Хвольсон; у Носова из этого родился целый город – Змеёвка). Сама концепция «путешествующих человечков»; у Хвольсон – вокруг Евразии, у Носова – в «Зелёный город», где живут одни «малышки» («остров Женщин»?). Кроме Незнайки и Знайки, Носов явно позаимствовал также и образ «доктора Пилюлькина» (у Хвольсон – «доктор Мазь-Перемазь»).

Но если уж вы действительно хотите знать, что думает писатель на самом деле – смотрите не то что он пишет, а то что вычёркивает. И в нашем случае исправления ясно говорят о том, что автор полностью отдавал себе отчёт об источнике своего вдохновения, и пытался где можно этот факт немного заретушировать.

Сравним первую журнальную (1953-54) и первую книжную (1954) публикации «Незнайки». Человечки в журнале являются «взрослыми» (как у Хвольсон), в книге же они становятся явно «детьми». Персонаж «Бородатик» в журнале (ср. «Дедко-Бородач» у Хвольсон), в книге становится уже «Растеряйкой». А описание в журнале «коротышек», как «мальчиков-с-пальчик» («Барвинок» №2, 1953, с. 19 – сравни с «Мальчиками-с-пальчик и девочками-с-ноготочек» у Хвольсон), в книге попросту исчезает.

А теперь важное замечание. Всё вышесказанное вовсе не означает, что «Незнайка» Носова – произведение эпигонское. Ни в коей мере.

Отличий масса, и все они существенные. «Коротышки» (в отличие от «эльфов») живут в отдельном мире, вне мира людей. У них есть собственная городская цивилизация. Они имеют профессии. В действие вовлечены персонажи обоих полов. В мире «коротышек» отсутствует явное волшебство (типа «папоротников-невидимок» или «сапожек-мокроходов» у эльфов), и так далее.

А, главное, книга о Незнайке имеет совершенно иную атмосферу. А она-то в конечном счёте и определяет суть того или иного явления культуры.

Короче, «Приключения Незнайки и его друзей» – книга замечательная, оригинальная, самостоятельная и без всяких скидок – авторская. Просто она «вытекает» из другой, предшествующей книги – как Иртыш вытекает из озера Байкал. Или как сам Байкал вытекает из Кока-Колы, со всеми вытекающими.

И тем не менее, понимание происхождения того или иного явления углубляет его восприятие. Так что сведём все ветвящиеся линии этого раздела в одну простую и наглядную схему.

Я уже однажды зарекался отслеживать бесчисленные следствия книги Анны Хвольсон «Царство Малюток» – по причине их неисчислимости. Так что это – в самый последний раз. Носов создал «Незнайку», а произошло это вот как:

1. Новоземельская гора М-Камень инициировала путешествие Норденшёльда вокруг Евразии (1879) и зимовку Носилова на Новой Земле (1887). 2. Благодаря этому путешествию и этой зимовке книга Анны Хвольсон «Царство Малюток» обрела свой настоящий вид и стала культовым явлением культуры (1889). 3. Шестьдесят лет спустя эта книга инициировала написание Носовым его «Незнайки» (1953). 4. А «Незнайка» оторвал от Солнца кусок и направил его в нужное место в нужное время. На несколько месяцев опередив то единственное бессмертие, которое мы можем [с тобой] разделить.

И последний росток, просто удивительный по своей жизненной силе. Протянувшийся от Норденшёльда прямо к Носову, минуя Хвольсон.

Тот доклад Норденшёльда от 15 января 1874 года, которым мы закончили посвящённую ему главу – «О космической материи, падающей на Землю».

В первых числах декабря 1871 года в окрестностях Стокгольма было такое обильное выпадение снега, какого не запомнят. <...>

Я <...> собрал довольно значительное количество снега. <...> При растаивании снега получился небольшой осадок чёрного <...> порошка.

(Норденшёльд, «Горный журнал», 1875, т. 2, апрель, с. 112-119).

О КОСМИЧЕСКОЙ МАТЕРИИ, ПАДАЮЩЕЙ НА ЗЕМЛЮ СО СНѢГОМЪ, ДОЖДЕМЪ И ГРАДОМЪ.

А. Е. Норденшильда ¹⁾.

(Сообщено въ Королевскую Академію наукъ въ Стокгольмъ 15 января
1874 года).

[Илл. 14-01-11-1. «Горный журнал», апрель 1875, т. 2, с. 112. Название доклада Норденшёльда.]

И доклад этот предвосхитил не только «кусок Солнца» Незнайки, но, возможно, и оторвавшуюся от Солнца сияющую «пылинку» Алексея Ганского, и всё за этим последовавшее:

15 января 1953

Сов. секретно

В КБ-11 <...> было собрано и расплавлено небольшое количество снега, выпавшего в конце ноября 1952 г. <...> При этом <...> были осажжены возможные примеси <...> осколочных бария и стронция. <...>

При благоприятном исходе работы предполагалось <...> попытаться расшифровать принцип действия <...> изделия.

(Письмо К. И. Щёлкина – А. П. Завенягину. Архив Росатома, ф. 24, оп. 18, д. 20, л. 1)

Обратная сторона Луны

Осенью 1957 года первый искусственный спутник Земли послал с околоземной орбиты свой первый сигнал: «бип-бип-бип». Так началась «космическая эра».

Спутник летал несколько месяцев, делая по пятнадцать полных оборотов в сутки. И на протяжении всех этих месяцев население Земного шара в полном составе выходило в вечерних сумерках на улицу и задирало головы к небу, зачарованно следя за быстро движущейся яркой точкой.

То, что это был не сам спутник (вообще-то невидимый невооружённым глазом), а одна из ступеней его носителя, тоже крутившаяся где-то там по орбите, сути дела не меняло. Человечество было впечатлено.

Спутник был запущен 4 октября. А в предшествовавшее этому ближайшее полнолуние, тёплым вечером 9 сентября 1957, в некоем подмосковном городке, один маленький мальчик, которому как раз исполнилось 155 дней, глядя из коляски на сияющее ночное светило, отчётливо произнёс своё первое в жизни слово: «луна».

Кроме родителей, данному событию есть независимый свидетель, капитан Зыбин, Владимир Дмитриевич, как раз возвращавшийся домой после сдачи суточного дежурства по части. Кто заступил тогда на смену Зыбину мне из коляски видно не было.

А ещё триста дней спустя, в июле 1958 года, я впервые взял в руки книжку про Незнайку.

Это было уже 5-е издание «Приключений Незнайки и его друзей», подписанное в печать 6 июня 1958. Так что в первое «поколение Незнайки» (то есть людей 1946-1950 г.р.) я не попал.

[Илл. 14-01-12-1. «Приключения Незнайки и его друзей», 5-е издание, 1958. Обложка.]

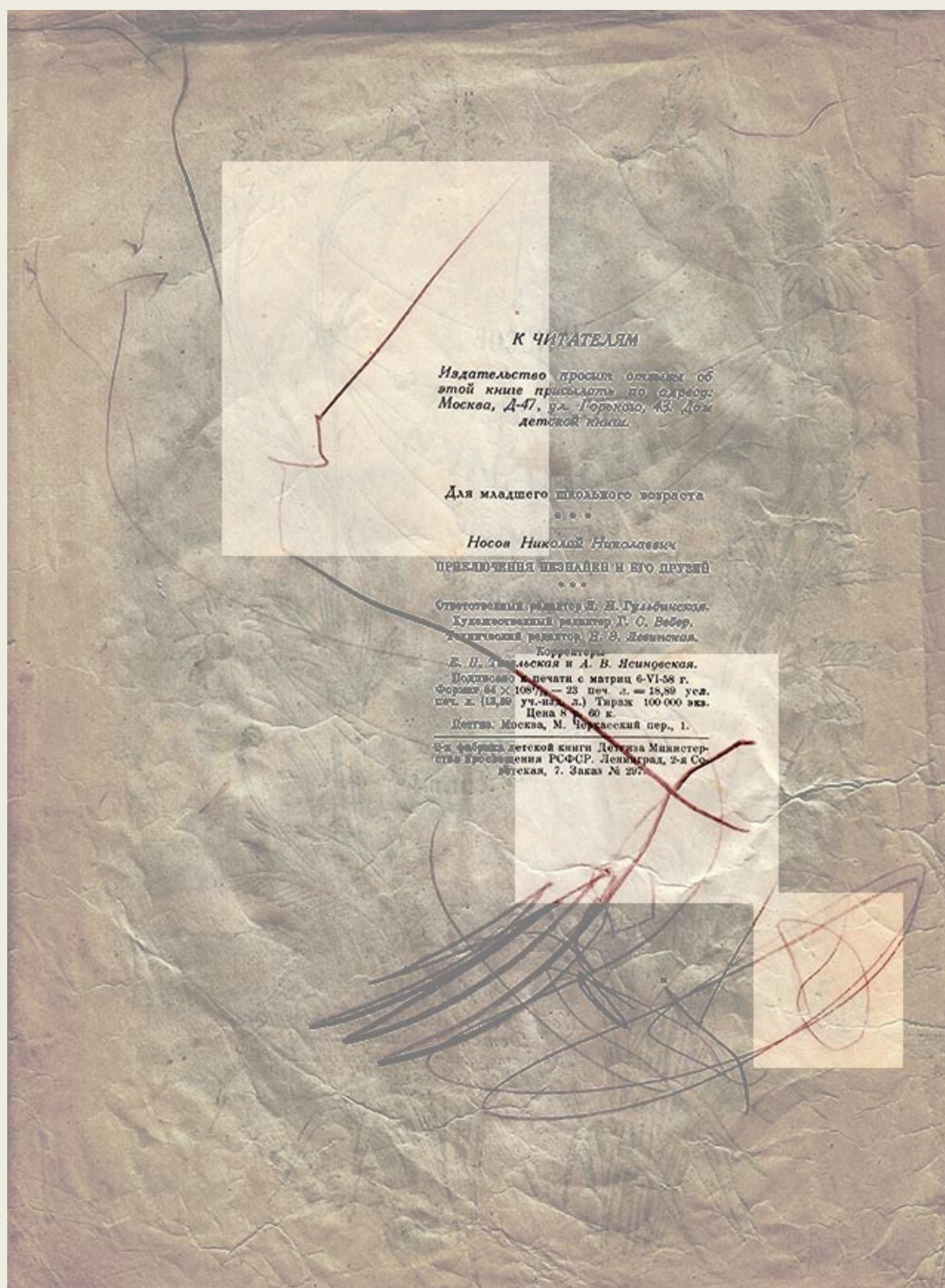
Наиболее простые из локтевых движений руки, которые оставляют следы, отличающиеся от случайных царапин – именно они отвечают за конкретный вид ранних букв человеческих алфавитов. Так, «черта с изломом» дала букву «лямбда»

(«Л»), два излома подряд дали «М», круговое движение дало «О», а движение «крест-накрест» – «Х», как её ни читай.

Так вот, 5-е издание «Незнайки» оказало столь сильное эмоциональное воздействие на 15-месячного ребёнка, что породило, а затем и сохранило три мои первые буквы.

По понятным причинам эти буквы были из числа означенных простейших, конкретно – «М», «О» и «Х».

[Илл. 14-01-13-1. Там же. Первые мои буквы.]

Первые две из этих букв – «М» и «О» – через много лет проросли настоящей книгой, дав ей тему («Остров») и название. Третья же моя первая буква («Х») не проявилась пока никак. Или я просто чего-то не знаю.

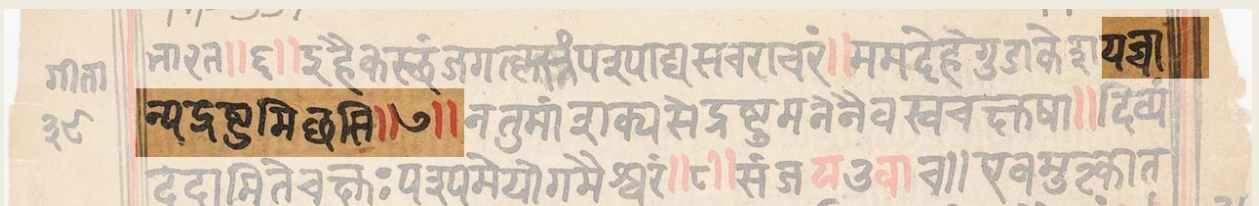
В «Приключениях Незнайки...» тема «луны» была только слегка намечена, выплыв там всего один раз – хотя и в ключевом месте. В эпизоде с оторвавшимся «куском Солнца» сообщается, что астроном Стекляшкин сделал подзорную трубу, в которую можно смотреть «на луну и звёзды». Дальше всё полностью переключается на Солнце.

Зато третья и последняя книга о Незнайке выводит «Луну» на стационарную литературную орбиту. После «Незнайки на Луне» мы говорим: «Незнайка» – подразумеваем: «Луна»; говорим: «Луна» – подразумеваем: «Незнайка».

Эту книгу я читал в первом её издании, от 6 декабря 1965 года (хотя и из второй только партии тиража: 75 001 – 150 000). И она функционально стала для меня, возможно, той самой «базовой накачкой», что была описана выше («Земля после синдрома», эпизод «Точка роста»). Похоже, именно во время чтения «Незнайки на Луне» лунная тема была мной «воспринята», «не понята» и «сохранена» на будущее. А потому рано или поздно она должна была «сыграть».

Тяжёлая как Камень луна ангелоголового хипстера, впервые засиявшего на небосклоне Жизни, в аккурат на нежном 108-м её лепестке в тот самый день, когда капитан Зыбин, склонившись над детской коляской, отчётливо услышал слово «луна». И в его достаточно длинном вопле, что через 24 дня окончательно вырвется на свободу, отчётливо прочитывалось: «Я – с тобой в земле Камня». И то, что он был со мной в безумной и ослепительной «земле Камня» несколько облегчало невыносимую лёгкость бытия сознания.

Ибо наш мир представляет собой сумму того, что в нём «есть», и того, что мы в нём «хотим видеть». Причём никогда не знаешь наверняка, что относится к первому, а что ко второму. Об этом собственно и говорит Бхагавад Гита в главе о «Вселенской форме», седьмая шлока (см. научные переводы, не художественные).

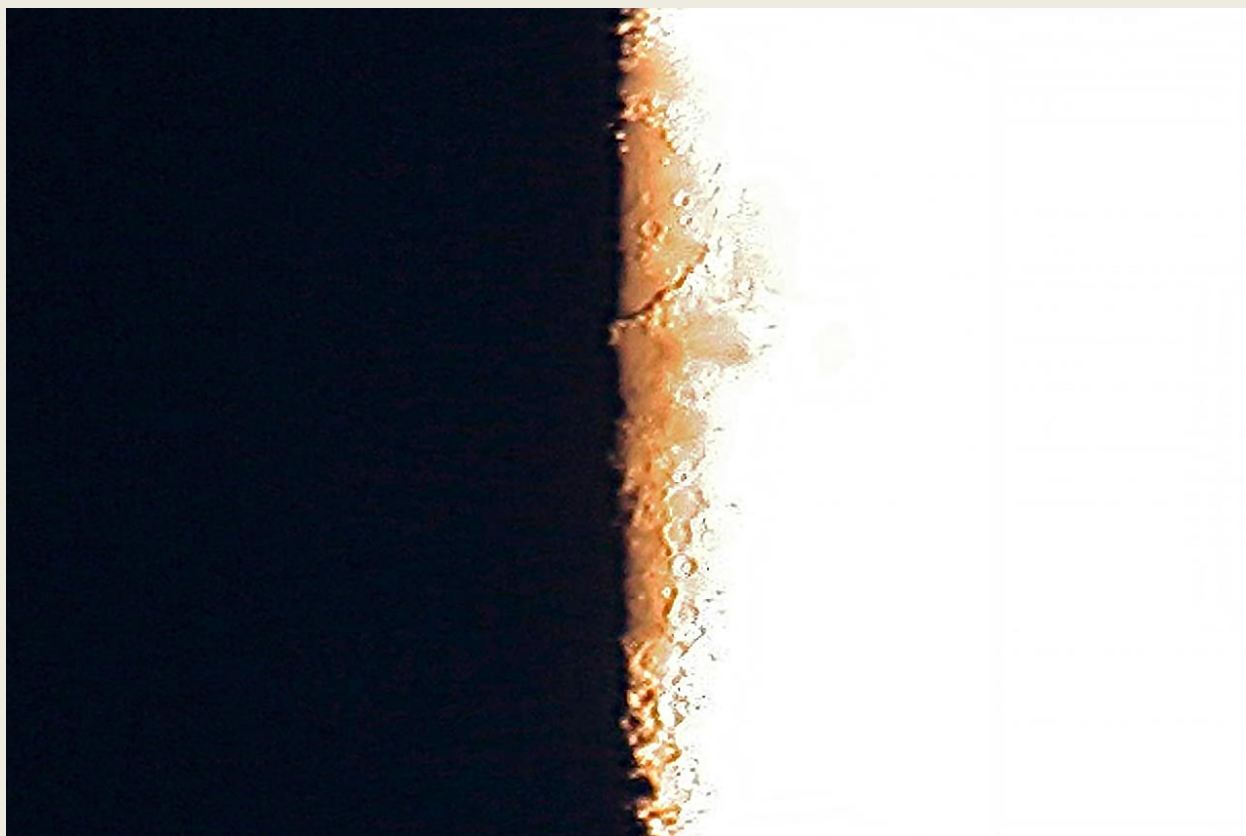
[Илл. 14-01-14-1. «...И всё другое, что хочешь <в нём> видеть» («*уас сānyad draṣṭum icchasi*»). «Бхагавад Гита», 11:7. В данном эпизоде Кришна предстаёт перед Арджунной в виде прозрачного тела, внутри которого как в аквариуме «плавают» все без исключения объекты нашей Вселенной, включая также и самого Кришну. Это чем-то напоминает борхесовский «Алеф» – точку пространства, в которой содержатся все остальные точки пространства (включая «Алеф»). Однако, в данной сцене дело заходит дальше. Внутри прозрачного тела Кришны можно видеть не только все реально существующие объекты этого мира, но также и все «представления» об этом мире («и всё, что хочешь

в нём видеть»), то есть – всю совокупность «понятийных объектов». На иллюстрации: «Бхагавад Гита», рукопись, 1614. Lalchand Research Library, Ancient Indian Manuscript Collection, ref. 557. DAV College, Chandigarh.]

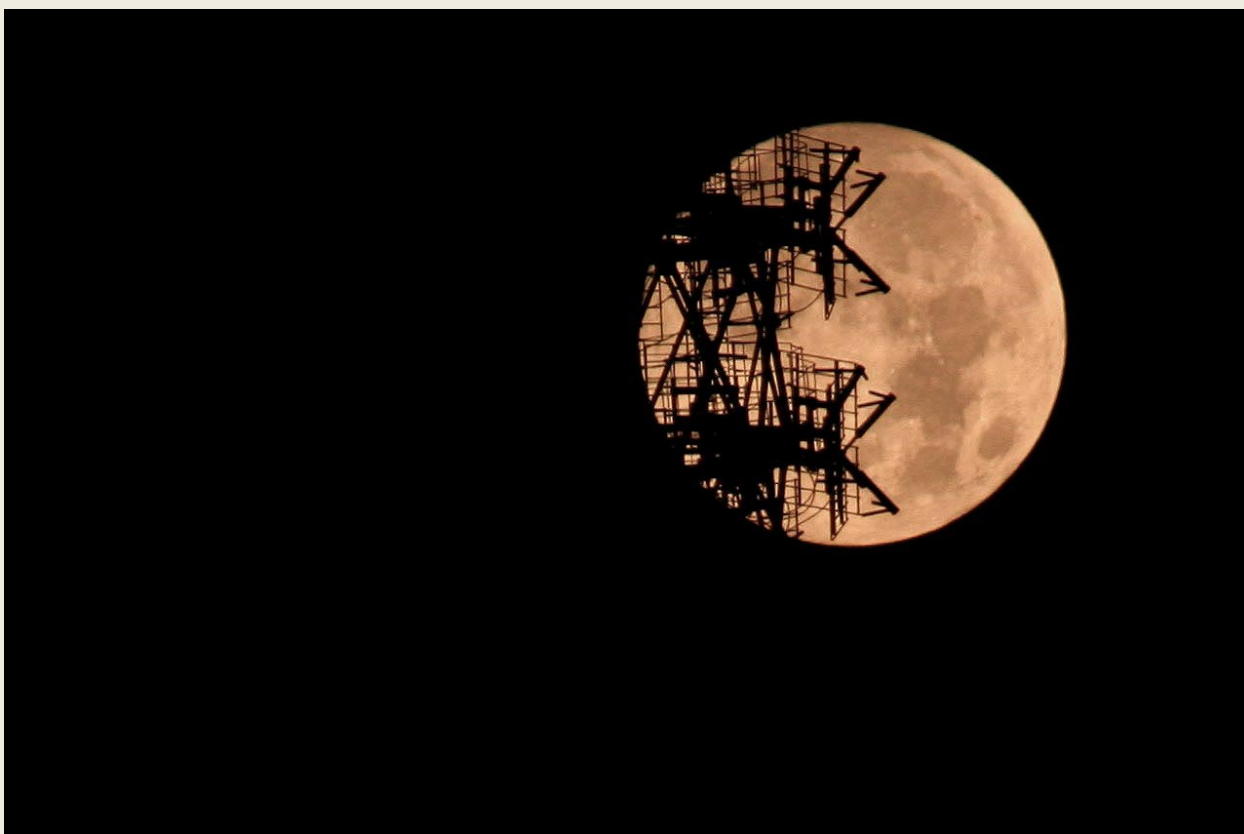
А потому Мурзилка с Незнайкой являются столь же полноправными частями мироздания, как и Наполеон Бонапарт или князь Кутузов (и Льва Толстого, и Игоря Ильинского – и уж конечно Анатолия Папанова). Тем более, что:

В дороге взошла путеводной звездой
в целлофановых лилий поля
за четыре лишь дня, за четыре лишь дня,
за четыре предлунные дня.

Итак, «луна». Пока мы не ушли далеко, вот несколько фотографий, сделанных мной в последнее время. Я фотографирую «ни для чего», просто мне нравится. И вот что мне, оказывается, «нравилось».

[Илл. 14-01-15-1. Граница между освещённой и теневой частью поверхности Луны. Фото автора.]

[Илл. 14-01-16-1. Луна. Фото автора.]

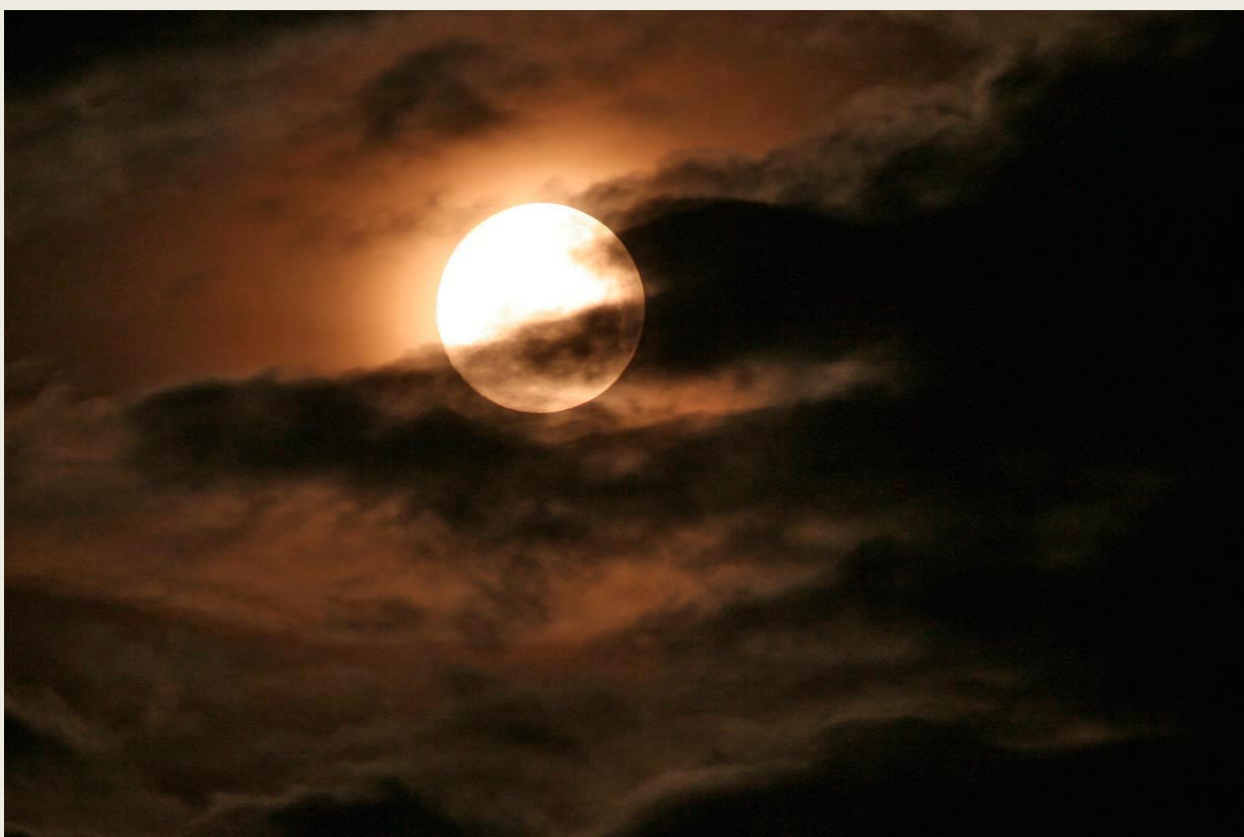

[Илл. 14-01-17-1. Луна. Фото автора.]

[Илл. 14-01-18-1. Луна. Фото автора.]

[Илл. 14-01-19-1. Луна. Фото автора.]

[Илл. 14-01-20-1. Луна, это понятно. А вот на переднем плане – не горизонт Земли, а попавшая в объектив натянутая бельевая верёвка (отсюда и некоторая волнистость). В кадр вошла примерно пятая часть её толщины.]

Что касается настоящей книги, то тут тоже – как я теперь вижу – есть на что взглянуть.

В описании ключевой сцены «Подростка» Достоевского подозрительно выпирает «лунная» составляющая: «всё кругом, даже воздух, которым я дышал, был как будто с иной планеты, точно я вдруг очутился на Луне» («Точка входа», «Падение Аркадия»).

У Виллема Баренца во время зимовки на Новой Земле «луна не заходит ни днем, ни ночью» («Краткий обзор...», «Баренц»).

Молодой Николаас Витсен, в ходе первого своего путешествия по зимней Москве, обращает особое внимание на состояние луны: «вокруг луны мы видели большое кольцо; за этим последовала сильная гроза» («Краткий обзор...», «Витсен»).

Выбор в качестве контекста для рисунков Редера именно повести Фаддея Булгарина говорит сам за себя: «Похождения Митрофанушки в Луне» («Топонимический кластер», «Бэр»).

Антоний Мерш на всех парусах вплывает в эту книгу на корабле «Попади на Луну» («Лоция Мерша», «Народ против Антония Мерша»).

Во время затмения Солнца на Новой Земле в 1896 году (имевшем далеко идущие последствия) на переднем плане всё время находится Луна («Пылинка»).

И именно полная луна позволяет Константину Носилову увидеть внутренним взором в простом прибрежном холме сакральную гору М-Камень – и запечатлеть её в стихах: «Залив, и остров, и горы вершина // И бледная над ней печать луны» («Земля после синдрома», эпизод «Новая Шамбала»).

Не забудем, наконец, и про «прекрасное нечто, что было ярче, чем луна в ясную полночь во время полнолуния» («Questa isoletta»).

Выше я говорил, что в «Приключениях Незнайки...» Луна ещё полностью не проявилась – и был не совсем прав. В первом издании книги (1954) луна очень ярко представлена на задней стороне обложки. Так что получается, что она сопровождает Незнайку с самого начала. Более того, временами мне кажется, что именно эта иллюстрация и оказала на меня решающее воздействие.

Единственная тут неувязка заключается в том, что это издание «Незнайки» я впервые увидел совсем недавно. Соответственно, никакая его картинка не могла оказать на настоящую книгу никакого влияния.

Явление «явного временного несоответствия» наблюдается в литературе достаточно часто и называется «анахронизм». При этом «анахронизм» – это не обязательно что-то «устаревшее и отжившее», это может быть и что-то «опережающее время».

Например, один из приведённых выше «лунных» примеров является как раз таким «опережающим» анахронизмом, поскольку приведённая в нём цитата в книге ещё не появилась.

Вопрос «временных соответствий» – вопрос вообще интересный. Думаю стоит сказать об этом пару слов.

Пространство Времени

Должен сразу разочаровать любителей ярких космологических построений, поскольку не предполагаю излагать ту или иную самодельную теорию очередных фундаментальных «гипер-анти-струн». Я собираюсь всего лишь поделиться двумя пережитыми ощущениями. Это чисто личный опыт.

Когда я впервые оказался в шкуре исторического романиста – только тогда я по-настоящему понял, что имел ввиду Бальзак, говоривший: «Бовари – это я». В смысле, Стендаль.

А именно – чтобы писать, я должен был синхронно проживать день за днём вместе с моим историческим персонажем. Обедая за одним с ним столом, читая одну с ним газету, ночуя рядом на раскладушке. Я должен был видеть именно то, что видит он; знать то же, что и он; не знать того, чего он не знает.

То есть я должен был постоянно находиться в одной с ним точке времени, и двигаться строго с этой точкой по «временной оси».

И вместе с тем, в силу своего временнОго превосходства, я, разумеется, знал всё, что с моим героем было, что с ним есть, и что с ним (в силу реальности его исторической фигуры) на самом деле будет. Иными словами, Время для меня являлось некой открытой для обозрения равниной, а мой герой – точкой, медленно по этой равнине ползущей.

Вся невозможность ситуации заключалась в том, что в этой «медленно ползущей точке» я сам при этом же и находился, см. выше.

То есть я, как все нормальные люди, полз по «временнОй оси» – и одновременно с этим наблюдал со стороны движение этой точки в распростёртом «пространстве Времени». То есть «будущее» для меня уже объективно существовало, просто я его ещё не знал. А можно сказать и наоборот – своё будущее я знал прекрасно, просто его пока ещё не существовало.

Пока всё это являлось всего лишь издержкой специфической литературной задачи, было ещё ничего. Но тут я попытался представить некоего будущего уже моего биографа. И я чётко осознал, что для него точно также любая точка моей реальной жизни, включая вот этот самый момент, когда я пишу слово «момент» – эта временнАя точка будет для моего биографа объективно находиться в некоем объективно существующем «пространстве Времени».

И, выходило, что и сейчас (когда я пишу слово «сейчас»), я уже нахожусь в том «пространстве», просто не все его области мне пока известны. Впрочем, этот факт был как раз абсолютно нормален. Ведь и в обычном, физическом трёхмерном пространстве, существование которого не вызывает у меня особого протеста, далеко не все области (мягко говоря), мне известны.

Всё что я только что сказал – это я говорю сейчас. Тогда же всё это я пережил как ощущение – ощущение «пространства Времени», простирающегося во все стороны и данного мне в ощущениях.

А если это – «пространство», то для него должна (или по крайней мере – может) существовать «метрика». С этим было связано второе испытанное мной ощущение.

По-простому, «метрика пространства» – это правило, с помощью которого мы определяем расстояние между двумя произвольными его точками. Например, в евклидовом пространстве – это длина прямой, соединяющей эти две точки.

Таким образом, хорошо было бы понять, чем определяется «расстояние» (оно же – длительность) между двумя произвольными точками в «пространстве Времени».

Описываемый ниже случай имел место совсем недавно, этим летом. Я шёл домой от станции метро. Как всегда, обдумывая сложный поворот сюжета текущей главы этой книги. Что-то там не складывалось.

Но вдруг мысли мои сами собой резко ускорились, решения стали сыпаться одно за другим. Забегая вперёд скажу, что потом все они были мной отвергнуты. Но тогда я буквально физически ощущал, что мой мозг разогналса до огромной скорости, несколько даже пугающей.

В этом не было пока ничего необычного. Но одновременно с увеличением мыслительного темпа, я точно также – физически – ощутил, насколько медленно я стал идти. Точнее, шёл я как обычно, но «внешнее» время стало двигаться для меня так, как если бы я завяз в густом его клейстере. Мне хотелось как можно раньше добраться до дома, чтобы записать появившиеся мысли, но процесс моего перемещения в пространстве протекал невыносимо медленно.

И тут я понял, что скорость течения обычного, «внешнего» времени есть ничто иное, как величина, обратная скорости работы мозга человека. Чем быстрее работает мозг, тем «внешнее» время движется медленнее.

А поскольку применительно ко Времени «скорость» является масштабом «протяжённости», то «расстояние» между двумя точками в «пространстве Времени» определяется единственно количеством операций, произведённых между этими временными точками мозгом.

Из этих несколько абстрактных умозаключений, явившихся прямым следствием непосредственно испытанного мной ощущения, следовал уже вполне практический вывод. Известны даты жизни того или иного человека. Вопрос: сколько времени он прожил?

И теперь правильный ответ будет – «это кто как». Поскольку две заданные точки в «пространстве» можно соединить отрезком прямой по-разному, ибо «прямая» – понятие гибкое.

Точно также, кстати, как и в обычном физическом пространстве. Что такое здесь «кратчайшее расстояние»? Это траектория, по которой свет максимально быстро проходит между двумя заданными точками. А если принять во внимание «гравитационные линзы» и линзы просто, то с линейкой сюда лучше даже и не соваться. Засмеют.

Все секунды – разные, какой небесной чистоты ни выбирай ты цезий для своего личного эталона времени.

Это и было вторым пережитым мной ощущением. Мысль, осознанная на уровне внутреннего опыта: длительностью своей жизни человек управляет сам. Вспомните Гийома Постеля.

А коли Время представляет собой раскинувшееся во все стороны пространство, и метрика этого пространства для каждого человека своя, то стоит ли удивляться фактам воздействия на реальные процессы тех или иных «анахронизмов»? Например того, что расположен на задней стороне обложки первого издания «Незнайки и его друзей». Того, который «с Луной».

[Илл. 14-01-21-1. «Приключение Незнайки и его друзей», 1-е издание, 1954. Обратная сторона обложки.]

Люблю историю. Потому что она ничто иное, как кладовая Времени. И каждый раз, возвращаясь оттуда, я приношу его столько, сколько могу унести.

Весь мир

Что ещё дал «Незнайка» кроме «лунной темы» в этой книге? Жгучее желание увидеть мир.

Не меньше, чем картинка с круглой луной, а может быть даже и больше, меня заворожила в «Незнайке» картинка с круглым воздушным шаром, поднимающимся на рассвете над Цветочным городом и уносящим отважных путешественников в непознанную даль. С первого же взгляда на неё я понял, что лучшее, что только может существовать в мире – это путешествия.

Думаю, это главное, что дал мне Незнайка. Вот эта картинка.

[Илл. 14-01-22-1. «Приключения Незнайки и его друзей», 5-е издание, 1958. Начало путешествия коротышек.]

А вот заодно и другая картинка, из первой публикации «Незнайки» в журнале «Барвинок». «Анахронизм», конечно – но анахронизм совершенно неодолимой силы и непредсказуемого действия.

[Илл. 14-01-23-1. Коротышки на воздушном шаре в версии журнала «Барвинок», ноябрь 1953, № 11, с. 21.]

В результате всё получилось точно по-писанному.

Мы с женой пили жирный чай с вооружёнными до зубов гуркхами в горах Непала; до рассвета лакомились сырым тунцом на рыбном рынке Токио; на деревенском сходе у границы королевства Мустанг с помощью колдуна разрешали спор двух местных кланов; в центре Золотого Треугольника, посредине реки Меконг играли в маджонг с бывшим полковником Гоминьдана, где ставками были сырые бирманские рубины и старый бинокль красногорского оптико-механического завода; среди бликов заводов и проток Озёрного края высматривали реку Милуо, которая последней видела Цюй Юаня; на Яве, на развалинах индуистского комплекса Прам-

банан смотрели феерическую Рамаяну, которая идёт только в ночь полнолуния и длится восемь часов кряду; переплывали Брахмапутру на бурдючном понтоне вместе с козами, мешками ячменя и ящиками кока-колы; отмечали день рожденья на постоялом дворе на дне ущелья шестикилометровой глубины между двумя гималайскими восьмьютысячниками; сидели в кресле президента Бразилии в его рабочем кабинете; слышали прозрачные шорохи бересклета на горе Хуаншань; цедили вино из бочки размером с газгольдер среди виноградников долины Кольчагуа на пол-пути к Патагонии; кормили тучных карпов среди роз Шанлы-Урфы на краю Сирийской пустыни; выкручивали шёлковой ниткой настёрных микроскопических клещей в амазонской сельве; ставили в казино Монте-Карло на «тройку», «семёрку» и «туз» (с известным результатом); невесомо влеклись в никуда сквозь медовые сумерки шанхайского бабьего лета; искали и находили место, где в Буэнос-Айресе некогда стоял дом, в подвале которого был локализован «Алеф» – точка, в которой сходятся все прочие точки Вселенной; ловили сомов на реке Парагвай, а анаконду – в Верхних льяносах на границе Венесуэлы и Колумбии; растворялись в дымке бескрайних отмелей реки Хуанхэ, ожидая несуществующий паром между Шанси и Шаанси; были свидетелями чуда в Тибете, когда на наших глазах сам собой вскрылся «терм» – спрятанная в скалу рукопись, опережающая время; закладывали свой собственный «терм» в земле Ю, прямо на том месте, где махасиддхи Падмасамбхава в одиночку боролся со всеми демонами всех трёх миров; даже и не пытались вычленять неведомые нам инструменты, на которых в Гонконге восемьдесят восемь музыкантов Филармонического оркестра обрушивали на нас могучие «Картинки с выставки» Мусоргского в адаптации Пена Сюавеня в ночь апрельского полнолуния; спускались на дно циклопического медного рудника Чукикамата, ввинтившегося в землю на километр в центре пустыни Атакама; спали под исполинскими звёздами на вершине песчаной дюны в пустыне Руб-эль-Хали; в лабиринтах Запретного города в Пекине угощали спелой хурмой лакомых длиннохвостых птиц; встречали восход на той самой скамейке Манхэттена, что у моста Квинсборо; прошли путём Лоуренса Аравийского меж гигантских скальных останцев по краю пустыни Большой Нефуд; пробирались среди островов плывущих гиацинтов по бессчётным каналам «внутренних вод» княжества Траванкор-Кочин; зачарованно глядели на грандиозный восход полной луны в канун Нового года в дельте Ориноко под подозрительные шорохи в плавнях; обжигались в Макао отменным новозеландским какао «Avalanche» с видом на казино «Galaxy» размером с Галактику; хрустели кристаллами хрусталя на отрезанных от всего мира столбовых горах Гвианского нагорья; на досках причала озера Куньмин рисовали водой медленно высыхающий под перламутровыми небесами иероглиф «чжоу»; парили в восходящих воздушных потоках над Восточными Кордильерами; участвовали в Парижском роликовом марафоне, умудрившись ничего себе не сломать; выгоняли из комнаты малабарского таракана размером с кроссовку в священном городе Канчипурам; видели, как окрашивает рассвет вершину Аннапурны; брали за дорого заурядный «Moët & Chandon» в Метрополитен Опере – и почти бесплатно «Dom Pérignon» урожая 1985 года на острове султана Лангкави; объедались свежайшими суши в Нью-Йорке на 7-й Авеню, 561– и роскошными кимчибургерами на нарядных ночных улицах Сеула; ломали левое плечо, свалившись с Маттерхорна; проносились на лихом автобусе сквозь Южно-китайское море по самому длинному в мире мосту, где на горизонте таяли жемчужные небоскрёбы в дельте Жемчужной реки; сплавлялись без аквалангов по подземным карстовым рекам Мексики («сенотам»); подвозили на багажнике своего мотоцикла филиппинскую хилершу в горах Сикихора, за что наши «силовые поля» были ею прочищены и распрямлены; наши колёса рассекали тонкий слой воды на соляных озёрах боливийского Альтиплано, повторяющий небо до полной неотличимости;

мы теряли тапочки в зыбучих песках Нормандии во время отлива; купались в реке Тигр в турецком Курдистане, где черепахи сигали в воду, как лягушки, и где нас по ошибке чуть не переправили в Ирак; на скоростном катере переплывали устье Янцзы, где река в ширину такая, как иные в длину; мы собирали дикие ананасы размером с гусиное яйцо в окрестностях Баракоа, города Ста лет одиночества; подставляли лица ветру Сахары на вершине высочайшего вулкана Атлантики; разглядывали в нижних слоях Иерихона следы древнейшего города на земле; терялись с концами Чайном городе Сианя, где один только фуцзяньский «иньчжэнь» из одной только деревни Фудин занимает целый квартал; на берегу Амазонки, во время оглушительного ливня, слушали Малера под сводами Манаусского оперного театра, где на фронтоне вместо Моцарта и Бетховена красовались барельефы каучуковых баронов; ёжились под цепкими взглядами дворцовой гвардии на юбилее императора Японии в «Запретном дворце»; на бамбуковом плоту скользили меж карстовых гор Гуйлиня среди зарослей цветущей кассии; подцепляли «лихорадку Паппатачи» в дюнах Патры, где по пути в Рим останавливался апостол Пётр; пересыпали горстями сапфиры на рынке в Чантабури – светло-синие цейлонские, светло-зелёные с Кардамонных гор, фиолетовые танзанийские и ярко-синие тайваньские, искусственные; дважды пересекали Анды верхом; в скрытом от глаз оазисе Каппадокии старались не спугнуть ширазского соловья на своём пути в город Нигде.

Когда говорят, что я видел весь мир – мне бывает одновременно и неловко, и смешно. Я и половины мира толком не видел. Да я сходу мог бы назвать десятки точек на земле, в которых мне хотелось бы побывать, но до сих пор так и не получилось. И я хочу закончить данную главу одним таким местом. Я имел все возможности его увидеть – и не увидел. Даже не могу объяснить почему.

«Броселиандский лес» – реальный исторический лес, родина короля Артура, Мерлина и «Рыцаря со Львом». Находится он не в Англии, как можно было бы подумать, а на западе Франции.

Итак, «Баллада Броселиандского леса»:

Броселиандский лес,
он как и город-Китеж:
и нужен позарез –
и так и не увидишь.

И указатель – вон,
и крюк – всего-то миля,
и времени – вагон...
Но пролетаешь мимо.

Вполне бы мог свернуть –
но прёшь по магистрали,
навёртывая путь
под песню о мистрале.

Да может быть и нет
там рыцарей со львами –

но вот безлесья след
уж тянется за вами.

Подумаешь, беда:
одним там лесом меньше.
Но это как пята:
не снимешь и не сменишь.

С Тортиллой Ахиллес
в одну приходят точку.
Броселиандский лес
(«Пэмпонский», если точно).

Леса в любую масть
ещё найдёшь на свете –
но вот сюда попасть
тебе уже не светит.

Не твой, похоже, день.
И век, похоже, тоже.
От леса, что ли, тень?
Похоже, да, похоже.

В вернейшей из машин
ты газ утопишь низко –
и лишь застонет джинн
инжекторного впрыска.

Числа дорогам несть
на мира плоском блюде.
И будет всё, что есть.
И было всё, что будет.

Увидишь города,
увидишь океаны,
срастётся голова
святого Иоанна.

Увидишь город Ур,
газгольдеры Техаса,
Бангкок и Сингапур,
и Катманду, и Лхасу,

и парфюмерный Грасс,
и лесосплавный Пудож,
Сантьяго и Мадрас.
Но здесь уже не будешь.

Не будешь никогда.
Проехали. Закрыто.

Рыдает Далида
на радио «Орбита».

На горизонт глядишь,
не видя приближенья,
и никуда летишь.
Инерция движенья.

Броселиандский лес,
он как и город-Китеж:
и нужен позарез
и так и не увидишь.

Путешествие же Незнайки закончилось вот чем:

Они остановились на высоком холме, а впереди уже был виден Цветочный город во всей своей красе. Лето подходило к концу, и на улицах зацвели самые красивые цветы: белые хризантемы, красные георгины, разноцветные астры. Во всех дворах пестрели красивые, как мотыльки, анютины глазки. Огненные настурции вились по оврагам, по стенам домов и цвели даже на крышах. Ветерок доносил нежный запах резеды и ромашки.

(Николай Носов, «Приключения Незнайки и его друзей», глава «Возвращение»)

Ветерок до сих пор мне доносит нежный запах резеды и ромашки.

1961: Вспышка

(Год начала времён – Ветошка – Брахмастра – Поправка Ганского – Mighty One – Пчела – Ответ – Следы – Несколько простых слов – Он)

Год начала времён

Реки замедляются перед водопадом.

Почти сто лет после выхода статьи о явлении Града Небесного над новоземельской Горой – почти сто лет здесь царила тишь да блажь.

Но если обратиться назад, предупреждения были. На память сразу приходит «Остров Полыхания» в «загоризонтье», лежащий «между бёдер Нут», на котором был структурирован «Хаос».

Пришел Унис с Острова Полыхания, поместив на нем Порядок вместо Хаоса.

(«Тексты пирамид», фрагм. 249, строки 265 b, c)

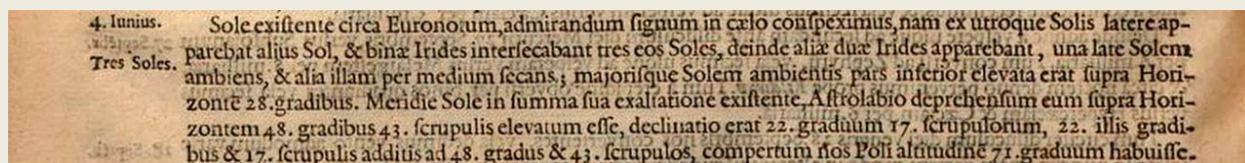
[Илл. 14-02-01-1. Пирамида Униса, западная стена предкамеры. Выделенные надписи соответствуют: «Тексты пирамид», фрагм. № 249, строки 265 b, c (читать сверху вниз, справа налево). Правая врезка: «Остров Полыхания». Левая врезка: «Порядок (Маат)» (вверху), сотворённый на этом острове на месте «Хаоса» (внизу). Ок. 2350 до н.э. Про «Остров, лежащий между бёдер Нут (Небес)» – см. фрагм. № 517 (пирамида Пепи I, коридор).]

Можно вспомнить и предзнаменование 1596 года, виденное командами кораблей Баренца, только ещё направлявшихся к берегам Новой Земли. Тогда в небе по курсу возникли три ослепительные солнца, окружённые огромными кольцами.

Мы увидели поразительный знак в небе – по обе стороны Солнца показались другие Солнца («*alius Sol*»), и двойные радуги («*diae Irides*») пересекали эти три Солнца, при этом имелись ещё две радуги – одна широко охватывала Солнце, а другая рассекала его по центру.

(De Veer, *Diarium Nauticum*, 1598, lat., f. 13 r, запись за 4 июня 1596)

[Илл. 14-02-02-1. De Veer, «*Diarium Nauticum*», 1598, lat., f. 13 r. Запись за 4 июня 1596 о «тройном солнце».]

[Илл. 14-02-03-1. Гравюра с изображением «тройного солнца», виденного Баренцем и его командой в 1596. Там же, f. 14.]

В середине 1930-х внимательный наблюдатель мог бы увидеть ещё два «знака», один из которых прямо отсылал к «пирамидам».

***

В середине его [М-острова] тянется узкая гряда, сложенная кварцитом, высотой в 60-65 м. В одной из возвышенных точек этой гряды поставлен знак Митюшев.

(Дмитрий Панов, «Остров Митюшёв». «Записки по гидрографии», 1933, №1, с. 85)

***

«Зн[ак] Митюшова Пирамида»

(Карта Потехина, 1935)

[Илл. 14-02-04-1. Карта «о. Новая Земля, Мат. Шар – губа Крестовая», 1:200.000. Составил топограф Потехин В. В. Опубликовано как приложение к статье: Николай Мутафи, «Геоморфологический очерк западного побережья Новой Земли», Труды Арктического института, т. 57, 1936.]

Были и совсем свежие «звоночки», которые опять-таки не были поняты. Например, на протяжении всего трёх месяцев (декабрь 1955 – март 1956) новоземельский «топонимический кластер» (в лице «губы Митюшихи») трижды ярко сверкнул в тёмных глубинах документов, окутанных полнейшей тайной. Трижды сверкнул – и снова скрылся в пучине:

Сов. секретно

16 декабря 1955

Проект Постановления Совета Министров

<...> бухта **Митюшиха** <...>

(Д. Васильев, К. Щелкин и др. Докладная записка с проектом Постановления Совета Министров СССР. Архив Росатома, ф. 4, оп. 10, д. 34, л. 3)

1. НИИ-1011 произвести разработку опытного изделия, основанного на принципе окружения, весом 24–26 тонн и диаметром 2,1 м, обеспечивающего мощность взрыва² примерно 15–25 мегатонн тротилового эквивалента.

2. Подрыв изделия произвести в воздухе, сбрасывая его с парашютным устройством с высоты около 12000 м со специально оборудованного самолета типа М-4.

3. Испытания произвести на специально подготовленном полигоне № 300 МО СССР на Новой Земле (бухта Митюшиха) с базированием самолета типа М-4 на аэродроме первого класса в Ланге, расположенном на расстоянии 1170 км от места подрыва изделия.

Время испытания — лето 1956 г.

Просим Вас рассмотреть и утвердить изложенные в настоящей записке предложения.

[Илл. 14-02-05-1. Докладная записка Васильева и Щелкина от 16 декабря 1955. По: «Атомный проект СССР. Документы и материалы», 2009, том 3, кн. 2]

Сов. секретно

6 марта 1956

Докладная записка в Президиум ЦК КПСС

<...> провести <...> в районе губы **Митюшиха** <...>

(И. Курчатов, Г. Жуков и др. Докладная, мб №2/1155.)

водородной бомбы большой мощности² (изделие 202).

Взрыв изделия 202, с большим радиусом поражающего действия, может быть произведен над районом, значительно удаленным от населенных пунктов и промышленных объектов. В связи с этим указанные испытания предусматривается провести на острове Новая Земля (сев. часть) в районе губы Митюшиха в III квартале 1956 г.

Для подготовки испытаний необходимо:

— в короткий срок оборудовать Опытное поле и обеспечить всеми необходимыми материалами, оборудованием, средствами энергоснабжения и связи, строительными и другими механизмами;

[Илл. 14-02-06-1. Докладная записка Курчатова и Жукова от 6 марта 1956. Там же]

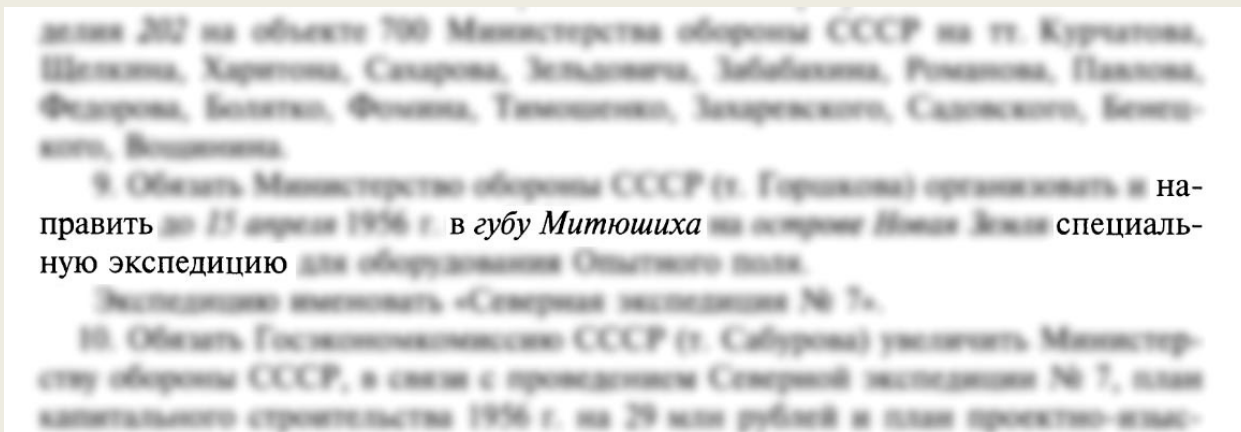
Сов. секретно

17 марта 1956

Постановление Совета Министров СССР № 357-228сс

<...> направить <...> в губу **Митюшиха** <...> специальную экспедицию
<...>

(Н. Хрущёв, Н. Булганин. Постановление. АПРФ, ф. 93)

[Илл. 14-02-07-1. Постановление Совета Министров СССР № 357-228сс, от 17 марта 1956. Там же.]

И самое последнее предупреждение. 30 апреля 1957 года Митюшёв Камень накрыла гигантская тень небесного «огненного кольца» – первого за двести лет и самого сильного за всю человеческую историю «кольцевого солнечного затмения» в этом месте.

На несколько минут сгустилась тьма и свет отступил. Но это было – как временный откат моря от берега, что случается за минуту пред приходом цунами.

И вот, 24 сентября 1957 «небесное цунами» обрушилось на склоны Горы. Землю залила ослепительная вспышка «Параману-йоги».

Мир на мгновение перестал существовать и общая масса Вселенной уменьшилась на 74 грамма.

Борис Голицын поплатился в своё время карьерой, а Алексей Ганский жизнью, чтобы этого не произошло никогда. Но «это» всё равно произошло – хотя и на несколько лет позднее, чем должно было.

Так, в 1957 году произошёл первый взрыв в непосредственной близости от Митюшёва Камня на боевом поле «Д-2», созданном на «объекте 700» для испытания термоядерного оружия сверхвысокой мощности. С прицельными координатами бомбометания 73° 51' с. ш., 54° 30' в. д.

Ветошка

Об этом испытании написано много, так что не вижу смысла повторяться. А потому приведу только смысловой экстракт этого события, данный в «Апологии Белой Книги». Будьте внимательны, в первом издании «Апологии» (М., «Гуманитарный фонд» № 4, 1993) этот фрагмент отсутствует, так что смотрите последующие её издания.

Следует иметь ввиду, что «Апология Белой Книги» представляет собой достаточно специфический текст, в котором мифология «белого цвета» изложена в одном единственном предложении – длинной в целую книгу. Этим и определяется несколько повышенная концентрация сложносочинённости и сложноподчинённости в приводимой конструкции. Хорошо ещё, что есть пробелы между словами и знаки препинания.

К нашей теме относится лишь короткий отрывок из «Апологии» («Белые трусики Греты Гарбо»). Вот он:

«...белые трусики Греты Гарбо, лишь мгновение успевшие мелькнуть в знаменитой «сцене на элеваторе» (впоследствии вырезанной) в полной прокатной версии «Ниночки», и украденные в ночь после премьеры капралом Клэрком Мелвиллом из бака с нестиранным бельём, стоявшим в плохо запертом подвале её продуваемого всеми ветрами дома на берегу океана в Малибу, но буквально на следующий же день выменянные у него курсантом Дж. Дж. Пайсом из Розуэлла (за билет на полуфинал с «Красными Дьяволами», доллар двадцать семь наличными, лиловую подвязку небезызвестной Жозефины и четыре килограмма домашнего сала) – которые с этого момента Пайс всегда носил во внутреннем кармане своего кителя, включая и тот памятный день, когда он, уже в чине майора военно-воздушных сил, проходя службу на сверхсекретной базе на Шпицбергене, поздним вечером 8 сентября 1945 года отправился на бомбардировщике В-29 на боевое задание далеко на юго-восток, неся на борту погружённую в обстановке абсолютной секретности «Милую Белоснежку» – третью (после «Малыша» и «Толстяка») рабочую бомбу проекта «Манхэттен», предназначенную для духовной столицы Советов (а заодно и центра по разработке биологического оружия), города Загорска – и уже находясь над Ловозёрскими тундрами он не удержался и достал их из планшета, куда накануне (как чувствовал) переложил из кителя, и прижал к лицу внутренней стороной струящуюся шёлковую ткань, и, ощутив знакомый едкий запах, исходивший от шва, почувствовал тёплый толчок озарения – а когда пришёл после него в себя, то понял, что не будет выполнять полученный приказ и в то же мгновение изменил курс, круто взяв на север и северо-восток, где через некоторое время под крылом поплыли безжизненные пространства огромного острова, протянувшегося дугой с юга на север на добрых пятьсот миль, и когда широта самолёта вплотную приблизилась к дате приземления среди цветущих опунций пустыни Чиуауа в канун Дня Независимости инопланетного корабля недалеко от базы его родной 509-й авиагруппы стратегической авиации («Very Heavy») – и стала точно равна широте геометрического центра величественного лунного Анаксагор-Вата, в огромной чаше которого Бытие (по Симпликию) творится из кварков («spermata», «семена»), структурируемых в Реальность силой всепро-

низывающего «понятийного поля» («поūs», «ум»), а долгота его воздушного судна в точности совпала с долготой храма Вселенского Огня священного города Йезд, что стоит на краю великой пустыни Дешт-е-Лут и, согласно Али Аскару Махаджеру, являет собой «крайнюю точку, заходить за которую не позволено ни человеку, ни джинну» – в тот момент прямо под его крылом открылась сияющая нездешним светом восьмисотметровая гора, что отвесно обрывалась с трёх сторон в океан, прекраснее которой он не видел ничего в жизни, и он зажмурился и, восемь раз прошептав с неисправимым коннектикутским акцентом «Отче наш», сбросил с сердца свой дьявольский груз, переставив таймер взрывателя с 38 секунд (оптимальная высота подрыва) на 380,000,000 секунд (добавив столько нулей, сколько позволяла разрядность установочного индикатора), после чего сделал полный разворот и взял курс на юг, а ещё некоторое время спустя посадил свою «воздушную крепость» в дремучих саровских лесах и основал там скит, куда бесконечной вереницей потекли страждущие поклониться «чъюдотворной ветошке» (принадлежавшей, как выяснилось позже, не Гарбо – о чём старец Паисий так никогда, впрочем, и не узнал, – а её поварихе-негритьянке) – об исходящем от коей «ветошки» свечении шёпотом рассказывали друг другу забредавшие в ту сторону по грибы старшие и младшие научные сотрудники построенного неподалёку закрытого научно-производственного городка, откуда несколько лет спустя на новый полигон за Полярным кругом будет кружным путём доставлено «специзделие», чей подрыв, осуществлённый 24 сентября 1957 года на «объекте 700» (боевое поле Д-2) станет самым загадочным за всю историю индустрии среднего машиностроения, поскольку через 21 секунду после появления на двухкилометровой высоте первого «огненного шара», чуть в стороне, заставив всех присутствовавших лишиться дара речи, из земли поднялся ещё один огненный «гриб», возможность чего академику Харитону придётся, ради спасения друзей, срочно обосновывать с помощью специально созданной за ночь теории «спонтанной симметрии хаоса» (СХХ)...»

(«Апология Белой Книги», «Белая Книга», издание четвёртое, М. 2003)

Брахмастра

Итак, в 1957 году в небе над Митюшёвым Камнем произошла «Параману-йога», подобная тому, что предшествовало звездопаду, отражённому в осколке зеркала.

Над «Островом Полыхания», лежащим между двумя частями Новой Земли, произошёл термоядерный взрыв чудовищной силы – в рамках глобального проекта «структуризации Хаоса».

Касательно последнего достаточно вспомнить, что именно благодаря термоядерной реакции как явлению, Вселенная перешла из формы сырой «материи» – в форму привычного нам «физического мира», состоящего уже из «вещества», представленного целым спектром химических элементов – со всеми вытекающими (включая нас с вами). Все до единого атомы во Вселенной, кроме водорода и гелия, появились в ходе термоядерных реакций, протекающих внутри звёзд.

Это стало окончательно понятно уже через семь дней после означенного взрыва, а именно – 1 октября 1957, когда вышла статья («rare») В²FN – где, отталкиваясь от «Короля Лира» («It is the stars...», 4,3), всё было разложено по полочкам: что, где и как появляется в этом мире – и в каких количествах. Вплоть до того, что, скажем, атомы «цезия-137» возникают в ходе реакции «г-типа» (с. 600), возможной только при взрыве сверхновых звёзд (с. 641) – таких, как «сверхновая 1572», чья внутренняя сущность была блестяще раскрыта Гийомом Постелем.

А коли все элементы рождаются в звёздах, то любая реакция термоядерного синтеза по факту олицетворяет собой процесс «структуризации Хаоса» – как минимум в символическом смысле. В котором, возможно, и следует понимать слова, выдавленные в сырой штукатурке западной стены предваряющей камеры.

Итак, в 1957 году произошла «Параману-йога». А четыре года спустя, 30 октября 1961, в той же точке пространства разразилась уже «Брахмастра».

На высоте четырёх километров взорвалась «Царь бомба» Андрея Сахарова, «изделие АН602». Самый мощный термоядерный взрыв за всю историю человечества, 57 мегатонн.

Это было Сияние Абсолютной Пустоты. Свет крошился в воздухе. В пространстве образовались дыры. Мармеладовые небеса загустели и сквозь них начал расти немыслимо высокий «цветок».

Вспышка длилась 30 бесконечных секунд, ещё через полчаса «цветок» распустил лепестки на 50 километров в каждую сторону. Небо в алмазах медленно сыпалось на чугунный берег, взрытый каверной.

Все боевое поле, начиная от губы Митюшиха до губы Крестовой было черное <...> В эпицентре образовалось углубление в виде огромной мелкой тарелки.

(Начальник полигона Г.Г. Кудрявцев, «Воспоминания о Новой Земле», в сб. «Ядерные испытания в Арктике», т. 2, с. 331, изд. «Картуш», 2006)

Сейчас я приведу три версии одного и того же суждения:

1. «Великолепие и поражающее сияние сего могущественного существа может уподоблено быть солнцу, вдруг на небеса возшедшему сиянием в тысячу крат большим обыкновенного.»
2. «Если бы светы тысячи солнц разом на небе возникли, Эти светы были бы схожи со светом того Махатмы»
3. «Если бы сияние («radiance») тысячи солнц вспыхнуло («burst») в небе, это по яркости («splendor») как раз бы и равнялось Ему («Mighty One»).»

Все три цитаты представляют собой стих из «Бхагавад Гиты» (11:12). При этом, вариант №1 – в переводе Александра Петрова («Багуат-Гета», М., 1788, с. 136-137). №2 – в переводе Бориса Смирнова (1956). А вариант №3 – мой вольный пе-

ревод с английского вольного перевода с санскрита, сделанного Робертом Оппенгеймером (1965).

Последний вариант заслуживает дополнительного внимания по нескольким причинам. 1) Он представляет собой экспромт, сделанный в прямом телеэфире в 1965 году; 2) Компетентность переводчика с санскрита не вызывает сомнений, поскольку он смог тут же процитировать данный отрывок в оригинале по памяти и без ошибок; 3) Переводчик за 32 года до того специально выучил санскрит, чтобы читать «Бхагавад Гиту» в подлиннике; 4) Со слов переводчика, сказанных им в том же прямом эфире, именно эти строки пришли ему на ум двадцатью годами раньше, а именно в тот момент, когда пред его взором предстала картина первого в истории испытания атомного взрывного устройства; 5) Автор перевода как раз и являлся руководителем проекта по созданию того «устройства», то есть, собственно, и был «отцом атомной бомбы».

Каким образом изучение «Бхагавад Гиты» повлияло на работу Оппергеймера в области квантовой механики и ядерной физики, сказать не берусь. Но факт, что вскоре после того, как Оппенгеймер заинтересовался санскритом, он совместно с Георгием Волковым из Университета Британской Колумбии опубликовал статью, ставшую пионерской работой в области теории гравитационного коллапса («чёрных дыр»).

Итак, «сияние тысячи солнц». И Оппенгеймер знал что говорил. Причём «знал» с обеих сторон.

А ведь то был всего лишь какой-то жалкий 20-килотонник. Значит, «Царь бомба» АН602 Андрея Сахарова – это уже «сияние трёх миллионов солнц». А это – явление другого масштаба и для его обозначения требуется другое слово.

И такое слово существует: «Брахмастра».

Часто можно читать, что «брахмастра» описана в «Махабхарате». Это не совсем так. В «Махабхарате» действительно многократно упоминается «брахмастра», как некое сверхмощное оружие. Однако конкретики при этом приводится мало. Вот одно из подобных упоминаний – из числа наиболее детальных, кстати:

Тогда многоумный Дрона вызвал к действию «брахмастру», причиняя огорчение Партхе и невидимым существам. Вслед за тем задрожала земля вместе с горами, лесами и деревьями. Начали дуть резкие, свирепые ветры и взбушевались моря. Великий страх обуял тогда войска кауравов и пандавов... [и т.д., но о «брахмастре» это всё]

(«Махабхарата», кн. 7 «Дронапарва», пер. В. И. Кальянова, гл. 163, ст. 43-49)

К тому же следует иметь ввиду, что всевозможных описаний всевозможных видов волшебного оружия в «Махабхарате» вообще хватает, одно эффективнее другого. И в их ряду «брахмастра» особенно не выделяется. Есть ещё «нараянастра», «аг-нея», «шакрастра», «ваджра» – и т.д. и т.п. «Махабхарата» – книга о мировой войне на полное уничтожение, если кто забыл.

Но есть другое сочинение – «Бхагавата-пурана» (не путать с «Бхагавад Гитой»), в котором на поражающие воздействие «брахмастры» проливается некоторый свет.

«Бхагавата-пурана» – книга вполне авторитетная. Знаменита она разве чуть самую малость меньше, чем «Бхагавад Гита». А потому удивительно, что до настоящего момента не существует её научного перевода на русский язык.

Разумеется, переводов, выполненных не очень понятно кем с неких других переводов, выполненных в свою очередь теми или иными высокодуховными «свами» – таких переводов хватает. Но они все грешат одним – участники процесса имеют в этом личный интерес, а потому пользоваться их интерпретациям следует сверхосторожно. А в ряде случаев лучше вообще от этого воздержаться.

Поэтому я поступлю так. Дам фрагменты «некого» перевода соответствующего места «Бхагавата-пураны», а потом приведу список просто «ключевых понятий», присутствующих в этом фрагменте – в более-менее буквальном их переводе. Пересечение этих двух смысловых массивов поможет в какой-то мере «почувствовать» тактико-технические характеристики «брахмастры». Итак:

1. [Перевод «Бхагавата-пураны», кн. 1, ч. 7, ст. 19-32]

[Ашваттахама] применил «брахмастру», <...> не зная, как в случае необходимости остановить её действие. Тотчас во все стороны света распространилось нестерпимое сияние, несовместимое с жизнью.

Увидев это, Арджуна сказал: <...> Эта смертельная вспышка, что заполнила собой всё пространство, что это?

[Кришна] ответил: «Это [Ашваттахама] запустил «брахмастру», не умея её остановить. Противодействовать этому способна только аналогичная встречная вспышка, и ты в состоянии произвести её сам.»

И Арджуна <...> запустил свою «брахмастру».

От столкновения двух встречных вспышек, растущий огненный шар, превосходящий размером солнце, заполнил собой весь космос. Обитатели трёх миров ощутили невыносимый жар и испепеляюще яркий свет от излучения этого оружия [«астры»]. И все подумали, что разразился вселенский огонь «самвартака», уничтожающий мирозданье.

Увидев, что планетам грозит неминуемое уничтожение, Арджуна, волей Кришны, отозвал назад обе [«брахмастры»].

2. [Перевод отдельных понятий, встречающихся в приведённом выше отрывке «Бхагавата-пураны»]

Абсолютное оружие; Сияние заполняющее все стороны света; Опасность для жизни; Сияние предельно опасное; Конец жизни; Неотвратимое сияние; Могущественное оружие; Высшее оружие; Сияние покрывающее весь небесный свод и космос; Больше солнца; Подобно огню; Производящее нестерпимый жар; Ослепляющее; Жестоко обжигающее; Огонь опустошающий Вселенную; Уничтожение планеты.

И именно это и произошло 30 октября 1961 на Новой Земле.

Взрывная волна три раза обогнула земной шар и вернулась в исходную точку. Земля чуть не раскололась пополам. Обсуждалась возможность смещения орбиты планеты, а также начала необратимой цепной реакции в океаническом дейтерии (氚, «dāo»).

Поправка Ганского

«Временной сдвиг Ганского», или «поправка Ганского», обычно обозначаемая как « Δt_H » (от «Hansky», Ганский) – это та отсрочка начала «термоядерной эры», которую подарил человечеству специалист по физике Солнца Алексей Ганский.

Для оценочных расчётов величина этого сдвига принимается равной 5-ти годам. Более точно $\Delta t_H = 4,75$ года (то есть 4 года и 9 месяцев, см. главу «Пылинка»).

Так вот: взрыв «сверхбомбы» АН602, о котором шла речь выше, по всем понятиям должен был состояться точно в том же месте на 4 года и 7 месяцев раньше (сравните с Δt_H). Конкретно – в апреле 1957.

Причём не то что «в принципе мог состояться», а – «неминуемо должен был состояться». Ибо на тот момент уже имелась в наличии полностью снаряженная бомба соизмеримой мощности («изделие 202»), имелась техническая возможность её взорвать (включая специально под неё созданный полигон), имелось жгучее желание это сделать, и имелось прямое распоряжение партии и правительства о проведении данного взрыва – с указанием места и времени.

Ничто на Земле не могло тогда помешать этому взрыву. И тем не менее он не состоялся. Причём без малейших видимых на то причин и без каких бы то ни было последовавших объяснений.

Так что очень похоже, что здесь мы являемся свидетелями прямого действия закона природы, вводящего «поправку Ганского» в человеческие планы определённого рода. Вот краткая хроника «изделия 202».

5 января 1956. Выходит совершенно секретное постановление Совета Министров (за подписью Булганина), предписывающее:

Разработать и изготовить изделие <...> мощностью 20-30 млн. т. <...> и подготовить испытание его <...> на Новой Земле.

(Постановление СМ СССР № 46-31сс, п. 1в.)

В дополнительной записке (от 6 марта 1956, см. выше) уточняется место взрыва – «губа Митюшиха».

23 июля 1956. Всё практически готово для взрыва. Министр среднего машиностроения докладывает, что изготовление «бомбы 202» (так в оригинале) будет закончено до 15 августа, и что мощность её можно по желанию сделать от 15 до 40

мегатонн. И просит утвердить её испытание (Докладная записка Завенягина в ЦК КПСС. Архив Росатома, ф. 24, оп. 18, д. 29, л. 107).

3 августа 1956. Испытание утверждается (с назначением срока «в августе-сентябре 1956»). Заказанная мощность взрыва, от греха, снижена пока до 15 мегатонн (Решение Президиума ЦК КПСС П30 от 3 августа 1956. Там же, л. 108).

К середине августа 1956 всё готово. Но при этом оно как-то... не знаю как сказать, смутно. В проекте задействовано множество ведомств, и все до единого отчитались в полной своей готовности. А общая картина – не складывается.

Атомщики пишут, что они-то полностью готовы – не то, что лётчики... Лётчики, впрочем, тоже готовы, а вот парашютчики... Но и те, оказывается, готовы – только они не могут полностью поручиться за моряков, строящих полигон. Хотя моряки рапортуют, что они-то как раз готовы как никто – в отличие от прибористов. Прибористы же валят всё на метеорологов. А метеорологи – что? Они-то сами в полном порядке, это французская промышленность подкачала (у которой они покупают зонды) – не может обеспечить подъём шаров на 30 километров (а только на 22). Тем более, что ещё не известно, так ли уж готовы атомщики, как утверждают.

Впрочем, пару недель спустя, после проведения соответствующей разъяснительной работы, все-все уже совсем-совсем готовы (идут последние дни августа). Но тут оказывается, что сезон-то – ушёл. И роза ветров, и зона видимости, и световое время... Короче, Природа – против.

В результате, 31 августа 1956 появляется постановление «об отсрочке испытания изделия 202 до марта-апреля 1957» (Постановление Президиума ЦК КПСС П38/III. Там же, л. 102).

Но теперь-то намеченному на апрель 1957 сверх-взрыву уже ничто не может помешать. Осталось только дождаться весны.

И вот приходит весна. Вылезают первые подснежники, за ними вторые. Проталины на южных отвалах траншей оживают жёлтыми пятнами мать-и-мачехи. А там уже и нарциссы расправляют под ласковым апрельским солнцем свои нежные белые лепестки вокруг светло-лимонных махровых юбочек с тонким карминным ободком по кромке. В садах Чжуннаньхуа один за другим раскрываются бутоны ста цветов, вводя простые души в соблазн своим буйным, но скоротечным явлением. В Киеве вот-вот расцветут каштаны.

А ничего не происходит, как-будто и не было Постановления от 31 августа. Время идёт. Все молчат.

Так проходит весь апрель.

И, наконец, 16 мая 1957 самый решительный (и самый прямолинейный) из всех кандидатов в члены Президиума ЦК, Георгий Жуков (на тот момент – снова Министр обороны) – не выдерживает. И предлагает легитимизировать свершившийся факт и официально отказаться от планов взорвать «изделие 202».

С той удивительной аргументацией, что в северных районах Норвегии может в результате оказаться (цититую) «выдута зола из печей». Да и вообще – не так уж

это всё теперь и интересно с научной точки зрения, добавляет он (письмо Первухина и Жукова в Президиум ЦК КПСС. Архив Росатома, ф. 4, оп. 10, д. 36, л. 68).

Опасение по поводу гипотетической возможности «выдувания золы из печей» в устах железного маршала – это сильно. Такое ощущение, что Жуков даже и не пытается придумать правдоподобную причину, а просто следует некой неодолимой высшей силе, противостоять которой бессмысленно.

И которая, помимо прочего, позаботилась о том, чтобы Жукову было сейчас не до каких-то там «изделий». Он, словно лесной молодой тигр, находится в невероятном возбуждении от нескромного предложения неуёмной «Кати» (и текучих её взглядов, этой нашей речной голубизны), распалённой в свою очередь даже не новоуиденной высотой, а безошибочным предчувствием сладкого запаха успеха в июне и шёлковых чулок с «астером» в июле, что захрустят вскоре под высоким её каблуком (и эта девушка не может иначе, понятно) – выставляя при этом напоказ собственную полумесяцем бровь, сделанную в далёком понедельник и продемонстрированную в первый же вторник – другим во вред, самой не в радость, впрочем.

Из «материалистических» же объяснений поведения Жукова можно разве что упомянуть гипотезу, что на его поступок сильно повлияло некое событие, имевшее место за месяц до этого, в первой декаде апреля 1957. Хотя, если вдуматься, то материализмом тут пахнет также не особо.

Как бы там ни было, предложение Жукова от 16 мая было с облегчением поддержано всеми членами Президиума. Проект закрывают.

Итого, одна шестая часть суши была беременна «сверх-бомбой» ровно девять месяцев – с июля 1956 по апрель 1957.

Именно все эти месяцы мой дед, Павел Васильевич, бросив всё, погружался в глубины индийской философии по ступеням фундаментальной монографии Сарвепалли Радхакришнана. И в главе о переходе индийской мысли от Вед к Упанишадам он отметил тогда карандашом на полях следующую фразу: «Душа поэта слышит истину».

Об этом я узнал лишь пол века спустя, когда было уже поздно. Хотя, строго говоря, «поздно» в этом деле никогда не бывает:

«Веды» ведают печали,
«Гита» учит в ум не брать:
если чакры подкачали –
можно взять и подкачать.

ем. Душа поэта слышит истину,
в хеновеном состоянии, когда дух

[Илл. 14-02-08-1. «Душа поэта слышит истину». Карандашная пометка Павла Васильевича, сделанная во второй половине 1956 года в книге Радхакришнана «Индийская философия», т. 1, с. 105. Подписано в печать 4 июня 1956.]

Для меня до сих пор до конца не понятны причины этого его интереса к классической индийской философии. Но я чувствую, что это определённо связано с теми ощущениями, которые он пережил за тридцать лет до того, зимой 1926, читая в занесённой снегом Усть-Цильме книгу Содди «Материя и Энергия». Книгу, рассказывающую волшебные сказки о грандиозной непредсказуемости ядерного мира, заполненного до краёв невидимой энергией «трансмутаций» и сияющей поэзией «радия». И вот тридцать лет спустя всё это начало сбываться, как по писанному. И даже больше того.

С января 1956 по рукам начала ходить теоретическая работа Хью Эверетта об «универсальной» волновой функции уравнения Шрёдингера, из которой непосредственно вытекало физическое существование бесконечного числа параллельных миров. А 22 февраля в газете «Правда» некто Курчатов поведал городу и миру о термоядерных перспективах человечества. А 16 мая был сдан в набор первый со времён Карамзина перевод «Бхагавад Гиты», сделанный академиком Смирновым. А 21 июня мировую прессу облетело сообщение о достоверном обнаружении в Саванна-Ривер мифического «нейтрино» – частицы, которая пронизывает всё мироздание, но при этом практически не взаимодействует с ним.

Всё сбывалось. И накотившее на него с новой силой то испытанное в Усть-Цильме пронзительное чувство «невероятности мира», где всё превращается во всё и почва уходит из-под ног – оно требовало хоть каких-то гарантий реальности бытия. А где, скажите, бытие реальней, чем в горячем пульсе «Вайшешика-сутры», порождённой непосредственно «нуклонным поглотителем» (Канада), где полностью реально существование даже «абхавы» (небытия) – или в ослепительном блеске чёрного алмаза «Чхандогья-упанишады», прочитанной в свете «вишишта-адвайты» Рамануджи, водрузившего над миром белое знамя победы «относительности недвойственности».

Анализ пометок, сделанных Павлом Васильевичем в книге Радхакришнана, подтверждает этот мотив. Особенно много этих пометок встречается в главе «Природа реальности», а также там, где речь идёт о фонетическом воплощении «высшей реальности» – вселенском звуке «ОМ».

форм реальности. Различия, вместо того что
люзорные, преобразуются в высшую реальность
«AUM», обычно употребляемое для
Брахмана, выявляет его конкретный характ

¹ Mundaka, IV. 4. 11.

[Илл. 14-02-08-2. Звук «ОМ» («AUM»), «источник иместилище безгранично разнообразных форм реальности». Там же, тогда же, с. 142.]

Реальность, она нереально проста и реально невшибенна. 23 июля 1921 бабочка *Plutella Mariae* махнула крылом над М-островом – и шлюзы открылись. И человек, чьё имя так хорошо рифмовалось с «Островом» (Освобождённый Джанго «dào»), вдруг ощутил на своём лице лёгкое колебание воздуха, донёсшееся с севера – и уже вечером того же дня, чуть спала жара, в местечке под названием «Следи За Дальним Знамением» (望志) он учредил и возглавил маленькое Тайное общество из пятидесяти трёх членов, которое тридцать лет спустя будет полностью и безраздельно править одной четвёртой частью человечества, а ещё через сто лет – тремя его четвертями.

Итак, в июле 1956 Павел Васильевич полностью ушёл в Радхакришнана.

Но вернёмся к «изделию 202». После закрытия проекта оно отправляется на полку. Через небольшое время его благополучно растаскивают на запчасти, а дефицитные термоядерные реагенты со свистом уходят в жадные до них конкурирующие структуры.

Так Провидение отсрочило гипер-взрыв в районе Митюшёва Камня на 4 года и 7 месяцев.

Но в назначенный срок, 30 октября 1961, «Брахмастра» наступила.

Mighty One

Итак, 30 октября 1961 года случилась «Брахмастра».

О чудовищных характеристиках этого взрыва и его физических последствиях я уже говорил. Но главным следствием данной мега-вспышки стало то, что у людей, в чьё распоряжение это оружие поступило, буквально «поехала крыша» от ощущения свалившегося на них всемогущества.

На заре ядерной эры казалось, что увеличивая массу ядерного заряда, вы каждый раз пропорционально увеличиваете мощность взрыва. Поначалу так и было. Но на каком-то шаге эта простая зависимость упёрлась в принципиальные ограничения и перестала работать. Дальнейшее увеличение массы ядерного заряда стало не целесообразным. Так что ядерное оружие, хоть и очень мощное, но достигло предела собственных возможностей.

Так вот – испытание 30 октября 1961 имело целью проверить некую новую технологию, согласно которой – пока ещё только предположительно – можно было создавать бомбы неограниченной мощности. И это была не фигура речи. Расчёты показывали, что технически вроде бы можно реализовать мощность, «не ограниченную ни чем» – и совсем недорого.

И испытание 30 октября 1961 года подтвердило – новая технология работает. Так что теперь можно было смело делать бомбу и в сто, и в тысячу и в миллион миллионов Мегатонн – поскольку эта цифра отныне была «не ограничена ни чем».

***

К концу семилетки <...> будет производиться около трёх пар обуви на душу населения. <...> Конечно, потребуется расширить посевы хлопчатника. <...> Очевидно, в конце октября <...> [мы] взорвём водородную бомбу мощностью в 50 миллионов тонн тротила. (*Аплодисменты*) <...> Мы тем самым испытываем устройство и для взрыва 100-миллионной бомбы. <...> (*Бурные аплодисменты*).

(Отчётный доклад Хрущева на XXII съезде КПСС, «XXII съезд КПСС, стенографический отчёт», заседание первое, 17 октября 1961, утреннее. М., 1962, с. 54-55)

***

Если [в ходе ядерной войны] половина человечества будет уничтожена, то ещё останется половина, зато Империализм будет полностью уничтожен и во всём мире будет лишь Социализм.

(死掉一半人, 还有一半人, 帝国主义打平了, 全世界社会主义化了)

(Речь Мао Цзедуна на московском «Совещании представителей коммунистических и рабочих партий» 18 ноября 1957, заседание 4-е. Произнесена 34 дня спустя после подписания соглашения о передаче Пекину советских технологий производства атомной бомбы. Русский текст в данном конкретном случае более аутентичен, поскольку даётся непосредственно по подлиннику стенограммы выступления, РГАНИ, ф. 10, оп. 1, док. 32. Чуть «причёсанный» вариант которой, док. 41, шедший под грифом «Сов. секретно», в 1975 был отпечатан в неизвестном количестве экземпляров для спецрассылки, рассекречен в 2009, опубликован в 2013. Текст же на китайском – это отредактированная задним числом и сильно смягчённая версия, «Mao Zedong wenji», т. 7, с. 326, Пекин, 1999. При жизни Мао это его выступление в открытой печати не выходило в Китае вообще, даже в таком виде.)

Сложно рассчитывать на рассудочность человека, взомнившего себя «Mighty One». С этого момента начался обратный отсчёт времени, отпущенного цивилизации. Отсчёт, который было уже «невозможно остановить». Судя по всему, счёт шёл на месяцы.

Так вышло, что события осени 1961 совпали с последним периодом работы Набокова над книгой «Pale Fire», возможно самым культовым его произведением.

Как уже говорилось (см. главу «Бабочка», эпизод «Об отражённом свете»), есть основания полагать, что эта книга по какой-то причине так и не была полностью завершена и автор пустил её в печать в не очень понятной стадии готовности. Напомню, как протекал процесс.

За два года до рассматриваемого момента, осенью 1959, Набоков разработал общий план книги, после чего работа остановилась на год с небольшим. В декабре 1960 она продолжилась.

Важной для нашей темы вехой стал переезд Набокова на Женевское озеро в Монтрё, произошедший 7 августа 1961. К этому моменту уже была написана примерно половина книги. И теперь автор рассчитывал завершить «Pale Fire» в течение следующих восьми месяцев.

Однако уже через три месяца, в первых числах ноября 1961, книга неожиданно и как-то резко оказалась законченной (или была объявлена таковой), а ещё месяц спустя, 4 декабря 1961, машинистка уже завершила перепечатывание выправленного беловика.

А теперь давайте на этот график наложим хронику событий, происходивших в это время на Новой Земле. Нарисуйте в уме две линейки с отметками дат.

3 ноября 1958 советские ядерные испытания были остановлены – неизвестно насколько. Отметим, что это произошло ещё до появления у Набокова сведений о новоземельской «реке Набокова» (см. соотв. главу) и последовавшего за этим составления плана «Pale Fire» (осень 1959). Таким образом, в течение всего начального периода работы над книгой (вплоть до переезда в Монтрё), не прозвучало ни единого взрыва. И вот на этом благодном фоне, 7 августа 1961 Набоков приступает к завершающей стадии своей работы.

И меньше чем через месяц после начала, 1 сентября 1961, советская ядерная бомба, после более чем трёхлетнего перерыва, взрывается снова.

И на этот раз она не просто «взрывается». С этой секунды бомбы сыпятся на землю, как переспевшие сливы при шквале ветра. За следующие два месяца производится 59 взрывов, чуть не ежедневно. В том числе 19 взрывов совершенно чудовищной мощности – термоядерных, произведённых на новоземельском полигоне. Каждый из них как минимум в тысячу (а отдельные и в десять тысяч) раз превышает мощностью «обычные» ядерные взрывы.

Апофеозом становится «Брахмастра», разразившаяся 30 октября 1961. Но даже и после неё взрывы не прекращаются.

А Набоков – пишет свою книгу. Неужели всё это никак в ней не отразилось?

Отразилось. Помните, я рассказывал об эпизоде из «Pale Fire», где киллер в Центральном парке Нью-Йорка читает случайно найденную газету? Газета называется «New York Times», действие происходит 21 июля 1959, выпуск свежий. Так вот,

те несколько заметок из этого номера, которые я тогда цитировал, в книгу Набокова не вошли. Зато вошла другая, не упомянутая мной заметка – единственно, в слегка подправленном виде. В книге она выглядит так («комментарий Кинбота» к с. 949):

Hrushchov (whom they spelled «Khrushchev») had abruptly put off a visit to Scandinavia and was to visit Zembla instead.

«Хрущев (фамилию которого они пишут «Khrushchev») внезапно отложил визит в Скандинавию и вместо этого планирует посетить Новую Землю»

В реальной газете заголовок звучит похоже, только без «Новой Земли»: «Khrushchev Calls Off Plan For a Visit to Scandinavia» («Хрущёв отменил свои планы посещения Скандинавии», NYT, 21.07.1959, с. 1)

Резкое изменение настроения советского лидера было тогда воспринято в мире очень серьёзно. Уже на следующий день калифорнийские газеты (почему-то первыми мне попались они) напряжённо обсуждали вопрос, не значит ли это, что Хрущёв уже принял решение о ядерной бомбардировке мира?

Тогда всё обошлось. Но 61-й это вам не 59-й. А книга дописывалась осенью 1961. Когда двухмесячная ежедневная ядерная бомбардировка увенчалась 50-мегатонной «Царь-бомбой» 30 октября.

И тут самое место вспомнить (вместе с Набоковым) его давешнее стихотворение двадцатилетней давности «The Refrigerator Awakes». Помните 28-ю его строку? Которая о новоземельских «тараканах в голове» («bee in a bonnet»)? Не вопрос, напомним:

Nova Zembla, poor thing, with that B in her bonnet

«Новая Земля, дело гиблое, с её тараканами в голове»

Когда Набоков двадцать лет назад писал эту строку, то «B» – это была «bee» («пчела» из соответствующей идиомы), плюс аллюзия на «Zem(B)la». А «bonnet» – это был головной убор, женский чепец.

Теперь же, 30 октября 1961, «B» стало «B[omb]» (именно так – одим словом и с большой буквы – в прессе в те дни называют термоядерную бомбу предельной мощности АН602). А «bonnet» – теперь это был «люк бомбового отсека», согласно жаргону пилотов 509-й авиагруппы.

Итого: «Новая Земля с 50-мегатонной бомбой в её бомбовом отсеке». Никто не заставлял, сам писал.

Одного этого могло оказаться достаточно, чтобы Набоков принял решение срочно (досрочно) свернуть книгу, вторая часть которой (символически, или как) запустила по факту процесс необратимой термоядерной реакции.

Так или иначе, Набоков аврально завершает работу над «Pale Fire», буквально за пару-тройку дней (к 4 ноября). И отдаёт черновики машинистке.

И на следующий же день после прекращения работы над этой книгой, 5 ноября 1961, взрывы также разом прекращаются, как их и не было. Нужно ещё что-то добавлять?

Можно и добавить. Книга оказалась оборванной на некой промежуточной стадии. Что в неё не вошло из того, что должно было, мы не знаем, и никогда уже не узнаем. Но что-то, тем не менее, в результате получилось. Шило в мешке не утаишь, рукопись требует печати.

И вот 27 января 1962 газета «Indianapolis News» впервые анонсировала грядущий выход «новой книги» Набокова «Pale Fire» в издательстве «Putnam's Sons», тираж которой, согласно заметке, ожидался на прилавках уже в мае текущего года (как оно и случилось, продажи пошли примерно с 20 мая).

Эта заметка, выведшая «Pale Fire» из информационной тени, появилась утром 27 января. А 2 февраля 1962 раздался новый советский ядерный взрыв.

Интересно вот что. В книге «Pale Fire» вымышленный поэт Шейд в своей поэме «Pale Fire» показал нам одну-единственную точку Новой Земли, расположенную «между заливом и мысом» её М-кластера. И именно в этом зазоре – «между островом и горой» – по факту целиком расположилась вся книга Набокова. Между М-островом, который в 1923 дал начальный импульс этой книге (посредством статьи Ребеля) – и М-Камнем, вспышка над которым 30 октября 1961 остановила неравномерное и непрямолинейное движение «Pale Fire» и определила её нынешний релятивистский вид.

Сухой белый остаток. Замечательный писатель Владимир Набоков отказом от завершения своей книги пытался остановить ядерное безумие – и не остановил. Но уже за одну лишь эту попытку можно было бы дать ему Нобеля, право слово.

Часы, меж тем, продолжали тикать. И счёт шёл на месяцы.

Ответ

У этой истории есть небольшая, но важная предыстория.

В 1957 году, когда на новоземельском полигоне взорвалась первая водородная бомба, в нескольких тысячах километров от этого места встретились два человека.

Один из них произнёс слова о некоем «Камне», добраться до которого можно только совершив «двадцать полётов». А также он живописал невероятные трудности самого подъёма, без которого, однако, невозможно достичь той точки пространства, где осуществляются сокровенные мечты.

В ответ другой передал первому некое водородное соединение, особый род метилкарбинольного контракционного раствора.

И это стало совершенно необходимым (хотя пока ещё и недостаточным) условием всех тех грандиозных событий, что случатся в скором будущем. А теперь и сама история.

Так вот. Один продавец, работавший в небольшом магазине, давно уже чувствовал, что он создан для чего-то большего, чем брать с полки товар и заворачивать его в блестящую бумагу. Ему было уже 27 лет, и он действительно засиделся в продавцах.

С другой стороны – а чего он хотел? Не то что института, он даже школы в своё время не смог закончить. А из армии его вообще комиссовали за полной неспособностью ко всему, что связано с физической активностью. Так что быть продавцом в магазине, по хорошему, было его потолком.

Но человек всегда мечтает. И продавец тоже мечтал. Мечтал заняться чем-то ярким, заметным, востребованным. Возглавить какой-нибудь актуальный и перспективный проект – или что-нибудь в этом роде.

Так вяло и привычно мечтают все – вплоть до пенсии. Потому что легко представить себя в мыслях в новом качестве, но предпринять какие-то действия – для этого нужна совершенно исключительная мотивация. Потому что слишком высок барьер перехода. И слишком высок риск не обрести желаемого, но потерять при этом имеющееся. Хлебное и непыльное место продавца, например.

Так что его мечты тянулись день за днём и год за годом. Пока однажды утром наш продавец не раскрыл свежую газету и не пробежал глазами передовицу. Потом уже внимательно прочитал большую статью внутри, на 9-й полосе. И что-то в его сознании разом переключилось. Это было как вспышка.

До него дошла, наконец, одна мысль. Мысль эта очень простая, и она известна всем. Но она совершенно бесполезна, пока сама не проникнет в ядро сознания. Сформулировать её можно примерно так: «Всё это (широкий жест рукой) может исчезнуть для меня в любое мгновение. В любое.»

А из этой «мысли» следует уже вполне практический вывод: «Нельзя больше ничего откладывать. Всё что собирался, делай прямо сейчас.»

День, когда продавец открыл газету, был 1 ноября 1961 года. Из статьи он узнал о взрыве самой мощной в истории человечества водородной бомбы, что произошёл за два дня до этого. Дальше тянуть с чем бы то ни было, продолжая держаться за «тихое место», гарантирующее «спокойную старость», стало бессмысленным. И продавец начал реализовывать свою мечту «стать кем-то» прямо в тот самый день.

Но за какой-такой «актуальный и перспективный проект» взяться, чтобы «его возглавить»?

Время выбора и размышлений прошло, так что теперь надо было брать первое, что подвернётся. А первым ему «подвернулось» следующее.

Он вспомнил, что четыре дня тому назад в его магазин заходил один покупатель и спрашивал некий товар. Этого товара не только не было в наличии, но продавец даже и не слышал о существовании такого.

Об этом случае он тут же забыл, но ещё через два дня, то есть «позавчера», в магазин зашли ещё две покупательницы и спросили тот же самый товар. Это было уже интересно. Впрочем, не настолько, чтобы тратить на это время.

И вот теперь, 1 ноября 1961, он подумал, что этот «товар», возможно, ему как раз и подошёл бы – по крайней мере для начала. Ведь, судя по всему, этот «товар», с одной стороны, малоизвестен на рынке (поскольку даже он, профессионал в этой области, о нём не слышал), с другой – возможно обладает неплохим потенциалом (поскольку генерировал какой-никакой спрос «самотёком»).

Первым делом надо было выйти на производителей этого продукта. Но прежде следовало сделать одну ещё более неотложную вещь. А именно – разузнать у друзей, родственников и знакомых – что вообще значит «возглавить проект», как это делают, с чего обычно начинают, как себя следует вести, как одеваться и т.п. То есть – быстро освоить хотя бы азы совершенно новой для себя профессии – профессии «босса». На это ушла ещё целая неделя.

Так что только через восемь дней, 9 ноября, он встретился с «производителями продукта» – несколькими молодыми людьми. Благо обретались они (и в этом был ещё один знак судьбы) совсем рядом, в нескольких сотнях метров от его магазина.

После первой их встречи ещё месяц ушёл на согласование позиций. И наконец 6 декабря 1961 было заключено историческое соглашение о сотрудничестве. Стороны ударили по рукам. Продавец, никогда ничем подобным не занимавшийся, возглавил работу группы.

Значение этого «соглашения» для нашей цивилизации переоценить нельзя. Возможно, это было самым важным событием, какое только могло произойти на Земле в тот момент. Поскольку прямым следствием этого «соглашения» стало то, что Третья мировая термоядерная война так и не состоялась. По крайней мере тогда.

Теперь уже можно дать конкретику. Газета, которую открыл в тот день продавец, называлась «Guardian», ланкаширский выпуск от 1 ноября 1961. Статья – «Bomb was bigger than 50 megatons», автор Виктор Зорза. Название продукта, который безуспешно спрашивали покупатели, можно перевести как «моя прелесть». Магазин назывался «NEMS». Место, где продавец впервые встретился с молодыми людьми называлось «Каверна». Нужно продолжать?

Через 837 дней после термоядерного взрыва над горой Митюшёв Камень газета «Комсомолец Туркменистана» впервые назвала нам и имя нашего «продавца» – Брайан Эпстейн:

Четверо молодых людей заинтересовали <...> некоего Бриана Эпштейна. <...> Сколько продлится эта история, никто не знает.

(«Комсомолец Туркменистана» от 13 февраля 1964, с. 4, № 19 (2947), Ашхабад)

При публикации буква «о» в слове «история» была заменена опытным редактором на «е», однако имя было дано почти правильно. Ещё раз: Брайан Эпстейн.

Для тех, кто ещё не понял – всё происходило в Ливерпуле.

Эксперты единодушны, что без того спонтанного решения Брайана начать новую жизнь, и без его последующего руководства теми молодыми людьми – ничего бы не случилось из того, что в результате случилось. А решение это, как следует из приведённого хода событий, было им принято ни годом раньше ни годом позже, ни неделей раньше ни неделей позже – а именно день в день с тем газетным сообщением – как прямая реакция на осознание близости глобальной катастрофы.

Соглашение между Брайаном и четырьмя молодыми людьми было устным. «Right then, Brian. Manage us» – вот те пять слов, которые спасли мир.

Так, прямым следствием термоядерного взрыва в районе Митюшёва Камня стал ещё более мощный ответный взрыв, изменивший сознание многих сотен миллионов людей. Но этот «взрыв» разворачивался во времени.

Брайан спешил. План действий ещё только предстояло разработать, но уже сразу были очевидны три вещи, которые нужно было сделать безотлагательно: 1) кожаные куртки заменить на концертные костюмы и установить стандарт причёсок, 2) установить нижний порог гонорара за любое выступление, а именно 15 фунтов, 3) перестать жевать бутерброды на сцене.

Уже только эти три меры дали ошеломительный эффект. Два года спустя подопечные Брайана становятся по факту самыми известными людьми на планете. И не только из числа ныне живущих, но и вообще. И не только из числа людей, но и вообще из всех существ – существующих или сущих.

Это была заслуженная слава. Ибо именно эти молодые люди отвратили «брахмастру». И сделали они это с помощью одних только слов.

Детальный разбор механизма воздействия их морфем и лексем на сознание сотен миллионов людей я оставляю нейро-лингвистам. Но интегральный эффект интуитивно понятен. Их слова были таковы, что те, в чьих руках находилось «абсолютное оружие», поняли: солдаты откажутся выполнить их приказ уничтожить тот невероятный мир, из которого исходят такие слова. И так уже армия тихо начинала желать скорейшего вторжения «вероятного противника» – чтобы сразу сдаться освободителям и хоть так попасть в их Земляничные Поля.

Это было уже слишком. Просто даже как-то не по-людски. Вынашивать планы мирового господства в таких условиях становилось решительно невозможно, решительно.

Так что от идеи всеобщего освобождения человечества (с попутным его уничтожением) волей-неволей пришлось отказаться. И удовольствоваться рутинным поддержанием порядков лишь в собственной, по факту сложившейся, огороженной зоне. У международного аэропорта, на кабельных работах.

Остальной же мир смог вздохнуть с облегчением.

Следы

Взрыв над Митюшёвым Камнем породил «Брайана», Брайан породил великую группу, группа породила великие песни, гармонизировавшие хаос. При этом встаёт вопрос: в словах этих песен как-то отразилась сама Новая Земля?

В очень малой степени. Что, впрочем, не удивительно. Потому что в словах этих песен вообще мало что отразилось. Словарь их оказался на проверку редкостно бедным. Всего где-то около трёх тысяч слов – и то учитывая словоформы, частицы и междометия (типа «yeah-yeah»). Не очень-то разбежишься. Так что рифмовать приходилось «thing» с «everything» («Вечер трудного дня») – и на том скажите спасибо.

Вот, например, десять самых часто используемых существительных в тех песнях. Показателен не только их состав, но и скорость падения частоты (суммарное количество использований указано в скобках). Цифры взяты мной из общего Индекса (Campbell, Murphy «Things we said today», 1992):

«...» (485), «девушка» (154), «время» (127), «бэби» (103), «ум» (78), «ночь» (72), «солнце» (64), «жизнь» (56), «вещи» (55), «мир» (53). Первую позицию списка я не указал, попробуйте догадаться сами.

Для сравнения: «Библия» во всех текстах упоминается 2 раза, «Атлантический океан» – 1. Где уж тут найти место для «Новой Земли».

И даже несмотря на это, некоторые следы Новой Земли в текстах песен так или иначе проступают.

При этом нужно понимать, что поэт, как тропическая орхидея, кормится из воздуха. В воздухе «носятся» какие-то идеи, новости, мемы – и всё это у поэта идёт в дело. Но вряд ли он сам сможет сказать, где когда что подцепил. Для этого и существуют исследователи. При этом мы даже не всегда можем быть уверены, что поэт в своё время правильно понял какие-то «движения воздуха», или хотя бы значения слов, которые он потом так ярко вставил в строку.

Все эти замечания никоим образом не умаляют результат. Они лишь снимают праздные вопросы типа «А мог ли он знать то-то и то-то?», «А точно ли он осознавал это-то и это-то?» и т.п.

Итак, следы.

Так мы иплыли **«вверх»** на **восток** (букв. «на солнце») до тех пор, пока не нашли **зелёное** море,
и мы жили под волнами
в нашей жёлтой подводной лодке.

(«Yellow Submarine», Revolver 1966)

Поэт обладает огромной свободой – свободой выбора способа выражения. Но и читатель обладает определённой свободой – свободой выбора способа прочтения этих выражений.

В данном случае ничто не может помешать нам понимать слово «up», как «вверх», а направление движения корабля «to the sun», как – «на восток». И в морском, и в бытовом лексиконе «плыть на солнце» одинаково является эвфемизмом понятия «плыть на восток». А всё вместе («вверх и на восток») означает, соответственно, «двигаться на восток в высоких широтах» (то есть – «вверх» по карте, а потом на восток). А «вверх по карте и потом на восток» от Ливерпуля – это будет Баренцево море.

Теперь о цвете этого моря.

Я понимаю, что «грин» – это потому что «субмарин». Но ведь всё в руках поэтов. Всегда можно взять «блю» и поплыть «на кораблю». Это всё решаемо. Так что требуются дополнительные обоснования выбора конкретного слова.

В сухопутной жизни что «зелёный», что «синий» – не велика разница, и то и другое – «кёк». Однако моряки цвет моря чувствуют (и обозначают) тонко. Тут «голубейко» это одно, «сузелень» – другое, а «винноцветное» – это вообще из третьей оперы.

Так вот, Баренцево море в целом – тёмно-синее (в хорошую погоду, конечно). Но есть там одна область, которая с самого момента её открытия и до сих пор поражала и продолжает поражать моряков резкой сменой цвета воды – с синего на ярко-зелёный.

Так меняется цвет воды у берегов Новой Земли. Опытные моряки именно по данному признаку узнают в тумане о близости новоземельского берега.

Приведу лишь два свидетельства – одно из самых первых в нашей книге (Де Фер), а другое из самых последних (Русанов). Триста лет, пролётшие между ними, заполнены непрерывающимися возгласами изумления новичков от резкого появления ярко-зелёной воды у берегов Новой Земли.

Де Фер, 1596:

А дальше («atque») вода была зелена не меньше («non minus viridis erat»), чем трава («gramen») [7 июня 1596, на подходе к Новой Земле]

(De Veer, *Diarium Nauticum*, 1598, lat., f.14)

Русанов, 1910:

Вода ещё океанская – ярко-синяя [это Баренцево море вдалеке от Новой Земли, 19 июля 1910]

Вода стала совершенного зеленого цвета [подошли к Новой Земле, 20 июля 1910]

(Русанов, «На «Дмитрии Солунском» вокруг Новой Земли», 1911)

Да что говорить. На карте Северного Ледовитого океана (издана Главным Гидрографическим управлением Морского министерства в 1910), море вдоль всего западного берега Новой Земли пестрит пометками: «зелёный ил», «зелёный ил».

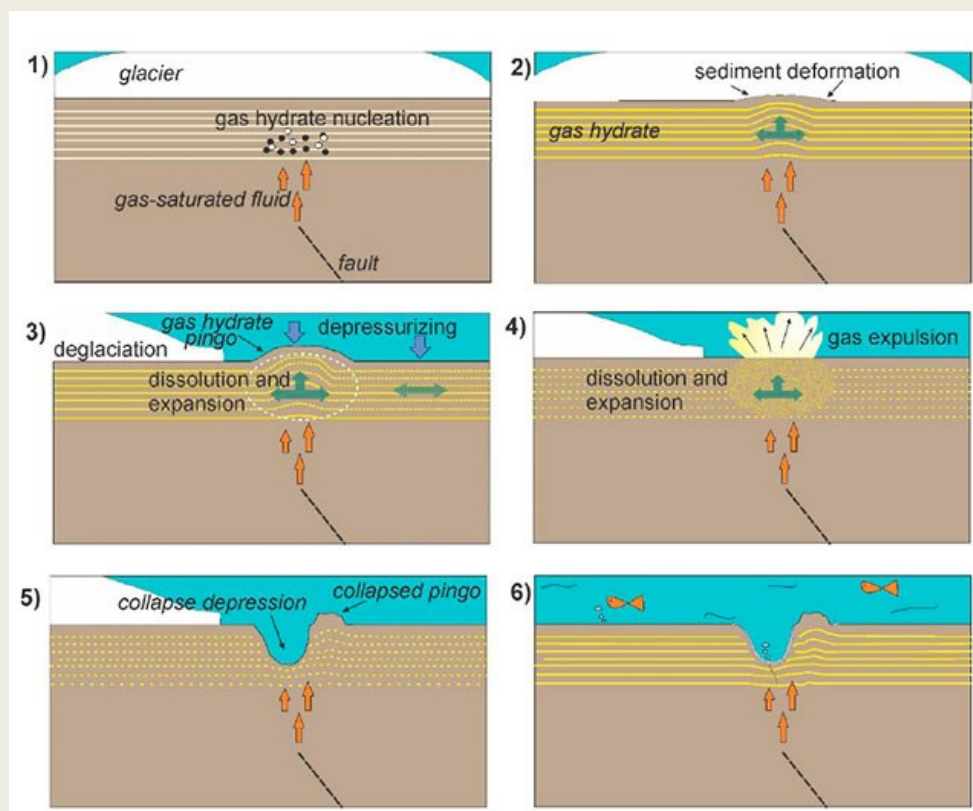
and mounds in the central Barents Sea», 2016, The Arctic University of Norway, EOM-3901 и др.).

Это очень редкое геологическое явление. Обнаруживается оно не то что в каждом втором море, а даже и не в каждом двадцатом. Для появления таких «дыр» требуется уникальное сочетание нескольких факторов: строго определённой глубины (не больше, не меньше), наличия в породах дна рассеянного метана, приход в это место ледника, потом его уход.

В результате, когда приходит ледник, метан на дне под его весом переходит в газо-гидратную форму – твёрдое лёдо-образное вещество. Потом ледник уходит, и метан начинает постепенно высвобождаться, образуя газовый пузырь, расположенный под поверхностью дна. Дно в этих местах вспучивается холмами. Если глубина моря невелика, то эти «холмы» рано или поздно натурально взрываются, метан выходит наружу, а на этом месте образуется глубокий кратер. Диаметр таких «дыр» достигает сотен метров, глубина – 20-30 м.

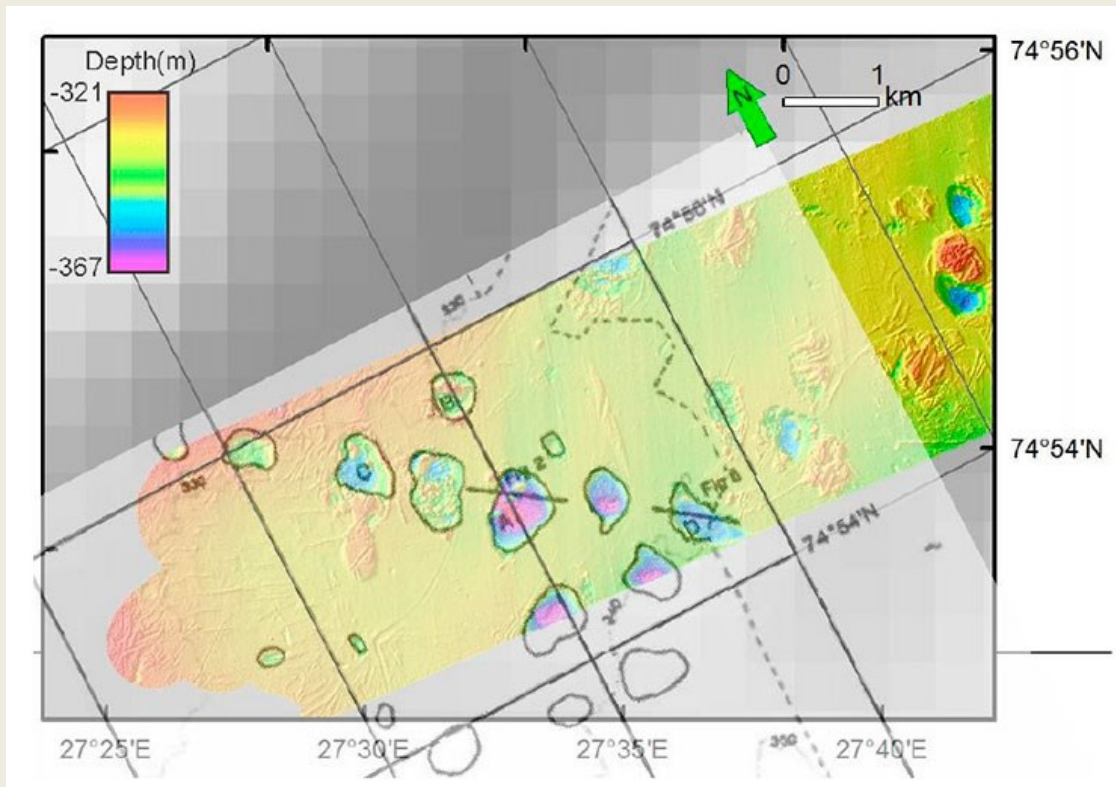
Процесс образования «дыр» идёт в Баренцевом море со времени окончания оледенения, то есть примерно 10 тысяч лет. За это время дно моря покрыли десятки, если не сотни тысяч таких «дыр».

Нечто подобное можно ожидать также и в Карском, и в некоторых других морях. Но в любом случае, это явление крайне редкое – и ближайшая от Ливерпуля его реализация находится именно в Баренцевом море.

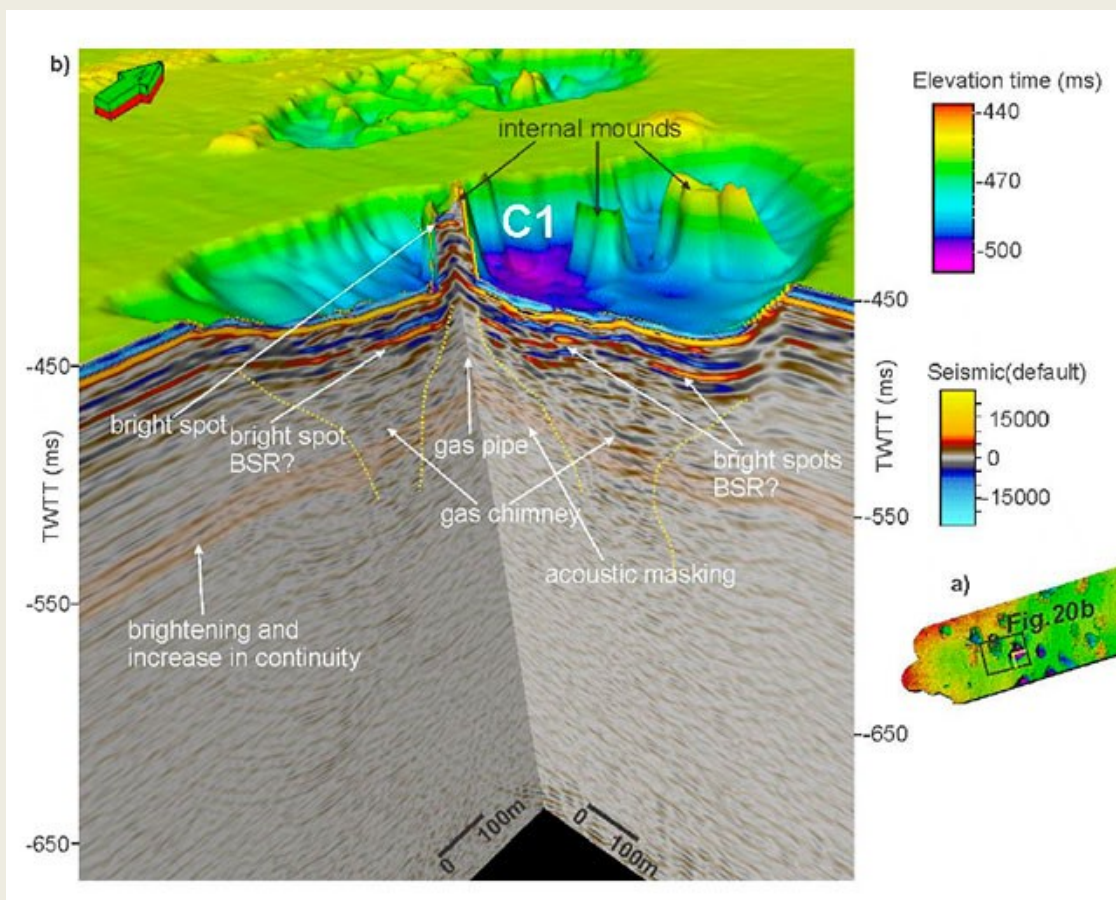

[Илл. 14-02-10-1. Кратеры на дне Баренцева моря. Natalia Isaksen, «Seafloor craters and mounds in the central Barents Sea». EOM-3901, Master thesis in Energy, Climate and Environment, June 2016. Arctic University of Norway, Department of Geology, с. 49.]

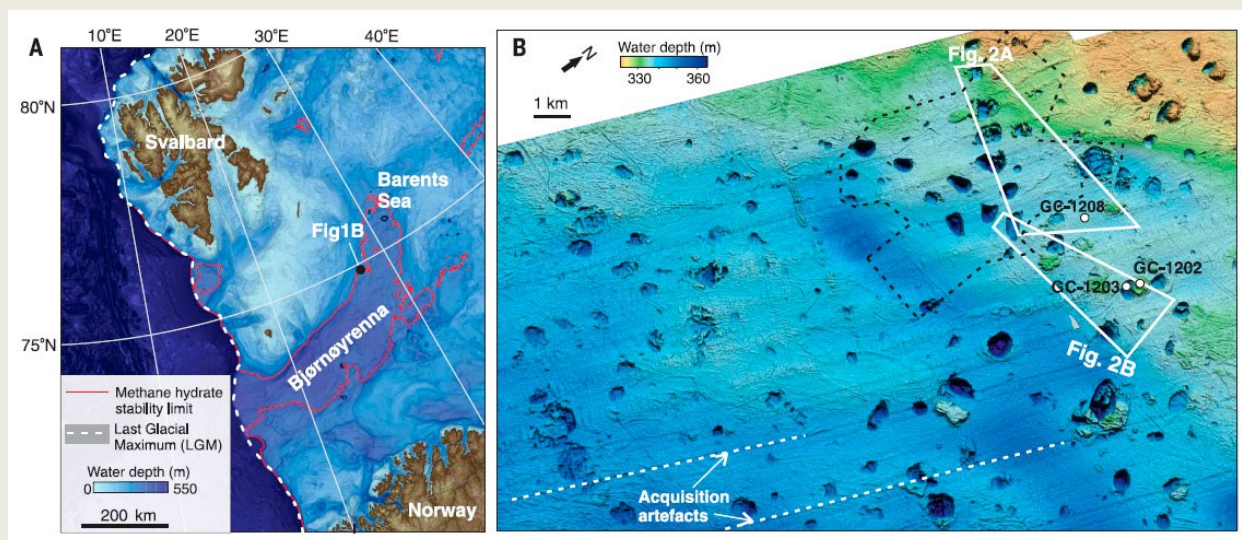

[Илл. 14-02-11-1. Там же, с. 47. Глубинный срез донных кратеров.]

[Илл. 14-02-12-1. Там же, с. 33. Структура газогидратного кратера.]

[Илл. 14-02-13-1. Плотность газогидратных кратеров на дне Баренцева моря, схема.]

Итак, «жёлтая подводная лодка» плыла в «Зелёное Море», которое лежит в «высоких широтах», к «востоку» от Ливерпуля, сразу за «Морем Дыр». По всем признакам – это прибрежные воды Новой Земли. А причаливает лодка, как мы помним, к вершине высящейся посреди равнины пирамиды, олицетворяющей собой сакральную Гору.

Кстати, тема «дыр» в морском дне не ограничивается лишь фильмом «Yellow submarine». Она проскальзывает и в другой песне, «Glass onion»:

Заделявая дыру в океане («fixing a hole in the ocean»),
Пытаясь сделать «ласточкин хвост», йе,
Смотря сквозь «стеклянную луковицу».

(«Glass onion», White album 1968)

Ещё одно пересечение фильма «Yellow submarine» и испытания водородной бомбы просматривается в том, что оба эти проекта базировались на таком явлении, как «цепная реакция».

В случае с нуклеосинтезом это понятно и так, а про фильм немного поясню.

Поскольку весь конфликт в фильме лежит в коммуникационной плоскости, то ключевым для него является понятие «ретрансляции», то есть – формально – «процесса получения сигнала, его усиления и передачи дальше». При этом «ретрансляция» чего угодно может идти: а) с затуханием, б) без затухания и в) с лавинообразным нарастанием. Последнее и есть ничто иное, как «цепная реакция».

Посмотрим, какие конкретно виды «ретрансляции» сигналов имеют место в фильме и в какой последовательности они выстроены авторами.

Начало: «Старый Фред» приплывает на «жёлтой подводной лодке» из «Пепперлэнда» в Ливерпуль за помощью. Первым, кого он там встречает, оказывается

Ринго, скоро к ним присоединяется Джон. Они хорошие и отзывчивые ребята, и не прочь пособить, однако Старый Фред, находясь в состоянии сильного аффекта, не может толком объяснить суть проблемы. Только бессвязно выкрикивает какие-то непонятные слова.

Решают найти Джорджа, может он поймёт хоть что-то – тем более, что сегодня как раз его «Sitarday». И вот они находят Джорджа.

Джордж: В чём дело, Ринго?

Ринго (показывая на Старого Фреда): Вот этот парень...

Старый Фред (перебивает и бессвязно выкрикивает): ...Голубые Подюки! Голубые Подлюки!.. («Blue Meanies»)

(Джордж смотрит на них непонимающе)

Ринго (ретранслирует): Голубые Подлюки.

Джордж: Вы больны оба («You're nuts, the pair of you»).

Итак, в начале фильма «ретрансляция» не удаётся, сообщение затухает.

Середина фильма: экипаж «жёлтой подводной лодки», починив двигатель, пытается вырваться из «Ниоткуда» (места, где не существует Пространство). Капитан подлодки, Старый Фред, даёт команду к отплытию, и все последовательно ретранслируют эту команду дальше по цепочке:

Старый Фред: Внимание, экипаж. Приготовиться к отплытию. Полный вперёд! («Forward!»)

Джордж (ретранслирует команду дальше): Полный вперёд!

Пол (ретранслирует дальше): Полный вперёд!

Джон (ретранслирует дальше): Полный вперёд!

Ринго (ретранслирует уже сам себе): Полный вперёд!

Сигнал здесь уже не затухает, но и распространяется без нарастания. Реализован «случай Б».

Это всё, конечно, была лишь подготовка темы, лёгкий её «прогрев». Но вот наступает кульминационный момент фильма – битва Джона с боевой «ракетой-Перчаткой». Строго говоря, Перчатке противостоять невозможно, это – самонаводящееся «абсолютное оружие». Она летает, безошибочно распознаёт цель, превращается на ходу во что угодно, владеет всеми мыслимыми способами уничтожения. Спасти от неё нельзя.

А Джон – обычный лабух, да ещё выряженный как шут гороховый – в какой-то нелепый маскарадный мундир с длинными фалдами и аксельбантами. Смех да и только.

И тут Джон начинает петь. Общий смысл этой знаменитейшей теперь песни в том, что возможности обычного человека крайне ограничены, и, по правде говоря, он почти ничего не может. Но есть одна вещь, которую в состоянии сделать любой, и одно это уже способно наполнить его жизнь смыслом, а также оправдать его жизнь в глазах других. Вот как примерно выглядит первая часть послыла Джона:

Ты нечего не можешь совершить, чему не дано быть совершенным,
Ты ничего не можешь спеть, чему не дано быть спетым,
Ты ничего не можешь сказать – но ты можешь научиться играть в эту
игру,
всё просто: <...>

Ты ничего не можешь узнать, чему не дано быть узанным,
Ты ничего не можешь увидеть, что не было показано,
Ты нигде не можешь оказаться, где тебе не предназначено быть,
всё просто: <...>

Ты ничего не можешь произвести, чему не дано быть произведённым,
Ты никого не можешь спасти, кому не дано быть спасённым,
Ты ничего не можешь совершить, но ты можешь научиться быть собой,
всё просто: <...>

И вот какой рецепт «спасения» даёт мультипликационный Джон (это то, что было опущено мной в угловых скобках):

«Всё что тебе нужно – это любовь».

Звучит хорошо, но неплохо было бы дополнить этот рецепт понятным способом его применения. И в фильме этот способ даётся – соответствующим видеорядом.

Каждый раз, когда Джон произносит слово «Love», это слово, вылетая из его рта, материализуется в виде огромных объёмных букв, встающих на пути ракеты-Перчатки. Перчатка врезается в эти буквы, временно сбивается с курса, застревает, путается и т.п.

Однако, это может лишь ненадолго отсрочить гибель Джона, ибо Перчатка не унимается. Тогда Джон из этих объёмных буквенных блоков, вылетающих из его же рта, строит башню-ретранслятор, и с её вершины посылает свои слова остальным трём друзьям, находящимся в отдалении. Ракета-Перчатка тут же разрушает ретранслятор Джона – но дело уже сделано: друзья уловили сигнал, подхватили его, и сами начали с некого возвышения (с головы гигантской статуи Сержанта Пеппера) ретранслировать его дальше – «Любовь! Любовь! Любовь!»

Им бы тоже несдобровать, но этот сигнал улавливают остальные жители Пепперлэнда, и каждый из них, получив его, начинает в свою очередь ретранслировать это слово дальше. Начинается «цепная реакция» Люви.

В результате, количество слова «Love», вылетающего из уст всего населения Пепперлэнда, становится в воздухе столь велико, что эти слова смыкаются в сплошной защитный экран, который ракета-Перчатка пробить уже не может. Она врезается, падает, скулит – и позорно ретируется.

Образность этого эпизода прозрачна: смысл человеческого существования состоит в уловлении сигналов любви и излучении этих сигналов вовне. Типа, этим спасётся мир.

Коротко же суть этого можно выразить в пяти словах: «каждый должен стать ретранслятором любви».

А с технической точки зрения, мы имели сейчас дело с «цепной реакцией», возникшей в процессе «ретрансляции» одного слова. И именно эта «цепная реакция», ставшая возможной благодаря всему предшествовавшему ходу событий, является главным сюжетообразующим элементом фильма. Наряду с самой парадигмой «ретрансляции».

К слову сказать, весь ядерный полигон Новой Земли, точнее, его боевое поле «Д-2» для сверх-мощных испытаний, обслуживал один-единственный ретранслятор, находившийся на Митюшёвом острове, примерно в 50 километрах от командного пункта автоматики («Ядерные испытания в Арктике», т. 2, ч. 3, гл. 1-2, с. 286, 287, 295. Коллектив авторов под рук. В. А. Логачева, 2004).

Итак, на рассмотренных выше примерах мы убедились в двух вещах: 1) Следы Новой Земли в песнях есть, 2) Эти следы еле различимы и для обнаружения каждого из них требуются определённые усилия.

А потому на этом я пока останавлиюсь, приведя напоследок лишь ряд песенных цитат, подозрительно похожих на реминисценции из газетных статей с описанием термоядерного взрыва 30 октября 1961.

– «Сияние миллиона солнц»

Shines around me like a million suns
It calls me on and on across the universe
Jai guru deva om

(«Across the Universe», Past Masters 1988)

– «Это – Сияние, это – Сияние»

It is shining, it is shining

(«Tomorrow never knows», Revolver 1966)

– «Отдавшийся Пустоте»

Lay down all thoughts, surrender to the void

(Tomorrow never knows, Revolver 1966)

– «Крошащийся свет»

Images of broken light which
dance before me like a million eyes

(«Across the Universe», Past Masters 1988)

– «Мармеладовые небеса»

Picture yourself <...> in marmalade skies

(«Lucy in the sky with diamonds», Sgt. Pepper's lonely hearts club band 1967)

– «Цветок, растущий на немыслимую высоту»

...you drift past the flowers that grow so incredibly high

(«Lucy in the sky with diamonds», Sgt. Pepper's lonely hearts club band 1967)

– «Небо в алмазах»

Lucy in the sky with diamonds

(«Lucy in the sky with diamonds», Sgt. Pepper's lonely hearts club band 1967)

– «Чугунный берег»

Standing on the cast iron shore

(«Glass onion», White album 1968)

– «Это – Северная Песня»

It doesn't really matter what chords I play
What words I say or time of day it is
As it's only a Northern Song

(«Only a Northern song», Yellow submarine 1969)

Несколько простых слов

И ещё несколько великих строк – уже никак, по-видимому, не связанных со вспышкой над Новой Землёй. Просто, для души. Хотя никогда не знаешь...

Люби, люби меня,
Ты знаешь я люблю тебя,
Я навеки твой
Так что, умоляю,
Люби меня,
О-о, люби меня!

Кого-то полюбить, кого-нибудь ещё,
Кого-то полюбить, кого-то как тебя.

Люби, люби меня,
Ты знаешь я люблю тебя,
Я навеки твой
Так что, умоляю,
Люби меня,
О-о, люби меня!

(«Love Me Do», октябрь 1962)

И последние три цитаты. Переводить их бессмысленно. Они существуют в том виде, в каком существуют:

«Строберри филдз форэва»

«Олл ю нид из лав»

«Энд вэн зэ найт из клауди
Зэр из стилл э лайт зэт шайнз он ми.
Шайн антил туморроу, лэт ит би»

И самая-самая последняя:

«Пэнни Лэйн – из ин май ирз – энд ин май айз,
Вэт – бенис зэ блю – субурбан скайз»

Он

От новоземельской вспышки 1961 года был ещё один дальний отблеск, оставшийся малозамеченным. Точнее, отблеск отблеска. В 1971 году вокально-инструментальный ансамбль «Эхо» сменил название.

Это не было очередным рутинным обновлением имиджа. Группа решительно рвала с прошлым и безоглядно бросалась в будущее. И новое имя должно было символизировать это будущее, более того – стать тем камнем, на котором бы это будущее зиждилось.

Найти слово, к которому предъявлялись столь высокие требования, оказалось, однако, задачей непосильной. После многих дней творческих мучений и перебора сотен вариантов, решено было признать поражение и просто заменить ВИА «Эхо» на рок-группу «Эхо», оставив всё как было.

И тут нужное слово вдруг выскочило само-собой. Никто даже не понял, как это произошло. Так виртуальная античастица «вдруг» покидает зелёное «море Хиггса» (что следует сразу за «морем Дирака») – и вдруг является нам во всей своей славе буквально из ниоткуда – в виде полновесного кварка, а то и бозона, неуловимого, как Джо. Короче, у «эховцев» было групповое озарение.

В первый момент название это показалось совершенно диким, так музыкальные ансамбли не называют. Но через мгновение всем стало понятно: это именно то, что нужно.

Название это было – «Сверчки».

Состав новосвершившихся «Сверчков» был таков. Глеб Никишин («Геля») – ритм-гитара, Михаил Захарченко («Заяц») – бас-гитара, Владимир Сидоренко («Сидор») – ударные, ваш покорный слуга («Джонни») – гитара-соло.

Распределение ролей было условным и в случае надобности легко менялось, поскольку все участники группы в равной степени не владели ни одним инструментом.

В своё время репертуар ВИА «Эхо» составили «вещи» (они же – «композиции»), подаренные начинающей группе местным криминальным авторитетом, понимавшим музыку несравненно лучше «эховцев» и умевшим подбирать аккорды. Но теперь «Сверчкам», радикально сменившим направление, аккорды новых «вещей» пришлось уже покупать на стороне – у одного чувака, летом, в спортивном лагере.

Платили этому барыге от музыки, впрочем, не деньгами, а кондитерскими изделиями. К оплате принимался зефир, мармелад, карамельные конфеты, ванильные сухари. Печенье «Юбилейное» имело ограниченное хождение и в любом случае шло по невыгодному курсу.

Так было добыто достаточно «вещей», чтобы составить концертную программу. И «Сверчки», долго не откладывая, начали своё восхождение.

Первый сезон прошёл бурно. Были выступления, был ажиотаж, были турне по школам соседних микрорайонов, были фанаты, были костюмы (рубашки с «огур-

цами», пошитые «бабой Таней»), была даже собственная «сувенирка» (шариковые ручки с самодельными рисованными вставками).

Вслед за Борхесом, «Сверчки» полагали, что в буквальном смысле «сочинить что-либо» человеку невозможно в принципе. Максимум, что отведено на долю Искусства – это быть искусством интерпретации. Так что писать собственные песни «Сверчки» даже и не пытались, а исполняли уже имеющиеся, в меру своего таланта и разума. И надо сказать, в их исполнении «вещи» делались действительно весьма своеобразными, практически неузнаваемыми.

Несмотря на мощный старт (а может именно благодаря ему), «Сверчки» просуществовали недолго. Распалась группа даже быстрее, чем ливерпульцы. Дальше частицы полетели уже отдельно по непредсказуемым траекториям, неся на себе заряд очарованности грандиозностью бытия, простирающегося впереди.

Вскоре после этого на Стэнфордском ускорителе были замечены первые частицы, содержащие «очарованный кварк» (с, $\bar{c}$), до этого считавшийся мифическим. Это были так называемые «очарованные» частицы и частицы со «скрытым очарованием», отвечающие в нашем мире за смысл существования. Те самые D- и ψ -мезоны, за обнаружение которых будет тут же присуждена Нобелевская премия по физике. Мифические D- и ПСИ-мезоны, «Д-ПСИ». «Душа Поэта Слышит Истину».

После распада «Сверчков», у человечества на руках кое-что от этого осталось. А именно – нестудийная запись их лучшего альбома. Остаётся ли у человечества на руках эта запись сейчас, мне неизвестно. Знаю лишь, что главным её хитом была следующая «композиция». Слова и музыка народные.

В тумане Лондон встретил нас,
Непрошенных гостей.
Из-под ворот несётся джаз –
Весёлый шейк битлов.

О, Баби-ло-он, о-он,
О, Баби-ло-он,
Он!

1990: Высвобождение

(Белая Книга – В поисках Кремля – Чисто теория – Бесов Нос – Место и Время)

Белая Книга

Не надо быть Эйнштейном, и даже Оппенгеймером, чтобы догадаться, что начиная с 1954 года «топонимический кластер» Новой Земли оказался целиком накрыт непроницаемым информационным саркофагом. Новая Земля попала под гриф совершенной секретности.

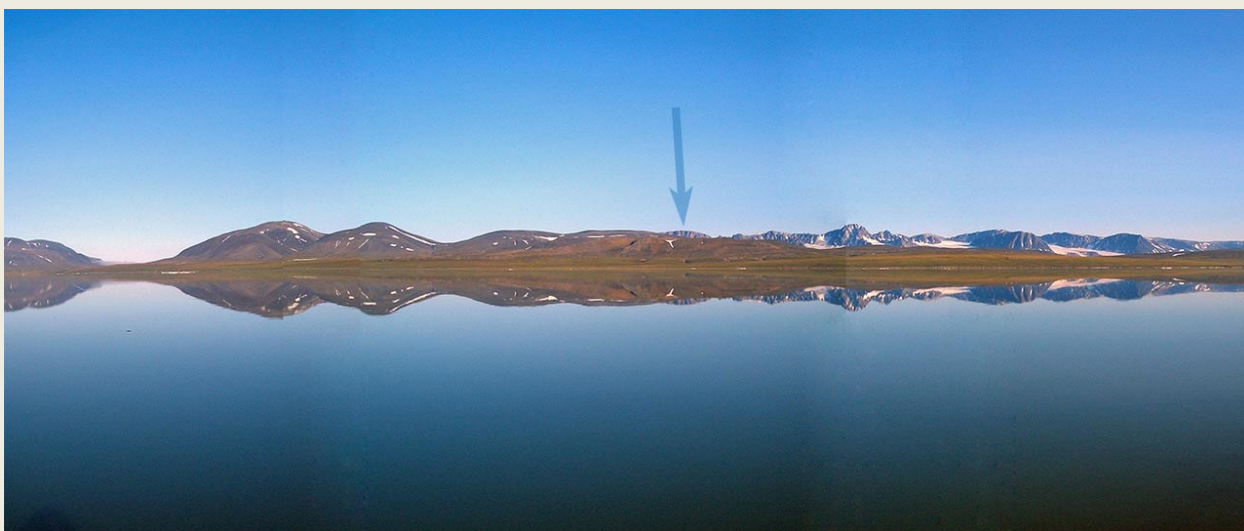
Где-то к 1963 году термоядерные взрывы на боевом поле «Д-2» прекратились, но от этого информационный колпак, накрывавший и Остров, и Залив, и Камень, стал ещё более глухим. С объекта ушли дозиметристы, ушли прибористы, ушли аппаратики. А с ними исчезли и последние признаки земной жизни – всепроникающие и вездесущие организмы стройбата («Если не они, то кто»). При этом Небо Земное и Воды Небесные по-прежнему остались наглухо закрытыми на железный подвешной замок. Лишь солнце и ветер шлифовали пейзаж со своей отморозенной братией. И что здесь происходило в течение четверти столетия не знает уже реально никто.

Да что там кластер – само слово «Новая Земля» исчезло даже из служебного языка людей с допуском. Она стала просто «Архангельском-55», на крайний случай «Андермой-2». Лишь редкие смутные слухи, да нечёткие образы «кластера» доходили до материка в дембельских альбомах, случайно выплывая на дальнем заднем плане недофиксированных фоток дружбанов и корифанов с расстёгнутыми до колен воротничками, позирующих на камеру в южном посёлке «Северный» (также совершенно секретном), отделённом от «кластера» двумя водными преградами и горной цепью.

Так в интересующей нас зоне воцарилась наэлектризованная пустота, строжайше охраняемая по периметру всей мощью самой большой армии мира. Это чем-то напоминало Зону из «Пикника на обочине», вот только желающих подвизаться сталкерами здесь что-то особо не было видно.

[Илл. 14-03-02-1. Причал посёлка «Северный» на южном берегу пролива Маточкин Шар Новой Земли. Стрелкой указана гора Митюшёв Камень.]

[Илл. 14-03-03-1. Митюшёв Камень, чуть выступающий из-за близлежащей гряды (на изображении почти с ней сливается). Вид со стороны пролива Маточкин Шар.]

Молчание длилось 36 лет. Пушкин успел бы родиться, жениться и почти умереть. Пока свежий побег «топонимического кластера» не пробил, наконец, ледяной информационный купол и не вышел на поверхность.

В 1990 году появилась Белая Книга.

Впрочем, даже я смог разглядеть в ней Митюшёв Камень далеко не сразу. Объяснялось это не столько моей невнимательностью, сколько самой спецификой книги.

Семь лет спустя, в июле 1997, в прокат выйдет фильм «Люди в чёрном» (Men in Black). Там сотрудники некоего полностью засекреченного агентства занимаются спасением Земли, которую инопланетяне-аркиллианцы грозятся разрушить, если им не вернут их Галактику. Из достоверного источника становится известно, что в настоящий момент эта Галактика находится в созвездии Ориона, конкретно – в «Поясе Ориона» («on the Orion's Belt»), и земляне искренне неудомевают – причём тогда здесь они? Но аркиллианцы знать ничего не хотят, назначают крайний срок возврата, и для острастки дают мощный залп по Арктике.

К счастью, главный герой догадывается, что искомая Галактика, состоящая из сотен миллиардов звёзд, каким-то непостижимым образом вся уместается в маленьком брелке, который висит на ошейнике (belt) симпатичного рыжего котика по имени «Орион» (то есть – «on the Orion's belt», как и было сказано). В результате Галактика возвращена законным владельцам, а Земля – спасена.

[Илл. 14-03-04-1. Галактика, уместающаяся в маленьком брелке. Кадр из фильма «МИБ», 1997]

[Илл. 14-03-05-1. Спиралевидная галактика при близком рассмотрении.]

Также и Белая Книга являлась своего рода «галактикой на поясе Ориона». Ибо в ней была на практике реализована идея «компактирования» пространства – когда «огромное» полностью содержится внутри «малого». Только в случае с книгой это относилось не к физическому пространству, а к пространству семантическому, смысловому. Каббалисты приписывают аналогичное качество букве «йуд».

Уверен, каждый писатель в своей работе сталкивался с ситуацией, когда несколько сверхточно подобранных слов, вставших в некой уникальной последовательности, вдруг обретали ёмкость десятков тысяч слов обычных, применённых в последовательности менее обязательной.

Такие особые сочетания слов реально могут обладать потенциалом целой книги. Поскольку всё будущее содержание в них уже присутствует – как в маленьком семечке содержатся все будущие особенности цветка, которому ещё только предстоит из него вырасти.

Или скажу немного по-другому. Такие сочетания слов представляют собой род «формул», или «уравнений», фиксирующих некий закон природы. И из этих «уравнений» уже автоматически вытекает бесконечное множество predetermined (предопределённых) ими частных решений для всевозможных конкретных случаев.

Или может быть даже так. Отдельные сочетания слов по-видимому содержат в себе огромную семантическую энергию, которая при определённых условиях просто «взрывается», заполняя всё окружающее пространство заложенными в ней смыслами.

Итак, в 1990 году появилась Белая Книга, «книга-галактика». Точнее – книга, состоящая из 137 «текстов-галактик» (так называемых «варт»), связанных между собой сложным образом. Благодаря этим связям книга обретала принципиально ветвящуюся структуру, а количество траекторий возможного её прочтения стано-

вилось астрономически велико. Бесконечное разнообразие последовательностей «варт», каждая из которых при этом представляла собой «галактику» смыслов – вот где пытливому наблюдателю предстояло разглядеть следы «топонимического кластера» Новой Земли.

То, что каждый «текст-галактика» (насчитывающий всего десяток-другой слов) обладает потенциалом целой книги, было отнюдь не фигурой речи. В этом я убедился лично, попытавшись написать краткие комментарии к отдельным «вартам» – и даже не к ним самим, а к отдельным входящим в них словам. Результат был катастрофичен. Комментарии всего к двум словам из «варты» № 66 («Звезда») и одному слову из «варты» № 81 («Рок») – я и глазом не успел моргнуть, как они сделались отдельными книгами, при этом даже и не приблизившись к раскрытию соответствующих тем.

Опыт оказался поучительным. Я понял, что взялся за задачу не своего уровня. Чтобы не ходить далеко за примером. В комментарии к «варте» № 66 мне пришлось вначале рассмотреть и сравнить две взаимоисключающие гипотезы происшедшего. При этом получалось, что если исходно принять «гипотезу-1», то прямым её следствием становилось то, что на самом деле верна была не она, а «гипотеза-2». Если же принять «гипотезу-2», то из этого с неизбежностью следовало, что верна была всё-таки «гипотеза-1». Этакий сюжетный «лист Мёбиуса».

Это чем-то напоминало Софокла, один из героев которого, добросовестно начав следствие по рутинному уголовному делу, шаг за шагом приходит к неопровержимому выводу, что преступником (не в моральном смысле, а в самом что ни на есть юридическом) на самом деле являлся он сам.

Так вот. В упомянутом выше комментарии к «варте» № 66 опытный глаз уже вполне мог бы различить отблески «топонимического кластера» Новой Земли. Но мой не различил. И лишь когда данный комментарий (как я уже сказал – совершенно недостаточный для раскрытия темы) породил в свою очередь соответствующий фрагмент «Апологии Белой Книги» – тут уж даже я не смог не увидеть Митюшев Камень во всём его блеске и сиянии. Фрагмент этот («Белые трусики Греты Гарбо») я уже приводил в одном из предыдущих эпизодов.

Итак, в 1990 году посредством Белой Книги нежный росток пробил информационный саркофаг и «топонимический кластер» Новой Земли вышел на поверхность.

В заключение лишь остаётся привести в качестве примера один небольшой комментарий к одному из слов «варты» № 107 («Полёт»), тематически примыкающий, как я теперь вижу, к истории о Граде Небесном во льдах Новой Земли. О губительной силе хроматизированных гармоний.

107.

Вкратце, так.

Профессиональный киллер Брунгильда («Хильда») получает от верхнеасгардского авторитета Вотана (Валерия Тамазовича) заказ на некоего Зигмунда («Зига»).

Конкретно к Зигу у Вотана претензий нет. И хотя Зиг, только недавно вышедший из леса, успел уже себя проявить, что-то там неподелив с валгальскими и положив не то двоих, не то четверых – это их дела. Но существуют некие расклады.

Дело в том, что к самому Вотану серьёзные люди имеют вопросы. Все хорошо помнят, как он наехал на Альбериха, а потом развёл на ровном Фафнера, в результате чего тот впустую завалил собственного партнёра. Есть мнение, что он, Вотан, и своих ребят пытался кинуть. Нехорошо.

А тут по всему сложилось, что если сейчас сделать Зига – но так, чтобы свалить на кого-нибудь из валгальских – то можно будет вокруг этого что-то изобразить. Такая вот у Вотана думка.

Всего этого он Хильде, разумеется, не говорит. А поёт стандартную в таких случаях песню, что, мол, Зиг – беспредельщик, тухляк, мочило, сдаёт ребят и тому подобное. Хильда не входит в эти подробности. Она берёт задаток и без лишних вопросов начинает готовить презентацию.

Сделать всё нужно в следующий четверг в одном ночном клубе, где у Зига забита стрелка со звеньевым валгальской бригады Хундингом («Хунхузом»). Хильда идёт осмотреть место, и там у барной стойки к ней подсаживается хрупкая блондинка с припухшими губками и мокрыми от слёз огромными зелёными глазищами. И начинает неумело хлестать один мартини за другим. Хильда перебрасывается с ней парой слов – и уже через двадцать минут девушки оказываются дома у Хильды, а ещё через двадцать секунд – в её постели.

Утром Зиглинда (так зовут блондинку) заявляет, что ей некуда идти. Вчера она сбежала от мужа-бандита, и теперь он её разыскивает, чтобы убить. Бежать Линде помогал её брат, которого муж уж точно убьёт, если до него доберётся. И как зовут мужа? – затягивается Хильда. – Хунхуз, – выпускает струйку Линда. – А брата? – Зиг.

Это становится уже интересно. Если так пойдёт и дальше, чего доброго и заказа можно лишиться, а Хильде этого не нужно. Она встряхивает Линду в кеды «от версаче» и девушки бросаются на поиски Зига.

С ними происходят разные приключения, по ходу которых Хильда узнаёт от Линды всё больше и больше о её брате. Постепенно она понимает: Зиг вовсе не такой, каким пытался выставить его Вотан. Это – реально мужчина. Мужчина, какой встречается женщине раз в жизни. Просто он немного запутался, как запуталась теперь и сама Хильда. Она чувствует, что по-уши втрескалась в Линду, но сквозь эту любовь начинает проступать другая, ещё более сильная (хотя и заочная) любовь к Зигу.

Между тем наступает четверг. Работа есть работа, её никто не отменял. Хильда берёт свой ствол, засовывает в лифчик две запасные обоймы и едет в упомянутый ночной клуб, оставив Линду крутиться дома перед

зеркалом в новом дизайнерском платье из сегмента газа и в туфлях на хрустальных шпильках.

В клубе Хильда заходит в бар, лениво отмахивается от нескольких встрепенувшихся было бакланов и занимает огневую позицию у стойки. Она ещё ничего не решила.

Вот прикатил Хунхуз со своими быками. Да уж, действительно, один вид чего стоит! Линда в своих описаниях скорее смягчала тона, чем сгущала. Даже представить невозможно, что Линда могла с этим каба... И тут входит Зиг.

Хильда встречается с ним глазами и мгновенно делает свой выбор: она не станет стрелять. Наоборот, сегодня она будет его ангелом-хранителем. И завтра, и послезавтра, и всегда. Утром они возьмут Линду и уедут втроём далеко-далеко, на сказочный остров Лангкави в заповедном Андаманском море, поселятся там в камышовом домике на берегу лазурного залива и будут растить на огороде киви и папайю а по воскресеньям вместе ходить в маленький сельский тир.

Но сейчас надо следить в оба: базар уже покатил. Впрочем, разговор, слава богу, идёт чисто по-понятиям. Постепенно Хильда успокаивается: по многим признакам она видит, что устраивать мокрые разборки Хунхуз сейчас не рискнёт. Поорут и разойдутся.

Хильда подводит губы и заказывает себе ещё один двойной «торцевик» с «трещёткой». За соседней стойкой она замечает знакомое лицо. Брюнетку зовут Гельмвига, Хильда видела её пару раз у Вотана. Интересно, что она тут делает?

Гельмвига тоже замечает Хильду, очаровательно ей улыбается и тоже лезет в сумочку за помадой. «Как – что? – отвечает сама себе Хильда, улыбаясь не менее очаровательно в ответ. – Это Вотан решил подстраховаться и прислал дублёра». Гельмвига тем временем достаёт из сумочки огромный чёрный пистолет системы Стечкина, заряженный базальтовыми пулями, и трижды стреляет в Зига.

Что за этим в подобных случаях обычно следует, читатель знает лучше нашего. Стреляют все во всё. Потоками хлещет битое стекло, тучей летит мраморная крошка. Хильда, прикрыв голову руками, ползёт вдоль стойки, натывается на неизвестно откуда взявшуюся здесь Линду в одной туфельке на хрустальной шпильке, сгребает её в охапку, ныряет с ней в приоткрытую дверь чёрного хода – и тут их обеих взрывной волной выносит на свет.

Раннее утро. Чёрный джип стоит по пояс в росистой траве на берегу маленькой сонной речки. По лощинам и над водой стелется туман. Двери джипа открыты.

Линда только что закончила свой рассказ. Хильда курит, уставившись в одну точку. Она сейчас узнала, что Линда была Зигу не совсем сестрой. Точнее – не только сестрой. Короче, у неё от Зига будет ребёнок. Но это

ещё не всё. Хильда узнала, что и она, Хильда, сама приходится Линде сестрой, правда – только по отцу. Спасибо и на том.

На противоположном берегу речки из тумана показывается телега, гружёная пустыми молочными флягами. Сухонький мужичонка в обмятой солдатской шапке и разных сапогах не спеша правит к броду. Пегая лошадь фыркает, нюхает мокрый песок, но входить в холодную воду не торопится. Потом входит. Выбравшись на другой берег, она шумно выдыхает пар и останавливается.

Хильда целует Линду в губы и сажает на телегу. Туда же она ставит и перевязанный бельевой верёвкой потёртый фибровый чемодан, набитый пачками сингапурских долларов. Возница дважды чмокает, и лошадь трогает шагом. Телега медленно удаляется. Сцена тянется невыносимо долго. Ртутное озерцо росы лежит наклонно на махровом листе крапивы. Тускло светят ультрафиолетом размытые цветки репейника. Наконец, телега скрывается в тумане. Последнее, что видит Хильда сквозь сомкнувшуюся пелену – это слабый блик на хрустальном каблучке туфельки Линды.

Хильда заводит двигатель и выруливает на шоссе. И тут вступает та музыкальная тема, ради которой мы и затеяли это описание.

Утро, пустая правительственная трасса. На Николину Гору в полной тишине рассекают на девяти чёрных джипах члены верхнеасгардской бригады, девушки-киллеры. Они едут на дачу к Вотану, на разбор полётов. За рулём одного из джипов – Хильда.

Все уже знают. И Хильда знает, что они знают. И они знают, что она знает, что они знают.

Хильда включает автомобильную магнитоу, и в салоне раздаются первые звуки симфонической картины «Полёт валькирий» («Walkurenritt») в записи Берлинского филармонического оркестра под управлением Герберта фон Карояна. Джипы всё быстрее несутся по пустынному шоссе. Хильда выводит звук на полную мощность и включает пятую передачу. На этом варта 107 («Полёт») заканчивается.

(«Белая Книга», комментарий к варте 107)

В поисках Кремля

11 мая 1990 года умер Венедикт Ерофеев.

Я был на его отпевании и поцеловал на прощание его холодный лоб. Выйдя на улицу, я разрыдался. Это был один из двух случаев в моей жизни, когда я плакал по человеку, с которым никогда не был знаком лично. Было это 16 мая.

Как-то оно удивительно всё сложилось. Ровно за сорок дней до этого мне ко дню рождения подарили экземпляр альманаха «Весть», в котором я натолкнулся на небольшой текст, по объёму – повесть. На тот момент я был уже достаточно про-

двинутым писателем, автором не менее дюжины циклов разных крутых сочинений. А потому периодически появляющиеся публикации новых «неизвестных гениев» я воспринимал через фильтр некоего скепсиса, тем более, что такие «открытия» выплывали тогда чуть не ежемесячно.

Но эта повесть, обозначенная автором как «поэма», меня просто раздавила. Я и представить себе не мог, что можно *так* писать. Я и до сих пор не могу этого представить.

Мне самому это кажется сейчас невероятным, но тогда к своим 33 годам я не только не читал поэмы «Москва – Петушки», но даже ничего о ней и не слышал. Так что это был для меня просто «некий текст некоего автора». И буквально с первых же строк я понял, что имею дело с чистой воды гением (безо всяких кавычек), понял ясно и окончательно.

И вот сорок дней спустя я стоял у его гроба в Храме Ризоположения Господня, что на Донской.

И я понял, что должен сделать одну простую вещь. На сороковой день сесть в электричку «Москва – Петушки» и проехать на ней весь описанный путь, синхронно движению читая великую «поэму».

Я рассказал о своём намерении друзьям. И им идея понравилась, один из приятелей вызвался обзвонить знакомых. Так, 19 июня 1990 в электричке «Москва – Петушки» состоялись «1-е Ерофеевские чтения». О наших планах стало известно газетам, и на перроне я увидел множество знакомых и незнакомых мне людей, пришедших почтить вместе с нами память гения. Это был лучший мне подарок.

Между смертью Венедикта Ерофеева и «1-ми Ерофеевскими чтениями», в эти сорок дней произошли три важные события моей творческой биографии. Но к нашей теме это отношения не имеет.

Чтобы с этим закончить, скажу, что «2-е Ерофеевские чтения» прошли год спустя, уже в Москве. Состояли они в поисках Кремля и завершились на сороковой ступеньке в неизвестном подъезде.

А теперь к нашей теме.

Ерофеев родился в Кандалакше и вплоть до окончания школы жил в Кировске. Так что первые 16 лет своей жизни он провёл в Заполярье, в Арзарете Гийома Постеля. А потому когда у него Колумб вместо Америки открывает Новую Землю, это не оговорка, а проговорка.

...первым человеком, из состава Коломбовой экспедиции, первым, ступившим на **Новую Землю**, – был иудей-марран Луис де Торрес!

(«Вальпугиева ночь», акт 4)

Далее. На пути к Граду Небесному (в данном случае – Петушкам) находится Камень. И мало кому дано преодолеть его.

Помолитесь, ангелы, за меня. Да будет светел мой путь, да не

преткнусь о **камень**, да увижу **город**, по которому столько томился.

(«Москва – Петушки», Реутово-Никольское)

До Рая ещё нужно дожить. Он исполнял единственное и высшее предназначение, начертанное временем – *перемещаться*. А потому – где-то между Райчихинском и Адлером, между Воскресенском и Благовещенском, между Римом и Таримом, между Напой и Анапой, между Алабамай, Алабиным и Алабяном, между Хибиногорском и Загорском, да, там, на верхней полке – спокойно в натуре списал Парадиз, в дороге сменивший имя с настоящего на стоящее, и при первом же упоминании, исходно в форме производной от пустой болтовни, полезший в окно светлого будущего при незапертой двери.

И, наконец – общий диагноз моей стране, поставленный писателем. По крайней мере так, как я его понял:

...этой бедной России, заблудившейся на [Новой] **земле**

(Венедикт Ерофеев, Записные книжки)

И ещё к вопросу о предчувствиях. У Ерофеева есть интересная дневниковая запись, сделанная в день первого прохождения по Суэцкому каналу каравана судов после длительного перерыва (о чём будет сообщено только два дня спустя) – ровно в то время, когда лучшие умы поколения, разрушенные безумием, вдохновенно правили на южном берегу Гибралтара чужое пока ещё Слово.

Эта дневниковая запись представляет собой описание одного рутинного происшествия, случившегося с автором в тот день при переходе им улицы рядом с домом профессора Соколова. При этом данное происшествие прохожие интерпретировали одним образом, а сам автор – совершенно другим, нарочито гротескным. Общий же посыл этой записи таков: доверять следует не видимым «событиям», и тем более не их «интерпретациям» (как сторонним, так и авторским) – а единственно прямым и непосредственным «ощущениям».

А ощущения эти, будучи очищены от помех событийного фона, были у автора записи в описываемый момент таковы:

Что-то <...> неожиданно меня остановило <...> наполнило меня до отказа мистическим трепетом. <...> Я разрыдался.

(Венедикт Ерофеев. «Записки психопата», тетрадь IV. Запись за 7 апреля.)

И это по большому счёту всё, что мы достоверно знаем об этом эпизоде.

В тот звонкий весенний день, мощный внешний импульс остановил будущего автора поэмы «М. – П.» посреди улицы, лицом точно на северо-восток, и наполнил его душу мистическим трепетом – так, что он просветлённо заплакал. В мире случилось что-то большое и светлое. Дата записи – 7 апреля 1957.

В тот же день газета «Алтайская правда» опубликовала на третьей полосе сообщение о Белой Книге.

Чисто теория

Как мы помним из предыдущих глав, одно из трёх самых сильных за последние 200 лет частных солнечных затмений над Митюшёвым островом произошло в 1990 году, утром 22 июля. И хотя «объект-700» продолжал пребывать совершенно секретным, незамеченным оно не осталось.

Лунная тень покрывает земную поверхность в 5 часов 53 минуты летнего московского времени вблизи Таллинна, затем пройдёт через [...] Новую Землю...

В полосу затмения 1990 года направилось несколько десятков советских и иностранных экспедиций.

(газета «Правда» от 20 июля 1990, «Свет соседней звезды»)

Результаты работы «нескольких десятков советских и иностранных экспедиций» мне неизвестны, но прямо на следующий день после затмения, 23 июля, в венгерском городе Шопрон (Sopron) открылся один научный семинар. Это достаточно рутинное по формату мероприятие определило по факту ход истории. Одним из участников этого семинара был молодой и мало кому известный учёный Егор Гайдар.

Именно на этом семинаре и была разработана (как чисто теоретическая возможность) некая экономическая программа, способная, если что, предотвратить катастрофический коллапс экономики одной шестой части суши. Гайдар проходил по секции «Механизмы экономической стабилизации».

Никто тогда и предположить не мог – и меньше всех сам Гайдар – что именно эту программу, подготовленную для достаточно абстрактных надобностей, придётся воплощать в жизнь уже год спустя. И не кому-нибудь, а ему самому. Но так случилось, что когда экономика таки рухнула, разработанный впрок план спасения страны оказался в руках конкретно у него. Дальнейшее мы знаем.

Пройдёт ещё год и в последний день своего полноценного нахождения в правительстве, в канун открытия очередного съезда депутатов (в ходе которого он будет отправлен в отставку), 30 ноября 1992 года Гайдар успеет подписать распоряжение № 2195-р, третий пункт которого впервые обяжет военных определить, наконец, порядок доступа на Новую Землю гражданских лиц:

Минобороны России и МБ России [предписывается] довести до [перечисляются ведомства] порядок допуска на территорию архипелага Новая Земля представителей органов государственного контроля и надзора.

Подпись: Е. Гайдар

А второй пункт этого распоряжения даст толчок изысканиям, которые уже в следующем году покажут наличие в непосредственной близости от «М-кластера» (в частности – губы Митюшихи) сказочных россыпей «цезия-137», изначально на

Земле не существовавшего («Новоземельский полигон: обеспечение общей и радиационной безопасности...», с. 409, таб. 10.1. М., 2000).

Через две недели после подписания данного распоряжения Гайдар будет снят со всех должностей и в стране начнётся большая качка.

К слову, самого Егора качала в своё время в колыбели моя «тётя Женя» – та самая, которая с Базановым записывала на Печоре былины про Василия Буслаева и Чурилу – помните?

Нет, она не работала у Гайдаров няней. Хотя можно сказать и так.

«Тётя Женя» жила тогда в Одессе, преподавала на кафедре филологии Новороссийского университета и писала диссертацию по раннему творчеству Аркадия Гайдара.

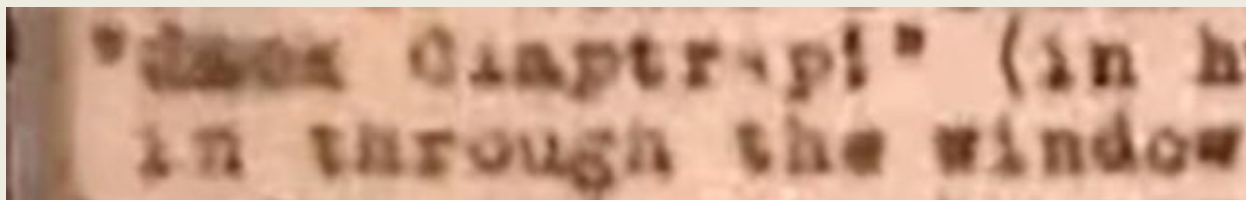
Приехав однажды в Москву в научную командировку, она, лишённая всяких комплексов, заявила прямо домой к сыну писателя, Тимуру, и попросила разрешить ей работать с семейными архивами. Тимур от неожиданности согласился, но с одним непременным условием – никакие материалы ни под каким предлогом не могут быть вынесены за пределы квартиры.

Делать нечего, Женя стала каждое утро приезжать к Гайдарам и там на кухонном столе работать с документами. Хозяева посмотрели на это, посмотрели – и предложили ей поселиться у них, благо условия позволяли.

Так «тётя Женя» стала жить у Гайдаров. Как-то хозяйева, уходя утром на работу, попросили её заодно присмотреть за их малышом, Егоркой, ещё вполне колыбельного возраста.

Поначалу юный Егор воспринял эту идею в штыки. Но надо знать «тётю Женю»! Уже через час они совершенно подружились. И когда командировка Жени подошла к концу и она стала собираться домой в Одессу – Егор, не в силах вынести предстоящей разлуки, проревел весь день и всю ночь. Ну а потом наступил 1990 год.

Я сейчас вдруг подумал, что одна фраза в предыдущей главке может кому-то сходу показаться не совсем понятной. Так что, от греха, поясню-ка её дополнительно ещё и иллюстрацией:

[Илл. 10-07-02-1. «**** Claptrap!», апрель 1951, авторская рукопись. Частная коллекция, Кармел (Индиана).]

Ну вот, совсем другое дело. Теперь я спокоен.

Бесов Нос

В те самые дни, когда Егор Гайдар в блестящем Шопроне изучал способы управления беснующейся экономикой, я в дремучем Заонежье изучал петроглифы Бесова Носа.

Мы с женой поставили палатку в устье Чёрной речки и целыми днями ползали по уходящим под воду заглаженным скалам, отыскивая и снимая на чёрно-белую плёнку фантастические по красоте наскальные рисунки позднего неолита.

А ведь, по-хорошему, мне полагалось в это время заниматься совсем другим. Надо мной домокловым камнем висел сверхсрочный заказ на перевод стихов нескольких калифорнийских поэтов, которые вот-вот должны были явиться в Москву на первый советско-американский поэтический фестиваль.

Но я всё-таки поехал на Бесов Нос, взяв с собой пол-рюкзака специализированных словарей. И вечерами у костра, когда нельзя уже было заниматься петроглифами, я переводил диковинные заокеанские слова, как мог.

Одним из поэтов была Алека Чейз (Aleka Chase) из Сан-Франциско. Её стихи давались мне особенно тяжело. Взять, например, её стихотворение о Вере («A Poem of Belief») – как это вообще понимать? Она это что – серьёзно? Но выходило что вроде как да.

Ну, хорошо. Раз так, то для хоть сколь-нибудь адекватного переноса смысла её строк на культурную почву моего народа, я посчитал необходимым ведущиеся в оригинале «разговоры о Вере» заменить столь же бессмысленными в своей глубокомысленности но более привычными нам «разговорами о Смысле Жизни». Наличие в переводе прямой речи предполагалось условиями задачи.

Отмахиваясь от комаров, я сделал несколько пробных вариантов. В печать потом попал, разумеется, самый плохой их них. Пару чуть менее плохих вариантов могу продемонстрировать сейчас. Для возможности объективной оценки вначале приведу оригинал:

A Poem of Belief

Talk about belief,
how necessary and false it is,
why we «make ourselves important
by doubting.»

What is there to believe?

In supermarkets, banks, hospitals
I watch people
tearing shreds of definition from activity,
dredging power
from the uniforms of their lives.

– And we
 turn inward, to ourselves,
 each other. We enter the garden,
 city streets,
 nights of too many stars,

 too many stars within us.
 It is not darkness we fear.
 We choose our greed, we can afford
 the luxury of doubt

А вот пара моих жалких переводов:

***

(вариант №2)

О смысле жизни говорить –
 ну что тут скажешь без стакана!
 Ещё и эта икебана
 назло поставлена на вид...

– Что Вы имеете ввиду?
 О смысле, в смысле, *этой самой*?

– А *то* – что как я ни пойду
 пойти пройтись к универсаму –
 так просто толпами народ
 в просодиях спасенья ищет.
 Причём что Химки, что Мытищи...
 и ведь находит, старый чёрт!

У нас же всё наоборот...
 поэтов, то есть, поневоле.
 Всего себя засунешь в рот –
 и ждёшь сидишь: а вдруг что скажешь.

Так и сидишь. А между тем
 насмотришься внутри *такого*...
 И остаёшься в темноте,
 захлопнув дверь на полусло-

***

(вариант №5)

Расскажи о любви.
 Ну а нет – так хотя бы о вере,
 или нравственном стержне, надежде...
 то есть, значит – всё той же любви.

– Дорогая редакция,
 вы верите в настоящую любовь?

Встречается ли вообще она в жизни?

Ща, посмотрим...

В магазине, травмпункте и в банке
побывал наш корреспондент.
Вот что он рассказал:

«Народу полно, это точно,
а с «любовью» тут, значит, так.
Население тащит что может,
в изобилии черпая смыслы
в ежедневности жизни. Любовь же
каждый пятый сказал, что видал.»

Обратились мы и к поэтам.
Те прислали нам свой пресс-релиз:

«Мы, поэты,
сообразуясь с производственной необходимостью,
направляем наши взоры исключительно внутрь себя,
а потому,
пользуясь случаем,
просим правительство выделить нам часть парка
под садоводческое товарищество,
темнота дела нас не страшит.»

Надеемся, мы ответили
на твой непростой вопрос.

Это всего лишь наброски, понятно. А рассказал я об этом вот зачем.

Так вышло, что книга Алеки Чейз «Начальные затруднения», которую я тогда переводил, так и осталась единственной её книгой, по крайней мере единственной изданной. И глядя на это с высоты времени, я бы теперь перевёл её название скорее как «Начало трудностей».

Короче, больше книг у Алеки Чейз уже не было. Вообще, поэты живут мало. Но Алека не умерла. Вместо этого она окончила ещё один институт и стала профессиональным психоаналитиком. Насколько я могу судить, она практикует до сих пор. А потому она, в силу своей профессии, знает о работе мозга всё, что только можно знать. И это будет для нас важно.

Итак, в начале августа 1990 я на Бесовом Носу с переменным успехом переводил стихи будущего специалиста по правому и левому полушариям человеческого мозга. Настоящие трудности только ещё начинались.

Теперь о самих наскальных рисунках. Они были великолепны, но речь не об этом. Я, признаться, рассчитывал найти среди них что-то такое, что позволило бы мне прикоснуться к корням предвечных человеческих знаний, что дало бы способность повелевать силами природы, или даже самому стать такой силой.

В реальности же «примитивное искусство» оказалось реально примитивным. И отнюдь не в смысле изобразительной техники, бывшей как раз весьма продвинутой и даже изысканно-изохронной. Примитивной оказалась сама суть этого искусства.

Главной и единственной темой здесь являлась еда. Рисунки в своей совокупности давали отчётливую картину внутреннего мира их авторов. Жизнь – это процесс добычи еды. Смысл жизни – добыть еды побольше. Всё.

А потому достойна быть объектом изображения либо сама еда (то есть объекты охоты), либо процесс её добычи, либо требуемое для этого оборудование (капканы, дротики, лодки), либо (пока ещё редко) сцены передела территорий, на которых можно добывать всё ту же еду (вооружённые стычки).

Имелось также несколько рисунков (буквально единицы), на которых показывалось прямое следствие роста добычи еды. В этом случае популяция может позволить себе увеличить свою численность, задействуя процесс детопроизводства. Но это происходит само собой, не требует никаких усилий, а потому не заслуживает какой-то особой рефлексии. Главное – это добыть еду.

Вот какой «мудрый и предвечный» мир встал передо мной в сотнях и сотнях удивительно красивых рисунков, выбитых на гладких скалах Бесова Носа.

За исключением, пожалуй, одного изображения.

Термин «Бесов Нос» я везде выше использовал собирательно – для обозначения всего участка побережья с петроглифами, протяжённостью около двух километров. На этом участке имеется как собственно Бесов Нос, так и другие скальные мысы.

Упомянутый выше рисунок находился конкретно на мысе Пери Нос III, в километре к северу от самого Бесова Носа. Представлял собой этот рисунок поясной портрет человека. Вот каким он объективно предстал тем летом объективу моего фотоаппарата.

[Илл. 14-03-07-1. Рисунок на мысе Пери Нос III в Заонежье – поясной портрет человека с поднятыми вверх трёхпалыми руками. Фото автора.]

Первое, что привлекло в этой фигуре моё внимание, это – трёхпалые руки. К тому времени я успел уже убедиться, что древние художники Бесова Носа прекрасно умели считать, и там, где пальцы в принципе были нужны, их изображалось строго по пять. А тут почему-то было только три.

Для себя я понял это так. Главным рабочим инструментом тех людей являлся охотничий лук. При этом тетиву натягивают именно тремя пальцами. Таким образом из далёкого прошлого мне направлялось следующее послание: «Используй в своей профессиональной работе именно три пальца каждой руки».

При всей кажущейся абсурдности этого послания, для меня оно имело очень конкретный практический смысл. Главным моим «средством производства» была в то время пишущая машинка. Конкретно – югославская машинка «UNIS tbn de Luxe», красная, заводской номер 15-4967519, с великолепным мягким и чётким ходом, с двцветной лентой, с мелодичным хрустальным звоночком в конце хода каретки, короче – моя любовь.

Её подарил мне в своё время Женя Табаков. На тот момент у меня уже имелась машинка «Москва»; кто знает – меня проймёт. И вот Женя подвёл меня к этому красному югославскому чуду и, загадочно улыбаясь, предложил мне напечатать слово «ёжик».

Я обомлел. Ведь у моей «Москвы» не было и в помине буквы «ё». Короче, «UNIS» покорила меня сразу. И с того момента и вплоть до появления компьютеров я печатал

тал только на нём. Ибо «УНИС – это цветок лотоса свежесорванный, УНИС – тот, кто замиряет обе Земли» (Тексты Пирамид, 271).

Когда пишешь, важно не терять мысль. А она появляется буквально на доли секунды, а потом бесследно исчезает. Эта такая вспышка микро-молнии. Поэтому печатать приходится быстро, «слепым методом», всеми десятью пальцами. Чтобы это было возможно, каждому пальцу приписывается строго определённая группа букв.

Но это только так говорится – «десятью пальцами». Практически же, при «слепой печати» большие пальцы играют лишь вспомогательную роль, отвечая за одну-единственную клавишу – пробел. Поэтому собственно печать осуществляется оставшимися восемью пальцами, по четыре от каждой руки.

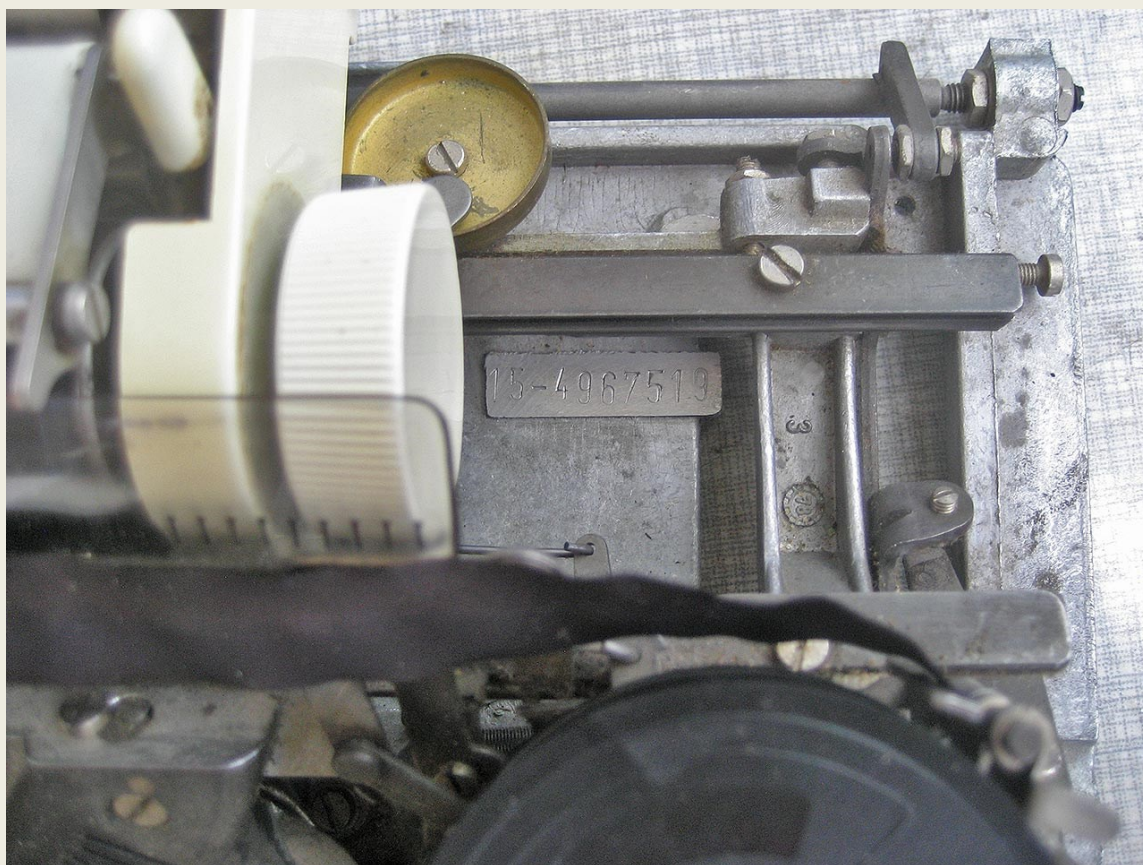
И вот теперь мне предписывалось печатать не четырьмя пальцами каждой руки, а всего тремя, без участия мизинцев.

То есть – отныне я должен был исключить из своих сочинений те буквы, которые при печати нажимают мизинцами – гласные «ё», «й», «я», «э», согласные «з», «ж», «ф», «х», а также – твёрдый знак «ъ».

[Илл. 14-03-08-1. Моя пишушая машинка – «UNIS tbm de Luxe». Кружками отмечены клавиши, которые при «слепой печати» нажимают левым и правым мизинцами.]

[Илл. 14-03-09-1. Номер машинки пробит на литой станине, под кареткой.]

[Илл. 14-03-10-1. «UNIS», заводской номер 15-4967519.]

В принципе, в этом не было ничего такого уж особенного. Мне приходилось писать тексты и с более сильными ограничениями. Но, всё-таки – с какой-то стати?

Я тогда не мог ещё знать, что под данный «критерий трёх пальцев» в будущем удивительным образом подпадут все до единого типы объектов нашего «топонимического кластера», известные на тот момент – «остров», «камень», «нос», «губа», «река», «наволлок», «пирамида» и «шар».

Как бы там ни было, данное прочтение «послания» было мной отвергнуто.

Прошла ещё пара дней, мы облазили мыс Кладовец. И почему-то вернулись на Пери Нос. И вот тогда-то в той поясной фигуре мне открылось послание уже настоящее.

Ведь что мы тут видим? Человека, чья голова отчётливо состоит из двух полушарий. При этом правое полушарие (человек смотрит на нас) – обычное, а левое – разомкнуто во внешний мир.

Сама по себе идея функциональной асимметрии мозга никаким открытием, понятно, не являлась. Но факт разомкнутости левого (логического) полушария дал моим мыслям ход, который завёл меня далеко.

Схематичное изображение головы человека с мыса Пери Нос III станет в будущем широко используемой графемой, обозначающей популярный мем «Слей левое». Что в свою очередь понимается, как пожелание собеседнику переформатирования его «понятийного поля».

Вот я и сказал. А ведь я не хотел здесь об этом даже упоминать. Поскольку данной теме собираюсь целиком посвятить отдельную главу этой книги.

Но раз уж сказал, то попробую кратко обозначить некоторые основные понятия «теории понятийного поля».

[Илл. 14-03-11-1. Графема, соответствующая мему «Слей левое».]

Начну с простого. Чисто технически, внешний мир «лётся» в человека в виде единого и неделимого континуума. Но чтобы иметь возможность эффективно реагировать на внешние воздействия, мозг обзавёлся способностью выделять из этого «расплава» отдельные «объекты» («понятия»), и в дальнейшем работать уже с ними. И если за контакты с исходным «потокм бытия» отвечает правое полушарие (интуитивное), то за работу с «объектами» – левое (логическое).

Таким образом единый мир распадается в мозгу человека на совокупность дискретных объектов-понятий, складывающихся, в совокупности, в более или менее единую «картину мира» (уже в кавычках, поскольку эта «картина» является не собственно «реальностью», а лишь её моделью).

Совокупность всех «понятий», которыми оперирует человеческий мозг, образует «понятийное пространство». Состоящее из взаимодействующих между собой элементов – отдельных «понятий». Поскольку на сцену у нас начинают выходить «взаимодействия», то правильнее будет говорить в дальнейшем о «понятийном поле».

Идём дальше. На каждое отдельное «понятие» всегда действуют две сторонние противоположно направленные силы. Назовём одну из них «силой склеивания» (аналог притяжения), другую – «силой деления» (аналог отталкивания). Вопрос о природе этих сил – достаточно праздный. Это силы фундаментальные, они есть потому что они есть, так устроен мир.

Но некую логику в существовании этих сил усмотреть можно. Так, любое слишком широкое «понятие» имеет тенденцию дробиться на более мелкие (более детальные), причём эта тенденция усиливается по мере роста значения для человека соответствующего аспекта бытия. Например, исходно просто «еда» с ростом благосостояния начинает распадаться на «фуа-гра», «пуле-о-гамба», «салат оливье» и «двойной чизбургер с сыром чеддер, помидором, салатом, кольцами лука, майонезом и горчицей».

И, наоборот, редко используемые понятия склеиваются в одно, более общее. Так, «супонь», «гужи», «псалии», «зга», «мартингал», «ногавки», «чумбур», «трэнзель» и «шпрунт» – все они по мере распространения двигателей внутреннего сгорания соединились в просто «конскую упряжь». «Склеивание» – жизненно важное свойство, поскольку новые «понятия» генерируются непрерывно, а количество объектов, с которыми может эффективно работать мозг, ограничено. И механизм «склеивания» высвобождает место для новых «понятий», более нужных в изменившихся условиях.

Итак, на любое «понятие» всегда действуют две встречно направленные силы. В результате, каждое «понятие» в процессе непрерывного «деления» и «склеивания» в конце-концов приходит к точке, где эти силы уравнивают друг друга. Эта точка равновесия соответствует стационарному состоянию этого «понятия». А когда все «понятия» стационарны, то «понятийное поле» целиком тоже стационарно. И мир – понятен, по крайней мере определён. До этого момента всё было тривиально.

Однако совершенно ниоткуда не следует, что у «понятий» существует только одна точка равновесия. Теоретически, их может быть две, три, и сколько угодно. И тогда становится возможным (и даже весьма вероятным при изменении внешних условий) самопроизвольный переход «понятия» в другое квази-устойчивое состояние.

Всё бы ничего, но вспомним, что наша «картина мира» представляет собой род «пазла», где «понятия» плотно притёрты друг к другу – что и обеспечивает нам целостность восприятия бытия. И если один из элементов этого «пазла» существенно меняет свой размер и форму, то соседние элементы вынуждены подстраиваться под это изменение. Однако изменяться они могут отнюдь не произвольным образом, а только «перескакивая» в свои новые точки равновесия. В результате, примыкающий к ним снаружи следующий слой элементов также вынужден будет измениться – и так далее. В результате волна перестройки «понятий» будет расходиться всё шире и шире – пока не охватит всю нашу «картину мира». Сам мир останется, конечно, прежним, но наше разбиение его на элементы-понятия будет уже другим.

Физическая возможность такого «лавиного эффекта» определяется тем, что исходное наше разбиение «картины мира» на элементы не является единственно возможным. И даже, не исключено, не является оптимальным. В этом разбиении есть доля случая и, как ни странно, негласной общественной договорённости.

Так что вполне возможно, что возникшая в результате перестройки новая конфигурация «понятийного поля» окажется даже более удачной, чем наша текущая, и позволит нам более эффективно реагировать на вызовы изменившегося мира. В

котором, например, «лыжи» и «трубчатость» сольются в одно понятие, а «перегрев», наоборот, разобьётся на целый спектр тонких дефиниций, соответствующих различным видам аномального увеличения кинетической энергии молекул.

В результате, люди получают новый «понятийный аппарат» – более современный и мощный. Вроде бы это хорошо. Но есть здесь одна проблема.

Далеко не все «точки равновесия» того или иного «понятия» являются устойчивыми. А это значит, что при малейшем отклонении от такого квази-равновесного состояния, процесс может пойти вразнос. Так, по мере расширения «понятия», действующая на него «сила склеивания» будет не уменьшаться, а тоже увеличиваться – а противостоящая ей «сила деления», наоборот, будет уменьшаться. В результате, «понятие» начнёт расширяться неограниченно – пока полностью не вберёт в себя все остальные «понятия», составлявшие нашу «картину мира».

Процесс может пойти и в противоположном направлении. Случайно сдвинувшееся «понятие» начнёт неконтролируемо дробиться, забивая наш мозг микроскопическими частицами «понятийной пыли».

Обе ситуации для организма фатальны. Воспринимаете ли вы мир посредством одного-единственного сверх-понятия (вроде «orooni» Слима Галларда), или оперируете триллионами триллионов столь мелко детализированных «понятий», что они на практике уже не означают ничего – в обоих этих случаях адекватно реагировать на внешние воздействия становится невозможно. Если в вашей операционной системе нет понятия «холод», то вы не сможете правильно истолковать испытываемое вами ощущение дискомфорта и погибнете от переохлаждения, так и не догадавшись надеть лежащий рядом тулуп.

Итак, результат перестройки «понятий» может оказаться в принципе очень полезным, однако сам процесс связан с риском «схлопывания» нашего «понятийного поля», либо его полного «распыления».

Риски понятны. Остаётся теперь понять какую роль во всём этом играют «слова» (являющиеся епархией всё того же левого полушария).

На первый взгляд эта роль очень простая. Ведь «слова» – это ничто иное, как идентификаторы «понятий». Чтобы работать с «понятиями», мозг должен иметь возможность как-то к ним обращаться. Для этого и существуют идентификаторы, то есть – «слова».

В принципе, в качестве «слов» может быть использовано всё что угодно. Но поскольку мы живём в окружении упругого газа, то в качестве идентификаторов у нас прижились разные виды акустических колебаний. Но если бы мы жили в вакууме, то в качестве «слов» в обиход скорее всего вошли бы комбинации мигающих лампочек на лбу.

Итак, «слова» это просто идентификаторы «понятий». Мозг выстраивает «понятийное поле» и для обозначения отдельных его элементов использует служебные метки – «слова». Так что роль «слов» в фундаментальных процессах, протекающих в «понятийном поле», вроде бы достаточно скромна. Но в реальности всё обстоит несколько сложнее.

Дело в том, что у каждого конкретного человека мозг самостоятельно не выстраивает его «понятийное поле». Конкретный способ разбиения «картины мира» на отдельные «объекты» человеку навязывается извне – в процессе освоения им родного языка. Всё уже разбито до него – и это разбиение зафиксировано в словарном корпусе.

А потому на практике картина переворачивается с ног на голову. «Слова» из простых «служебных меток» превращаются в реальных «творцов Вселенной». Мы видим мир таким, каким нам велят его видеть «слова». И «язык» – это именно то, что стабилизирует (или – консервирует, как посмотреть) наше «понятийное поле».

Случаев успешного выхода со «старым языком» в «новое поле» мне не известно. Из предпринимавшихся попыток наиболее наглядной является следующая.

Все, наверное, в своё время обращали внимание, что насколько легко и увлекательно читать Канта – настолько же тяжело и зубодробительно читать Гегеля. Кант пишет кристально, убедительно, сжато и «интересно» – Гегель же кажется путаным, невнятным и «тёмным». При всём при этом у меня нет никаких оснований не доверять специалистам, утверждающим, что именно Гегель сказал о нашем мире всё, что только можно сказать существенного. Причина такого читательского диссонанса, полагаю, следующая. Гегель пользуется «обычным» языком для работы в координатах своего собственного, одному ему ведомого «понятийного пространства». Для всех без исключения «понятий» которого в нашем языке отсутствуют общепринятые обозначения («слова»). А потому Гегель вынужден выражаться длинно и не всегда удачно. Вместо ёмкого и всем понятного (в будущем) слова «джич», он вынужден писать целую страницу объяснений, пытаясь как-то растолковать это незаменимое (в его конфигурации «понятийного пространства») понятие. Увы – новое поле требует нового языка. (Или – ура!)

Итак, «язык» противостоит изменениям «понятийного поля». Но у этой функции «языка» есть и противоположная возможность. Да, «язык» является инструментом стабилизации. Но будучи применённым в обратном направлении (то есть изменённым специальным образом), он может, наоборот, стимулировать возникновение лавинообразного процесса переформатирования понятий. Говоря по-простому, особые сочетания слов способны «изменить мир» путём инициации глобальной перестройки «понятийного поля».

А чтобы облегчить языку эту задачу, нужно хотябы отчасти сбросить предубеждения левого полушария своего мозга. То есть – «Слить левое», как сказала бы сейчас Алека Чейз.

Кому-то может показаться, что данная теория косвенно подтверждает один из трёх главных тезисов «Алмазной сутры» – о ложности понятия «понятие». Но всё обстоит ровно наоборот. Автор сутры призывает нас (29 раз на протяжении относительно небольшого текста) полностью игнорировать «понятийное поле» как таковое. Любые «понятия» – вредны и ошибочны, и от их использования следует решительно отказаться.

Однако в рамках нашей теории с этим трудно согласиться. Это всё равно что, гуляя по строительным лесам, пытаться делать вид, что не существует гравитации – и призывать окружающих действовать в соответствии с этим представлением.

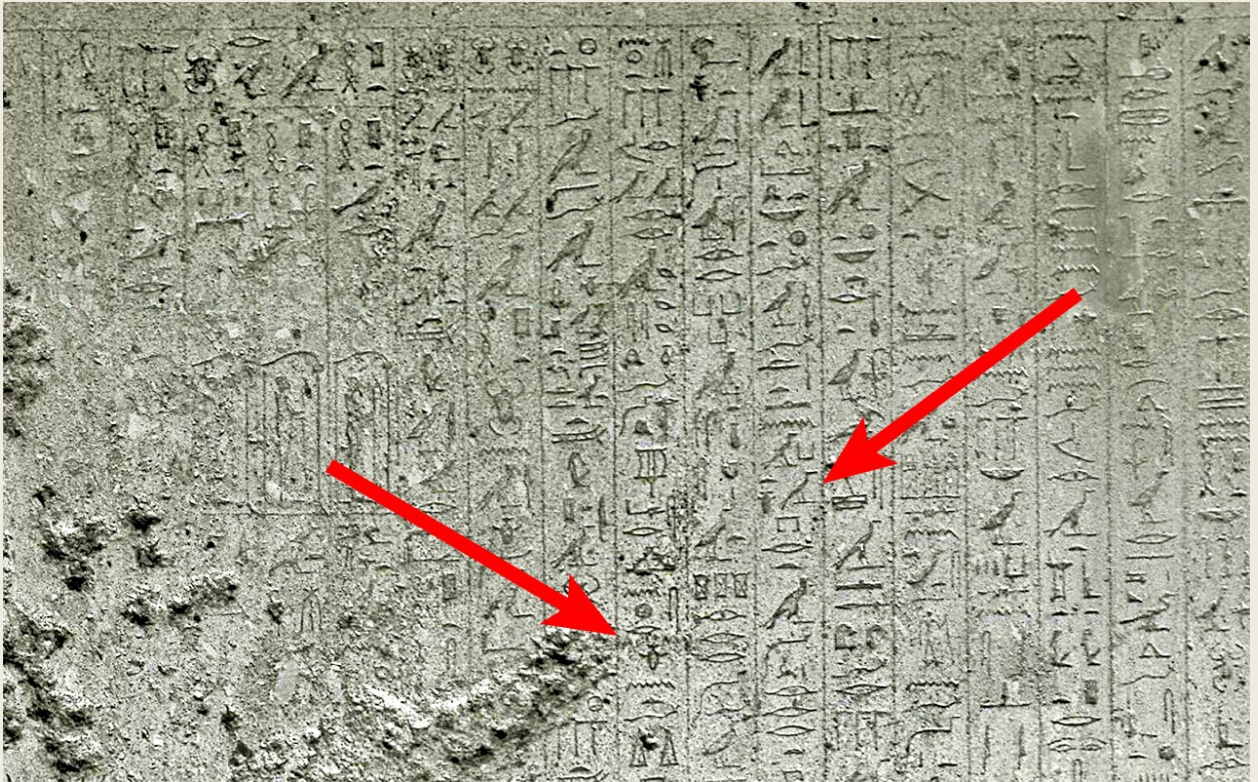
Второй тезис «Алмазной сутры» – о продуктивности стратегии отказа от собственного «я» – я прокомментирую, пожалуй, «благородным молчанием». А вот третий тезис – об абсолютном приоритете такого занятия, как чтение данной книги и продвижение её среди друзей и знакомых – я приветствую всей душой. Как и «отражения пузырей на воде», и «росу», кто бы тут спорил.

При всём при этом некоторое тематическое пересечение нашей теории и «Алмазной сутры» усмотреть при желании всё-таки можно. Оно заключается в ясном понимании того, что не следует абсолютизировать какую-то одну конкретную конфигурацию «понятийного поля». Любой текущий его вариант по-своему несовершенен и его можно пытаться улучшить – в том числе и путём глобального реформирования. Единственно, мы не знаем – что именно может стать катализатором этого процесса. Облачная морфема? Оттаявший мираж? ОМ мани падме хум? Остров-М?

Вот какое «послание» себе и миру увидел я в том наскальном рисунке в косых лучах закатного северного солнца, стоя у самого уреза воды на одной из пологих скал Бесова Носа в начале августа 1990.

Послание о том, что всего несколько правильно выбранных и правильно соединённых слов могут полностью перестроить «понятийное поле» человека – или его разрушить. А отсюда уже намечался мостик к пониманию «синдрома Арджуны».

И не надо тут задаваться самонапрашивающимся вопросом – а могли ли в принципе люди неолита знать о функциональной асимметрии мозга – или хотябы примерно понимать значение головы, как органа? То есть как чего-то большего, чем просто места крепления «датчиков» (изображения, звука, запаха и химического состава пищи), места топливо-воздухо-водозабора и генератора звуков? Другими словами, был ли в состоянии их мозг осознать, что он-то, собственно, и «осознаёт»? Могли ли они понимать, что именно головой они «думают»? Линии 56 и 58 «Камня Шабак» наводят на мысль, что вряд ли.

[Илл. 14-03-12-1. «Камень Шабак», фрагмент. Британский музей, ЕА 498. Стрелками указаны «линии» 56 и 58 (принята сквозная нумерация строк и столбцов). Читаем: «(56) Глаза видят, уши слышат, нос обоняет; они доводят воспринятое до сведения сердца; оно даёт выйти всякому умозаклучению; язык повторяет задуманное сердцем. <...> (58) Движение всякого члена совершается согласно этому приказанию, измышленному сердцем и сошедшему с языка». Надпись вырезана в VIII в. до н.э.; степень архаичности языка соответствует XXX в. до н.э.; ряд исследователей допускают более позднюю имитацию этой архаичности, вплоть до VIII в. до н.э.]

Но какое это всё имеет теперь значение!

Лучше ещё раз полюбуемся петроглифами Бесова Носа. Самая знаменитая здесь композиция – это так называемая «триада смерти», состоящая из «беса» (с прямоугольной головой и разными глазами), «выдры» и гигантского «сома» в натуральную величину.

[Илл. 14-03-13-1. «Триада смерти» Бесова Носа. Широкая горизонтальная полоса – это «сом». «Бес» – дальше и левее, «выдра» – ещё дальше, около тёмной расщелины на заднем плане (узкая горизонтальная полоска, видна плохо). Около головы «сома» (справа) видны два небольших плавника. В принципе имеются и глаза и усы, но на снимке они не проработались.]

Возможно именно этот сом четверть века спустя выплыл в следующих моих строках:

Мы ловили сомов на реке Парагвай,
где болота одни на пол тысячи вёрст,
и посёлок в ночи, из навесов и свай,
и кайманов глаза, словно россыпи звёзд.

Гиацинты плывут по реке Парагвай.
Днём и ночью плывут по течению они.
Только в это втянуть ты себя не давай:
не вернутся они, как ушедшие дни.

Вот чего здесь чего, а воды – через край.
Всё уносит она в царство вечной зимы.
Гиацинты плывут по реке Парагвай.
В небе тонет звезда. Тихо ходят сомы.

Место и Время

И ещё раз. В последний день декабря, буквально в последние часы 1990 года, появилась Белая Книга. И из глубины одной из её галактик с каждой секундой начал приближаться к нам «топонимический кластер».

2010: Активация кластера

После взрыва 1961 и последовавших за ним «ревуших 60-х», а потом и «бурных 90-х», можно было ожидать радикальных изменений в новоземельском «топонимическом кластере». Однако равновесие, хоть и неустойчивое, было тогда сохранено.

Но в начале 2010-х это равновесие решительно нарушилось. «Топонимический кластер» был активирован – хотя, по всей видимости, и непреднамеренно.

С того самого момента, как люди впервые увидели на Новой Земле гору Митюшёв Камень, существовало устойчивое представление о том, что в её недрах скрыты несметные сокровища. Эрик Пальмквист нанёс на свою знаменитую карту в этом месте недвусмысленную надпись: «Ruda» (1674). Капитан Фламинг сообщал о россыпях на склонах горы сверкающих кристаллов, предположительно алмазов (1688). Залив, омывающий Митюшёв Камень с юга, с самого начала известен исключительно, как «губа Серебрянка».

Однако за все 450 лет поисков – ни серебра, ни иных монетизируемых «приманочных» субстанций здесь найдено так и не было.

И вот наконец оно случилось. Уголь, замеченный здесь Русановым (1909), при взрыве сверхмощной водородной бомбы соединился с водородом (1961), что произвело на свет «угле-водороды».

Так или иначе, а на дне Баренцева моря у берегов Новой Земли нарисовалось огромное газо-конденсатное месторождение.

Как известно, углеводороды располагаются не где угодно, а имеют тенденцию скапливаться в особых геологических структурах, называемых «ловушками». Признаком «ловушки» является, в частности, локальное поднятие дна в морском желобе. И именно такой «ловушкой» и оказалось небольшое «поднятие» в открытом море к западу от Митюшёва острова. «Уловившее», как выяснилось, миллиарды и миллиарды кубов драгоценной субстанции.

Само по себе это открытие не стало совершенно уж неожиданным. Коллективная интуиция ошибается отнюдь не всегда, так что рано или поздно можно было ожидать обнаружения в окрестностях Митюшёва Камня чего-нибудь вроде залежей иридия, теллура или сланцевых месторождений стволовых клеток.

Но здесь вышло так, что при данном открытии углеводородов сдвинулось глобальное топонимическое равновесие.

Вообще, термин «поднятие» используется в океанографии для обозначения холмов на морском дне – относительно невысоких, именно что «поднятий». Понятно, что далеко не каждая неровность морского дна удостоивается отдельного названия, и даже мало какая. Но когда речь заходит о «миллиардах и миллиардах», то такое «поднятие» не может остаться безымянным.

В конце седьмой главы настоящей книги («Динамическая модель Шара») мы остановились на том, что изменение структуры новоземельского «топонимического кластера» (а именно – нарастание массы ядра при наличии неустойчивого

«изономного сателлита») привело к повышению его потенциальной активности. Однако возможностей для дальнейшего роста кластера тогда физически не существовало, поскольку все имеющиеся в окрестностях типы географических объектов и так уже были им задействованы («остров», «гора», «пролив», «мыс», «залив», «река» – а также, спорадически, «хребет» и «полуостров»).

И вот теперь в потенциальный топонимический оборот произвольно оказался введён совершенно новый класс географических объектов – «поднятия» морского дна.

Как и следовало ожидать, «топонимический кластер», активизировавшись, тут же «втянул» в свою орбиту свежий объект. Прирастая таким образом сразу двумя новыми единицами – топонимом «Митюшёвское поднятие», и карбогидронимом «Митюшёвское газо-конденсатное месторождение» (см. А. В. Ступакова, «Структура и нефтегазоносность Баренцево-Карского шельфа и прилегающих территорий», «Геология нефти и газа», №6, 2011, с. 101; Т.Л. Метлина, «Особенности нефтегазоносности Северного и Норвежского морей», автореф. дисс., СПб, 2007, с. 23; и др.).

Новые названия возникли, как и положено настоящим топонимам, не рескриптом той или иной инстанции, а «сами собой», в бурлящей и клокочущей стихии нормативно-технической документации. Проще сказать, как историческая необходимость. А возможно – и неизбежность.

Но в результате наш «топонимический кластер» (и так уже сверх-массивный) увеличился ещё больше. «Критерий трёх пальцев» больше не работал. М-баланс нарушился.

Был ли при этом преодолен порог, за которым может начаться неконтролируемая переструктуризация «понятийного поля» (с вероятностью его «схлопывания») – я сказать пока не берусь.

История эта ещё не закончилась.

Будущее

А история эта всего-то о том, что нематериальные объекты – такие как «идеи» или «смысловые структуры» – существующие, казалось бы, в своём собственном отдельном пространстве – прорываются временами в наш физический мир и меняют его как хотят.

Ли шуан цянь пин чжи.